Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЛИЧНОСТЬ И БЫТИЕ: ПРОБЛЕМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СО-БЫТИЙНОСТИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
Краснодар – Сочи, 27–29 сентября 2012 г.

Краснодар
2012

УДК 159.923:37/315.851
ББК 88.5:53.57
Л 66

Редакционная коллегия:
А.Н. Демин, В.В. Знаков, А.Н. Кимберг, С.Д. Некрасов, Л.Н. Ожигова,
З.И. Рябикина, Е.В. Улько, Г.Ю.Фоменко

Ответственные редакторы:
З.И. Рябикина, В.В. Знаков

Л 66 Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 212 с. 500 экз.
ISBN 978-5-8209-0813-2

Предлагаемое издание содержит представленные на конференцию доклады, отражающие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области проблем личности как субъекта со-бытия.

Адресуется психологам, философам, педагогам, социологам, работникам социальной сферы, а также всем исследователям проблем личности, ее бытия и со-бытия.

УДК 159.923:37/315.851
ББК 88.5:53.57

ISBN 978-5-8209-0813-2

© Кубанский государственный университет, 2012
© Институт психологии РАН, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Бытие современного человека динамично, изменчиво, разнообразно. К достижениям отечественной психологии, оказывающим самое активное влияние на приращение научного психологического знания, на интерпретацию психологической феноменологии человека, понимание закономерностей его поведения, следует отнести *субъектный подход.* Его возникновение и развитие связано с именами выдающихся мыслителей XX-го века. Среди них – Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.В. Брушлинский и др.

Особенностью современного этапа науки является незавершающаяся дискуссия об «исчезающем субъекте» (с одной стороны) и, одновременно, признание актуальности исследований личности как субъекта. Дихотомичность, разнонаправленность научного дискурса отражает диалектичность познания. В бытийной практике, с одной стороны, наблюдается нарастание прессинга социального контроля над личностью, с другой стороны, прослеживается естественное стремление человека использовать доступные ресурсы для наращивания своих возможностей, как субъекта своей жизни, субъекта своего бытия и со-бытия с Другими. Отсюда, запрос на более глубокую научную рефлексию закономерностей и феноменологии *личности как субъекта бытия*.

Одно из таких направлений анализа и интерпретации – сфера отношений личности с другими людьми. Это – одно из пространств бытийности, которое личность стремится организовать в соответствие со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве отношений с другим человеком (с групповым субъектом). Бытие всегда есть *со-бытие*, т.к., создавая реальность своего бытия, объективируя в этом процессе свой замысел, личность сталкивается с сопротивлением или поддержкой бытия других людей, воплощающих свои смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий и в тоже время (З.И. Рябикина, 2005, 2010 и др.).

Факультетом управления и психологии Кубанского государственного университета за последние 10 лет совместно с Институтом психологии РАН в Краснодаре были организованы и проведены Всероссийские научно-практические конференции «Бытие личности» (2002 г.), «Личность и бытие: субъектный подход» (2003 г. и 2005 г.). В 2008-м году очередная научная конференция «Личность и бытие: субъектный подход», посвященная 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского прошла в Москве. Следующая 5-я конференция «Личность и бытие: субъектный подход» состоялась в 2010-м году снова в Краснодаре. В русле проблем личности и ее бытия, но с более конкретной тематикой была подготовлена и проведена психологами КубГУ совместно с коллегами из Южного федерального университета конференция «Личность как субъект организации времени своей жизни» (2008 г., Геленджик).

Важным итогом научной работы и перечисленных конференций стали не только сборники докладов участников, но и коллективные монографий: «Субъект, личность и психология человеческого бытия» (под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной.М.: Институт психологии РАН, 2005); «Личность и бытие: субъектный подход. К 75-летию А.В.Брушлинского» (отв. ред. А.Л.Журавлев, Е.А.Сергиенко, В.В.Знаков, З.И.Рябикина. М.: Институт психологии РАН. 2009); «Психология субъекта и психология человеческого бытия» (под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. Е.А. Сергиенко. Краснодар, 2010).

Желание продолжать коллегиальную работу по теоретическому осмыслению и практическому исследованию более узких аспектов и проблем самореализации личности в различных пространствах ее бытия побудило к подготовке и проведению Всероссийской научно-практической конференции **«Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности»,** которая состоялась 27-29 октября 2012 г. в Сочинском государственном университете. В предлагаемом издании представлены тексты, подготовленные участниками этой конференции.

В работе конференции принимали участие психологи, философы, педагоги, работники социальной сферы из Астрахани, Барнаула, Воронежа, Казани, Костромы, Краснодара, Красноярска, Майкопа, Москвы, Новороссийска, Новосибирска, Омска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саратова, Сочи, Сыктыквара, Тулы, Уфы, Харькова (Украина), Ярославля и других городов России.

Большое количество и квалификационный уровень участников конференции (75% участников имеют научную степень, около 30% - доктора наук) свидетельствует об актуальности рассматриваемых проблем личности как субъекта со-бытия и потребности в активных научных контактах представителей различных регионов России.

На пленарных и секционных заседаниях, круглых столах участниками конференции рассмотрены различные психологические аспекты проблем личности ее бытия и со-бытия.

Материалы конференции в сборнике структурированы по нескольким основным содержательным разделам:

- «Теоретико-методологические основания анализа и практика исследований со-бытия личности»;
- «Феноменология со-бытийности в контексте проблем психологии безопасности»;
- «Личность как субъект со-бытия и феноменология со-бытийности в близких отношениях»;
- «Проблемы со-бытийности в образовательном пространстве»;
- «Проблемы со-бытийности в профессиональном сообществе».

Материалы конференции адресованы психологам, философам, педагогам, социологам, работникам социальной сферы, а также всем исследователям психологических аспектов проблем личности, ее бытия и со-бытия.

Проведение очередной конференции «Личность и бытие: субъектный подход» запланировано на октябрь 2013 г. Более подробная информация может быть получена на кафедре психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета (тел. (861) 219-95-62; e-mail: ryabikina@manag.kubsu.ru).

Редакционная коллегия

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

РАЗНОВОЗРАСТНАЯ СО-БЫТИЙНАЯ ОБЩНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Бедерханова В.П.
г. Краснодар
vpb57@mail.ru

Одной из значимых культурообразующих идей образования является его событийность, обеспечивающая уникальность личностного роста его субъектов. «В этом понятии отражена самобытная природа образования, его интенция, внутреннее движение, социокультурная динамика в различных ситуациях, а также в определённой мере противоположение технологизму устоявшихся дидактических приёмов» (Крылова Н.Б., 2010).

Интерес к проблеме событийности на современном этапе базируется на возникшем противоречии между формальными механизмами управления, тенденциями развития сложной субъектности личности и нацеленностью образования на открытость, вариативность. инновационность развития школы. Практика показывает, что действия управленческой системы базируются на основе собственных систем ценностей и значимых для неё норм и зачастую расходятся с онтологическими смыслами образования, порождёнными его собственным культурным бытием и реальными потребностями.

Большую роль для разработки проблемы в этой области играет субъектно-бытийный подход к личности (В.В.Знаков, З.И. Рябикина и др.), который, с точки зрения З.И. Рябикиной, является, «прежде всего, – теоретическим построением, выражающим взгляд на личность, ее структуру, динамику, функционирование. Этот взгляд отражает достижения гуманистической психологии, со свойственными ей акцентами на темах самоактуализации, аутентичного бытия, личностной идентичности и пр. и обогащается достижениями психологии субъекта (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский и др.) и психологии человеческого бытия (В.В. Знаков и др.). Мы полагаем, что это создает основания для обозначения развивавшегося С.Л. Рубинштейном подхода именно как субъектно-бытийного, в котором человек рассматривается в своей соотнесенности с модусами бытия; бытие предстает как пространство реализованной человеком субъектности (Рябикина З.И., 2010).

В этой рамке мы рассматриваем возможности и проблемы разновозрастного со-событийного сообщества. «Знание нормативных границ и детерминант становления именно **со-событийных образовательных общностей** в разных возрастных периодах развития человека позволяет вполне профессионально приступить к проектированию адекватных форм организации и культурно-исторического содержания образования, задающих осмысленные уклады жизни детско-взрослых и учебно– профессиональных общностей, тех общностей, которые должны стать действительным жизненным пространством, антропо-практикой (практикой вочеловечивания) обретения детьми, подростками, молодыми людьми собственной, индивидуальной субъектности в деятельности и личностной позиции во встречах с другими». «Проблема общности, поэтому не только социальная или историческая; она, при более глубоком рассмотрении, является глубоко жизненной, онтологической, личностно-смысловой проблемой**.** Понятно, что именно в бытийной общности выращивается сама жизнеспособность индивида, именно здесь обретает он защиту от внешних невзгод и психологическое благополучие» (Слободчиков В.И., 2010).

Разновозрастная со-бытийная общность рассматривается в двух плоскостях: как детско-взрослая общность и разновозрастная общность самих детей, подростков. При этом сам контекст, в котором осуществляются исследования, различен. Проблема анализируется в контексте развития личности в образовательном пространстве, межпоколенных связей как проблемы события, социализация и индивидуализация личности, события как фактора развития событийно-

го со-общества как коллективного субъекта и др. Однако, прежде всего, разновозрастная со-бытийная общность рассматривается с точки зрения «полноты и целостности индивидуального бытия каждого человека, дающая возможность, чтобы его линия жизни была связана с **укоренением** в отеческой культуре», при условии, что «будет культивироваться **преемственность** ценностей и смыслов исторического бытия своего народа, если будут раскрываться перспективы и панорама духовных **устремлений** каждого за пределы наличного, обыденного существования…Ценность преемственности восстанавливает и защищает связь времен и со-бытийное единство поколений, преодолевая нарастающую **без-призорность** всего и всех» (Слободчиков В.И., 2010).

Школа традиционно (за исключением отдельных инновационных федеральных площадок в г. Усть-Илимске, г. Ижевске, ст. Азовской Краснодарского края и др.) строит учебно-воспитательный процесс на работе с детьми одного возраста. Наблюдается тенденция создания разновозрастных сообществ детей и подростков в системе учреждений дополнительного образования, где их существование может помочь в решении противоречий между объективно присущей обществу тенденцией к тесному взаимодействию людей разных возрастов и существующей традицией организации воспитательного процесса по возрастным группам. Такая диспропорция вызывает дефицит межвозрастного общения и взаимодействия в детской среде, а в дальнейшем и такие явления как инфантилизм, отсутствие самостоятельности, безынициативность и социальную апатию. «Учитывая то, что педагогический процесс в учреждениях дополнительного образования организуется в условиях особой социальной сферы свободного времени, которая предоставляет возможность свободного выбора ребенком детского сообщества, в котором он смог в наиболее комфортной обстановке реализовать свои познавательные и коммуникативные потребности, мы считаем, что разновозрастной принцип формирования таких сообществ будет иметь максимальный эффект». (Дейч Б.А., 2000). Главные проблемы, которые осмысливаются в этом контексте, являются взаимосвязь возрастного и личностного развития, роль разновозрастного взаимодействия и межличностных отношений в процессе формирования и развития личности.

Исследование разновозрастного со-бытийного сообщества в системе дополнительного образования (Дейч Б.А, 2000) убедительно доказывает, что межвозрастное взаимодействие в совместной деятельности способствует гуманизации отношений среди детей в разновозрастных подростковых сообществах, предоставляющих возможность свободы выбора вида деятельности, обмена информацией, передачи социального опыта, а отсюда – проявлению самостоятельности и творчества, созданию условий для самореализации личности ребенка. При этом, использование разновозрастных подростковых сообществ, как условия организации жизнедеятельности детей в учреждениях дополнительного образования отражает тенденции развития системы дополнительного образования в современных условиях (деидеологизация, гуманизация, демократизация, социокультурная ориентация и т.д.), актуализирует ее воспитательные возможности, способствует совершенствованию деятельности учреждений дополнительного образования.

Особое внимание исследователей уделяется детско-взрослой общности. В определениях этого феномена обращается внимание, прежде всего, на качественные характеристики взаимодействия ребёнка и взрослого и подчёркивается, что «со-бытийность – особое мерцательное состояние детско-взрослой общности, является ее качественным признаком и находит выражение: в эмоциональном сближении членов общности; в свободном характере связей и отношений внутри общности; в проявлении общего ценностно-смыслового пространства общности; в наличие открытого межпозиционного взаимодействия между участниками; в значимости для участников индивидуальных и совместных рефлексивных процессов, позволяющих осознать и проявить свою субъектность» (Шустова И.Ю, 2009).

Если обратиться к пониманию понятия «со-бытие» Слободчикова В.И. и Исаева Е.И., которые рассматривают его как «нераздельность и неслиянность двух самостных форм бытия», и далее «со-бытие и есть та подлинная ситуация развития, где впервые зарождаются специфические человеческие способности, «функциональные органы» субъективности, позволящие ребенку впоследствии действительно «встать в отношение» к своей жизнедеятельности», (Сло-

бодчиков В.И., Исаев Е.И., 2000), то можно сказать, что просто дружественного эмоционального фона и даже диалогичности в процессе взаимоотношений ребенка и взрослого в современных условиях уже недостаточно.

Трудно назвать такую форму педагогической организации, которая полностью может соответствовать той высокой планке, обеспечивающей отнтологическую со-бытийность в процессе педагогического взаимодействия. Наверное, педагогика только на пути к осуществлению идеи со-бытия, как ситуации развития ребенка. Возможно только выделить некоторые находки педагогов, которые в целом смогли бы обеспечить идею со-бытийности практикой. В этом контексте рассматриваются личностно-ориентированные модели образования, различные школы диалогического взаимодействия с ребенком, развивающие образовательные системы, альтернативные образовательные среды, разработанные в условиях гуманистической парадигмы образования.

Обратимся к собственному опыту. В 1991-1992 годах под нашим руководством был осуществлён естественный эксперимент, приближающих нас к осуществлению со-бытийности в педагогике – «Летний дом», проект «Свободный ребёнок и педагог в их взаимодействии» (Бедерханова В.П., 1993). В его основе была «педагогика проживания» (термин введён В.П. Бедерхановой) на основе малой группы, как «семьи». В условиях «Летнего дома» педагог и ребенок погружены в одно со-бытие, и главным становится вопрос содержания бытия взрослого и жизнедеятельность самого ребенка.

Для того, чтобы ребенок смог «встать в отношение» к своей жизнедеятельности необходимо саморазвиваться самому педагогу, что является главной трудностью в процессе осуществления «педагогики проживания». В процессе «проживания» не существует одинаковой для всех «педагогической технологии». Педагогов отличает совокупность ценностей, своеобразная «педагогическая философия», непрерывно связанная с личностным способом бытия человека в мире. В эту систему ценностей входят убеждения в личном достоинстве каждого человека, важности и значимости для каждого человека способностей и возможности к свободному выбору, самоусовершенствованию, ответственности за свои поступки. Таким образом, одним из главных условий осуществления со-бытийности является ценностные установки бытия взрослого, без которых нам просто нечего предложить ребенку. «Педагогика проживания» дает возможность для самореализации «двух самостных форм бытия» ребенка и взрослого в ситуации свободного развития.

Свободное развитие ребенка в условиях «педагогики проживания» активизирует самостоятельность ребенка, как личностное качество. Проявление самостоятельности для осуществления со-бытийности является необходимым условием функционирования «педагогики проживания», и предполагает: возможность выбора деятельности ребенком, проявление уверенности в своих действиях, отсутствием оценочной позиции педагога, разрешение познавательных задач креативным путем.

Ребенок, если находится в поле со-бытийности со взрослым создает собственную «среду развития», индивидуальную и неповтримую. Конструировать собственную среду развития – значит привести «в систему информацию о мире, организовать эту информацию в связные структуры с целью постижения ее смысла, что способствует созданию индивидуального познавательного стиля ребенка.

«Педагогика проживания» стимулирует развитие самостоятельности путем отсутствия доминирования единственного «правильного» или «неправильного» типа поведения. В процессе со-бытийного свободного общения культурные эталоны могут варьироваться, что положительно влияет на поддержку развития у ребенка внутреннего самоконтроля, способности концентрировать внимание, способности ориентироваться в пространстве, окружающей естественной и социальной среде. Со-бытийность «педагогики проживания» дает возможность не только для идентификации ребенка в культуре, но параллельно происходит личностное самоопределение, что помогает занимать активную позицию в окружающем мире, успешной самореализации в будущем.

Средством обеспечения сотрудничества, сотворчества детей и взрослых является совместная проектировочная деятельность. Более того, можно утверждать, что при определенных

условиях существует зависимость между участием человека в проектировочной деятельности и саморазвитием ее участников (их самоопределением, самореализацией, развитием творческих способностей и т.д.).

Проектирование есть специфический индивидуально-творческий процесс, требующий от каждого оригинальных новых решений, и в то же время данный процесс – есть процесс коллективного творчества. За счет обретения навыков работы в режиме группового творчества (а здесь без навыков социального иинтеллектуального воздействия не обойтись), интенсивно развиваются проектировочные способности, предполагающие, прежде всего, способность к рефлексии, целеобразованию, выбору адекватных решений, и, конечно, – умению выстраивать из частей целое.

Особый вопрос о роли самого ребенка в процессах социально-педагогического проектирования. Он может выступать как заказчик, непосредственный субъект проектировочной деятельности, как эксперт по отношению к ней. В проектировочной деятельности ребенок сталкивается с необходимостью проявлять свою "самость" как минимум в следующих ситуациях:

1) когда необходимо заявить свои собственные цели, свои представления о себе и об объекте проектирования, отстоять свою позицию в дискуссии с товарищами и взрослыми;

2) когда необходимо открыто и четко заявить о своих трудностях, проанализировать их причины, и, прежде всего, искать причины в себе;

3) когда необходимо согласовывать цели с другими, не отступать при этом от собственных идеалов и уметь находить общие точки выращивания нового, возникшего как новое качество (цель – средство) в общей работе;

4) когда необходима творческая самомобилизация.

Умение поставить ребенка в позицию ответственности перед собой и другими и в то же время создать условия для раскрепощения творческих задатков – составляет основной предмет собственно педагогической деятельности в процессе проектирования.

Со-бытийная общность развивается в реальном пространстве и времени и определяется жизненными событиями и самим субъектом. Восприятие образовательного пространства личностью базируется на реальных или потенциальных событиях. События можно классифицировать, относить к различным типам. Так Н.А. Логинова выделяет:

– события среды, которые вносят изменения в ход жизни человека, но не являются однозначными для него. Значимость того или иного события определяется позицией личности, которую она занимает по отношению к происходящему. Роль событий определяется и тем, станет ли человек жертвой внешних сил или борцом, отстаивающим свою индивидуальность;

– события поведения человека в окружающей среде, или поступки, являются обстоятельствами жизни окружающих и в то же время преобразуют обстоятельства становления и развития самого субъекта жизнедеятельности. Люди совершают множество поступков, но лишь некоторые из них приобретают характер событий, открывая новые перспективы (не всегда положительные);

– события внутренней жизни относятся к внутреннему миру человека и выявляют позитивную ценность самого себя. К событиям внутренней жизни можно отнести: новые переживания человека, новые мысли, открытие новых черт собственной личности, обнаружение в себе новых способностей и т.д.

События жизни есть узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период времени определяются перспективы жизнедеятельности (Логинова Н.А., 1978).

Таким образом, события имеют прямое отношение к выбору человека личностному и профессиональному. Отношение человека к этим событиям и определяет то, насколько он является автором своей жизнедеятельности, субъектом личностного и профессионального становления, саморазвития. Все это наводит на мысль о том, что в процессах становления и саморазвития человеку необходимо оказывать помощь, поддержку, чтобы он в полной мере мог самореализоваться и воплотить в жизнь свою миссию, свое предназначение, занял достойную позицию по отношению к своей жизни.

СО-БЫТИЕ В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Горская Г.Б.
г. Краснодар
gorskayagalina@mail.ru

Одной из широко обсуждаемых в настоящее время проблем является проблема специфики процесса социализации молодого поколения в современных условиях (Д.И.Фельдштейн, 2010). Условия социализации молодого поколения обусловлены как цивилизационными факторами (А.Маслоу, 1999), так и социокультурной ситуацией, сложившейся в конкретной стране (А.В.Юревич, Д.В.Ушаков, 2012), в локальном сообществе (Е.Н.Азлецкая, 2001).

Особенностью социализации современных детей и молодежи является то, что она происходит в условиях быстрых изменений жизненной среды, которые, с одной стороны, затрудняют приобретение необходимых для включения в социум знаний и умений в житейском опыте, с другой, стороны, снижают ценность опыта старших поколений, поскольку он приобретался в кардинально иных социальных условиях. Быстрые изменения жизненной среды могут становиться источником эмоционального неблагополучия детей, для которых в силу ограниченности опыта стабильность жизненного мира является значимым фактором успешности включения в социум.

Фактором, предопределяющим нормальное течение социализации, являются взаимоотношения с ближайшим социальным окружением. Доверие к социальному окружению, наличие у ребенка чувства защищенности, осознание поддержки значимыми взрослыми, как отмечается многими теоретиками и исследователями психического развития (Л.С.Выготский, Д.Б.Эльконин, Э.Эриксон, М.И.Лисина), выступает предпосылкой активности ребенка в освоении жизненного мира, его эмоционального благополучия.

Значимость особенностей взаимоотношений с социальным окружением побуждает обратиться к анализу особенностей современной макро-, мезо– и микросоциальной среды, с которой происходит психическое развитие современных детей и освоении ими социального мира. Исследование, проведенное А.В.Юревичем, Д.В.Ушаковым (2012), свидетельствует о том, что для нашей страны характерно нарастание в обществе агрессивности, враждебности, конфликтности, жестокости. Более того, многими родителями агрессивность детей рассматривается как условие выживания в современном мире и поощряется ими. В исследованиях прослеживаются признаки недоверия детей по отношению к сверстникам (Д.В..Ярцев, 1999). В то же время становятся заметными проявления инфантилизма, которые являются закономерным следствием усложнения условий жизни.

Неопределенность жизненной среды делает ее стрессогенной. Источником стрессов становится и приобщение к ценностям, усиливающим конкурентные установки, стремление к самоутверждению через превосходство над другими или достижения, соответствующие социальным стандартам успеха. Личностные установки, обозначенные как культ успеха, культ силы, культ разума (О.Б.Холмогорова, Н.К.Гаранян, 1999), становятся источниками тревоги и депрессии, ухода от решения жизненных проблем. Вместе с тем под их влиянием возникает и усиливается перфекционизм, в значительной степени повышающий стрессогенность жизни, вероятность возникновения эмоциональных расстройств у детей (С.В. Воликова, А.Б. Холмогорова, А.М. Галкина, 2006).

Исследования показывают, что социализация современных детей происходит в усложненных условиях. Одним из условий, осложняющих этот процесс, является конкурентность среды, в которой он происходит.

В исследовании, проведенном под руководством автора, анализировались психологические последствия нахождения детей подросткового и юношеского возраста в конкурентной среде. Моделью конкурентной среды выступила социальная среда, в которой происходит подготовка спортсменов.

Результаты исследования свидетельствуют о неоднозначности влияния социального контекста спортивной деятельности на личностное развитие и социализацию спортсменов. Пози-

тивной стороной включения в рассматриваемый социальный контекст является более высокие показатели социальной адаптации спортсменов по сравнению с ровесниками, не занимающимися спортом, более высокая готовность спортсменов подросткового и юношеского возраста принимать окружающих людей такими, каковы они есть, не проявляя свойственных их возрасту категоричности и максимализма.

В то же время длительное пребывание в социальном окружении, которому присуща конкурентность взаимоотношений, вызывает нарушение нормативного развития взаимоотношений с социальным окружением. Оно проявляется в ослаблении нормативной автономизации подростков от взрослых, переориентации подростков на сверстников как значимых других. У спортсменов подросткового возраста отмечается усиление ориентации на семейное окружение, которое становится для них важным источником психологической поддержки. Другим последствием опыта существования в конкурентной среде является выраженная потребность спортсменов в отношениях помощи, поддержки, защиты со стороны взрослых, в то время как их ровесники, не занимающиеся спортом, больше ориентированы на взаимопонимание, взаимное уважение, доверие. Повышенная потребность в поддержке проявляется в идентификации человека, способного поддержать в сложной ситуации, с образом матери.

Исследования свидетельствуют о значимости психологического сопровождения социализации детей с учетом современных условий их взросления.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИТУАЦИЙ: ОТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ К СОБЫТИЙНОСТИ

Гришина Н.В.
г. Санкт-Петербург
Grinat07@gmail.com

Жизнь, в которой я сам участвую, тем самым превращается в бытие.
М. Мамардашвили

Понятие события является междисциплинарным и используется в разных областях знания. Наиболее общее определение события – это нечто происходящее и изменяющее состояние мира. Содержание понятия события в психологии во многом сохраняет то значение, в котором его использовал С.Л.Рубинштейн, рассматривая события в качестве «элементарных единиц жизненного пути личности» и его «узловых моментов и поворотных этапов». Событиями становятся ситуации, «нашедшие отклик во внутреннем мире личности. В силу способности затронуть личность, породить субъективные переживания биографический факт становится фактом психическим» (Рубинштейн С.Л., 1957).

Эпиграф к данному тексту вполне отражает его основной тезис: событие является результатом нашего участия, включенности в жизненные ситуации, проживание и переживание которых превращает обыденные фрагменты реальности в со-бытие. Именно здесь та узловая точка, в которой смыкаются интересы психологии человеческого бытия, экзистенциальной психологии и субъектного подхода, поскольку психологический подход к проблемам бытия может быть реализован только через описание человека как субъекта бытия.

С позиции экзистенциальной психологии «быть субъектом собственной жизни» означает, что человек «выбирает» свое бытие. Субъектность – это не статичная характеристика, которой человек обладает или не обладает как личностной чертой, это выбор субъектной позиции в каждой отдельной ситуации.

В свое время Р.Мэй связывал свободу человека с его способностью выстраивать свои отношения с окружающим миром как субъектные или объектные. В отечественной литературе эту точку зрения поддерживает Д.А.Леонтьев, отмечая, что только применительно к конкретной ситуации «можно говорить о том, выступает ли в данном случае индивид как полноценный субъект этого отношения или нет» (Леонтьев Д.А., 2008).

Принятие этой позиции означает, что центральным моментом в выборе субъектом меры своей включенности в ситуацию, которая оставляет его равнодушным или способна превратиться в событие его жизни, является его восприятие и оценка данной ситуации.

Как неоднократно нами отмечалось, методологические подходы к данной проблеме были в свое время сформулированы К.Левином, в теории поля которого среда описывается как воспринимаемая и переживаемая субъектом, У.Томасом, предложившим концепт «определение ситуации», и отечественным ученым Л.С.Выготским, который в качестве единицы для изучения отношений личности и среды предлагает рассматривать понятие переживания. Переживание, по Выготскому, есть внутреннее отношение человека к тому или иному моменту действительности.

Восприятие и интерпретация ситуации, ее «определение» и, соответственно, ее переживание, на основе которого индивидом осуществляется выбор своей позиции по отношению к этой ситуации, являются результатом сложного взаимодействия характеристик общего контекста и конкретной ситуации, устойчивых черт личности и особенностей ее актуального состояния.

Решающая роль субъективного восприятия в переживании и соответствующем проживании ситуаций находит многочисленные подтверждения в эмпирических исследованиях. Так, нами было проведено исследование по изучению проживания человеком трудных ситуаций социального контекста на примере финансово-экономического кризиса. Результаты опроса 233 человек в России (центр и регионы) и Украине (центр и регионы) однозначно показали, что ситуации, которые в объективных параметрах могут быть описаны как кризисные, воспринимаются, оцениваются и проживаются в зависимости от субъективных факторов, в том числе индивидуально-психологических характеристик людей.

В своих исследованиях мы неоднократно получали схожие результаты, когда объективные особенности ситуации не совпадают с их субъективной оценкой участниками ситуации, причем именно субъективные оценки оказываются приоритетными в общем восприятии ситуации.

В современной психологии представление о решающем значении восприятия, «определения» ситуации индивидом для выбора им своей позиции по отношению к ситуации (степени включенности, меры субъектности, способа поведения) можно считать общепризнанным. Эмпирические доказательства, однако, не отменяют необходимости теоретической разработки и экспериментальных исследований проблемы восприятия ситуаций и их «определения» человеком. Ситуации, несмотря на очевидное признание роли ситуационных факторов в поведении и любых проявлениях активности человека, редко становятся объектом исследования.

Наиболее явной причиной этого является «трудноуловимость» ситуаций как объекта исследования, порождающая ряд сложностей.

Одна из них связана с невозможностью «чистого» описания ситуаций, поскольку, как уже было показано в исследованиях, здравый смысл людей не отделяет ситуации от участвующих в ней людей и оперирует сложными единицами социальной категоризации «люди-в-ситуациях».

Другая – с аффективной окраской когнитивных репрезентаций: показано, что первоначальной реакцией на те или иные ситуации является эмоциональное реагирование. Особенности ситуаций, несущих в себе вызов, требующих ответного реагирования человека, в системе понятий теории поля К.Левина получили наименование валентности.

В исследовании, проведенном под нашим руководством (Д. Абдульманова, 2011) изучалось, какие ситуации привлекают людей, а каких они стараются избегать. Два очевидных вывода, которые были сделаны:

– предпочтение и избегание определенных ситуаций описываются людьми в аффективных понятиях («нравится – не нравится»);

– ситуации, связанные с людьми, обладают большей валентностью. Возможно, в целом, при восприятии и оценке ситуаций люди не осознают предпочтение или избегание определенных ситуаций как глубинные основания своих оценок, а с гораздо большей легкостью идентифицируют их на уровне аффективных переживаний.

«Определение ситуации» является способом ее категоризации на основе ее восприятия и интерпретации, с помощью которых индивид создает «когнитивные соответствия» этих ситуаций. При этом привычные, знакомые ситуации не «запускают» процесс внутренней работы по

их определению. Рефлексивные процессы «включаются» и порождают новые ответы в случае неопределенных, неоднозначных или новых ситуаций.

Особую роль в необходимости поиска этих ответов играют экзистенциальные жизненные ситуации, которые всегда неоднозначны (допускают множество интерпретаций и множество ответов) и уникальны (их неповторяемость не допускает полного переноса старого опыта в новые условия). Тем самым экзистенциальные жизненные ситуации ставят человека перед необходимостью поиска новых решений и становятся основанием возникновения нового опыта, прежде всего экзистенциального опыта (Знаков В.В., 2009).

Таким образом, именно экзистенциальный пласт существования человека потенциально наделен высокой событийностью – возможностью перехода повседневных ситуаций в события жизни, в его жизненную историю.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ В ПРОБЛЕМЕ СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

Дёмина И.В.
г. Краснодар
demina1862@yandex.ru

Для философа термин со-бытие содержит две ключевые отсылки: во-первых, к фундаментальной категории бытия, во-вторых, к проблематике Другого, коммуникации, общения. В истории философии можно найти учения, органично сочетающие и первый, и второй аспекты, например, учение Л. Фейербаха и более поздние по времени взгляды М. Бубера, Э. Фромма, Г. Шпета, Э. Левинаса, С.Л. Рубинштейна и др. авторов, в той или иной мере продолживших линию Л. Фейербаха.

В философской антропологии и психологии традиционно выделяют проблематику Я-Ты как наиболее известную часть философии Фейербаха, но на самом деле эта часть является производной от более общего и нового для своего времени понимания чувственности.

Чувственность, будучи центральным понятием философии Фейербаха, раскрывается им в нескольких взаимосвязанных аспектах. Она определяет действительность человека как предметно действующего существа; с её помощью человек проявляет свою целостность и индивидуальное своеобразие; она есть инструмент познания, выходящего за рамки ощущений, и предполагает переживание предмета, «любовь» к нему; чувственность – это также телесное и духовное существование человека, благодаря ей он совпадает с самим собой, с природой и миром в целом, поднимается до духовных высот. Наконец, чувственность характеризует содержание отношения человека с другим человеком, Я с Ты. Обращение к чувственности было для Фейербаха способом найти то связующее звено между человеком и миром, которое позволяет непосредственно, бесконфликтно переходить одному в другое. Именно поэтому у него понятие чувственности идёт рука об руку с понятием жизни, а бытие предстаёт как чувственность (это определяет оригинальность его онтологии и антропологии).

Новаторство Фейербаха заключается не только в том, что он ввел коммуникацию в поле философских размышлений и показал, что вне отношения Я-Ты нельзя понять человека в его целостности, в единстве природного и духовного, но также в том, что он выделил коммуникативный аспект чувственности (чувственность-к-другому) – наряду с гносеологическим, телесно-энергетическим, духовным аспектами, хорошо известными в истории философии. Анализ текстов Фейербаха показывает, что отношения Я-Ты выступают как переживание близости, взаимной открытости и движения к любви; через чувственное отношение к другому человеку происходит его истинное познание. Данные взгляды оказали сильное воздействие на более поздних мыслителей, среди которых особо выделяются экзистенциалисты.

М. Бубер, отмечая, что ему в молодости решающий толчок дал именно Фейербах, пишет, что фундаментальным фактом человеческой экзистенции будет «человек с человеком» (Бубер М., 1993). Отношение к другому не сводимо к гносеологическому измерению. «Человека, которому я говорю Ты, я не познаю. Но я нахожусь в отношении к нему, в святом основном слове. И только выйдя из этого отношения, я буду снова познавать его. Знание есть отдаление Ты» (там же). Развивая идеи Фейербаха, Бубер утверждал, что Ты шире другого человека (сюда от-

носятся также природа и таинственное – инобытие), это особая связь с миром, взаимная открытость человека и мира, их встреча, взаимность, позволяющая вступать в диалог.

Э. Фромм, продолжил линию Фейербаха и Бубера, особое внимание уделил любви как базисному отношению личности. В своей теории любви (равно как и в других теоретических построениях) Фромм использует одну из ключевых посылок экзистенциальной философии – констатацию одиночества, отделённости, отъединённости человека, которые делают его существование невыносимой тюрьмой. Он указывает на подоплеку данной ключевой посылки – отчуждение человека, говоря, что эту «болезнь» современного человека уже видели Фейербах и Кьеркегор (Фромм Э., 2005). Полное преодоление отделённости достигается только в любви, в единении с другим человеком. В любви возникает парадокс: двое становятся одним целым и всё же остаются двумя существами. «Любовь – это активное проникновение в другого человека, при котором моё желание познать смягчено единением. … Я познаю тем единственным способом, пригодным для познания живого, который доступен человеку, – путем переживания слияния, а не посредством мышления» (Фромм Э., 2004). Интуиции Фейербаха почти дословно воспроизводятся спустя 100 лет. В более широком плане отношения любви соответствуют модусу бытия (стремление быть) в противовес модусу обладания (стремление иметь).

Переживание другого, стремление к другому – центральный момент в понимании человеческой жизни по С.Л. Рубинштейну. Он, как Фейербах, Бубер, Фромм и др., основным способом утверждения человеческого существования видел любовь. Её «онтологическое» содержание – процесс вычленения из сплетения зависимостей целей и средств особого, неповторимого существа данного человека (Рубинштейн С.Л., 2003).

Высказанные Фейербахом идеи заняли прочное и достойное место в истории философской мысли. В настоящее время интерес к ним возобновляется (Reitemeyer U., Shibata T., Tomasoni F., 2006). В этой связи рассмотрим ещё один важный вопрос. Обращение Фейербаха к общению человека с человеком обусловлено его переосмыслением сути религии и отношения человека к Богу. Религию он рассматривает как форму отчуждения, как разлад человека с его собственной сущностью. Данный подход привлекал пристальное внимание Маркса и повлиял на его трактовку экономического отчуждения.

Преодоление отчуждения есть возврат человека к самому себе, поэтому веру в Бога, по Фейербаху, следует заменить верой в человека: «Человек есть начало, человек есть середина, человек есть конец религии»; «единство Я и Ты есть бог» (Фейербах Л., 1955). Закономерно, что по Фейербаху тайна богословия является, на самом деле, тайной антропологии.

Замена Бога другим человеком – очень важный момент в понимании проблемы Я-Ты, общения и т.д. как у Фейербаха, так и последующих мыслителей. Он вписывается в более общую линию сведения божественного к человеческому, начавшую утверждаться в европейской философии с эпохи Возрождения и воплотившуюся в Человеке Картезия с его индивидуированностью, секуляризованностью и другими чертами (Хоружий С.С., 2005). В последующем эта линия усиливалась. К. Лёвит указывает, что Фейербах, отталкиваясь от протестантизма, идёт дальше, объявляя истинной сущностью христианской религии уже не богочеловека, а человека как такового. Провозглашение поворота к человеку «как человеку» означает, что отныне у него нет высшей инстанции, исходя из которой он мог бы себя определять (Лёвит К., 2002). С одной стороны, это явилось решительным шагом в развитии философской антропологии, но, с другой стороны, это обозначило и пределы, ограничения в понимании человека.

Сделаем выводы.

1) Чувственность является одним из исходных оснований для анализа со-бытия личности; это вытекает как из философии «первоучителя» Фейербаха, так из философских взглядов мыслителей, продолжавших его линию. На конкретно-научном уровне важно определиться с пониманием собственно чувственности (образ, тело, эстетическое отношение, любовь и т.д.), поскольку от этого зависит содержание исследовательских программ. На сегодняшний день чувственная составляющая со-бытия оттеснена на периферию психологических исследований, в которых доминируют рациональные, интеллектуализированные трактовки общения и коммуникации и соответствующие методы исследования – прямое воздействие позитивистской философской традиции.

2) В проблеме со-бытия как проблеме чувственного отношения с Другим изначально заложена система секулярных культурных ценностей и характеристик, разворачивание которых за пределами западной философии и психологии может иметь необычные следствия.

ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТОМ ФАКТОВ, СОБЫТИЙ И СИТУАЦИЙ В ТРЕХ РЕАЛЬНОСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ[1]

Знаков В.В.
г. Москва
znakov@psychol.ras.ru

Мир человека (совокупность вещей и явлений, соотнесенных с людьми, представляющая собой организованную иерархию различных способов человеческого существования – Рубинштейн, 1997) многомерен. Наш мир состоит, по меньшей мере, из трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Современный человек в какие-то промежутки времени осознает, что находится в одной, а иногда – одновременно в разных реальностях. Субъект понимает относящиеся к каждой реальности факты и события на неодинаковых психологических основаниях. Реальности понимаются людьми по типам понимания-знания, понимания-интерпретации и понимания-постижения (Знаков, 2009).

Цель статьи – проанализировать три типа реальности человеческого бытия и понимание субъектом происходящих в них событий. В соответствии с целью кратко опишу типы реальностей, в которых мы понимаем события на неодинаковых психологических основаниях.

Эмпирическая реальность воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. Понимание происходит по типу понимания-знания. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений.

Замечу, что в психологической науке относительно небольшая часть психологических исследований, преимущественно в рамках когнитивной традиции, направлена на изучение закономерностей формирования и развития психики в процессе взаимодействия человека с эмпирической реальностью. Большинство исследований (фрустрации, оптимизма, понимания и переживания террористической угрозы и др.) в основном связаны с социальным миром.

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержания индивидуального и группового сознания. Такая реальность дискурсивна в широком смысле понятия «дискурс». В человеческой коммуникации дискурс не сводится только к текстуальному содержанию того, что говорится и пишется, или к вербальной стороне общения. Дискурс как «речь, погруженная в жизнь» (Арутюнова, 1998), включает экстралингвистические, прагматические, социокультурные компоненты.

Из дискурсивности социокультурной реальности следует, что она интерсубъектна. На постнеклассическом этапе развития методологии научного познания одним из главных критериев объективности знания стала его интерсубъектность. Она основана на согласованном мнении ученых о том, какие утверждения следует считать правильными, а какие нет. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, не сводимые к одному единственно возможному смыслу. Мнение представляет собой «такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному» (Нехаев, 2009, с. 16). Теории истины, в частности, корреспондентная и когерентная, оказываются неприменимыми к оценке мнений потому, что мнения отражают межгрупповую согласованность суждений о правильности или неправильности дискурсивных высказываний.

В социокультурной реальности взаимодействующие субъекты не отражают, а порождают, конструируют значения, смыслы и ценности. Такая реальность состоит не из объектов, а из событий (Штомпка, 1996). В отличие от исследований эмпирической реальности фокус внима-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант 10-06-00073а).

ния ученых смещается с описания фактов на анализ событий. Следовательно, еще один признак социокультурной реальности – ее событийный характер.

Жизнь человека наполнена событиями, отсутствие событий – признак психического умирания, приближающего биологическую смерть. В социокультурной реальности события неразрывно связаны с ситуациями человеческого бытия, поэтому оба конструкта активно изучаются российскими психологами. Н.В. Гришина, следуя традиции С.Л. Рубинштейна, анализирует события как единицы жизненного пути личности. Она отмечает, что событиями становятся ситуации, нашедшие отклик во внутреннем мире личности (Гришина, 2012).

Е.Е. Сапогова тоже рассматривает событие как меру «присвоения» субъектом того, что с ним произошло и осталось в его жизненном опыте. Она анализирует психологическую роль событий в человеческом бытии. С ее точки зрения, событие, во-первых, является когнитивным конструктом-посредником между опытом и языком, однако не принадлежащим ни к опыту, ни к языку. Во-вторых, событие есть и герменевтический инструмент для преобразования недифференцированного континуума данных опыта или воображения в вербальные структуры (Сапогова, 2005).

Таким образом, в изучении переходов от со-бытия к Я-бытию в автобиографических нарративах (Сапогова, 2012), в онтопсихологии (Гришина, 2010), в субъектно-бытийном подходе к личности (Рябикина, 2008), в психологии человеческого бытия (Знаков, 2010) и других отраслях психологической наукия проявляется интерес психологов к событиям и ситуациям. Они исследуются как интегративные единицы бытия, становление которых происходит не только во внутреннем мире субъекта, но и в интерсубъектном пространстве. События и ситуации мы понимаем по типу понимания-интерпретации.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. Экзистенциальная реальность включает в себя ценности людей, а также их духовный мир, который трудно выразить словами и описать в категориях достоверного знания.

В современной психологии большое внимание уделяется анализу событий и феноменов, которые нельзя понять только на основе рационального знания, когнитивного и ментального опыта. Важным условием понимания становится актуализация экзистенциального опыта понимающего субъекта. В опыте и через опыт мы понимаем все, что связывает нас с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание.

В психологической литературе и новейшей истории описано немало областей человеческого бытия, относящихся к экзистенциальной реальности (формирование образа врага, чужого и т.д.), события в которой можно лишь постигать, но нельзя понимать по типам понимания-знания или понимания-интерпретации.

Например, как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменявшее в конце 2011 г. военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это решение не может быть объяснено никакими логическими рассуждениями, потому что оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта. Понимание событий в таких областях осуществляется по типу понимания-постижения.

Сегодня человечество живет в условиях нарастающего конфликта между разного рода ценностями, в частности, христианскими и мусульманскими. И есть научные основания для того, чтобы полагать, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В таких сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением и глубинными эмоциями, переживаниями.

Напомню, что XXI веке, пожалуй, все началось в 2005 году с карикатур на пророка Мухаммеда, сделанных датским художником. Эти карикатуры вызвали бурное возмущение мусульман во всем мире. Министерства иностранных дел одиннадцати исламских государств потребовали от датского правительства извинений за публикацию. Некоторые из них, не получив

извинений, в знак протеста закрыли свои посольства в Дании. За дипломатическими протестами последовал бойкот датских товаров.

В марте 2011 г. в американском штате Флорида пастор-евангилист публично сжег экземпляр Корана. Он и его соратники провели импровизированный суд над Кораном. Посовещавшись несколько минут, они признали книгу виновной в многочисленных преступлениях и приговорили ее к воображаемой смертной казни. Эта акция вызвала переживания, возмущение и протесты мусульман во всем мире. В частности, в Афганистане были жертвы. И, наконец, хорошо известный россиянам случай: 21 февраля 2012 года прошла акция феминистской группы «Pussy Riot» в столичном храме Христа Спасителя. Девушки, одетые в маски и карнавальные масленичные костюмы, устроили импровизированный концерт, исполнив песню «Богородица, Путина прогони». Вскоре они были выдворены из храма служителями и сотрудниками охраны.

Все эти случаи послужили поводами для возникновения негативных эмоций у миллионов людей и острых дискуссий в СМИ. Во многих дискуссиях приводились разумные рациональные объяснения причин описанных выше поступков. Однако факты таковы, что во всех этих случаях участники массового возмущения как с самого начала не слушали рациональных доводов, а основывались на плохо осознаваемых невербализуемых аргументах и обращались к экзистенциальным переживаниям, так и по-прежнему продолжают это делать.

Из этого я делаю вывод, который очевиден, но трудно научно доказуем. Вывод такой: в нашей жизни есть экзистенциальные сферы бытия, в которые вообще не следует погружаться даже с самыми благими намерениями. Описанные протестные настроения и переживания не соприкасаются с разумом. Глубинные установки и предубеждения невозможно преодолеть обоснованными доводами: они не опираются на разумные суждения и потому их невозможно разрушить обычной логикой. В частности, с этой позиции, к обсуждаемой проблеме не имеет прямого отношения вопрос о юридической ответственности за содеянное девушек из группы «Pussy Riot»: какими бы ни были мотивы их поступка, они в любом случае оскорбили бы религиозные чувства православных верующих.

Приведу четыре аргумента, которые целесообразно использовать при анализе психологического содержания экзистенциальных сфер человеческого бытия, подобных описанным выше.

Во-первых, осознаем мы это или нет, хотим мы этого или не желаем, ради объективности следует признать, что в психике миллионов людей религиозные понятия неразрывно связаны с моральными. В частности, «для многих в Соединенных Штатах моральные нарушения равнозначны нарушениям религиозных норм, действиям, которые попирают слово Господа» (Хаузер, 2008, с. 32). Особенно отчетливо внутреннее психологическое родство религиозных и моральных представлений проявляется в дискуссиях о допустимости/недопустимости прерывания жизни (аборты, эвтаназия, единичные и массовые убийства и т.п.). Между тем в науке уже есть немало данных о том, что очень многие моральные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно (Waldmann, 2006 и др.). «Экспериментальные данные показывают, что индивиды оценивают события с моральной точки зрения “автоматически” (Moll et al., 2005, p. 803), выбирают поведение в соответствии с моральными нормами, не вербализуя их (Бобнева, 1978) и не формулируя каких-либо обоснований – Hauser, 2006» (Александров, Александрова, 2009). Большой вклад в психологическое обоснование этой точки зрения внес М. Хаузер. Он выступает против рационалистов, считающих, что моральное решение является следствием рассудочного выбора. Хаузер полагает, что «господствующее представление о том, что нравственное решение – результат рассудочного выбора, ведет к ошибочным решениям в сфере политики, права и образования (Хаузер, 2008, с. 33). В защиту правомерности своей позиции он приводит данные проводимого по его программе масштабного кросскультурного исследования. Результаты свидетельствуют о том, что люди разных стран, национальностей, вероисповеданий, сталкиваясь с моральными дилеммами, не имеющими однозначного решения, интуитивно приходят к очень похожим выборам (Хаузер, 2008).

Во-вторых, анализируя причины удивительного сходства понимания событий и поведенческих реакций людей в экзистенциальной реальности, нельзя не упомянуть о «коллективном бессознательном» К.Г. Юнга. Однако, к сожалению, из-за метафоричности и невозможности научного доказательства существования этого феномена, как академический психолог, я выну-

жден отказаться от обсуждения этой категории. Несомненно более научно обоснованными являются представления Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного (Пиаже, 1996). Он пишет о том, что обычно субъект не знает, ни откуда приходят его чувства, ни почему. Человек также не осознает структур или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление – ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. Основополагающим понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомоторные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет: «Следовательно, проблема может быть сформулирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (т.е. принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и, таким образом, блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» (Пиаже, 1996, с. 128). По его мнению, осознание это следствие реконструкции на высшем – сознательном – уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем – бессознательном уровне.

Во-третьих, мысль о том, что идеи «высшего» уровня могут служить фильтром, препятствием на пути осознания некоторых событий, ситуаций, поведенческих схем действий получила продуктивное развитие в современных исследованиях формирования субъективного опыта в культуре (Александров, Александрова, 2009). Психофизиолог Ю.И. Александров изучает соотношение мозговых систем на нейронном уровне и культурных влияний как факторов формирования опыта. При этом общая системно-эволюционная закономерность состоит в переходе от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. Новые дифференцированные системы сосуществуют с ранее возникшими менее дифференцированными. С этой позиции, мораль сопоставляется с древними рано сформированными элементами мозговых систем, существующих в культуре. Более новыми, дифференцированными явяются законодательные нормы и правила. «Из такого представления логически следует, что низкодифференцированные системы общи для разных людей, эпох и ситуаций: масса самых разнообразных единиц на протяжении всего развития культуры имеет основанием ограниченное число общих низкодифференцированных систем. Они должны быть общими не только для разных эпох, для разных степеней дифференциации культуры, но и для разных культур» (Александров, Александрова, 2009, с. 211). Пока мораль как недифференцированная и, условно говоря, общечеловеческая система выступает в роли внутреннего регулятора поведения, она бесконфликтно существует в психике множества людей и не требует осознания, вербализации. Однако при попытке вербального оформления невербализуемых моральных правил поведения во внешние нормы «они начинают быть соотносимыми с высокодифференцированными системами, приобретая статус внешних законов со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Например, отношение к ним как к правилам, которые могут быть нарушены при возможности избежать наказания, купить безнаказанность за деньги (индульгенция), наличие ситуативной зависимости, и пр. Коротко говоря, в такой форме они теряют статус категорического императива» (там же, с. 215). Ясно, что малодифференцированные моральные представления противоречат необходимости осознания и принятия моральных норм и образцов. И это становится одним из психологических механизмов общего для множества людей такого интуитивного понимания-постижения событий в экзистенциальной реальности, которое нельзя превратить в понимание-знание или понимание-интерпретацию.

Наконец, в-четвертых, необходимо ответить на вопрос: почему на сожжение Корана или поступок участниц группы «Pussy Riot» у тысяч или даже миллионов людей возникают очень похожие реакции? Подобные реакции всегда имеют интерсубъекный характер, потому что яв-

ляются поведенческим проявлением имплицитного интерсубъектного содержания экзистенциального опыта людей.

Сегодня, исследуя сознание и бессознательное, психологи ищут истоки их формирования не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой субъект противостоит объектам, событиям и ситуациям реальной действительности, а опыт и сознание одного человека – коллективному опыту и общественному сознанию. Противоречие снимается путем признания невозможности описания сознания и опыта конкретного человека только как составляющих его внутреннего мира. Вот как об этом пишет Т.Д. Марцинковская: «Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую – совсем без со-действия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими» (Марцинковская, 2007, с. 37).

Характерно, что имплицитное содержание экзистенциального опыта включает неосознаваемые элементы не только бессознательного, но и надсознательного. Во второй половине двадцатого века М.Г. Ярошевский считал, что научное творчество невозможно без представленности в жизни отдельного ученого надиндивидуальных форм объективно и закономерно развивающегося знания. Надсознательное движение научной мысли осуществляется при незримом присутствии множества конкретных исследователей – союзников, противников, оппонентов и критиков. Вследствие этого надсознательное является по своей сути коллективно-надсознательным (Петровский, Ярошевский, 1998).

Неудивительно, что в психологии человеческого бытия анализ со-бытия субъекта со значимыми другими является одной из центральных проблем (Рябикина, 2010). Проблема интерсубъектности как со-бытийности людей не только активно обсуждается в научной литературе, но и побуждает психологов проводить конференции, посвященные этой проблематике. Безусловный приоритет в этой проблемной области в российском психологическом сообществе принадлежит Кубанскому государственному университету.

Итак, в психологии уже имеется немало доказательств неосознности и интерсубъектности экзистенциального опыта, лежащего в основе понимания субъектом событий, происходящих в экзистенциальной реальности.

Нет сомнения в том, что три описанные выше реальности объективно существуют. Вместе с тем я ясно осознаю, что различение трех реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности в многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчленить, отделить одну от другой.

Пример – ключевое для описания эмпирической реальности понятие «факт». Простая констатация существования объектов, явлений, событий, полученных в исследовании результатов, не означает признания их фактами. В науке фактами называют только те результаты, которые теоретически осмыслены и так соотнесены с другими данными, что становится очевидным существенное отличие одних от других. Любая наука строится на проинтерпретированных, понятых учеными фактах. В частности, А.Ф. Лосев полагал, что история как наука – это только понятые факты: «Факты сами по себе глухи и немы. Факты непонятые даже не суть история. История всегда есть история понятых или понимаемых фактов (причем понятых или понимаемых, конечно, с точки зрения личностного бытия)» (Лосев, 1991, с. 129). Кроме понятности, есть еще один признак: в науке фактами становятся только такие описания объектов, явлений, событий, которые верифицируемы, допускают проверку.

Такие же трудности возникают, к примеру, при обосновании суждения о том, что метод интерпретации и герменевтический подход надо относить исключительно к социокультурной реальности, игнорируя реальность экзистенциальную. Понимание человеком экзистенциальных событий и ситуаций, разумеется, тоже основано на их интерпретации. Правда, в этой плоскости человеческого бытия интерпретация нередко труднее поддается рефлексивному осознанию и осмыслению.

Однако трудность различения реальностей не означает, что его нельзя и не нужно осуществлять. Напротив, на первых ступенях психологического анализа сложных проблем мира человека всегда необходима аналитическая ясность, хотя она и чревата упрощением предмета исследования. Это в полной мере касается соотношения реальностей, понимания субъектом происходящих в них событий, а также соотношения типов привлекаемых для этого знаний.

Так же, как и типы реальности, типы понимания в психологическом исследовании не всегда поддаются четкой дифференциации. Это происходит потому, что иногда в одной и той же ситуации люди выделяют разные ее стороны и приходят к неодинаковым типам понимания.

Например, даже десятилетние дети считают, что понимание в различных школьных дисциплинах строится на неодинаковых основаниях. При изучении школьных предметов дети осознают необходимость конструирования различных видов понимания, одни из которых являются описательными, а другие объяснительными, причинными. В 1588 г. во время шторма испанская военная флотилия затонула у берегов Шотландии и Ирландии. При изучении этого исторического факта на уроке естествознания первостепенную значимость приобретают выводы, связанные с физическими свойствами материалов и законами гидродинамики. Юристы акцентируют внимание на выводах о связи установления вины и ответственности. Историков, прежде всего, интересуют мотивы, намерения и склонности людей, которые были вовлечены в военные действия (Newton, Newton, 1999).

Таким образом, современный человек существует одновременно в разных реальностях и понимает их на неодинаковых психологических основаниях.

ЧТЕНИЕ КАК СО-БЫТИЕ

Карпова Н.Л.
г. Москва
nlkarpova@mail.ru

Как отмечают специалисты, тысячи книг и статей написаны о литературе, и лишь единицы – о чтении, хотя эти явления неразделимы. Книга без чтения – мертвая груда бумаг, чтение без литературы – чисто механическое явление. Выявление функциональной связи между стимулом – литературным текстом – и реакцией на него – восприятием – и является предметом психологии чтения.

Библиопсихология – раздел психологии, пересекающийся с библиотековедением, психологией труда библиотечных работников и педагогической психологией. Основы этого направления в психологии в 1920-е годы заложил Н.А. Рубакин (в этом году отмечается 150 лет со дня его рождения), создав в Лозанне Библиологический институт. Одной из его задач было – помочь разобраться в том, что должно происходить в уме читателя на пороге текста, при дальнейшем продвижении сквозь текст и при итоговом осмыслении прочитанного. Н.А. Рубакин определял библиопсихологию как «научное изучение всех психических явлений, связанных с созданием, циркуляцией и утилизацией печатной, рукописной и устной речи» (он же ввел синоним – «библиологическая психология»). Исследуя влияние устного, печатного и рукописного слова как на индивида, так и на коллектив, считал необходимым в теории книги соблюдать «примат читателя» над «приматом содержания», утверждая, что «без читателя нет книги» и «изучать надо не слова, а психологические явления, ими возбуждаемые».

Опираясь на три закона, выдвинутых: 1 – языковедами В. Гумбольдтом и А. Потебней: «слово, фраза, книга есть возбудители, а не передатчики чужой мысли, чужого чувства, чужих стремлений»; 2 – биологом Р. Семоном – о единстве психических и физиологических явлений; 3 – филологом и социологом И. Тэном – о значении расы, среды и момента как трех основных факторах, обусловливающих происхождение и эволюцию литературных явлений,– Н.А. Рубакин разработал и описал основные методы и принципы библиопсихологического исследования, выдвинул главной задачей библиопсихологии теоретической – «выяснение функциональной зависимости библиопсихологического восприятия от индивидуальных и социальных особенностей субъекта», библиопсихологии прикладной – «практические пути для коренного улучшения

творческой работы, называемой создаванием, циркуляцией и утилизацией устного, рукописного и печатного слова».

Библиопсихология дает основы психологического анализа общения читателя с текстом (печатным, рукописным, устным), позволяет выявлять особенности общения с текстами различных жанров (научным, художественным, публицистическим, разговорным), текстами чужими и собственными, а также – общения читателя с автором и читателей между собой, выявляя возрастные, гендерные, социальные, профессиональные и иные аспекты (Н.А. Рубакин, 1924,1929).

Рассмотрение личности как субъекта отношений с другим человеком в контексте субъектно-бытийного подхода (З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, Л.Н. Ожигова и др.) позволяет изучить ее и в различных аспектах со-бытия не только с другим человеком, но и с различными «одушевленными» явлениями – в частности, чтением. Если при анализе личности, создающей реальность своего бытия, выявляются проблемы, возникающие в связи с сопротивлением бытия других людей (З.И. Рябикина), – анализ ситуаций «взаимодействия» с книгой предстает как система взаимодействия бытийных пространств читателя, автора и его героев как субъектов бытия. Субъектно-бытийный подход к личности позволяет по-новому рассмотреть и феноменологию чтения в непрерывном диалоге читателя с текстом.

Поскольку в субъектно-бытийном подходе личность рассматривается как полипространственная система, ориентированная в своей субъектной активности на обретение, поддержку целостности, и, одновременно, на расширение своей бытийности, то справедливо рассматривать и процесс чтения как погружение в особую полипространственную систему, созданную воображением автора, которая в большей или меньшей степени адекватности будет воспринята читателем.

Чтение – особый случай со-бытийности, в котором предваряющей характеристикой является, с одной стороны, качество или «художественность» текста, а с другой стороны – уровень знаний и читательской культуры читателя. Как и во взаимодействии, со-бытийности реальных участников, в процессе чтения также возможно столкновение интересов читателя, автора и героев (здесь оно даже может быть сложнее, поскольку «соучаствует» три и более «стороны», как при групповом общении), также возможно, как в переговорах и появление конфронтационной настроенности читателя против автора или его героев. В этой ситуации, когда Другой (в данном случае – литературный герой) видится «противником», «он продолжает оставаться важной частью бытия личности, как актор, способный подтвердить ее идентичность и таким образом продолжить ее бытийность в том качестве, в котором личность видит (самопонимает) себя, или «прервать» ее бытийность в этом качестве» (Г.Г. Танасов, 2011).

В свое время Б.М. Теплов подчеркивал необходимость использования художественной литературы как источника пополнения психологических знаний и говорил, что недооценка психологами этого аспекта непростительна.

Особо в развитии самосознания в терапевтическом общении следует отметить роль библиотерапии – лечении направленным чтением (Библиопсихология и библиотерапия, 2005). На подготовительном этапе в системе семейной групповой логопсихотерапии многие предлагаемые художественные произведения вместе с заикающимися (независимо от их возраста) читают также их родители и родственники. Все участники обязательно дают свои письменные отзывы. Мы имеем разнообразную палитру мнений о прочитанном и богатый материал для исследования личностных особенностей каждого пациента и его семьи.

Библиотерапия предполагает сотворчество пациента и психотерапевта, посредником в котором становится автор «целебной» книги. Ю.Б.Некрасова представляла этот процесс таким образом: Пациент →Автор произведения → Психотерапевт.

В случае семейной логопсихотерапии эта цепочка выглядит сложнее, поскольку обмен мнений о прочитанном происходит и между пациентом и его родственниками, что дополняет и усложняет «систему со-бытийности». А на этапах активной групповой логопсихотерапии метод групповой библиотерапии дает каждому новый импульс развитию рефлексии, самопознания и самосознания.

В нашей сложной системе социореабилитации библиотерапия как проективный метод помимо терапевтической выполняет целый ряд функций: коммуникативная, диагностическая, проективная, общекультурная, обучающая и развивающая, поскольку, как заметил Д.С. Лихачев, чтение является основным (но, разумеется, не единственным) способом интеллектуального развития. Но книга учит только тогда, когда человек (будь то ребенок или взрослый) умеет работать с книгой, умеет читать, – от этого зависит и воспитание, и умственное развитие, и рост самосознания.

Чтение – это невидимая жизнь, в которой участвует вся личность в целом, оно обогащает опытом, стимулирует и направляет творчество, определяет духовно-нравственное развитие, дает понимание закономерностей социальной действительности и поведения людей. Особое значение чтение имеет в жизни ребенка, когда растущий человек открывает мир и самого себя (И.И. Тихомирова, 2004).

СОБЫТИЕ И СО-БЫТИЕ: КАК РАБОТАЕМ С ПОНЯТИЯМИ?

Кимберг А.Н.
г. Краснодар
kimberg@mail.ru

Конструкт события очень привлекателен, мы чувствуем за ним хороший описательный и объяснительный потенциал. Акцентировав связь и (одновременно) противопоставление субъекта и контекста, мы преобразуем знакомый нам термин в несколько более интригующую метафору со-бытия. Для понимания возможностей работы с конструктами поэкспериментируем с ними и нашим неявным знанием о них. Вначале про событие. О нем мы знаем следующее**.**

Оно запоминается, собственно жизнь в нашей памяти остается как цепочка событии с огромными пустотами между ними. Событие есть то, в терминах чего человек описывает свой жизненный путь. В промежутках между событиями ничего событийного нет, и человек их не помнит: он знает, что время шло (по объективной шкале), но по субъективной ничем перед собой отчитаться не может. Итак, событие есть то, что помнится и в чем человек дает себе отчет.

Чтобы нечто стало для человека событием, его внимание должно привязаться к нему особым образом. Событие связано с выделением субъектом чего-то из потока жизни. То, что выделяется, значимо для человека: предполагается, что происходящее способно внести изменения в его отношения с миром, углубить его понимание мира или укрепить его, если имели место сомнения. Событие есть точка возможного поворота и одновременно движения вперед. Движение это может происходить во внутреннем мире человека, а может реализовать себя как изменение в социальном мире, меняющее систему отношении человека. Событие меняет что-то в жизни человека, пусть не во внешнем ее рисунке, но в понимании мира и в отношениях с миром. Но это не обязательно движение или изменение, событие – запрос субъекту на выбор решения, а выбором может быть – не меняться. Искушение Иисуса в пустыне дьяволом – несомненное событие, а ведь он ответил на все предложения изменить линию своей жизни отказом.

То, что выделятся человеком, нуждается в осмыслении – ему нужна культурная схема понимания того, что происходит (особенно это важно, когда событие имеет масштаб времени, превосходящий размерность повседневности). Событие получает название, оно вербализуется субъектом как нарратив и осмысливается и развивается в памяти именно таким образом. Стало быть, событие осмыслено на каком-то уровне.

Событие в некотором смысле есть продукт субъекта. Именно он делает его таковым. Этим событие родственно категории опыта, который тоже есть продукт субъекта. Оно похоже на опыт, но опыт, персонифицированный в нарративе с героями. «Обычный» же (не облеченный в сюжет) опыт может использоваться субъектом как нерефлексируемый инвариант действии в столь же нерефлексируемо типизируемых ситуациях.

Событие же не может быть не отрефлексировано и не запомнено. Для его владельца оно превращается в созданный им же нарратив, в этом виде оно сохраняется, воспроизводится для других, инвентаризируется при проверке и поддержке свой линии жизни и даже предлагается

другим для тех же целей, что и используется самим: для понимания жизни вообще и своей жизни в частности.

Здесь событие прочитывается как причастность субъекта бытию, но такая, в которой он оказывается дистанцирован от происходящего и способен созерцать его в связях и отношениях. В этом аспекте понятно, почему событием мы называем нечто, обсуждая его после свершения, то есть отстранившись от него во времени и в позиции. В момент, когда оно происходит, все наши силы и чувства вовлечены в процесс, время рефлексии приходит позже.

Не лишне сказать, что создание события требует работы: произошедшее должно быть представлено, просмотрено внутренним взглядом, акцентировано и выведено на завершающий аккорд – то ли интеллектуальной конструкции, то ли необходимого для понимания насыщенного чувствами отношения.

Удержание сделанного требует нарратива или проработанного образа, а нарратив – рассказа публике. Если обратиться к мастерам слова, то мы увидим в их текстах одну и ту же вещь – простой фрагмент повседневности как повод для рассказа и повествование с глубоким эстетическим, эмоциональным и интеллектуальным посылом, далеко выходящее по своему отношению к миру за «физический» сюжет. Это, собственно, и есть механизм события. Событие – то, что становится знаком чего-то большего, чем оно само. Субъект же, извлекший его из бытия, переходит на какой-то момент из модуса «человека, заброшенного в бытие» в модус «человек– со– бытием», то есть внимающего свидетеля.

Теперь о со-бытии. Акцент на самостоятельном смысловом значении основы и приставки слова, фактически создающий новое понятие, указывает на то, что за ним надо ожидать существенно новое содержание. Наполнить со-бытие феноменологией простой совместности повседневности было бы пошло, ибо не вносило бы ничего нового в понимание человека.

Метафора со-бытия указывает нам на бытие с Другим, в присутствии Другого. Но и здесь имеет место та же самая проблема: мы почти всегда пребываем в окружении людей и даже взаимодействуем с множеством из них, однако явно не это имеем в виду, когда ведем речь о событии. Вернемся к событию как к значимому взаимодействию. В чем его существенные признаки? Каждое взаимодействие людей имеет как минимум два уровня: «делового» (условно) взаимодействия и личностного. Чтобы повысить эффективность продуктивного взаимодействия и снять возможные помехи со стороны личностного уровня, были придуманы этикет и формулы вежливости, чтобы фасилитирующе использовать личностный уровень, были изобретены комплименты и различные формы психологической поддержки. Но это ли взаимодействие людей мы будем называть со-бытием?

Со-бытие продвигает человека к пониманию себя и мира. Со-бытие порождает изменения в личности, нельзя пройти его и остаться тем же. Человек, с которым мы разделяем бытие, создающее в нас изменения, известен в психологии. Это значимый Другой. Итак, со-бытие – это «встреча» со значимым Другим, которая меняет нечто в ее участниках. Эти изменения не симметричны и вообще они протекают различно у каждого из участников. Сам факт встречи (событие) создается «учеником», который переживает ее как акт открытия нового знания. Известны вариации сюжета с людьми, встретившими, но не узнавшими Бога. Но было ли то, что было, встречей? Буддийская пословица говорит, что учитель появляется, когда ученик готов. Дело, стало быть, в ученике, его желании узнать истину и в прозорливом внимании, извлекающем ее знаки из происходящего потока дел и впечатлении.

Теперь о таких видах «со-бытия», когда значимый Другой щедро снабжает субъекта отрицательными оценками, отказывает ему в подтверждении его Я, приписывает ему негативно оцениваемые компоненты идентичности, демонстрирует переживание негативных эмоции при его виде, дискриминирует при распределении ресурсов (как материальных, так и символических). И при этом встреча с таким Другим подпадает под определение со-бытия? Является ли «мелкий тиран», которого мы встречаем на страницах одной из книг Кастанеды, развивающим личность партнером? Или со-бытие – это только «про хорошее»? Вряд ли.

Представляется, что негативный опыт (при определенном отношении к нему) развивает личность не менее, а возможно и более чем позитивный. И вот теперь мы связываем, наконец, два конструкта и две линии практик так, что они начинают усиливать друг друга. Мы видим,

что со-бытие есть встреча со значимым Другим, а значимый Другой есть тот, с кем возможно со-бытие. Само же со-бытие есть такая встреча субъекта с миром, в которой он испытывает приращение знания о себе-в-мире. Значимый Другой есть тот, взаимодействие с кем дает человеку изменения, он тот, кто может их инициировать.

Возвращаясь к нашей концептуализации скажем, что значимый Другой находится в фокусе внимания нашего субъекта. Причем этот захват вниманием совершен самим субъектом, именно он его поддерживает в активном состоянии. Но при этом Другой в свое время притянул его внимание и стал для него зн*а*ком, через который только он и может чувствовать себя хорошо и удовлетворенно. Он значим теперь для нашего субъекта, поскольку тот «необдуманно» встроил Другого в свои регуляторные механизмы как звено, опосредующее эмоционально-смысловое состояние (самооценку, настроение, самоэффективность и т.п.). Слово «необдуманность» звучит здесь иронично, но буквально: процесс встраивания образа Другого в собственные психические процессы чаще всего не рефлексируется человеком, он замечает только его результат. В особых случаях этот процесс может быть относительно осознанным и целенаправленным (поиск Учителя и поклонение ему). Со-бытие длится пока есть взаимодействие субъекта и Другого, даже если этот Другой является всего лишь образом, созданным самим субъектом.

Но не так выглядит ситуация для Другого. Он может вполне целенаправленно приобретать значимость для своих клиентов, управляя их вниманием и становясь фактором удовлетворения или фрустрации (а лучше – и того, и другого) их потребностей. « С самого начала Я аффективно захвачено Другим» (Керимов Т.Х.)..

Итак, игра с понятиями дает нам любопытную модель отношении нескольких теоретических конструктов.

Событие и со-бытие – достаточно сильно различающиеся по содержанию конструкты: событие – существующая у субъекта в виде нарратива схема реализованных в хронотопе отношении, включенная им в понимание мира и своего жизненного пути; со-бытие – встреча (взаимодействие) со значимым Другим, модерирующая личностное становление субъекта.

Значимый Другой – человек, находящийся в фокусе внимания субъекта и влияющий на изменения его системы отношении к миру и себе. Со-бытие предполагает и значимого Другого, и личностные изменения – личностный рост субъекта.

Опыт – схемы (модели) отношении, извлекаемые субъектом из практик его жизни и переживаемые как субъективно истинное знание. Событие входит в тезаурус опыта субъекта, последний, однако, заметно шире, поскольку включает и нерефлексируемую часть освоенных субъектом связей его мира.

Однако не стоит забывать, что мы теоретизируем сейчас по поводу названных понятий исключительно в перспективе психологического взгляда. Если же рассматривать событие и событие как социальные феномены, то придется обратить внимание на социальные институты создания событии. Общество активнейшим образом управляет вниманием своих граждан, направляя его на определенные случаи и процессы и многократно повторяя сообщения о них в СМИ. Оно также предлагает гражданам модели понимания происходящего. Тогда событие престает быть индивидуальным делом субъекта, а становится коллективным средством организации мышления и переживания для социальной или этнической общности. В этой своей форме оно тоже претендует назваться «со-бытием» и имеет для этого весьма убедительные основания. Совместное созерцание и отреагирование специально для этих целей оформленного события…чем это не со-бытие огромных масс социальных индивидов?

РЕФЛЕКСИЯ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Клементьева М.В.
г. Тула
domadres@list.ru

В психологии продолжается разработка качественно новых единиц анализа, которые адекватно отображали бы на концептуальном уровне представление о качественных характеристи-

ках и механизмах потенциального в развитии взрослой личности. К числу таких новых и еще недостаточно осмысленных понятий относится и понятие *ресурса.*

Понятие ресурса является востребованным в психологическом знании и рассматривается в узком и шировом смыслах. В узком значении «ресурсы» рассматриваются как:

1) возможности и средства преодоления стрессов (Лазарус Р., 1970 и др.) и саморегуляции деятельности и поведения (Моросанова В.И., 2011;Frydenberg E., 2002 и др.);

2) количественные и качественные характеристики, влияющие на эффективность когнитивных процессов и успешность выполнения задач (Дружинин В.Н., 2001; Канеман Д., 2006).

В широком значении «ресурс», как условие развития личности, включается в содержание личностного потенциала (Леонтьев Д.А., 2011) и человеческого потенциала (Зараковский Г.М., 2009 и др.), развития личности (АбульхановаК.А. 2001 и др.) и становления субъектности человека (ПетровскийВ.А., 2008), а также используется как *объяснительный принцип развития во взрослых возрастах* (HelsonR., SotoC., 2005).

Анализ научной литературы по проблеме психологических ресурсов позволяет отметить, что теоретическое определение понятия «ресурса» на данном этапе развития психологической науки, несмотря на высокую частоту обращения к данной категории, не является верифицированным. Однако психологическаяоперационализация этого понятия позволяет сформулировать ряд положений, проясняющих *теоретико-методологичекий смысл понятия«ресурса развития»*, на основании которых могут быть проанализированы его показатели. Во-первых, содержательно ресурсы охватывают совокупность потенциально возможных индивидуально-психологических особенностей, выступающих одновременно условиями или средствами развития человека, как интегральная характеристика личности, ее деятельности, способностей, саморегуляции, развития и пр. Во-вторых, функционально, ресурсы фиксируют потенциально возможные тенденции развития личности. В-третьих, сущностно ресурсы раскрываются в контексте ситуаций, связанных с жизненными затруднениями, и представляют собой средства, которые субъект может использовать разными способами или не использовать никак; отсюда, ресурсы можно восстанавливать, преумножать и перераспределять.

Основное различие между зарубежными и отечественными исследовательскими схемами ресурсов связано с методологическим основанием понимания источников развития. Так, в зарубежной психологии ведущая роль в развитии отводится развертыванию врожденных, психобиологических интенций, потребностей и устремлений, упуская те аспекты человеческих возможностей, которые не относятся к изначально данным, а складываются прижизненно. Напротив, источники развития взрослой личности в отечественной психологии связываются с ее способностью занять позицию субъекта по отношению к себе и своей жизни, которая складывается в процессах общения с другими людьми и несет на себе отпечаток тех социальных ситуаций, в которых она возникает; здесь получают трактовку, прежде всего, социальные, культурные и духовные возможности развития человека.

Высокий объяснительный потенциал категории ресурса позволяет экстраполировать данное понятие на механизмы развития взрослого человека. Под ресурсом развития мы понимаем *совокупность таких психологических свойств и процессов, которые взрослая личность может потенциально использовать как средство при самостоятельной и осознанной постановке задачи развития, решение которой определит направление и содержание «ближайшего» развития*. Ресурсы развития рассматриваются нами как внутренне необходимые, укорененные в человечески значимой общественной действительности, средства «строительства» развития, связанные со способностью человека занять позицию субъекта по отношению к своему развитию.

Содержательный анализ понятия ресурса в контексте теорий потенциаловраскрывает его как потенциальные средства, возможности и их источники, использование которых обеспечивает интенсификацию положительных изменений в конкретной сфере жизни и деятельности человека с целью получения желаемого результата.

Опираясь на вышеизложенное, мы предполагаем, что в качестве ресурса развития взрослой личности выступает*рефлексия*, обеспечивающая реализации субъектной позиции взрослого относительно собственного развития(Клементьева М.В., 2012).

Так, в реализации способности личности занять позицию субъекта по отношению к себе и своей жизни ведущая роль в отечественной психологии отводится рефлексии. Благодаряреф-лексии человек может сделать свою жизнь предметом анализа, оценки и практического преобразования (изменения и развития), поскольку рефлексия связывается с «самоисследованием», результатом чего становится переосмысление человеком самого себя и своих отношений. Занимая позицию рефлексирующего субъекта, человек обращается к основаниям собственных действий, поступков, знаний поднимается до уровня субъекта, автора своей жизни, приобретает свободу выбора. Рефлексия, предпринятая человеком в отношении себя и своего развития, позволяет взрослому одновременно встать и*в* позицию субъекта, и быть объектом развития. В этом случае мы можем говорить о самостоятельной постановке и решении задач развития как о самопроектировании развития, связанном с сознательным и целенаправленным изменением себя или сознательным стремлением сохранить себя в неизменности, самоосуществлением, достижением «акме».

Кроме того,выполняя регулятивную функцию, рефлексияобеспечивает мобилизацию других психологических ресурсов, способствует продуктивному изменению нецелесообразного поведения, деятельности, отношения. Такая теоретико-методологическая установка делает категорию рефлексии одной из центральных в современных психологических исследованиях развития, понимаемого как противоречивого процесса, сопряженного с преодолением человеком противоречий, барьеров в развитии. На эту роль рефлексии указывал еще Л.С. Выготский, отмечая, что новые типы связей и соотношение функций предполагают в качестве своей основы рефлексию, отражение собственных процессов в сознании (Выготский Л.С., 1984). Проявляясь в тех средах, которые отличает наличие проблемно-конфликтной ситуации, рефлексия выступает фактором и условием генезиса новообразований личности, развития жизненного пути личности, порождения новых информационно-когнитивных моделей мира из существующих в «субъектном тезаурусе» человека, принятия личностью своих возможностей, ограничений, тревог ответственности и свободы, порождении смыслов, генерации субъектности и пр.Особо подчеркивается роль рефлексии в обеспечении целостности развития личности посредством направленного прокладывания личностью центральной «жизненной дороги» (Выготский Л.С.,1984), самоопределения личности в мире, саморегуляции(Леонтьев Д.А., 2011; Шаров А.С., 2009 и др.), «расширения» сознания (Ферро А., 2007).

Психологическаяоперационализация положения о принципиальной дифференциации непосредственной жизни и ее рефлексии в рамках культурно-исторической концепции находит отражение в тезисе, согласно которому разведение представления о действительности и собственно действительности сопряжено с *рефлексией средств сознания*. Описание рефлексии в контексте культурно-исторической психологии раскрывает ее как «психотехнику» – психологическое действие, включенное в процесс саморазвития личности.

СОВЛАДАНИЕ С ОДИНОЧЕСТВОМ ЧЕРЕЗ ЕГО КОГНИТИВНУЮ ОЦЕНКУ[1]

Крюкова Т.Л.
г. Кострома
tatdudart06@mail.ru

Рост количества людей, страдающих от одиночества, связывают с личностными деформациями под влиянием «раскалывающегося», разобщенного общества; ранней социализацией в семьях, переживших развод или неполных по другим причинам; ростом насилия и нетерпимости и в семье, и в ближайшем социуме; разрушением таких традиционных структур как устойчивое соседство, многопоколенная семья, надежность и постоянство рабочего места и т.д. Ослабление связанности людей друг с другом путем реального общения и взамодействия, усиление значения и роли интернет-коммуникаций (в которых выбор – отвечать или нет партнеру – остается за одной из сторон) приводит человека к большей автономности и переживанию одиночества.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант 12-06-00135-а).

Когнитивная психология как составляющая междисциплинарной когнитивной науки позволяет создать новый подход к пониманию одиночества как фундаментальной проблемы человеческого бытия. Концептуализация одиночества включает понимание когнитивно-психологических механизмов оценки и самооценки уровня одиночества субъектов разного возраста, имеющих различный опыт проживания жизни – различный жизненный путь и способы совладания с ним (копинг-стратегии). Нам важно разобраться в том, какие когнитивные, эмоциональные и поведенческие, а также генно-средовые факторы отличают людей, справляющихся с одиночеством разного происхождения, от тех, кто не справляется, приходя к депрессии и болезням, суициду. Какие ключевые факторы приводят к неадекватной оценке своего одиночества и запускают механизмы непродуктивного совладания с ним, приводя к существенным личностным изменениям? Каковы взаимоотношения между оцениваемым и переживаемым одиночеством субъекта и его попытками совладать с одиночеством? Представляется, что существуют различия между оцениваемым (воспринимаемым) уровнем одиночества и объективными характеристиками социальной сети субъекта в зависимости от половой принадлежности и возраста. Мы предполагаем, что уровень и оценка одиночества субъекта в пост-тоталитарном российском обществе, меняющемся от коллективистической культуры к индивидуалистической, изменяется. Что выступает антитезой одиночеству – общение или доверие и любовь?

Продуктивным для разработки данной проблемы может быть интеграция когнитивно-поведенческого и социально-психологического подходов к пониманию отношений между оценкой субъектом уровня, качества своего одиночества и выбором способов совладания с переживанием его негативных сторон и последствий. Современные исследователи чаще всего понимают под одиночеством *дефицит* в социальных и межличностных отношениях, которые субъект определяет как неудовлетворяющие его потребности (M. Zeidner и D. Saklofske, 1996).Разработка психологии одиночества как двойственной диалектической проблемы – дефицитарности и ресурсности бытия и жизнедеятельности субъекта – одновременно предполагает принятие во внимание того факта, что дефицит отношений с другими людьми является, во многом, субъективным, т.е. так воспринимаемым. При этом субъект оценивает социальную сеть – широту и интенсивность своих межличностных отношений – как неадекватную его потребностям, независимо от ее реальных качеств. Вероятно, существуют вполне определенные источники искажения субъектом когнитивной оценки уровня своего одиночества, ведущие к несовладанию с ним, и те истинные мотивы и потребности, которые стоят за этим.

Нам предстоит изучение факторов и механизмов возникновения у субъекта когнитивной оценки уровня своего одиночества и способов совладания с ним, продуктивных или непродуктивных по своему содержанию; а также отношений между чувством или состоянием одиночества и усилиями с ним совладать.

Обзор классических исследований проблемы приводит к необходимости интегрировать наиболее продуктивные идеи из психоаналитической теории (З. Фрейд, К. Хорни: человек вырастает, чтобы быть одиноким и отчужденным); экзистенциализма (человек вырастает, чтобы жить изолированно – М. Хайдеггер, Ж-П.Сартр);переживание одиночества как столкновения, конфронтации с самим собой рассматривают как творческую силу (Rubenstein и Shaver, 1982; Rokach и Brock, 1998), теории привязанности (человек вырастает, чтобы научиться быть одному и быть при этом счастливым – Дж. Боулби, Д.В. Винникотт); онтологической теории человеческого бытия (человек вырастает, чтобы страдать от социального отчуждения, если другие относятся к нему как к объекту и используют для достижения своих целей – С.Л. Рубинштейн). При этом мы полагаем, что ведущим подходом должен быть когнитивно-поведенческий, предполагающий адаптивную способность познающего субъекта оценивать собственные состояния (в частности, одиночество) и имеющиеся способы совладать с ними. Именно познание служит ключевым объяснением связи между недостатком социальности и чувством одиночества (Л. Э. Пепло). Считается, что одиночество возникает в случае осознания диссонанса между желаемым и достигнутым уровнем собственных социальных контактов и стратегиями избегания встречи с реальными проблемами.

Необходимой представляется разработка инструментов, позволяющих установить механизмы, запускающие усилия по ***совладанию*** с деструктивным состоянием одиночества, подры-

вающим адаптивные возможности человека, или несовладанию с ним, ведущему к крайним формам неблагополучия (болезнь, депрессия, суицид). На пути к этому мы ставим следующие задачи: 1) эмпирическое изучение когнитивного оценивания своего одиночества с помощью трех видов оценки по Р. Лазарусу; 2) исследование возможных вариантов личностной детерминации такого оценивания в связи с поколенческими, гендерными, культурными, социально-демографическими характеристиками испытуемых. Особенно важно исследовать данный феномен у людей пожилого возраста, в стигматизированных выборках, у иммигрантов, активных пользователей Интернета и др.; 3) изучение ресурсов совладания с одиночеством через коррекцию неадекватной оценки, включения в социально-продуктивное общение и взаимодействие с другими, обращение субъекта к источникам доверия и любви внутри и вовне себя; 4) исследование онтогенеза способности быть одному и хорошо себя чувствовать, не исключая при этом способности принадлежать и взаимодействовать.

ФЕНОМЕН ОЦЕНКИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ВНЕШНИМ ОБЛИКОМ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «ПРИЯТЕЛЬ-НЕПРИЯТЕЛЬ»

Лабунская В.А.
г. Ростов-на-Дону
vlab@aaanet.ru

На протяжении последних десяти лет в качестве одной из главных исследовательских тем мы рассматриваем феномены самоотношения-отношения к внешнему облику, оценки-самооценки внешнего облика, удовлетворенности-неудовлетворенности (обеспокоенности) внешним обликом. В ряде публикаций (Лабунская В.А., 2005, Лабунская В.А., 2009, Лабунская В.А., 2010) представлен субъектный подход к данным феноменам и сделан вывод о том, что внешний облик человека в соответствии с пространствами его бытия, возникающими экзистенциональными проблемами, с кризисными периодами жизни и событиями может превращаться в ценностно – смысловой центр бытия и события человека. Как отмечают в предисловии редакторы (Знаков В.В., Рябикина З.И., Сергиенко Е.А., 2010) монографии «Психология субъекта и психология человеческого бытия» развитие психологии субъекта ведет к формированию субъектно-бытийного подхода к личности и ее со-бытию со значимыми другими. Категория «значимый другой» требует постоянного уточнения, но очевидным остается то, что значимыми Другими являются те, которые оказывают влияние на систему отношений личности, на восприятие ею жизненного пространства (Кондратьев М.Ю., 2010).

К ним, безусловно, могут быть отнесены те, которых мы определяем в качестве «приятелей – неприятелей». Категории «приятель-неприятель», несколько шире, чем категории «друг-враг», к изучении которых мы обращались, включая в исследования представлений о них в качестве главной детерминанты различные этапы жизненного пути человека (Тулинова Д.Н., 2004, Лабунская В.А., 2009, Лабунская В.А., Тулинова Д.Н., 2012), а также, рассматривая в качестве социально-психологических механизмов трансформации представлений о враге и друге, кризис системы отношений, порожденный совокупностью значимых жизненных событий (Альперович В.Д., 2010).

Эти исследования убедили нас в том, что в пространстве со-бытия с большим успехом выделяются значимые другие, которые могут быть отнесены к категории «приятель-неприятель», чем к категории «друг-враг». В рамках данной статьи мы не будем обсуждать проблему трудностей идентификации другого, в качестве врага и друга, поскольку это уведет нас в сторону от обсуждаемой проблемы оценок и удовлетворенности внешним обликом приятеля – неприятеля.

Ограничимся тем, что в толковых словарях понятие приятель включает такие определения, как «приятный человек, доброжелатель, близкий, свой человек, коротко знакомый и дружный», а понятие неприятель раскрывается посредством таких определений, как «недружный, недоброжелательный, нелюбимый, чужой». Иными словами, эти понятия не включают гиперболизированных позитивных и негативных определений человека и в процессе идентификации

позволяют включить в пространство со-бытия, в пространство межличностного общения больший круг людей и тем самым решить ряд экзистенциональных проблем.

Во многих исследованиях подчеркивается, что внешний облик человека является важнейшим средством идентификации личности, ее отнесения к определенной группе и входит в состав различных представлений о человеке. Исследователи обращаются не только к изучению типов внешнего облика, но и индивидуальных концепций внешнего облика, отмечают, что транслируемые типы внешнего облика и индивидуальные концепции внешнего облика, как их отражение, задают параметры образа жизни, соответствующие отношения, состояния, представления о том, как должны «выглядеть Другие, включенные в пространство со-бытия».

В настоящей работе мы отступаем от традиции изучения внешнего облика в качестве средства идентификации Другого, от изучения представлений о Другом и выяснения, какое место в них занимает внешний облик и как он оценивается. Мы пытаемся, прежде всего, рассмотреть феномен оценки и удовлетворенности внешним обликом в пространстве сложившихся взаимоотношений «приятель-неприятель».

В этой связи, явление удовлетворенности внешним обликом определяется нами на основе трактовки удовлетворенности как характеристики внутреннего мира личности, как субъективное переживание и вместе с этим как существенная часть обобщённого переживания своего бытия (М. Аргайл, 1990; М. Селигман, 2000), как комплексная характеристика взаимоотношений человек-окружающий мир (Семенов М.Ю., 2000).

К этому определению удовлетворенности внешним обликом следует добавить то, что саму систему взаимоотношений «приятель-неприятель» мы относим к тому типу ситуаций, которые В.В. Знаков (Знаков В.В., 2010) классифицировал как ситуации человеческого бытия, не дающие субъекту возможности истинного или правильного описания, как ситуации, в которых субъект опирается не столько на знания, на осознанные мнения, сколько на экзистенциальный опыт, непременным атрибутом которого являются переживания.

Таким образом, удовлетворенность, как своим внешним обликом, так и внешним обликом другого выступает в качестве субъективного переживания ситуации, ядром которой являются взаимоотношения «приятель-неприятель», включенные в экзистенциальный опыт. Такой подход к определению удовлетворенности внешним обликом позволяет высказать предположение о том, что степень позитивности-негативности оценок своего и чужого внешнего облика может не иметь как прямых, так и обратно-пропорциональных связей с удовлетворенностью внешним обликом.

Во многих работах удовлетворенность своим и чужим внешним обликом рассматривается как отражение оценок и самооценок и, практически, не обсуждается проблема противоречий между оценками внешнего облика и удовлетворенностью им. В наших работах (Лабунская В.А., Наровская Я.Б., 2006) было показано, что человек, оценивающий высоко свой внешний облик, может быть им неудовлетворен и демонстрирует стремление его изменить. Кроме этого, в работе Тулиновой Д.Н. (Тулинова Д.Н., 2004) было установлено, что внешний облик человека, отнесенного к категории «враг», может оцениваться достаточно низко, но при этом субъект оценки демонстрирует достаточно высокий уровень удовлетворенности его внешним обликом.

Обращаясь к изучению оценок внешнего облика и удовлетворенности им в пространстве взаимодействия «приятель-неприятель», мы рассматриваем совокупность оценок внешнего облика (методика изучения самооценок и оценок внешнего облика, удовлетворенности им приводится в книге «Невербальное выражение личности», 2009). С целью выявления включенности в круг общения лиц, относящихся к категории «приятель-неприятель», применялся опросник «Круг общения», разработанный на основе анкеты «Идентификация Другого в качестве Врага и Друга», созданной Д.Н. Тулиновой (2004).

В качестве методов математической статистики применялись: частотный анализ, процедура квартилирования, Z-критерий Уилкоксона, корреляционный анализ Спирмена. В исследовании приняли участие 56 человек в возрасте от 24 до 45 лет. В сборе данных и их обработке принимала участие Д.В. Ермакова.

Полученные результаты, в целом, подтверждают предположение о том, что в пространстве со-бытия, конкретизированного посредством отношений «приятель-неприятель», оценка

своего и чужого внешнего облика и удовлетворенность им функционируют как относительно независимые феномены, степень взаимообусловленности между которыми определяется принадлежностью человека к кругу приятелей-неприятелей. Было установлено:

1) на оценку различных характеристик внешнего облика, на степень его принятия и удовлетворенности им влияет принадлежность партнера к кругу приятелей или неприятелей. Если партнер включен в круг приятелей, то оценка его внешнего облика существенно выше, чем оценка внешнего облика людей, включенных в круг неприятелей;

2) участники исследования ниже оценивают внешний облик приятеля, чем свой собственный, но принимают его и удовлетворены им в большей степени, чем своим внешним обликом;

3) отношение к другому, как к приятелю не ведет автоматически к увеличению количества высоких оценок различных характеристик его внешнего облика.

На основе интегральных оценок внешнего облика приятеля можно сделать вывод о том, что участники исследования относятся к внешнему облику приятеля критически, четверть из них выставляют низкие оценки. Количество высоких и средних оценок удовлетворенности внешним обликом приятеля вступает в противоречие с оценками его внешнего облика, что можно трактовать следующим образом: ряд участников исследования удовлетворены внешним обликом приятеля не столько потому, что достаточно высоко оценивают различные характеристики внешнего облика, сколько потому, что оценивают их низко;

4) отношение к другому, как к неприятелю, способствует увеличению количества низких оценок различных характеристик его внешнего облика, а удовлетворенность его внешним обликом (на высоком и среднем уровне у большинства участников исследования) может указывать не столько на притягательность внешнего облика неприятеля, сколько указывать на проявление феномена «чем хуже внешний облик Другого (неприятеля, врага), тем больше Я им (или этим) удовлетворен».

Таким образом, в пространстве со-бытия разворачивается противоречивая картина отношения к Другому и определения его в качестве «приятеля – неприятеля». Удовлетворенность своим и чужим внешним обликом как существенная часть обобщённого переживания своего бытия как интегральная характеристика взаимоотношений человек-человек отражает недостаточно осознаваемые оценки и самооценки внешнего облика и в большей степени выражает ценностно-смысловой аспект внешнего облика в системе отношений «приятель-неприятель». Противоречия между оценками и удовлетворенностью внешним обликом свидетельствуют о «разрывах» в целостной картине со-бытия, представленного как взаимодействие «приятель-неприятель».

В целом, мы полагаем, что в рамках субъектно-бытийного подхода исследование ценностно-смысловой регуляции внешнего облика должно осуществляться в направлении изучения удовлетворенности своим и чужим внешним обликом как отражением экзистенциального опыта.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СО-БЫТИЯ

Логинова Н.А.
г. Санкт-Петербург
n_a_loginova@mail.ru

Бочкарев Л.Л.
г. Астрахань
bochkar2904@rambler.ru

В психологической науке существует три вида понимания индивидуальности. Индивидуальность – 1) совокупность индивидуальных особенностей, 2) целостная многоуровневая полисистема «человек», 3) конкретный человек со своими особенностями, неповторимой структурой, жизненным опытом, уникальным внутренним миром. Психология давно и успешно изучает разнообразные и разноуровневые индивидуальные особенности личности, в том числе тем-

пераментальные, характерологические, интеллектуальные, мировоззренческие. На этой основе были установлены закономерности дифференциации людей, в частности нарастание индивидуальных различий с возрастом, их детерминация уникальными характеристиками жизненного пути и генетической программы, соотношение разных уровней индивидуальной структуры личности (исследования под рук. Б.Г. Ананьева и В.С. Мерлина).

Индивидуальность как объективная полисистема – это проблема общей психологии. Здесь она выступает итогом индивидуального развития человека в онтогенезе и на жизненном пути. Индивидуализация, равно и социализация, – закон развития личности. Поэтому индивидуальность как общий закон развития является предметом общей психологии. Но как уникальность, неповторимость она становится проблемой научной и практической дифференциальной психологии.

В своем уникальном виде индивидуальность реконструируется в специальной идиографической процедуре с применением методов психографии и психобиографии. Разработка идиографического похода, психографического и психобиографического методов является насущной задачей психологической науки.

В этом плане большую ценность имеет опыт школы Б.Г. Ананьева. Здесь, начиная с 1930-х годов, активно использовали такие методы как психолого-педагогическая характеристика личности школьников, написание психологических монографий о конкретных людях – студентах. При этом в основу были положены персонологические идеи А.Ф. Лазурского, В.Н. Мясищева, Б.Г. Ананьева.

Под руководством Б.Г. Ананьева, как известно, проводились комплексные исследования, конечной целью, или сверхзадачей которых была индивидуальность как всеобщий закон развития человека. Апофеозом комплексных исследований мыслилась картина индивидуальности как полисистемы и индивидуального сознания как внутреннего мира личности. Индивидуальность – хорошо организованная система (точнее, полисистема), в которой разнородная многоуровневая структура внутренне координирована, а функционирование ее разноуровневых и разнородных элементов синхронизировано.

Сотрудники и последователи Б.Г. Ананьева накопили опыт реконструкции структуры личности, полисистемы индивидуальности на уровне индивида, собственно личности и субъекта деятельности путем сопоставления показателей основных структурных элементов конкретных персон (испытуемых) по горизонталям и вертикалям модельной структуры личности-индивидуальности. (Удачную схему структуры индивидуальности предложили В.А. Ганзен и Л.А. Головей в 1980-х гг.). В этих сопоставлениях особое место занимают жизненные показатели, полученные биографическими методами, в том числе показатели характера, способностей, направленности, жизненной философии.

В настоящее время коллекция психографий накапливается на кафедре психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета. В перспективе предполагается сделать теоретическое обобщение материала в теоретической системе Б.Г. Ананьева. Мы надеемся, что таким образом удастся прояснить, конкретизировать закономерности индивидуальной человеческой структуры и ее развития, и, может быть, дополнить научные знания о них.

В настоящее время становится более очевидной новая реальность – расширение до мирового масштаба жизненного мира личности. Это стало возможным при новых средствах массовых коммуникаций, особенно интернета. Проблема индивидуальности не может быть замкнута в пространстве индивидуальной жизни. Психологам предстоит и исследовать понять, как человеку удается сохранить свое лицо, когда он то и дело вступает в межкультурные коммуникации.

Означает ли это потерю феномена индивидуальности как уникальности? В массовом обществе есть опасность потери этого качества. Как ему противостоит современный человек? Какие психологические механизмы способствуют этому? Думается, что этот вопрос имеет перспективу в новейших исследованиях.

СУБЪЕКТНОСТЬ В РАЗВИТИИ ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ

Лопухова О.Г.
г.Казань
olopuhova@rambler.ru

Развитие представлений о становлении личности в гендерном аспекте на протяжении всей истории психологии открывает нам разные ракурсы в понимании механизмов и факторов этого процесса. Современный взгляд на данную проблему представлен с позиций субъектно-бытийного подхода, в понимании, что «…конструирование гендерной идентичности личности – это не простое усвоение личностью культурно заданных образцов и норм, это всегда реализация внутренних смыслов личности и Я-концепции личности, реализация ее субъектных характеристик» (Ожигова Л.Н., 2010).

Данный подход, на наш взгляд, наиболее адекватен для понимания механизмов развития гендерных образований личности в условиях неустойчивой, трансформирующейся гендерной системы общества.

Субъектность присуща человеческой психике, как природно заданная способность рефлексировать свое Я, активно реализовывать отношения «Я-Другие» на основе своих внутренних позиций. При этом можно утверждать, что сила и полнота реализации субъектности определяет характер и степень социально-психологической адаптации личности в ситуациях рассогласования внешних и внутренних составляющих ее бытия. В анализе развития системы гендерных образований личности механизм субъектности проявляется, пожалуй, наиболее ярко. Примеры транссексуализма, когда при инвертном половом самосознании все попытки воспитательных воздействий с целью формирования личности в соответствии с биологическим полом оказываются безрезультатными, демонстрируют нам силу внутреннегопотенциала личности к реализации своего Я.

Однако можно обратить внимание на то, что, даже прибегая к смене морфологического и социального пола, транссексуалы, как правило, не приходят к внутренне гармоничному, психически адаптированному состоянию.

Дезадаптивность транссексуала после смены пола связана с его жесткой зависимостью от системы гендерных стереотипов, в которой происходит смена позиции, но не отношения к самой системе. Для достижения социально-психологической адаптированности необходимо переосмысление системы гендерных норм и образов, их внутренняя индивидуальная трансформация (Белкин А.И., 1979), что представляет собой не только свободу личности от непосредственного социального влияния (самоопределение), но и свободу в понимании и принятии внешне заданных норм и значений (нахождение личностного смысла) в гендерной самореализации. Это говорит о том, что для полноты личностной реализации в механизме субъектности недостаточно выделять свойства автономности, активности, самопроектирования, саморегуляции и самоорганизации.

Важными положениями в понимании субъектностина наш взгляд, выступают: представление ее как творческой способности к преобразованию среды и как свободысоздавать бытие, отражающее внутренние смыслы самореализации (Ожигова Л.Н., 2006), а также выделение вее содержании генеративных и трансформационных функций рефлексии (Карпов А.В., 2010). Благодаря реализации данных функций личность и развивается, реализуя свой потенциал, и адаптируется, сохраняя целостность в условиях давления неблагоприятных обстоятельств, внешних и внутренних противоречий, и изменяет среду, выстраивая аутентичное бытие и трансформируя общественное сознание (Леонтьев Д.А., 2002; Рябикина З.И., 2010).

Проводимые нами исследования гендерных образований личности идентификационного и ценностно-смыслового уровней выступают эмпирическим подтверждением изложенных выше позиций, конкретизируя их. Общей идеей отдельных исследований является понимание того, что развитие гендерных образований личности и их интеграция в единую систему личности – это всегда творческий процесс включения в социальные отношения, осознания их и наполнения индивидуальным смыслом. Изначальная персональная природа этого процесса делает трудным его регуляцию извне и нередко приводит к рассогласованиям (Весна Е.Б.,

2001),однако именно случаи деформации, нарушения, отклонения в развитии психических процессов и образований позволяют выявить их структуру и механизмы, не представленные в явном виде в случае нормального гармоничного своего проявления.

Одним из таких исследований было изучение внутриличностного гендерного ролевого конфликта, реализованное в рамках диссертационного исследования аспирантки Г.Ф. Шакировой (2011).

Данный феномен рассматривался нами как результат стремления и мужчин и женщин в ихсамореализациикрасширению границ заданных обществом гендерных норм при недостаточной степени осознанности, отрефлексированности противоречий в ориентациях на противоположные по своей сути гендерные ролевые модели, а также спутанности целевых и оценочных оснований на ценностно-смысловом уровне системы гендерных образований личности.

Соответственно, коррекционные возможности в работе с проявлениями внутриличностного гендерного ролевого конфликта состоят в переводе гендерных семантических оснований индивидуальных систем отношений и оценок в разных сферах самореализации на осознаваемый уровень, что дает возможность их переосмыслить и интегрировать в целостную непротиворечивую систему.

В то же время, внутренняя работа по преодолению данных противоречий, разрешение или снятие конфликта состоит не только в трансформации субъективных гендерных образов в ходе их осмысления и интеграции, но и их экспансия,реализация вовне,формирование аутентичного бытия, что, в свою очередь, отражается в трансформации гендерной системы общественного сознания.

В другом диссертационном исследовании аспирантки Э.И. Бегловой изучается связь гендерных особенностей образа «успешной личности» с проявлениями психической адаптированности у вынужденно безработных женщин разных поколений. Результаты исследования показывают, что уровень психической адаптированности женщин в большей степени зависит не от социального статуса (проявляющегося, в частности в положении вынужденной нетрудоустроенности), а от того, какое гендерное содержание имеет субъективный образ успешной личности, и в особенности, его эмоционально-оценочный компонент.

Установлено, что женщины с высоким уровнем психической адаптированности в субъективном образе успешной личности проявляют высокую степень индивидуальной вариативности, не придерживаясь при этом гендерных стереотипов, разделяющих успешность «мужскую» и «женскую» с позиций патриархальных установок, и имеют во всех вариантах эмоционально-позитивное, принимающее отношение к образу «женской успешности». Низкий уровень психической адаптированности, независимо от социальной ситуации, связан с выраженным патриархально-стереотипным содержанием образа успешности, сопровождающимся избирательно негативным отношением к образу женской успешности, проекцией на него состояний агрессивности, тревожности или депрессивности.

Таким образом, в ситуации вынужденной нетрудоустроенности реализация субъектности проявляется в индивидуальной трансформациигендерных особенностей образа успешной личности, какидеального образа Я – концепции, что позволяет женщине прийти к состоянию психической адаптированности, проявляя тем самым внутреннюю силу и свободу.

Таким образом, можно утверждать, что субъектность, как механизм самопроектирования, самодетерминации личностью своей сущности в пространство своего бытия, дополняет в качестве противовеса механизм интериоризации системы культурных значений и норм в развитии личности. Благодаря диалектической взаимосвязи данных функций развитие гендерных образований личности (гендерного самосознания, гендерной идентичности, гендерных установок, гендерных представлений и образов, составляющих Я-концепцию и др.) при относительной связи с гендерными стереотипами и нормами обнаруживает высокую степень индивидуального своеобразия, выполняя адаптационные функции и несет общественному сознанию мощный трансформирующий потенциал.

ОТВЕТСТВЕННОЕ САМОРАЗВИТИЕ – СПОСОБ СВОБОДНОГО ТВОРЧЕСКОГО ЖИЗНЕОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Некрасова Е.В.
г. Барнаул
hronotoppp@inbox.ru

Человека, его жизнь, деятельность нельзя уложить в строгие рамки заданных условий, требований и норм. Полноценное жизнеосуществление человека как ненормативного существа возможно лишь в среде, в которой его сверхадаптивная природа находит естественный выход, где человеческая активность востребована.

Люди, имеющие в своих руках власть, в попытке господствовать над действительностью, изменять ее в своих целях не исключают возможность принуждать других. Поэтому человеку нужно уметь отстаивать свою свободу. Человек имеет возможность самостоятельно определять "линию своего поведения", отвергая решения, несовместимые с этой линией, в чем, собственно, и состоит его свобода. Самоопределение предполагает ответственность человека за себя и других людей, с которыми он взаимодействует. В этом проявляется, согласно С.Л. Рубинштейну, *этический смысл* принципа детерминации, обнаруживающийся в том, что в результате самоопределения человек является верным себе, не слепо подчиняющимся внешним влияниям и воздействиям, а сопротивляющимся, отстаивающим свою свободу. Он избирательно относится к этим воздействиям, изменяет их в реальных действиях, учитывая при этом последствия своего влияния на себя и других.

Еще Н.А. Бердяев отмечал, что путь человека пролегает от тотальной детерминированности себя внешними силами, несвободы-пассивности, до полной определяемости себя изнутри, т.е. свободы как творческой активности. При этом человек, являясь свободным существом, в акте освобождения изменяясь, не должен изменять самому себе. Свобода человека первична по отношению к его природным и социально-материальным зависимостям, свобода – первое условие творчества. Человек когда-то начал с жизни, которая была сплошным актом объективации; в конце же дорог он, согласно Н.А. Бердяеву, придет к жизни как непрерывному творческому акту. Разрешение вопроса о победе над объективацией будет означать конец существующего миропорядка и трансформацию человеческой природы, переход их в новое качество. Речь не идет о некотором историческом событии, которое произойдет в какой-то определенный день и год. Речь идет о реальности здесь и сейчас творящего человека, определенном экзистенциально-личностном событии. По сути, каждый творческий акт в мгновение кончает старый мир и утверждает новый; каждая победа "здесь и сейчас" над объективацией и прорыв к творчеству трансформирует не только личность творца, но и приближает трансформацию всего существующего. В этом состоит смысл исторического развития.

Каждый этап общественно-исторического развития характеризуется своими особенностями в развитии общества и человека. В людях происходят изменения, которые начинают выступать в функции субъективных оснований для объективно проявляющих себя тенденций общественного развития. Основная тенденция развития человека в историческом плане – все большее проявление духовного, творческого начала. На определенном этапе культурно-исторического развития человек обрел новое системное качество – личность, появление которого выразилось (выражается) в готовности и способности человека к самостроительству, самоорганизации.

История человеческой личности является историей развития ее индивидуальности как подлинного субъекта мироотношения. В ходе психоисторического процесса менялось содержание "собственно человеческого в человеке", его жизненного мира как новообразования, проявляющего себя потребностью в саморазвитии, самодетерминации, творчестве, постоянном стремлении выходить из "времени в вечность", отрицать себя сегодняшнего ради себя завтрашнего. Трансцендентальность выступает как адекватный, имманентный для человека способ саморазвития и объясняется универсальным свойством самоорганизующихся систем любой природы – самодетерминацией как проявлением системной детерминации (Э.В. Галажинский, 2002). Трансцендентальность как осознанный способ существования определяет образ жизни

человека, а его многомерный жизненный мир выступает в своих ценностных координатах как пространство для самоосуществления и самосозидания. Продляя себя в любую жизненную сферу, человек наполняет ее своей субъективностью и привносит тем самым изменения в культуру и свой жизненный мир. Иначе говоря, становление жизненного мира выступает как расширение возможности и качества присоединения, присвоения, преобразования человеком культурного наследия человечества.

Самоорганизация не есть принятие чужого образа жизни, к которому надо только приспособиться, адаптироваться, она есть активное созидание нового образа жизни, включающее процесс конструирования, переконструирования собственного жизненного мира, в рамках которого учитываются результаты духовной работы (новые смыслы и ценности) и новые условия жизни, новые формы, способы поведения. Изменение образа жизни, происходящее одновременно с изменением структуры и содержания жизненного мира человека, есть переход из одного в другой тип поведения. Субъектность при этом выражается в овладении собой, своим поведением через преодоление сложившихся, реактивных, "мешающих" становлению форм поведения. Опыт субъектности – это опыт инициативных выборов и поступков, ответственного саморазвития, самоопределения, восхождение к самостоянию, процесс "приобщения идеальной жизни наличному бытию". Личность – становящееся качество психологической системы, ответственное за ее самодвижение, ее "безразмерность".

Обретая способность к саморазвитию, становясь суверенной личностью, обладающей всей полнотой координат многомерного мира, обретая готовность осуществлять самостоятельные выходы в культуру и взаимодействовать с ней без посредников, "вычерпывая" из нее то, что необходимо для сохранения и развития собственного мира, человек получает возможность менять образ жизни, расширяя тем самым собственное жизненное пространство. Ребенок обретает суверенность в со-бытии с взрослым, который поддерживает, задавая зону ближайшего развития переживания свободы и ответственности. В этой зоне осуществляется переход от подчинения (копирование, фиксированные формы поведения) к самореализации. Перераспределение функций и ролей в совмещенной психологической системе "ребенок-взрослый" происходит постепенно, становление её начинается с симбиотического со-бытия ребенка и взрослого и в "норме" переходит в равноправное взаимодействие суверенных личностей. В этом состоит процесс суверенизации, итогом которой является рождение способности человека к самоорганизации, ответственному саморазвитию, самоопределению. Саморазвитие как открытие и формирование пространства свободного движения, в котором совершается выход "за пределы" сложившегося образа мира, фиксированных приспособительных форм поведения – необходимое условие духовности существования. Смыслы и ценности являются базой для конструирования человеком своего экзистенциального пространства, ими задается направленность его жизнеосуществления. Ценности, будучи нереализованными возможностями, требующими своей реализации, определяют позицию человека, проявляющуюся в его образе жизни. Через "продление" себя в мир человек формирует свое жизненное пространство, в котором (и через которое) можно свободно творчески самоосуществляться.

Феномен ответственного саморазвития, выражающийся в свободном творческом жизнеосуществлении, превратился сегодня в реальный элемент бытия, что ошибочно не учитывать, реализуя те или иные управленческие функции, властные полномочия, организуя образовательный процесс.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ СЕМЕЙНОГО СО-БЫТИЯ

Ожигова Л.Н., Сапогова И.А.
г. Краснодар
topvolna@mail.ru, irinateras@mail.ru

Семья – одно из важнейших пространств реализации личности. Именно здесь мы приобретаем первый социальный опыт и тут же боремся с ним, пытаясь отстоять свою индивидуальность. Семья решает важнейшую задачу по воспроизводству человека как индивида и лично-

сти. В семье личность приобретает способы конструирования и реализации своей гендерной идентичности.

Гендерная идентичность – это осознание личностью себя как представителя определенного биологического пола, на основе усвоенных в процессе социализации норм и стереотипов поведения, принятых в конкретном социуме для мужчин и женщин (Клецина И.С., 2004). В контексте теории мультиполярной гендерной идентичности считается, что результатом гендерной социализации личности становится не мужская или женская идентичность, а некоторый индивидуализированный вариант гендерной идентичности. В современной психологии гендерная идентичность понимается не как биполярной (мужчина – женщина) конструкт, и даже не как андрогинной (маскулинность-андрогинность-фемининность) (Бем С. 2004), , а как мультиполярный конструкт, имеющий множество вариантов характеристик. Гендерная идентичность – это результат взаимодействия организмических, социальных и психологических (личностных) факторов, при котором по мере конструирования гендерной идентичности усиливается регулирующая и смыслообразующая роль самой личности. В процессе реализации гендерной идентичности личность вырабатывает индивидуальные способы социокультурной презентации своих организмических свойств, опираясь на свои личностные смыслы (Ожигова Л.Н., 2006).

В семье гендерная идентичность личности реализуется через различные роли: женщина–мужчина, жена-муж, дочь-мать, отец-сын и т.д. В зависимости от социально усвоенных и индивидуализировано окрашенных представлений о себе личность «выбирает» и выстраивает реализацию своей гендерной идентичности через эти роли. Но, пытаясь реализовать, «подтвердить» свои смыслы и свое понимание гендерной идентичности в семье, личность «наталкивается» на другие идентичности – гендерные характеристики и приоритеты развития других членов семьи.

В итоге, можно говорить о том, что реализация гендерной идентичности связана с вопросом об организации семейного со-бытия.

Следует отметить, что психологическая трактовка понятий «событие» и «со-бытие» различается и представлена в работах таких отечественных психологов, как Б.Г. Ананьев, В.В. Знаков, Н.А. Логинова, С.Л. Рубинштейн, З.И. Рябикина и др.

С.Л. Рубинштейн считал, что «событие – это поворотный момент в индивидуальной биографии». События жизни, С.Л. Рубинштейн расценивал, как узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший путь человека» (Рубинштейн С.Л.,1976).

Однако уже С.Л. Рубинштейн связывал события жизни с собственной активностью человека, с принятием им решения и его реализацией (Рубинштейн С.Л.,1957).

Б.Г. Ананьев также выделял события как некоторое явление или мероприятие в жизни человека. В индивидуальной биографии человека Б.Г. Ананьев выделял два вида событий: события окружающей среды (вторжение внешних сил в судьбу человека, роковые случаи и т.п.); события поведения человека в окружающей среде, т.е. его поступки (Ананьев Б.Г., 1977).

Н.А. Логинова выделила еще один вид событий – события внутренней жизни – «события-впечатления». Автор отмечает, что существенным является не только то, какие объективные изменения в жизнь человека вносят события сами по себе, а то, каким образом под их влиянием личность строит свою судьбу (Логинова Н.А., 1978).

Далее в работах отечественных исследователей, посвященных осмыслению понятия событие (особенно в субъектно-бытийном подходе и психологии понимания), все четче формулируется позиция о том, что в событиях может быть отражен как внешний мир, так и внутренний. Внешние – этот реакции на внешне-происходящие ситуации, внутренние – инициирует сам человек, как субъект своей жизни.

Человек как субъект своей жизни организует события своей жизни, переживает их во всей полноте и стремится придать жизни творческий характер. Человек всегда как-то относится (имеет отношение) к событию или объекту события. Но жизнь человека не есть односторонний процесс аффективного оценивания происходящего.

В.В Знаков отмечает, что субъектные основания психологии человеческого бытия изначально настроены на представление о том, что развитие человеческой психики происходит в общении людей, диалоге субъекта с миром (Знаков В.В, 2005).

Еще С.Л. Рубинштейн указывал, что «другой человек со своими действиями входит в «онтологию» человеческого бытия, составляет необходимый компонент человеческого бытия» (Рубинштейн С.Л.,1976).

З.И. Рябикина, развивая мысль о реализации личности в пространстве своего бытия, фактически придает новый смысл проблеме переживания личностью событий собственной жизни в контексте человеческих отношений. Автор отмечает, что «время организуется личностью в виде распорядка осуществляемых ею дел в соответствии со значимостью (иерархия личностных смыслов), в соответствии с биологическими (организмическими) ритмами, в соответствии с временными параметрами освоенных навыков, умений и других компонентов деятельности, в соответствии с усвоенными социальными нормами. Другой человек является для нас внешним миром, и с ним мы также должны синхронизировать свою процессуальность, учитывая сложившуюся у него иерархию личностных смыслов, его биологические ритмы, временные параметры различных компонентов деятельности, а также усвоенные им и выполняющие регулятивную функцию социальные нормы. Это один из существенных аспектов со-бытия» (Рябикина З.И., 2007).

Далее З.И. Рябикина рассуждает, что «при анализе личности, создающей реальность своего бытия, важно увидеть и понять проблемы, возникающие в связи с тем, что в процессе объктивизации своего замысла личность всегда сталкивается с сопротивлением бытия других людей (бытие всегда есть со-бытие), воплощающих иные смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий, и в то же время». (Рябикина З.И., 2007).

В итоге, по нашему мнению, со-бытийность – это пространство встречи двух и более людей, которая носит не формальный характер, а переживается как «значимое» событие (этап, контакт) подтверждающий жизненный путь, само присутствие человека в своей жизни. Если же встречи не происходит, то есть не происходит со-бытия, то жизнь интерпретируется как пустая, происходящая «как бы не со мной». Другой тогда воспринимается как препятствие или трудность в реализации своих смыслов.

Со-бытие – это некоторая «зона конфликта» личности и личностей, где субъектная природа человека и смыслообразующая регуляция личности задает проблематику выстраиваемым отношениям.

Что же тогда направляет или побуждает личности организовывать со-бытие? Что позволяет преодолевать разногласия и конфликты, порождаемые разностью потребностей и смыслов? Это принимаемое субъектом решение о том, что Другой является внешним миром, но настолько значимым (судьбоносным), что он готов синхронизировать свою процессуальность, согласовывать свои различные иерархии личностных смыслов со смыслами Другого, соотнести их ритмы и остаться в отношениях на длительный период времени.

Отношение – (в психологии) – в самом общем виде – это фиксированное по какому-либо признаку взаиморасположение субъектов, объектов и их свойств. Концепция отношений личности, выдвинутая впервые А. Ф. Лазурским, была разработана В. Н. Мясищевым и получила дальнейшее развитие в работах отечественных психологов.

Концепция отношений личности – это совокупность теоретических представлений, согласно которым психологическим ядром личности является индивидуально-целостная система ее субъективно-оценочных отношений к действительности, представляющая собой интериоризованный опыт взаимоотношений с другими людьми в условиях социального окружения. Прошлый положительный или отрицательный опыт взаимоотношений с людьми формирует и соответствующую систему внутренних отношений личности, с которой он (человек) вновь вступает в отношения с другими людьми в новых ситуациях взаимодействия (Мясищев В. Н., 1982).

Отношения могут быть общественными (социальными) и межличностными. Общественные отношения чаще являются безличностными, когда взаимоотношения между людьми определяются лишь теми социальными ролями, которые они занимают, без учета особенностей их исполнения. Обнаружение личностных черт в стиле исполнения социальной роли вызывает в

других членах группы ответные реакции и тем самым в группе возникает система межличностных отношений.

Важнейшая черта межличностных отношений – их эмоциональная основа. Это значит, что межличностные отношения возникают и складываются на основе определенных чувств, рождающихся у людей по отношению друг к другу. Эти чувства могут быть конъюнктивными – сближающими, объединяющими людей и дизъюнктивными-разъединяющими их.

Семья – это особая система отношений, где уникальным образом переплетаются общественные (социальные) роли и межличностные привязанности. С самого первого момента возникновения семьи (даже с момента первой встречи будущих супругов) формируется некоторая чувственная ткань или «поле» отношений между членами семьи.

Эта система, интегрированная фундаментом отношений, может быть функциональной – способствовать выживанию, адаптации и реализации всех членов семьи, или дисфункциональной – блокировать удовлетворение потребностей личностей, создавать угрозу выживанию, развитию и реализации субъектности.

Например, в повести Ч. Айтматова «Материнское поле» описана традиционная для многих кочевых восточных народов стратегия поведения в ситуации, когда в семье выживают только женщины. Тогда самая здоровая, молодая женщина, надевает одежду своего погибшего мужа, и как бы берет его судьбу, носит его имя, работает в поле вместо него (Айтматов Ч., 1963). С точки зрения выживания рода – это пример адаптивной стратегии поведения для рода. Это пример функциональной семьи, умеющей в кризисный период найти ресурсы выживания за счет «перестройки» смыслов и системы отношений в семье. В этом поступке есть осознанность, т.е. ответственность за род, семью.

А в дисфункциональных семьях мы обнаруживаем, что напряжение внутри системы «переносится» на какого-либо члена семьи – к нему относятся как объекту. Один из членов становится «козлом отпущения», либо идентифицированным больным (пациентом). Так, например, в ситуации развода родители могут использовать ребенка в своих интересах – ссылаться на него, «разряжать» свои негативные эмоции на нем, «настраивать» ребенка против другого родителя.

Таким образом, основу регуляции семейных отношений составляют не столько смыслы и ценности отдельных личностей (эти смыслы регулируют бытие отдельной личности), сколько ценности семьи.

В рамках данной статьи мы не беремся классифицировать и подробно рассуждать о ценностях, которые могут формироваться в отдельной семье или семьях. Их может быть множество. Отметим лишь, что считаем ведущей интегрирующей и регулирующей ценностью сами отношения.

Отношения – это некоторая метаценность (с греч. – между, после, через) взаимодействия между членами семьи, регулирующая их поведение, эмоциональную сферу и стремление к реализации своих потребностей в формате семейных ролей. Это признание (или отвержение) самой ценности отношений внутри семьи по отношению к внешнему миру, принятие (не принятие) Другого члена семьи (его потребностей, компетенций), уважение (пренебрежение) правами и свободами (границами) других.

В этом смысле семья создается на основе отношений, базируется на отношениях и «управляется» через отношения между членами семьи. То есть организация семейного события – это некоторая феноменология отношений между членами семьи. Это некоторый тип или даже «анамнез» отношений.

В отношениях и через отношения реализуется и индивидуальная феноменология личности. Как отмечалось выше, в основе любой феноменологии отношений семьи лежат важные события двух системооразующих субъектов – мужа и жены – это романтическая встреча, влюбленность, свадьба и т.д. Эти события позволяют личности в каком-то (желаемом, реальном, идеальном виде) реализовать одну из версий (компонент) своей гендерной идентичности. Далее в пространстве отношений в семье продолжается конструирование и реализация (или блокировка) гендерной идентичности супругов. Возникает необходимость в осмыслении, синхронизации стремлений личности к реализации гендерной идентичности в пространстве семейного со-бытия, которую личность осуществляет сообразно «наработанным» у нее способам ус-

тановления/прерывания контакта. В своем движении навстречу друг другу пара проходит определенный «цикл контакта», прерывая его и сопротивляясь или постепенно формирует присущие только ей механизмы творческого приспособления (Перлз Ф, 2000).

Так, на первом этапе семейного цикла одна из первых задач организации со-бытия связана с адаптацией своих представлений о реализации гендерной идентичности с представлениями партнера. Личность может начать неосознанно использовать все описанные в гештальт-терапии способы прерывания контакта: как интраектирование (или интраецирование), конфлюенция (слияние), ретрофлексия, проекция, дифлексия (избегание). Главный риск нереализованности гендерной идентичности здесь связан с тем, что формируется диффузная или, наоборот, предрешенная (ригидная, шаблонная) гендерная идентичность.

В этой статье мы предприняли попытку рассмотреть здоровые и нездоровые способы реализация гендерной идентичности личности в организации семейного со-бытия через феменологию ценности отношений личности к себе и другим и способов поддержания контакта в терминологии гештальт-терапии (Польстер И., Польстер М., 1996). Говоря о феноменологии отношений и способах реализации гендерной идентичности приведем несколько примеров из своей психотерапевтической практики, котрые наблюдаются в современных семейных отношениях.

Конкуренция между различными семейными системами: детско-родительской и супружеской; и подсистемами: женскими и мужскими. Данная феноменология отношений возникает как результат интраецированных (навязанных) патриархатной культурой высокой ценности силы, власти, соревновательности. Ведущий способ прерывания контакта здесь – интраецирование, выражающееся в жесткой манере навязывания Другому своей точки зрения, стремление к «переделыванию» Другого по некоторому идеальному образу, буквально борьба за лидерство и власть, упреки и пренебрежение поддержкой близких.

Прагматизм отношений, выражающийся не просто в четком распределении ролей, а в очень конкретизированных выгодах того, или иного поведения при распределении ресурсов в семье. Принцип взаимодействия на рынке товаров и услуг переносится и буквально обуславливает экономическое поведение членов семьи. Данная феноменология отношений также возникает как результат интраецирования эталонов и моделей поведения, «продвигаемых» коммерцианализированной средой общества потребления. И здесь ведущий способ прерывания контакта – интроекция.

Утрата супружеских/родительских компетенций, выражающаяся в делегировании их специалистам в виде услуги. Родитель/супруг считает, что некоторые виды семейных функций должны быть переданы специалистам в области образования, отдыха, питания. Буквально, пусть детей развивают педагоги, воспитывают гувернеры, развлекают и веселят приглашенные аниматоры, готовят романтические ужины опытные повара и т.п. Данная феноменология возникает как все тот же результат коммерционализации общества, но хорошо поддерживает более общие личностные (а не общественные явления) проблемы: желание человека избежать ответственности, вины и тревоги. Ведущий способ прерывания контакта здесь – проекция и дифлексия: «Пусть за меня это (какую-то функцию) делает специалист, а я не буду тревожиться, злиться, переживать и т.д.

Возрастная неадекватность восприятия времени, выражающаяся в высоком темпе и интенсивности ритма жизни и множественности целей и задач, которые ставит перед собой личность. Отношения в семье (между супругами или родителями и детьми) построены вокруг проблем: никуда не успеваю, боюсь постареть, родителям надо помогать, даже в ущерб своей собственной жизни и т.д. Данная феноменология возникает как результат все ускоряющегося темпа технического прогресса, омолаживающей медицины, информационной глобализации. На уровне общественных «товаров» и статусов у личности формируется и поддерживается иллюзия «бесконечной молодости и здоровья», «разжигается» аппетит в отношении технических новинок, часто заменяющих реальные знания, на знания «продвинутого пользователя» и т.д. Ведущий способ прерывания контакта здесь – ретрофлексия и конфлюенция. Как это не парадоксально, но яко бы индивидуалистические приоритеты современного общества делает членов семьи все более зависимыми и созависимыми (конфлюенция): «Мы должны быть «в контакте»,

в связи друг с другом». Подвергаясь внешней стимуляции, мы испытываем «бесконечный потребительский голод» и, не насыщая свои потребности, начинаем «себе делать то, что хотели бы получить от других» (ретрофлексия).

Игнорирование этнического статуса, выражающаяся в том, что члены семьи (индивиды) усваивают современные модели и образы жизни, не поддерживая свои национальные и этнические традиции или, наоборот, внедряя древние практики в повседневную жизнь, уже не соотносимую с прежним менталитетом. Границы и ритуалы отношений не организованы, что ведет к беспорядку и хаосу при выстраивании семейной среды, домашнего быта без учета национальных, культурологических, географических и климатических традиций. Значимое остается скрытым, то есть проявляется ведущий способ прерывания контакта – дифлексия. Близкие в семье не догадываются об истинных чувствах друг друга, потому что сами люди часто не успевают уловить, прожить и «проявить» свои чувства. Множество важнейших инициаций, ритуалов и «переходов», поддерживающих гармоничную ассимиляцию опыта «вымываются» из повседневности. Например, традиционные свадебные ритуалы заменяются на нетрадиционные экстремальные свадьбы под водой или на велосипедах и т.д. Или, наоборот, девушка пропускает сессию в высшем учебном заведении, потому что по древнему обычаю (по договоренности) ее «крадет» жених.

В итоге, такая феноменология отношений и способов контакта ведет к тому, что на индивидуальном уровне происходит отчуждение личности от своих представлений, эмоций и поступков, причем феномен отчуждения все чаще проявляется на организамическом телесном уровне – буквально «уход от тела, от контакта со своим телом». Отсюда возможна соматизация жизни, подкрепляемая медикализацией и фармаколизацией общества.

Далее уже на уровне близких отношений также происходит усиление отчуждения между членами семьи, что приводит к эмоциональной холодности, так называемом «заворачивании» эмоций на себя. Мужчины и женщины, юноши и девушки и соответственно девочки и мальчики демонстрируют только социально-приемлемые чувства и «разрешенные» телесные реакции, или, наоборот, бунтуют против всех и всего, выбирая экстремальные формы обращения с телом (прыжки с моста на резинке, паркур). А это в свою очередь приводит уже к нарушениям отношений к самому себе, и прежде всего к собственным телесным проявлениям и как результат к нарушениям реализации гендерной идентичности.

Поскольку, обретение гендерной идентичности во много обусловлено ценностью отношений между членами семьи и теми событиями, которые обеспечивают синхронизацию их ритмов, интеграцию их функционально-ролевого репертуара и наполняют персональным смыслом совместное бытие, то, в конечном счете, именно на личностном уровне возможны различные пути реализации гендерной идентичности.

На наш взгляд выход реализация гендерной идентичности в организации семейного события начинается тогда, когда человек обращается не столько к событиям внешней среды, пусть даже семейной (болезни или неудачи родственников, плохие отношения между членами семьи и желание всех примерить и т.п.), сколько он или она обращаются к событиям внутренней жизни и начинает интересоваться собой, своей телесностью, чувствами, начинает видеть, осознавать и присваивать причинно-следственные связи своей персональной (в том числе и гендерной) истории. В поиске себя, и обретения истинной гендерной идентичности, как правило, помогают такие способы, как творческое приспособление: ассимиляция опыта, интегрированная ролевая идентичность, творческая реализация в деятельности.

Оздоровление отношений личности к самой себе как правило обеспечивает и оздоровление семейных дисфункциональных отношений в силу хотя бы того, что человек остается в контакте с самим собой, своими симптомами, чувствами, мыслями, синхронизирует персональные пространства бытия, интегрирует в виде переживания– отношения и ассимилирует в виде персонального события. Навык здоровых форм отношений он может переносить в пространство отношений со значимым другими, признавая и поддерживая реализацию гендерной идентичности других членов семьи, и таким образом, «творить» пространство семейного со-бытия.

ОБРАЗ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ[1]

Прохоров А.О.
г. Казань
alprokhor1011@gmail.ru

Изучение отношений между категориями психических явлений является важнейшей методологической проблемой психологии. Установление зависимостей между «сознанием» и «состоянием» позволило бы, с одной стороны, показать «вклад сознания» в состояние и объяснить ментальные механизмы регулирования – возникновение состояний определенной модальности, знака, длительности, интенсивности, их динамику и устойчивость, а с другой, выявить особенности влияния психического состояния на составляющие сознания и его структуры, их содержание и изменения в процессе взаимоотношений.

В этом контексте фундаментальное значение приобретает изучение бытийного слоя сознания: «чувственной ткани» (по А.Н.Леонтьеву) – образа психического состояния. При изучении образа мы исходим из следующих представлений. Образ состояния, в отличие от предметного образа, может рассматриваться как структура, в которой слиты воедино знание, переживание и отношение, где знание раскрывается на основе консолидации внутренних ощущений и субъективного опыта, переживание связано с осознанностью и рефлексивностью, а отношение выражает зависимость образа состояния от ситуаций его возникновения, с одной стороны, и влияние образа состояния на регуляторные процессы жизнедеятельности субъекта, с другой.

На наш взгляд, образ психического состояния связан с сенсорно-перцептивными процессами (впечатлением, ощущением, восприятием), со структурами субъективного опыта вкупе с представлениями (вторичными образами) и памятью, а также с переживаниями и рефлексией. Именно в переживании, на основе ощущений и рефлексии, субъекту дается реальность его психического состояния. Переживание определяет и закрепляет психический образ состояния, интенсивность (яркость) его проявления, тогда как рефлексия устанавливает границы образа, его близость и соответствие актуально переживаемому состоянию.

В соответствии с этими представлениями, механизмы, приводящие к возникновению и закреплению образа психического состояния, следующие. Внутренние ощущения и впечатления, вызванные событиями и ситуациями, переживаемыми субъектом, проходя этап сличения с содержанием прошлого опыта, превращаются в представления о пережитом состоянии, и далее, через процесс осознания в его образ. Подобно тому, как возникает и закрепляется предметный образ в процессе восприятия, образ психического состояния фиксируется и закрепляется в структурах памяти во время переживания индивидом данного состояния, формируя субъективный опыт.

В дальнейшем образ может репродуцироваться в актуальных ситуациях жизнедеятельности в форме представления, то есть образа памяти, хранящегося в субъективном опыте. Данный образ не является предметным, это чувственный образ, формируемый переживанием. Он, в свою очередь, как и образ представления, может обогащаться и изменяться в процессе жизнедеятельности.

Субъективный образ психического состояния раскрывается в трех проекциях: прошлое (в представлении о состоянии), настоящее (образ актуального состояния, возникающий вследствие восприятия собственного состояния «здесь и сейчас») и будущее (образ будущего, например, желаемого состояния). Образ состояния характеризуется определенным строем, связанным с отношениями между составляющими образа, схемой, представляющей собой форму когнитивного образования, объединяющей и отражающей пространственно-временные и функциональные отношения между составляющими состояния, а также иерархической организацией, структурой, интенсивностью, качеством, модальностью и функциональностью. Он относительно стабилен, в его структуре существуют как постоянные, так и вариативные составляющие.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-00074а).

Содержание образа представляет собой результат отражения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях и событиях, в которых находился субъект, и связано с его впечатлениями, рефлексивными процессами, особенностями переживания и др. Отраженные компоненты психического состояния фиксируются в сознании в определенном сочетании, формируя структуру. Последняя изоморфна реальному состоянию. Опыт проецируется на актуальное собственное состояние.

Субъектом воспринимаются характеристики состояния со стороны поведенческих, психологических, физиологических и др. показателей, придаётся форма этому разнообразию, формируется образ состояния, определяется качество. Субъект структурирует пространство состояния, создается система отсчёта (ориентиры), т.к. пространство только тогда и есть, когда оно структурировано. Появляется мера. Движение по «собственной шкале» дает возможность субъекту оценить пространство состояния, что субъективно выражается в качественной определенности тех или иных составляющих, входящих в состояние при переживании интенсивности их проявления. Переживание длительности («дления») и изменения психического состояния создает временной ряд образа, включающий в себя различные характеристики (временные интервалы, последовательность, длительность, дискретность, циклы и пр.). Задачей ряда является синхронизация деятельности субъекта, событий и ситуаций, пространства, переживаний и др., в том числе, интеграция пространственных характеристик (параметров состояния) в единое образование – образ состояния.

Взаимодействие ситуации (события), субъективного опыта, когнитивных процессов при опосредованном влиянии переживания, осознания и рефлексии приводит к формированию корреляционных образований («констелляций» – по Б.Г.Ананьеву) из отдельных «ведущих» составляющих психологических структур. Корреляции изменяют переживание, поведение, психические функции, вегетативные реакции, физиологические и пр. процессы субъекта. Эти изменения объективируются в сознании в виде образа психического состояния.

Проведенные в контексте данной теоретической модели исследования образа психического состояния субъекта позволили выявить ряд особенностей: характеристики пространственно-временной организации, специфику и интенсивность проявления, вариативность показателей, рельефы, изменения структурных характеристик и др.

Установлено, что образы психических состояний во временном континууме *«прошлое-настоящее-будущее»* характеризуются различной стабильностью, интенсивностью и содержательной насыщенностью в зависимости от уровня психической активности и модальности состояний. Наиболее стабильными во всех временных диапазонах являются показатели образов положительных состояний высокого уровня психической активности и отрицательных состояний низкого энергетического уровня. Наибольшая интенсивность во всех временных диапазонах присуща образам положительных состояний высокого уровня психической активности, а наименьшая – образам отрицательных состояний среднего и низкого энергетического уровня. Интенсивность и содержательность образов психических состояний не имеют прямой зависимости.

Актуальный образ состояния отличается большое полнотой содержания по сравнению с образами состояний в «*прошлом*» и «*будущем*», а образы «*будущего*» более насыщены, чем образы «прошлого». Наиболее содержательно наполнены образы отрицательных состояний высокого и среднего уровня психической активности. Образы психических состояний при их достаточной устойчивости и стабильности характеризуются тенденцией к изменению с увеличением временных диапазонов при сохранении субъективной идентификации состояния.

Установлено, что структурная организация образов психических состояний в континууме «*прошлое-настоящее-будущее»* характеризуется спецификой плеяд, их содержанием, устойчивостью связей, когерентностью, дивергентностью и организованностью. Наибольшее число показателей в плеядах входят в структуру образа длительных отрицательных состояний низкого уровня психической активности. Близкие закономерности обнаружены для образов положительных состояний высокого энергетического уровня.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Разорина Л.М.
г. Сыктывкар
l-ras@mail.ru

Действительно быть в жизни – значит поступать.
М.М. Бахтин

Исследование различных аспектов бытия и со-бытия личности в российской психологии имеет давнюю традицию, которая восходит фактически к философским концепциям нравственной жизни М.М. Бахтина и С.Л. Рубинштейна. Данные концепции несколько отличаются расстановкой смысловых акцентов, используемой терминологией, но в целом несут на себе печать концепции Г.Когена. Подходы обоих авторов роднит системный подход к взаимоотношениям человека и мира, ценностно-смысловой анализ человеческого бытия-со-бытия и ответственного поступления. Опишем некоторые основные теоретико-методологические позиции данных концепций.

С точки зрения М.М. Бахтина (1972), определение самого себя задано человеку в категориях еще-не-бытия, в категориях цели и смысла, в смысловом будущем. Это пространство, в которое нельзя войти наблюдателю, оно созидается самим человеком. Во взаимоотношениях человека и мира важно, чем является для него мир и чем является он сам для себя самого. Понять предмет, по М.М.Бахтину, значит понять долженствование по отношению к нему, понять его в отношении к себе в единственном бытии-событии, что предполагает ответственную участность.

Только изнутри участности может быть понято бытие как событие. Участно мыслить – значит не отделять своего поступка от его продукта, а относить их и стремиться определить в едином контексте жизни как неделимые. Участное мышление – это ответственно поступающее мышление (Бахтин М.М., 1986)

Поступок в свете категорического императива должен быть законосообразен. В этой мысли М.М. Бахтин подчеркивает два момента:

1) поступок должен быть абсолютно не случаен,

2) долженствование абсолютно принудительно, категорично для субъекта.

Поступок – ответственен; рациональность – только момент ответственности. Ответственность поступка есть учет в нем всех факторов (единого плана, единого контекста, теоретической значимости, исторической фактичности, эмоционально-волевого тона), которые фигурируют как моменты единого решения и берутся во всей их полноте и правде. Ответственный поступок – всесторонний окончательный вывод; он стягивает, соотносит и разрешает в едином контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо все входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из возможности в единственность раз и навсегда (Бахтин М.М., 1986).

В основе единства ответственного сознания лежит факт признания собственной причастности к единому бытию-событию. Здесь исток поступка и принудительного долженствования. И вокруг этой точки располагается все бытие единственным и неповторимым образом. Здесь осознание того, что может быть совершено только мною. Этот факт не-алиби в бытии, лежащий в основе долженствования поступка, единственным образом признается и утверждается. Его познание есть его обобщение.

Действительный творческий поступок всегда движется на ценностных границах эстетического мира, на границе тела, на границе души, движется в духе (Бахтин М.М., 1979).

Пока жизнь течет в неразрывном ценностном единстве с коллективом других, она осмысливается, строится, организуется в плане возможного чужого сознания, поступок организуют сознание возможного и ценностный контекст рассказчика (Бахтин М.М., 1979).

Активный поступок утверждает свою единственность и незаменимость в целом бытия и в этом смысле внутренне придвинут к его краям, ориентирован в нем как целом. «Я участен в бытии как единственный его деятель; …я причастно к единственному бытию: я есмь в нем»

(Бахтин М.М., 1986). Поступок является поступком в той части, в какой задает некую новую норму. Поступок в субъекте и через субъекта развивает бытие, ибо то, что может быть совершено именно этим субъектом, «никем и никогда совершено быть не может» (Бахтин М.М., 1986). Вне способности поступать нет самого "Я". Совершая поступки, человек творит самого себя. Поступок следует за решением, переводя возможность в единственную действительность. Поступок совершается нравственным субъектом в отношении человека к человеку. Поступок должен совершаться во всеоружии сопряженных с ним знаний (Гусейнов А.А., 2001).

М.М. Бахтин (1986) считает, что современный кризис в основе своей есть кризис современного поступка; нужно смириться до персональной участности и ответственности.

При анализе поступка-со-бытия М.М.Бахтин выносит системообразующий фактор во вне: Другой является ценностно-образующим центром и смыслом системы. «Внутренне любовно-авторитетный другой во мне является управляющим» (Бахтин М.М., 1979, с. 134.). Целесообразность, по мнению М.М. Бахтина, не задает ценностно-смысловое пространство. Идея же целостности требует и соответствующего адекватного метода исследования. У М.М. Бахтина – это системный подход и системный анализ, который позволяет теоретически анализировать внутреннюю нравственную позицию другого.

Но в психологическом исследовании встает вопрос о методе исследования личности в ситуации жизненного события. Подход к этой проблеме представлен в концепции С.Л.Рубинштейна.

Осознанность и деятельность, по его мысли, выступают как новые способы существования в самой Вселенной. В полемике с экзистенциализмом он выстраивает свое методологическое видение проблем существования человека в мире в единстве с миром, концепцию бытия (со-бытия) человека в мире с марксистских позиций. Это концепция "полноценного" человека с "полноценным" отношением ко всему в мире, во главе которого стоит целостное отношение к миру и к другому. Человек включается в мир как: 1) бытие, преобразующее реальность, и 2) как переходящее в форму идеального существования.

Человек, с точки зрения С.Л. Рубинштейна, выступает в бытии как представитель будущего в настоящем. Будущее в идеальной, отраженной форме, включаясь в настоящее, детерминирует ход событий, который к нему ведет. Возможность человека определять свое будущее есть возможность определения каждого из прошедших этапов своей жизни, поскольку и он был в свое время будущим.

Анализ отношения человека к миру предполагает раскрытие способа существования человека в мире. Основной метод – выявление двух основных отношений к миру – сознания и действия. В сознании "Я" как всеобщность и как частное, единичное "Я" производно от существования других "Я". "Я" – это "мы", это коллективный субъект познания, действия, жизни. Отдельное "Я" может быть определено лишь через свои отношения с другими "Я". Приоритет принадлежит другому "Я", как предпосылке выделения единичного собственного "Я". "Я" формируется в процессе обобщения объективной реальности. Процесс осознания бытия есть переход бытия в идеальную форму сущности субъекта (Рубинштейн С.Л., 2003)

Анализ роли внутреннего приводит к уяснению существования различного рода связей. Основой, порождающей другие связи, служит структура связи. Именно она, объединяя разные стороны в одно целое, является той внутренней связью, которая образует внутреннее условие, опосредствующее суммарный эффект действия внешней причины. Наряду с этим С.Л. Рубинштейном вводятся понятия рефлексии или мировоззренческих чувств и "переоценки ценностей" как уточнение представления о внутренних условиях. Лишь определенные соотношения мировоззренческих этических чувств, считает он, этически оправданны, приемлемы, закономерны как выражение отношения человека к типическим ситуациям жизни. Человек – часть общества, его жизнь входит в жизнь человечества и продолжается в ней. В познании осуществляется переход реально существующего мира в идеальный; в действиях – проникновение в мир, приобщение к нему и его изменение.

Анализ человеческого поведения предполагает раскрытие его подтекста, "семантики" поступка. Смысловой анализ человеческого поведения раскрывает его духовную жизнь (переосмысливание жизни, "переоценку ценностей"). Здесь расходятся общепринятое функциональное

свойство вещи (орудие или средство для достижения цели), и ее "сигнализирующее" свойство для достижения конкретной цели. Действия человека порождены ситуацией и соотношением с потребностями. Каждый человек в конкретной ситуации со своей позиции видит мир и по-своему относится к нему. В способе видения ситуации субъект выступает как внутреннее условие раскрытия объекта. Он не только определяется миром, но и самоопределяется по отношению к миру. При этом важна: 1) его обусловленность объективными условиями, 2) различие позиции субъекта, понятой как объективное ее изменение, как выражение изменения ситуации. Становление ситуации, выход за ее пределы в сознании и действии определяет разное отношение разных людей к одной и той же ситуации, в зависимости от того, какой смысл видит в ней и вносит в нее человек. Конкретный анализ ситуации обнаруживает динамику ценностей. Возникновение идеалов, ценностей и их реализация в процессе жизни есть не что иное, как образование разрыва, противопоставления и его преодоление. Постоянная в ходе жизни переоценка ценностей является закономерным результатом диалектики жизни человека, изменения, перестройки его взаимоотношения с миром, прежде всего с другими людьми, с обществом.

Человек обретает всю полноту своего бытия и выявляется во всех своих человеческих качествах по мере того, как он выступает по отношению ко всем сторонам бытия, жизни. В каждой сфере человеческой деятельности обнаруживается соответствующая ей система значимости, сфера притязаний и сфера достижений человека. Человек определяется по своим потенциям и объективному составу этих качеств, измеряются масштабы человеческой личности. Идеальный человек – это человек, в котором реализованы все его потенции.

Поэтому для изучения человека надо: 1) взять его во всех существенных для него связях и отношениях к миру, 2) выявить все его качества, в которых он в каждой из этих связей и отношений выступает. Основной критерий поступков и отношения человека к жизни – строительство в себе и в других новых, все более совершенных, внутренних и внешних форм человеческой жизни и человеческих отношений, утверждение другого человека. Коллективность, идейная общность должны существовать наряду с сохранением критической мысли индивида, его инициативы и ответственности. Ответственность выступает для С.Л.Рубинштейна (2003), как ответственность за все содеянное и все упущенное. Он предупреждает о моральной опасности несовершения реальной жизни людьми, не переделки ее, а лишь ее понимания, объяснения.

Таким образом, в концепции С.Л.Рубинштейна представлена модель взаимодействия человека с миром и модель самоосуществления, которая может быть положена в основу нормативного экспериментального исследования оправданных отношений человека к типическим ситуациям нравственного поведения и отношения.

Для этих целей, на наш взгляд, может быть использована ценностно-нормативная методика Г.Е.Залесского (1986, 1995), специально созданная для исследования устойчивости нравственной позиции личности. В связи со сменой официальных ценностей и идеологии реализовать ее в полном объеме не представляется возможным. Однако, положенные в основу методики принципы гуманистических человеческих взаимоотношений, представляющих законосообразность этического норматива, актуальны и при существующих условиях. Конкретные ситуации, которые могут входит в противоречие с нормативными требованиями, в настоящее время изменились принципиально и трудно подобрать их эквивалент в реальности настоящего.

Наше исследование исходило из предположения, что использование ценностных конфликтных ситуаций в основных сферах человеческой жизни (смысла жизни, отношения к другим в сфере деловых отношений и к себе самому, своему развитию) позволит обнаружить характер позиции респондентов в отношении к другому человеку (ориентацию на другого – гуманистическую позицию, или ориентацию на себя – эгоистическую позицию) и оценить конструктивный потенциал каждого индивида и группы принадлежности в целом.

В исследовании участвовало 125 студентов 1 и 3 курсов естественных и гуманитарных специальностей Сыктывкарского госуниверситета в возрасте от 17 до 23 лет. Выборка представлена 36 юношами и 89 девушками. Выравнивание выборки по гендерным и другим показателям не производилось, т.к. в отношении ценностных характеристик это не принципиально. Приведем некоторые предварительные результаты исследования.

Выявлено, что 115 человек (92%) считают: у каждого человека должно быть свое мировоззрение. Однако только 41 студент (32,8% выборки) считает, что наиболее уверенно чувствуют себя люди, обладающие научно обоснованным мировоззрением. Каждый четвертый не согласился с предложенными вариантами ответов и попытался дать свое определение, однако можно согласиться с успешностью только одной попытки. Правильно выбрали варианты определения зрелости личности только 3 респондента (2,4%). Однако нельзя признать, что хотя бы один респондент владеет обоими понятиями.

Анализ решения задач с ценностным конфликтом обнаруживает, что правильно решить задачи во всех трех сферах ценностей не удалось ни одному студенту. Более того, ни один студент не решил правильно (с гуманистических позиций) серию задач в сфере смысла жизни; среди пояснений сделанных выборов преобладают высказывания следующего характера: «у каждого свой смысл жизни», «о смысле жизни люди задумываются в более старшем возрасте». У 17 (13,6%) человек в этой серии задач обнаружена эгоистическая позиция, у остальных 86,4% – не сформированная, подверженная влиянию внешних факторов. Наиболее низкий потенциал сопротивления сбивающим факторам (-0,12) обнаружен у группы химиков, а наиболее высокий (0,04) – у группы биологов.

В серии задач на оценку умения подчинять личные интересы интересам группы и сотрудничать с нежелательным партнером обнаружено, что правильно, в соответствии с культурными критериями решили задачи 8 студентов (6,4%), а крайнюю эгоистическую позицию заняли 37 (26,6%). В этой серии задач было максимальное число расхождений ответов и мотивировок принятия решения. За правильным обоснованием ответа в одной задаче следовал неправильный выбор позиции в следующей. Самый низкий потенциал сопротивления противодействующим факторам (-0,06) обнаруживается у студентов специальности «культурный сервис и туризм»; самый высокий (0,17) – у студентов-химиков. Следует отметить, что самый большой негативный вклад в совокупный потенциал группы внесли студенты-психологи мужского пола, у которых средний потенциал (-0.49).

В серии задач на оценку установок на собственное развитие обнаружено, что ориентированы на развитие себя 12 студентов (9,6%), не ориентированы – 14 (11,2%). Наименьший потенциал (-0,14) обнаруживается у группы студентов-химиков; наибольший (0,3) – у студентов-биологов, причем максимальный вклад вносят юноши, у которых средний потенциал составляет 0,35.

Сравнение результатов решения всех серий задач выявляет, что устойчивая нравственная позиция не обнаруживается ни у одного студента выборки; у 8 человек (6,4%) –эгоистическая позиция обнаружена в двух сферах ценностей, а у 54 студентов (43,2% выборки) исследование фиксирует неустойчивую позицию во всех трех сферах ценностей.

Анализ установок на активное поведение в ситуации по методике Г.Е.Залесского выявляет такие установки во всех трех сферах у 29 студентов (23,2% выборки); противоречивые установки – у 53 студентов (42,4% выборки); пассивно-положительные – у 29 (23,2%). В целом пассивные и противоречивые установки обнаруживаются у 90 (72%) студентов.

Представляется, что нам удалось зафиксировать индивидуальное видение мира нашими респондентами, наложенное на прожективную ситуацию стимульного материала, а также установки испытуемых по отношению к собственному поведению в аналогичных реальных ситуациях. Вместе с тем, эти данные, видимо, подтверждают опасения С.Л.Рубинштейна относительно опасности несовершения реальной жизни, но это требует проверки.

Есть основания предположить, что дальнейшая работа по совершенствованию диагностики нормативного принятия нравственных решений в соответствии с требованиями «законосообразного» этического и эстетического поведения должна вестись в направлении указанном С.Л.Рубинштейном: выявлении перечня значимых для социума сфер деятельности, существенных связей и отношений к миру, качеств, необходимых для проникновения в социальный мир, этически оправданного, приемлемого выражения отношения человека к жизни, для технологически и научно обоснованного перевода реального мира в форму идеального существования, выявления основных критериев оценки.

СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД К ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕЕ СО-БЫТИЯ

Рябикина З.И.
г. Краснодар
Z.Ryabikina@yandex.ru

Обращение исследователей к закономерностям и феноменологии *человеческого бытия* и к проблемам личности, как *субъекта преобразований бытия,* отражает складывающуюся исследовательскую ориентацию в психологической науке наступившего века (А.Г. Асмолов, В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев, Е.А. Сергиенко, В.А. Петровский, З.И. Рябикина, В.И. Моросанова, Н.В. Гришина, Л.Н. Ожигова, Н.Е. Харламенкова, Г.Ю. Фоменко и др.), что обусловливает множественность методологических решений, разнообразие теоретических моделей, различающихся в акцентах, в том, как трактуются используемые исследователями категории и понятия, на какие аспекты бытия и какие функции субъекта они в большей степени обращают внимание.

Субъектно-бытийный подход к личности базируется на трех основных, включенных в научный психологический дискурс, категориях: *личность, субъект, бытие* и входит в соответствующие констелляции теоретических конструкций, оформившихся, конституировавшихся «вокруг» каждой из названых категорий (З.И. Рябикина, 2010). В этом подходе подчеркивается направленность человека на переустройство бытия в соответствии со *структурой сложившихся личностных смыслов*, т.е. на преобразование реальности внешнего мира таким образом, что мир становится следствием объективирования субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии (З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, Л.Н. Ожигова, А.Р. Тиводар, Г.Г. Танасов, А.В. Бурмистрова-Савенкова, Д.А. Панов, Т.К. Хозяинова, Е.Н. Диденко, О.В. Болдырева и др.). При этом пространства бытия личности непосредственно включаются в ее структуру (этот взгляд представлен также в концепциях У. Джемса, К. Левина, Э. Мэйли, С.К. Нартовой-Бочавер и др.) и личность, как субъект бытия, становится фактором, объединяющим все стороны бытия человека (как субъективные, так и объективные) в неразрывное целое (А.В. Брушлинский).

В субъектно-бытийном подходе реализуется взгляд на личность, как на субъекта *процесса бытия, который необходимо поддерживать определенным образом ориентированной субъектной активностью* (Г.Г. Танасов, 2011). Личность рассматривается, как согласованное единение психических процессов. Ее целостность (согласованость субъективного и объективных пространств бытия) и непрерывность во времени переживаются человеком как *чувство идентичности* или самотождественности.

Субъектно-бытийный подход к личности открывает перспективы новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым она выступает субъектом (З.И. Рябикина, 2005, 2010 и др.). Одно из таких направлений анализа и интерпретации – сфера отношений личности с другими людьми, общение. Это – одно из пространств бытийности, которое личность стремится организовать в соответствие со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве межличностных отношений (Рябикина, Сомова, 2001). Бытие всегда есть со-бытие, т.к., создавая реальность своего бытия, объективируя в этом процессе свой замысел, личность сталкивается с *сопротивлением бытия других людей*, воплощающих иные смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий и в тоже время (З.И. Рябикина, 2005, 2010 и др.). Определенным образом организованные пространства бытия другого человека могут также быть и *поддерживающим ресурсом* для личности.

На основании субъектно-бытийного подхода сформирована *концепция со-бытия* личности с Другим, создающая возможность увидеть проблемы отношений между людьми с позиции личности, реализующей определенные стратегии самоактуализации и поддержки непрекращающегося процесса своего бытия, определенным образом сориентированной *субъектной активностью* (З.И. Рябикина, А.Р. Тиводар, Г.Г. Танасов и др.).

Рассматриваемое таким образом со-бытие феноменологически *обширнее* общения, коммуникации и прочих, выделенных в научном тезаурусе понятий, призванных обозначить отно-

шение человека с человеком (или общностями людей). Со-бытие это – процесс и, одновременно, результат состоявшегося процесса. В фактах обыденной жизни эта дифференциация очевидна, хотя человеком она зачастую не осознается. Например, женщина может искренне сетовать на недостаток общения с мужем, на недостаток совместности. При этом, организуя предметно-пространственную среду их общей квартиры, она не отдает себе отчет в том, что выразившееся в этом процессе отношение к его вещам, к его возможным действиям в этом пространстве – есть способ форматирования ею со-бытия со своим супругом. Аналогично и в других пространствах со-бытийности.

Общение (коммуникация) предполагает сознательно ориентируемую на Другого (как субъекта или объекта) активность личности. Если со-бытие это – бытие личности в присутствии Другого, под влиянием присутствия Другого (что рефлексируется личностью с разной степенью ясности), то общение (коммуникация) – это активность, ориентированная на выстраивание со-бытия, включающая специально выработанные способы, операции, действия, обеспечивающие возможность аутентичного (или неаутентичного) бытия в пространствах, которые личность делит с другими людьми (предметно-пространственная среда, организация времени, пространство межличностных отношений и пр.). В общении личность ориентированапобуждать другого человека к способам действия, необходимым для поддержки ее бытия, ее личностной идентичности (Г.Г. Танасов, 2011).

Другой в выстраиваемом личностью со-бытии может быть разного уровня обобщенности (конкретный человек, малая группа, большое сообщество), непосредственно или опосредованно (через определенным образом организованную предметно-пространственную среду, через сложившиеся регламенты организации времени и пр.) включаться в бытие личности, как агент ее со-бытия, что рефлексируется личностью с различным уровнем ясности или искажений.

В серии диссертационных работ, выполненных под нашим руководством и с нашим участием, конкретизированы теоретические положения, выявлены закономерности, собран богатый эмпирический материал, раскрывающий различные аспекты со-бытия, интерпретируемого с позиций субъектно-бытийного подхода к личности. Остановимся на некоторых из них.

В исследовании Ю.Б.Шлыковой отражена вариативность рефлексируемой личностью важности (значимости) отношения с Другим в проживании ею своего бытия. Доказано, что в автобиографическом тексте личность описывает события собственной жизни, обращаясь к феноменологии *ведущих пространств* своего бытия (Ю.Б. Шлыкова, 2006) и среди выделенных на этом основании типов автобиографического текста («деятельностный», «социальный», «экзистенциально-чувственный») сосредоточеность автобиографической рефлексии личности на феноменологии со-бытийностив наибольшей степени свойственна «социальному» типу.

В ряде выполненных докторских и кандидатских проектов рассматриваются качественные особенности бытия личности в *брачном со-бытии*(А.Р. Тиводар, О.В. Бондарева, Е.Н. Диденко, Т.К. Хозяинова, М.Д. Ктениду, Л.А. Базалева, Л.А. Макухина и др.). В исследовании А.Р. Тиводар создана теоретико-феноменологическая модель со-бытия личности в браке. Интерсубъектность брачных партнеров в выстраивании со-бытия анализируется на примере организации приватного пространства супругов (А.Р. Тиводар, 2008). Вступив в брак, человек переструктурирует границы своего личного поля в связи с новой конфигурацией отношений, как с брачным партнером, так и с другими членами семьи. Каждый из партнеров очерчивает границы своего приватного пространства (организуется предметно-пространственная среда квартиры, строится и согласуется временн***о***й распорядок жизни, выстраиваются приоритеты в отношениях с внешними Другими и т.д.) и пространства своей сформировавшейся молодой семьи. Разделенность среды и выделение в ней приватного пространства позволяют личности, с одной стороны, реализовать свою субъектность, а с другой – стать средством для балансирования ее потребностей в совместности и автономности. Эти процессы женщина и мужчина реализуют поразному.

Исследование О.В. Бондаревой показало влияние уровня эгоизма личности на тип организации субъектом со-бытия в браке (О.В. Бондарева, 2009). Высокий уровень эгоизма обусловливает недостаточное эмоциональное самораскрытие в близких отношениях и непринятие самораскрытия от партнера; преобладание соперничества в конфликтных ситуациях и, как

следствие, низкую удовлетворенность брачной жизнью. Средний уровень эгоизма личности связан с высоким уровнем суверенности её психологического пространства, средними показателями эмоционального самораскрытия и компромиссным решением конфликтных ситуаций, что в целом обусловливает высокую удовлетворенность супругов своей брачной жизнью. Низкий уровень эгоизма связан с низким уровнем суверенности психологического пространства личности, *чрезмерным* эмоциональным самораскрытием и ориентацией на сотрудничество при решении конфликтных ситуаций, что обусловливает средний уровень удовлетворенности брачной жизнью.

В исследовании А.В. Бурмистровой показано, что локус контроля, являясь интегральной личностной характеристикой, в значительной степени обусловливает репертуар средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства личности; выявлены эмоционально-поведенческие паттерны, являющиеся индикатором нарушения границ ее бытийного пространства (А.В. Бурмистрова, 2004). Интерналы проявляют более субъектную позицию по отношению к среде, им свойственен более широкий репертуар средового поведения, эмоционально позитивная экспрессия в ситуациях вторжения в их бытийное пространство, большая удовлетворенность своей личной жизнью (тем, что наполняет их бытийное пространство и тем как оно организовано). Экстерналы из-за неспособности определить границы своего бытийного пространства в отношениях с другими чаще переживают недостаточность структурированности своего бытия. Это создает непредсказуемость внешних вмешательств, зависимость личности от них и ощущение неаутентичности.

Особая тема, реализованная в исследовательских проектах – со-бытие родителей и ребенка. От личностных особенностей родителя зависят «предлагаемые» правила совместной жизни, а это влияетна формирование личности ребенка. Например, Т.К. Хозяинова показала, что чем более выражен у матери потенциал самоактуализации, тем более позитивно складываются ее отношения с ребенком: будучи более требовательными и последовательными, в тоже время они предоставляют ребенку больше самостоятельности, автономии, возрастает позитивная эмоциональность в отношениях (Т.К. Хозяинова, 2004).

В исследовании Л.И.Макухиной установлена связь качеств личности ребенка с особенностями супружеской со-бытийности его родителей: сходство ценностей и взглядов супругов, взаимопонимание, доверительность и легкость общения снижают негативные качества у их ребенка (Л.И. Макухина, 2008).

М.Д. Ктениду установила связь между сложившейся у родителей ориентацией на поддержку собственной приватности в выстраиваемом со-бытии, превалирующим стилем их отношения к ребенку и ориентацией на поддержку (или ограничение) его приватности (М.Д. Ктениду, 2010).

Л.А. Базалева, рассматривая феномен эмоционального выгорания матери, установила, что личностные черты женщины в совокупности с тем, как она строит свое со-бытие с ребенком, какое отношение к нему и через какие модели поведения реализует – обусловливают эмоциональное выгорание (Л.А. Базалева, 2010).

Осуществлена серия диссертационных исследований, в которых рассматриваются качественные особенности *со-бытияв пространстве деловых отношений* (Ю.Э. Макаревская, Е.В. Старкова, Г.Г. Танасов, П.Ю. Удачина и др.).

В исследовании Г.Г.Танасова расширены и уточнены теоретические представления о личности как субъекте бытия, ориентированном на поддержку своей идентичности и сформированы представленияо субъектной активности личности в ситуации отношения с другим человеком (деловые переговоры), который выступает важной частью бытия личности, актором, способным подтвердить ее идентичность и таким образом продолжить ее бытийность в том качестве, в котором личность видит (самопонимает) себя, или «прервать» ее бытийность в этом качестве (Г.Г. Танасов, 2012).

Ю.Э. Макаревской обосновано влияние продолжительного неуспеха в значимой для личности деятельности, влияние отсутствия необходимого личности *подтверждения* ценности ее личностной идентичности в со-бытийном сообществена содержание ее идентичности (Ю.Э. Макаревская, 2006) .

В качестве особого случая, проанализированного в исследовании Д.А. Панова, предстает ситуация *со-бытия* в обстоятельствах с «*делегированной*» субъектностью (Д.А. Панов, 2005). Создавая приватное пространство своего дома (квартиры), человек может делегировать право быть субъектом, создающим для него бытийное пространство, профессионалу-дизайнеру. Это решение оказывается совсем не простой психологической коллизией для участников ситуации. Проблема со-бытийности в данном случае остро заявляет себя, хотя участвующие в процессе субъекты не живут вместе. Создание одним субъектом пространства жизни для другого включает их в *диалог* с непредсказуемым исходом, поскольку привлечение другого человека для создания своего приватного пространства всегда содержит угрозу нарушения целостности личностного бытия и, вследствие этого, возможность ослабления чувства личностной идентичности. Исследования в этом направлении целесообразны, т.к. в спектре услуг, предлагаемых современному человеку, много таких, которые являются прямым вторжением профессионала в область приватности и значимого для личности со-бытия с Другими (имиджмейкер, стилист, няня или гувернант, и пр.).

В исследованиях бытия и со-бытия личности, в создаваемых авторами теоретико-феноменологических моделях субъектной активности, направленной на поддержку аутентичного бытия, существенным конструктом, обладающим доказанным в исследованиях объяснительным потенциалом, является конструкт *личностной идентичности* (Л.Н. Ожигова, А.Р. Тиводар, Г.Г. Танасов, Ю.Э. Макаревская, М.И. Дубенцов и др.). Разработка *темы личностной идентичности в со-бытии с Другим* представляется очень перспективной и в дальнейшем. В общественном сознании, в обыденной рефлексии, в художественных произведениях эта проблема присутствует постоянно. Характер ее осмысления свидетельствует об остроте переживаний личности, находящейся «на жизненном переломе» и о безусловной связности этих феноменов – «личностная идентичность» и «со-бытие» с Другими.

Остановимся на ярких литературных примерах. Культовая книга Джека Керуака «На дороге» (провозвестник молодежной субкультуры *хипстеров*, появившейся в США в 40-е годы и довольно новой, но уже очень распространенной в современной России) и ее герои – это выражение растерянности, отсутствия ясного понимания направленности движения, отсутствияу человека нагруженной ясным содержанием *личностной идентичности*, когда активность по самоопределению исчерпывается подражанием внешним признакам группы, а предметом культа является антураж – вещи, аксессуары, модные тренды, что приводит к лишенной принципов, ограниченной во времени, поверхностной, мимолетной *со-бытийности*, как повстречавшиеся на дороге случайные путники.

Тема переезда, транзита, оторванности личности, *диффузии ее идентичности и случайности со-бытийных сообществ* актуализируется в сложные, переходные исторические периоды. Еще один пример, впечатляющий по образности и потрясающий по глубине художественной аналитичности феномена нарушенной со-бытийности личности – произведения Г.И. Газданова, представляющего младшее литературное поколение первой волны российской эмиграции XX столетия. Формирования личности в обстановке эмигрантского существования, внутри *чужой, доминирующей культуры* – обусловливает формирование ментальности особого качества, экзистенциального чувства трагического бытия (Ю.М. Матвеева, 1996), некомфортного, зачастую представляющегося абсурдным *со-бытия* с чуждыми людьми. «Молодые» эмигранты, активно ассимилируя новый опыт, оказались чужды старшему поколению эмиграции, трагически переживавшему потерю распадающегося мира и посвятившими себя, свое творчество поддержке образа ускользающей культурной модели, обеспечившей им *чувство личностной идентичности* и ясные принципы *со-бытийности* в определенным образом организованной социокультурной реальности. Но «молодые» эмигранты также (вероятно, еще больше) были чужды «инокультурному» окружению своего нового бытия, в котором было неимоверно сложно занять субъектную позицию в выстраивании со-бытия, что необходимо личности для обретения и поддержки *личностной идентичности* (Г.Г. Танасов, 2011). Герои Газданова переживают «превращения», сопровождаемые сменой чувства идентичности, но не оставляющие впечатлений устойчивости, значимости, окончательности. Отсутствие стабильности, потеря критериев, позволяющих различать значительное и несущественное, постоянное и преходящее и пр., из-за

чего теряется способность целостно воспринимать мир и свое место в нем. Мир становится «текучим, фрагментарным, утратившим внутреннюю связь» (Красавченко, 1993).

К подобным литературным примерам следует отнести и книгу, в которой повествуется о более близких нам событиях. Это произведениеизвестного отечественного автора Людмилы Улицкой – «Казус Кукоцкого» (удостоена премии «Русский букер»). Юная героиня Татьяна «выпадает» из благополучия устроенной жизни и в растерянности дрейфует по ночной Москве с ее странными и совсем не безопасными персонажами. Жизненный разлом, вдруг потерянное чувство *личностной идентичности* приводят к разрушению *со-бытийности* с близкими, еще вчера столь дорогими людьми.

В условиях современной социальной реальности, характеризуемой масштабными преобразованиями, неустойчивостью социальных систем, частой сменой социальных статусов личности внимание к теме связи *личностной идентичности* и *со-бытийности* – важный теоретический тренд в научном дискурсе. Субъектно-бытийный подход к личности, интерпретации ее бытия и со-бытия, обоснованный методологический дрейф от принципа единства сознания и деятельности к принципу единства личности и ее бытия, уже проведенные исследования события личности в приватном пространстве и в пространстве деловых отношений подготовили основания для создания соответствующей теоретической модели.

ОТ СО-БЫТИЯ К Я-БЫТИЮ: МОДЕЛЬ УРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЫ АВТОБИОГРАФИРОВАНИЯ[1]

Сапогова Е.Е.
г. Тула
esapogova@yandex.ru

«Высвечивание» себя (М.Хайдеггер),самовыговаривание в автобиографических текстах является своеобразной «ментальной необходимостью» (М.К.Мамардашвили, А.Н.Пятигорский) взрослости. Одна из его форм– автонарратизация, осуществляемая, как минимум, с двумя целями. Во-первых, это фиксация собственного образа «Я» в системе разнообразных социальных практик и отношений, самоудостоверение в них, упорядочивание личного опыта путём соотнесения его с социальными требованиями, темпоральными канонами и клише, а также с принятыми в данных этнокультурных хронотопах эталонами и архетипами. Во-вторых, это герменевтически ориентированное выделение и фиксация значимых событий жизни, свойств и качеств собственной личности с целью осознания собственной подлинности, аутоидентичности,самопредставления и самопринятия, дальнейшего самопроектирования и самодетерминации. Располагая биографические нарративына условной шкале «личностное (Я-бытийное) ↔ социальное (со-бытийное)» по критерию «от рефлектора к нарратору» мы обнаруживаем диапазонтекстов: от историй*о себе «для себя»,* выстраиваемых для самопонимания,до текстов*о себе «для других»,* создаваемых с целью выстраивания «пространства между» (В.П.Зинченко).Практика консультирования обнаруживает, как минимум, 6 уровней таких самоповествований.

1. Уровень личностной подлинности. Самый глубинный слой повествования о себе соотносим с подлинностью, «яйностью» субъекта, которая вообще трудно объективируема и вербализуема, («Я» соотносится здесь только с «Я» – с самим собой)но, главное, далеко не всегда может быть понята окружающими. Осознавать себя подлинным самим собой, «своим»– значит переживать себяне просто *само*бытным, но «*само-для себя*-бытным».Включённость субъекта в текущий опыт, минимальная дистанцированность от него, минимум интерпретации, метафоризации и символизации – характерные особенности этого уровня биографирования. Здесь рождается ещё не столько «литературный» текст, сколько образно-когнитивный «само-дискурс», внутренний диалог, который ведётся даже не столько о событии как таковом, сколько о «себе-в-событии». Ещё одна особенность этого уровня состоит в том, что достоверность опыта здесь подтверждается только самим субъектом, вне апелляций к свидетельствам третьих лиц: само-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 10-06-00152 а).

сознание свидетельствует само о себе – без посредников и интерпретаторов – и представляет «чейные факты» (в отличие от «ничейных», абстрактных).

2. Уровень самобытности.Здесь первично отрефлексированный«Я»-материал соотносится с признаками, качествами, происшествиямиреальности, которые, как считает субъект, «имеют к нему отношение», чем-то значимы для него,«уже воплощают вовне», «заключают в себе»его подлинность. Перед субъектом как самоорганизующейся системой на этом уровне открыто множество вариантов нарративного «схватывания» себя, и он находит=называет и связывает себя с некоторыми прожитыми фрагментами жизни, именует через них себя для самого себя, посредством называния и отождествления побуждая себя к «высвечиванию». Найденные характеристики и образы переживаются в форме самоузнавания себя вовне: самобытное выделяется из общего.

3. Уровень прецедентов.Аналогия, процесс «узнавания себя вовне», чувство внутренней смысловой близости происходящего со знаемым – мощное орудие идентификации, часто куда как более сильное, чем «голос самости»: порой «я чувствовал…» когнитивноприравновается к «я должен был чувствовать…», и различение «своего» и «своего чужого» размывается, поскольку прецедент, подкреплённый переживаниями множества других людей, кажется более достоверным и точным, чем свой собственный опыт.В определённом смысле здесь осуществляется «подмена», «имплантация» параметров того, что человек пережил сам, на параметры уже имеющихся описаний аналогичных переживаний. Иногда прецеденты кажутся настолько достоверными и точными, что собственное переживание полностью заменяется на прецедентное описание, «закрывая» его для дальнейшей рефлексии и приводя к упрощённому, схематизированиюсамоизложению.Одновременно собственные переживания «отступают» на второй план, человек «набрасывает» усвоенные прецедентные значения на последующие происшествия своей жизни и формирует сообразный его этнокультуре «горизонт ожидания», определяющий для него схемы действования, жизненные стратегии и пр. Автобиографические тексты этого уровня, как правило, не вполне оригинальны, архетипичны, содержат повторяющиеся мифологемы, но с их помощью человек «перевыражает»для других свою аутентичность.

4. Уровень метафоризации (символизации).На этом уровне автобиографический текст «отлаживается» с помощью индивидуальных *смысловых аттракторов*(определённые персонажи, сюжеты, фабулы, характеристики). Метафоризированные (символизированные) самообразы (или «личностно-бытийственные метафоры») вполне нравятся их носителям, культивируются в сознании и поведении и «притягивают» определённые единицы опыта к своему «ядру». Приняв их за основу, человек далее именно с ними согласовывает остальные эпизоды биографии. Особенно значимые метафоры онтологизируются. Здесь рассказчик не «перевыражает», а переструктурирует, «пересоздаёт»(термин Г.И.Богина) свою собственную биографическую реальность.

5. Уровень самолегендирования. Для него характерны попытки авторского «сюжетоналожения» или «сюжетосовмещения» – сплетения вместе значимых для субъекта аспектов собственной жизни с эпизодами аттрактивных прецедентных текстов. Здесь выстраиваются более или менее стройные версии своих возможных и приемлемых для субъекта жизней. На этом уровне начинаются нарративные игры с самим собой и другими, поскольку субъект обнаруживает, что автобиография – это то, что всегда может быть рассказано по-другому. «Репертуар возможностей» легендирования зависит от жизненного опыта, образовательного уровня, возраста, «практических схем мышления» (термин П.Бурдье) и других характеристик рассказчика. Сотворяемыйна этом уровне текст выполняет функцию зеркала, в котором субъект может многократно увидеть себя как *иного*, чтобы осознать свои экзистенциальные проблемы. В «легендах о себе», человек выполняет принципиально важную функцию самоосознавания, в них его «Я» постоянноразотождествляется с самим собой, создавая тем самым новые возможности для развития.

6. Уровень наррации (и презентации себя через повествование).Биография всегда имеет в виду слушателя – реального или виртуального, внутреннего или внешнего. Здесь созданный текст из ментальной формы переходит в языковую и социальную, и автобиография обретает приемлемую социально-повествовательную форму. Линеаризация, перестановка фрагментов

биографии – характерные черты этого уровня автобиографирования (В.Шмид называет его фено-уровнем, то есть уровнем, доступным эмпирическому наблюдению). Используемый обычно в целях самопрезентации, биографический текст этого уровня почти утрачивает обаяние самобытности и приобретает характеристики обобщённого (почти «ничейного») беллетристически-социального эпизода, тем не менее подчинённого избранному субъектом нарративному мотиву, композиции (в терминах В.Шмида), микронарративной программе (в терминах А.Ж.Греймаса). Кроме того, в собственно повествовательную событийную канву включаются объяснения, комментарии, размышления, интерпретации, метанарративные замечания субъекта и пр., имеющие часто социально-оценочную ориентацию.

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВА РИСКОВ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Скрипкина Т.П.
г. Москва
skripkinaurao@mail.ru

Обозначая контуры цивилизации XXI века, исследователи используют разные понятия: "информационное общество", "постиндустриальный мир", "технотронная цивилизация", однако благодаря усилиям ряда западных социологов и философов при обсуждении глобальной динамики следующего столетия все чаще используется концепция "общества риска".

Концепция общества риска сложилась на основе многочисленных прикладных, менеджерских оценок технологического риска, а также социологических исследований его восприятия населением.

В попытках описать современную цивилизацию как общество рисков, сложилось множество подходов и методов, их определяющих, однако, среди всего этого многообразия к анализу рисков «красной нитью проходила заинтересованность социологов рискогенностью различных составляющих социальной ткани – от межличностных процессов и сетей до социальных институтов и структур, от первичных групп и символических интеракций до социальных движений и крупномасштабных организаций и систем».

На этой основе и сложились наиболее известные концепции общества рисков Н. Луман, Э.Гидденса, У. Бека. Не останавливаясь на анализе концепций названных авторов, можно обобщить высказанные ими основные идеи: все они базируются на положении о том, что индустриальное общество развивается, подчиняясь "логике" производства богатства, а в постиндустриальном обществе господствует "логика" производства риска.

Авторы также считают, что в переходный период от классового общества к обществу риска начинает меняться и качество общности. Если классовые общества устремлены к идеалу равенства, то главная движущая сила общества риска – идеал безопасности, а потому общество становится обществом страха, что и порождает новые социально-психологические проблемы, так как пока ещё совершенно неясно, как действует сплачивающая сила страха, что отмечают многие исследователи (Бек У., 2000).

Солидарность и сплоченность людей базируется на страхе, в основе различных форм проявления которого уже не лежит мысль о выгоде.

Считается, что общество риска генетически связано с модернизацией, понимаемой как сложнейший, комплекс экономических, политических, социальных и культурных изменений, а потому в обществе риска названные сферы общественной жизни претерпевают радикальные трансформации.

Анализируя общество рисков, необходимо остановиться еще на одной проблеме – проблеме социокультурных оснований риска (Бек У., 2000). Социокультурные факторы риска заметно влияют на характер социальных отношений людей. Авторами показано, что с одной стороны, в условиях риска члены общества склонны поддерживать внутренние связи, объединяясь в социальные общности, в поисках «врага» обвиняя виновных за неудачные действия. Но, по мнению исследователей, есть и такая часть общества, которая действует индивидуальным образом и верит всоревновательность, и именно эта часть общества оказывается основным источ-

ником конфликта, а не солидарности в обществе. На основе этих наблюдений зарубежными авторами была выстроена типология индивидуальных/групповых реакций на риск.

Итак, в 80-е и в начале 90 -х годов XX века развитие теории риска происходит по направлению от оценки его стоимостного значения с использованием теории вероятности к анализу социокультурных, социально-политических и социально-психологических особенностей восприятия и управления риском, а также анализа социального поведения людей в обществе риска.

Одна из наиболее интересных попыток осуществить анализ общества риска на междисциплинарном уровне, используя социологию и психологию, принадлежит Н.Л.Смакотиной, которая считает, что в данном случае наиболее адекватно использовать понятие социальной установки, а также «неосознанных интенциональных переживаний – экзистенциальных состояний (заботы, ожидания, веры, доверия, страха и т.д.), которые выступают в виде спонтанных регуляторов человеческой деятельности и неких «встроек» в рациональную структуру сознания» (Н.Л. Смакотина, 2009, с.29). Риск в концепции Н.Л. Смакотиной понимается «как способ измерения и расчета действий, основанных на ожиданиях, доверии, страхах, мнениях, настроениях» (Н.Л. Смакотина, 2009, с.29).

Анализ концепций общества риска позволил вскрыть целый ряд чисто социально-психологических проблем, пока не получивших должного научного объяснения. Это, прежде всего, проблемы, связанные с изучением социального поведения людей, механизмов их объединения в общности в ситуациях риска, их ожиданий от собственной активности, а также проблемы, связанные с социокультурными изменениями, трансформациями ценностно-смысловой сферы людей, находящихся под влиянием фактора риска.

Рисковая среда связана с постоянными изменениями, непредсказуемыми последствиями, негативными эмоциональными переживаниями, что не может не влиять на особенности конструирования людьми социальной реальности, формировать новые социально-значимые смыслы, идентичности и самоидентификацию индивидов, ментальные характеристики членов общества, потому что общество риска порождает новый социальный порядок, где изменения и непредсказуемость, стали новой формой социальной устойчивости.Изучение и анализ этих процессов, прогнозы возможных вариантов развития общества представляются не только социальной необходимостью, но и порождают большое количество новых социально-психологических проблем, которые в настоящее время становятся все актуальней.

Российское общество также признано одним из вариантов «общества риска» (О.Н. Яницкий), где значительная роль принадлежит именно социальным рискам. Известно, что социальные риски усиливают потенциал вражды внутри социальной структуры и порождают огромный набор социальных опасностей, как для общества в целом, так и его основных сфер – политики, экономики, науки и техники, военной безопасности. Несовершенная социальная структура общества порождает специфический набор агрессивных отношений, что выражается в формировании экспансионистских, экстремистских социальных групп и слоев населения, разделенного по имущественному, национальному межконфессиональному или этническому признакам. В результате происходит усиление вражды и формирование ксенофобии внутри социальной структуры. В связи со сказанным, изучение социально-психологических особенностей поведения людей в обществе риска становится актуальной задачей не только социологии, но и социальной психологии.

ЦЕННОСТНОСТНАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ И САМОИНТЕРПРЕТАЦИЯ[1]

Тучина О.Р.
г. Краснодар
tuchena@yandex.ru

Бытие личности связано с ее включенностью в социокультурные традиции, осознанием своей сущностной связи с ними. Этнокультурная идентичность – это отождествление себя с определенной этнокультурной общностью, при которой собственная индивидуальность связы-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант 11-26-12001а/Abh).

вается с определенной культурной традицией. В отличие от других форм идентичности (религиозной, профессиональной, классовой и т.п.), которые обретаются в процессе сознательной жизни, национальность является изначальной и, как правило, не изменяется в течение жизни. Поэтому принадлежность к этносу может рассматриваться как имманентное и фундаментальное условие становления личности.

Считается, что ценности, доминирующие в обществе – это главный элемент культуры, и ценностные приоритеты индивидов реализуются в основных целях поведения. Кросс-культурные исследования ценностей проходят на двух различных уровнях анализа: индивидуальном и культурном. На уровне индивида ценности понимаются как основа мотивов, которыми люди руководствуются в своей жизни. Для понимания природы ценностей на индивидуальном уровне (функций ценностей, их взаимосвязей в структуре личности) С.Шварц и В. Билски разработали теоретическую концепцию, в которой ценности рассматриваются как некие (часто неосознаваемые) критерии выбора и оценки человеком своих поступков, а также оценки других людей и событий.

Из трех универсальных человеческих потребностей (биологические нужды, потребности согласованного социального поведения и потребности выживания и благосостояния своей группы) Шварц и Билски выводят основные типы человеческой мотивации (всего ими было выделено 10 типов). Они, по мнению авторов, и определяют направленность как конкретных действий индивида, так и всей его жизненной активности.

На индивидуальном уровне в качестве медиатора культурного влияния в западной кросс-культурной психологии рассматривается феномен самопонимания, введенный Х.Маркусом и Ш.Китаямой (Markus, H. R., & Kitayama, S. (1994). Понятие «self-construal», переводимое как «схема Я», «самотолкование», «Я-конструкт» или «самоинтерпретация», определяется как «констелляция мыслей, чувств и действий, проявляемых во взаимоотношении с другими» (Singelis, T. M., 1994). В зависимости от способа самоопределения самоинтерпретация предполагает следующие типы: «независимая самоинтерпретация», «взаимозависимая самоинтерпретация» и «металичностная самоинтерпретация». Независимая самоинтерпретация определяется как «отграниченное от других, целостное и стабильное Я, отделенное от социального контекста» (Singelis, T. M., 1994), основой обладателей «независимой самоинтерпретации» самоотношения является способность выражать свою индивидуальность.

Взаимозависимая самоинтерпретация определяется как «гибкое и изменяющееся» Я, акцентирующееся на внешних свойствах окружения» (Singelis, T. M., 1994), таких как статус, роли, взаимоотношения, принадлежность и приспособляемость, занятие собственной позиции и вовлечение в соответствующую деятельность, взаимодействие с другими и понимание других, а основа самоотношения обладателей взаимозависимой самоинтерпретации – соответствие ожиданиям окружающих. Различия в самоинтерпретации Маркус и Китаяма объясняют, противопоставляя западный или индивидуалистический конструкт «Я» как независимую, обособленную данность составному конструкту «Я», более распространенному в незападных, коллективистских культурах, в которых считается, что индивид неразрывно связан с другими людьми и неотделим от социального контекста (Markus, H. R., & Kitayama, S. (1994).

Тереза ДеЧикко вводит третье культурное измерение – тип самоинтерпретации, названный «металичностной самоинтерпретацией», которая определяется как чувство идентичности, выходящее за пределы индивида или личности и охватывающее более широкие стороны человеческого существования, жизни, души или космоса (DeCicco, T. L. & Stroink, M. L., 2007).

Эмпирические исследования феномена самоинтерпетации весьма многочисленны в зарубежной психологии, в отечественной науке до последнего времени данный феномен не рассматривался и не изучался экспериментально. Однако именно в нашей стране, где в едином социокультурном поле сосуществуют разные этнокультурные традиции, теоретическое и эмпирическое исследование данного феномена может быть особенно важным и интересным.

Целью нашего эмпирического исследования было выявить связь между типами самоинтерпретации и значимостью каждой ценности в группе русских студентов.

Объект исследования – 300 человек, 150 женщин и 150 мужчин в возрасте от 17 до 26 лет (M=20.8, S=3.8). Методика. Ценностная структура личности была исследована при помощи оп-

росника Шварца и Билски, который содержит 40 утверждений, каждое утверждение относится к тому или иному ценностному типу. Для подсчета результатов используется симметричная шестибалльная шкала от «очень похож на меня» до «совсем не похож на меня». Результат подсчитывается путем вычисления среднего балла как для ценностного типа отдельного человека, с дальнейшим построением личностного ценностного профиля, так и для вычисления значимости конкретного ценностного типа для группы людей, принадлежащих к одной культуре.

Уровень выраженности каждого типа самоинтерпретации был исследован при помощи адаптированных нами шкалы независимой-взаимозависимой самоинтерпретации Сингелис и шкалы металичностной самоинтерпретации ДеЧикко. Шкала Сингелис содержит 30 утверждений, 15 из них относится к независимой самоинтерпретации, а 15 – к взаимозависимой самоинтерпретации, шкала ДеЧикко содержит 11 утверждений. Респонденты должны выразить степень своего согласия-несогласия с данными утверждениями в соответствии с 7-мибалльной шкалой.

Результаты исследования обрабатывались с помощью корреляционного и регрессионного анализа (пакет STATISTICA 6.0).

Результаты и их обсуждение. На первом этапе исследования методом корреляционного анализа были выявлены связи между уровнем каждого типа самоинтерпретации и значимостью исследуемых ценностей.

Уровень выраженности независимого типа самоинтерпретации положительно коррелирует с уровнем значимости ценностных типов «Власть» ($r = 0,65$, $p=0,001$), «Достижение» ($r = 0,65$, $p=0,001$), «Саморегуляция» ($r = 0,24$, $p=0,01$), отрицательно – с ценностью «Безопасность» ($r = -0,13$, $p=0,05$). Уровень выраженности взаимозависимого типа самоинтерпретации положительно коррелирует с уровнем значимости ценностей «Традиция» ($r = 0,66$, $p=0,001$), «Конформность» ($r = 0,74$, $p=0,001$), «Безопасность» ($r = 0,69$, $p=0,001$), «Власть» ($r = 0,12$, $p=0,05$). Уровень выраженности металичностного типа самоинтерпретации положительно коррелирует с уровнем значимости мотивационного типа «Универсализм» ($r = 0,71$, $p=0,001$).

На следующем этапе исследования при помощи метода регрессионного анализа было выявлено влияние типа самоинтерпретации на значимость исследуемых ценностей. Независимая самоинтерпретация, согласно результатам нашего исследования, значимо положительно влияет на выраженность ценностей «Власть» ($b = 0,043$; $p = 0,000$) и «Достижения» ($b = 0,044$; $p = 0,000$). Отрицательное влияние данного типа самоинтерпретации обнаружено на выраженность ценностей «Конформизм» ($b = 0,041$; $p = 0,001$) и «Безопасность» ($b = 0,041$; $p = 0,001$). Согласно концепции С.Шварц и В. Билски, ценность «Достижение» выражается в мотиве достижения личного успеха в рамках разделяемых культурных стандартов и вследствие этого – получение социального одобрения. Ценность «Власть» выражается в мотиве достижения социального статуса, престижа и влияния на других людей. Эти ценности являются наиболее значимыми для людей с независимой самоинтерпретацией.

Результаты проведенного исследования соответствуют данным зарубежных ученых, выявивших, что индивиды с независимой самоинтерпретацией рассматривают других членов группы как источник социального сравнения, выявляя свои отличительные черты и свойства, сопоставляя себя с другими членами группы и демонстрируя свои особенности (например, лидерство или чувство юмора). Это сравнение, позитивная оценка и демонстрация своих особенностей служит источником положительной самооценки у индивидов с подобным типом интерпретации (Leary, M. R., Tamboi; E. S., Terdal, K, & Downs, D. L., 1995).

Взаимозависимая самоинтерпретация значимое положительное влияние оказывает на выраженность ценностей «Безопасность» ($b = 0,050$; $p = 0,000$), «Конформизм» ($b = 0,051$; $p = 0,000$), «Традиция» ($b = 0,057$; $p = 0,000$) и «Достижения» ($b = 0,028$; $p = 0,014$).

Ценность «Конформность» выражается в мотиве ограничивать действия и побуждения, причиняющие вред другим или нарушающих социальную гармонию. Ценность «Безопасность» проявляется в желании сохранять стабильность, безопасность и гармонию общества, семьи и самого индивида. Ценность «Традиция» выражается в мотиве поддерживать обычаи, принятие в определенной культуре. Данные нашего исследования согласуются с результатами зарубежных исследований. В контексте зависимой самоинтерпретации отношения рассматриваются как

интегральная часть бытия личности. Соответственно, ее мысли, чувства и желания могут быть поняты в свете мыслей, чувств и желаний значимых др., в отличие от индивидов с независимым типом самоинтепретации (Markus, H. R., & Kitayama, S., 1994). Для индивидов с зависимым типом самоинтепретации обязательства по отношению к другим и отзывчивость к нуждам других формируют моральные решения и социальные взаимодействия (Lyons, N, P., 1983), цели и нужды семьи и других людей часто важнее собственных.

Ценность «Достижения» значимо определяется как зависимой, так и независимой самоинтерпретацией. Данный результат можно объяснить следующим образом. В социальной психологии разграничивает две формы мотивации достижения: индивидуально и социально ориентированную (Мацумото Д., 2002).

Индивидуально ориентированное достижение предполагает, что индивид стремится к успеху ради своего собственного «Я». Таким образом, мотивация достижения и мотивация членства не связаны между собой. Социально ориентированное достижение предполагает, что индивид стремится к успеху ради релевантных окружающих, например ради членов семьи. С поведенческой точки зрения нет различий между индивидами с разным типом мотивации, но в случае социально ориентированной мотивации конечной целью может быть не личная карьера, а задача более коллективистского или взаимозависимого характера. Взаимозависимые цели могут включать в себя упрочение социального положения своей семьи, удовлетворение воспринимаемых ожиданий членов семьи или собственного чувства долга перед группой. Эти социальные формы мотивации достижения больше распространены среди людей с взаимозависимой самоинтерпретацией.

В случае взаимозависимой самоинтерпретации социальное поведение направляется ожиданиями окружающих, воспринимаемыми обязательствами перед другими людьми или чувством долга перед значимой группой, к которой человек принадлежит. Тем самым, характер мотивации достижения в этих группах заметно отличается от того, который присущ людям с взаимозависимым типом самоинтерпретации.

Металичностная самоинтерпретация значимое влияние оказывает на ценность «Универсализм» ($b = 0{,}089$; $p = 0{,}000$). Ценность «Универсализм» (иначе называемая «зрелость», «духовность») выражается в мотиве понимания, благодарности, терпимости и поддержания благополучия всех людей и природы. Не смотря на то, что эмпирических исследований данного типа самоинтерпретации сравнительно немного, можно говорить о том, что наши данные во многом соответствуют результатам зарубежных исследователей. Эмпирические исследования ДеЧикко и Стройнк (2007) выявили, что уровень метаперсональной самоинтерпретации отрицательно связан со склонностью к расизму, т. к. люди с высокими показателями по шкале метаперсональной самоинтерпретации ощущают себя связанными со всеми остальными.

Уровень метаперсональной самоинтерпретации положительно коррелирует со способностью к прощению, так как понимание других является для них составным элементом понимания себя. В контексте исследования особенностей религиозности было выявлено, что металичностная самоинтерпретация не связана с традиционными религиозными убеждениями, значимостью религии и религиозными обрядами, но связана с духовностью, которая определяется как неограниченный набор личностных мотиваций, норм поведения, опыта, ценностей и установок, которые основаны на поиске экзистенциального понимания, смысла, цели и трансценденции (Де Чикко Т., 2007).

Таким образом, исследование наличия связи между уровнем выраженности каждого типа самоинтерпретации и значимостью каждой ценности выявило, что уровень выраженности независимого типа самоинтерпретации положительно коррелирует с ценностями индивидуализма. Уровень выраженности взаимозависимого типа самоинтерпретации положительно коррелирует с ценностями коллективизма. Уровень выраженности металичностного типа самоинтерпретации связан с ценностями всеобщей гармонии и выхода за пределы собственного «Я». Феномен самоинтепретации, таким образом, акуммулирует нормы и ценности этнокультурных общностей и, соответственно, является медиатором культурного влияния.

СУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ДРУГИМИ

Улько Е.В.
г. Краснодар
elulko@gmail.com

В связи с выраженным интересом современных психологов к изучению авторства преобразовательной активности человека в мире, вслед за значимостью категории «субъект» в психологическом тезаурусе возросло обращение к понятию «субъектность». Особую привлекательность и востребованность данное понятие имеет в теоретических моделях и эмпирических исследованиях в субъектно ориентированных подходах, идущих от С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского: системно-субъектный подход (Сергиенко Е.А.), психология человеческого бытия (Знаков В.В.), субъектно-бытийный подход (Рябикина З.И.); в области психологии саморегуляции (Моросанова В.И. и др.).

Имея несомненную родовую связь с категорией «субъект», обращение к понятию субъектность вызывает необходимость его уточнения и теоретического позиционирования от автора. Не будем подробно останавливаться на обсуждении теоретико-методологических дискуссий, касающихся преимущественно статуса категории «субъект» в психологии, ее объяснительного потенциала и соотнесения с другими базовыми категориями психологии. Отметим, что в своих рассуждениях мы будем придерживаться понимания того, что личность является носителем жизненных смыслов и отношений, содержательной направленности человека.

Используя понятие «субъект» мы обращаемся к сфере реализации направленности личности, выделению функциональных образований, способностей человека управлять своей активностью, быть избирательно-преобразовательным относительно окружающей реальности, своего бытия и самого себя. Как отмечает Д.А. Леонтьев, «статус субъекта (или не-субъекта) не может характеризовать действующего индивида вообще, вне конкретного взаимодействия с миром» (Леонтьев Д.А., 2010, с.69).

Исследование проявлений личности как субъекта предполагает дополнения конкретизации – субъектом какой активности либо каких процессов человек является. По выражению С.Л. Рубиншнейна: «чистый», трансцендентальный субъект объективного познания – это всеобщность, которая реально существует лишь в виде множества эмпирических субъектов» (Рубинштейн С.Л., 2003, с. 354).

В психологии представлена существенная проработка закономерностей функционирования человека как субъекта познания, общения, труда, саморазвития и т.д. Такая оправданная множественность субъектов затрудняет использование категории «субъект» как субстанционального обозначения человека и, как отмечают ряд психологов, за множественностью субъектов стоит единая личность, ее содержательное ядро (Коржова Е.Ю., Леонтьев Д.А., Рябикина З.И., Сергиенко Е.А.). При этом сама личность, выступая субъектом определенной активности, в этой активности формируется, развивается и преобразуется.

Представляется продуктивным использование рядом исследователей понятий субъектность личности, субъектная позиция (Абульханова К.А., Бедерханова В.П., Леонтьев Д.А., Моросанова В.И., Осницкий А.К., Петровский В.А., Рябикина З.И., Сергиенко Е.А. и др.). Данные понятия позволяют избежать разорванности человека на бесконечную множественность субъектов, выразить континуальность проявления его авторства и преобразовательности относительно конкретных бытийных пространств и в определенные жизненные периоды.

В данной статье выделены два момента обсуждения. Первый – вариативность субъектности личности. Субъектность, как и любая другая интегральная характеристика личности, является достаточно сложным неоднородным психическим образованием, икак следствие, может быть проявлена в своем специфическом варианте на различных этапах и периодах развития личности (онтогенетическая вариативность), у различных людейи в определенных жизненных сферах и ситуациях (индивидуально-дифференциальная вариативность). Второй момент – исходя из понимания принципиальной социальности субъекта (А.В. Брушлинский), подходить к пониманию субъектности личности следует как к проекции функционирования всей системы

социальных взаимоотношений на отдельного человека, как участника этой со-бытийности, имеющего свое «не-алиби в бытии» (М.М. Бахтин).

Субъектность личности не является психологической характеристикой стабильно присущей (либо не присущей) кому-либо. Не возможно однажды раз и навсегда достигнуть субъектности личности. Существует необходимость порождать это качество в текучем и изменчивом потоке бытия. Проявления субъектности даже одного и того же человека могут быть различными и специфичными в связи с включенностью в разномасштабные социальные процессы, с конкретными обстоятельствами и отношениями в жизненных ситуациях, с логикой внутреннего развития. Субъектность является динамично меняющимся в различные моменты бытия системным свойством личности, заключающимся в способности проявления интенциональности, инициативного и осмысленного включения человека в различные виды активности, выражающимся в их творческом преобразовательном характере относительно различных пространств бытия и самого себя, в регуляции данного процесса и принятия ответственности за его результаты.

Проблема онтогенетической вариативности субъектности личности может быть рассмотрена в изучении общих закономерностей нормативной специфичности субъектности на различных этапах развития индивида и в исследовании особенностей проявления субъектности в рамках индивидуальных периодов жизненного пути личности. Основательную проработку данный вопрос получил в исследованияхЕ.А. Сергиенко. В ее работах отмечена необходимость соотнесения выделенных рядом авторов критериев субъекта (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, А.В. Петровский и др.) с определением уровня организации субъекта. «На разных уровнях метасубъектности разные ипостаси субъектности тесно переплетены и взаимозависимы, но их относительное значение и «удельный вес» в общей составляющей меняется на разных этапах жизни» (Сергиенко Е.А., 2008, с.58). Результатом теоретико-эмпирических исследований явилось выделение базовых уровней становления субъектностина ранних стадиях развития (Сергиенко Е.А., 2002, 2008). Исследование специфичности субъектности на поздних этапах онтогенеза представлены в работах Н.Х. Александровой, Э.А. Голубевой, В.М. Русалова (Александрова Н.Х., 2000, Голубева Э.А., 2005, Русалов В.М., 2006).

Индивидуально-дифференциальная вариативность субъектности личности отражена в специфичности ее проявления у различных людей и в связи с их включенностью в различные жизненные сферы и виды активности.

В работах ряда авторов мы встречаем сопряженность использования понятия субъектность с категорией меры: мера (степень, уровень) субъектности и субъектность как мера выраженности определенных психических составляющих. Понимание меры субъектности у различных авторов обращает нас к её различным аспектам. У К.А. Абульхановой мы находим определение меры субъектности жизни через активность личности в овладении и практической реализации жизненных отношений при преобладании значимости реализованности потенций в действительность (Абульханова К.А., 2002). Пригожин А.И., выделяет меру субъектности целей личности (Пригожин А.И., 2010). Осницкий А.К., работая с понятием субъектная активность, связывает субъектность с проявлением авторства, направленности и саморегуляции человеком своих действий. Он отмечает возможность дифференциации меры субъектной включенности в деятельность (Осницкий А.К., 2007, 2009). Е.Ю. Коржова предлагает определять субъектную ориентацию личности исходя из степени субъектной включенности личности в определенные жизненные ситуации по выделенным ею шкалам трансситуационной изменчивости, трансситуационного локуса-контроля, трансситуационной направленности освоения мира и трансситуационной подвижности (Коржова Е.Ю., 2008). Субъектность как мера воздействия человека на самого себя представлена в работах Слободчикова В.И. (В.И. Слободчиков В.И., 2002).

Индивидуально-дифференциальная вариативность субъектностиличности связана не только с мерой субъектности у определенного человека, но и со специфичностью её обусловленности конкретными бытийными обстоятельствами. Значительный интерес представляют работы типологического плана, в которых авторы выделяют различные виды субъектности личности в связи со специфичностью жизненных обстоятельств, с особой логикой структурирования мотивационно-смысловых личностных образований. Г.Ю. Фоменко, разрабатывая

идею модусов бытия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности, предлагает выделять истинную и навязанную субъектность (Фоменко Г.Ю., 2006). Н.Ю. Коржова на основе направленности потенциала субъектности личности в жизненных ситуациях выделяет интериоризованную и экстериоризованную формы субъектности. Опираясь на проявление формы субъектности, автор предлагает модель субъектных ориентаций личности в жизненных ситуациях и, далее, выделяет базовые типы личности (Коржова Е.Ю., 2010).

Для нас особый интерес представляют работы, посвященные выделению вариативности субъектности в связи с включенностью человека в разноуровневые социальные отношения, культурные контексты и практики. Духовная философская традиция понимания личности как «возможности бесконечного содержания, которое осуществляется в общности» (Соловьев Вл.С., 1997) имеет довольно прочную линию представленности в отечественной психологии в связи с идеей социальной обусловленности личности, субъекта. С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что каждый конкретный эмпирический субъект «… определяется лишь через свое отношение к «другому» (через отношения друг к другу).

Отношение другого «Я» к моему «я» выступает как условие моего существования. Каждое «Я», поскольку оно есть и всеобщность «Я», есть коллективный субъект, содружество субъектов, «республика субъектов», содружество личностей; это «Я» есть на самом деле «мы»» (Рубинштейн С.Л., 2003, с. 354).Рассмотрение личности в рамках предлагаемой З.И. Рябикиной модели со-бытия предполагает переход акцента исследования от индивидуального и автономного бытия личности к изучению континуально непрерывных изменений совместного бытия (Рябикина З.И., 2010).

Социальность субъектности личности является значимым моментом в ряде исследований психологов, решающих задачу уточнения и продвижения данного понятия в психологическом тезаурусе (Леонтьев Д.А., Литвинова А.В. и Ревенко Ю.С., Сергиенко Е.А., Щукина М.А. и др.). «Каждый человек в структуре взаимоотношений является относительно – но лишь относительно – изолированным субъектом. Его субъектность не принадлежит ему в полной мере, она является интерактивно-коллективным продуктом» (Васютинский В.А., 2009, с.21). По выражению А.Р. Карпикова, субъектность является сложной «диалектикой сочетания совместного и индивидуального в жизни человека, что проявляется во взаимодействии социо- и эгоцентрических тенденций на протяжении всего жизненного пути человека» (Карпиков А.Р., 2008, с.115).

Исходя из понимания онтологической включенности человека в бытие, причастности миру, неразрывной связи с другими людьми можно утверждать, что и сам человек как часть этого социального по своей природе со-бытия и проявления его субъектности, в частности, являются порождением состояния всей целостной системы и несут в себе её эффект. По сути субъектность личности является «превращенной формой» (Мамардашвили К.К.), проекцией всей системы отношений и взаимозависимостей на отдельного человека как участника этой событийности. Сталкиваясь со сложностью (а может и невозможностью) единого описания конфигурации всей социальной системы, учитывая ее многоуровневость, многовершинность, возможности иерархической и гетерархической организации, исследователи обращаются к изучению определённой части совокупной социальности, понимая ограничения задаваемые таким подходом (Кимберг А.Н., Улько Е.В., 2010).

В изучении социальной обеспеченности субъектности личности можно отметить исследования макросоциального уровня. Разработка А.Л. Журавлевым критериев и уровней коллективного субъекта выводят понятие субъектности, точнее коллективной субъектности, в пространство психологических характеристик социальной группы (Журавлев А.Л., 2000, 2002). Д.А. Леонтьев направляет внимание на модели субъектности и ее виды, формирующиеся в связи с широким социально-культурным контекстом функционирования и развития личности. В частности, автор обращается к анализу теории субъектности Р. Харре, обсуждает выделенные Маркусом и Китаями модели разъединенной и соединенной субъектности (Леонтьев Д.А., 2010).

Обусловленность субъектности личности межличностными взаимодействиями представлена в работах Е.А. Сергиенко. Она соотносит уровень развития субъектности с характером

понимания человеком своего мира и понимания и сопоставления с внутренним миром другого (Сергиенко Е.А.2000, 2002).

Значимость категории «понимание» в научном осмыслении реализации человеком его субъектности в различных пластах бытияпредставлена в работах В.В. Знакова. Раскрывая принципиальные позиции, автор подчеркивает трактовку человеческого бытия «как такого единичного, в котором потенциально воплощено общечеловеческое, и которое порождается в межсубъектном пространстве» (Знаков В.В., 2010). Особая роль уделена результативным составляющим понимания человеком мира, смысловым и ценностным контекстам, в которых формируются и проявляются его субъектные качества.

Шалютин Б.С. вводит понятие со-субъектности, подчеркивая ее значимость как основы возможности личности, её морального, понятийного и религиозного сознания (Шалютин Б.С., 1998).

Характер определенной со-бытийности включенных в конкретную жизненную ситуацию людей с одной стороны является результатом проявления участниками их субъектности. С другой, сама со-бытийность обуславливает возможность появления и проявления субъектности человека, её особой конфигурации. Иначе говоря, субъектность личности можно понимать только как становящееся свойство личности в становящемся бытии.

В значительной степени идея вариативности субъектности личности как эффекта взаимоотношений с другими в конкретных жизненных ситуациях была центральной в наших совместных с Киреевой О.В. исследованиях (Киреева О.В., Улько Е.В., 2006, УлькоЕ.В., 2007). На базе изучения проявления субъектности старшеклассников в ситуации выбора вуза нами были выделеныи описаны варианты субъектности личности.

Основанием для их выделения послужил анализ активности личности на различных этапах выбора в связи сособенностьювзаимодействия с другими людьми, включенными в данную ситуацию и потенциально способными влиять на процесс и результат выбора. «Переданная субъектность» личности характеризуется сознательным делегированием ряда полномочий по выбору значимым другим. Субъектность другого в этом случае является ресурсом, который использует человек для решения проблемы выбора. «Разделенная субъектность» личности проявляется при взаимоотношениях, в которых участники совместно органично взаимодействуют без потери автономности каждого из них. «Изолированная субъектность» личности характерна для старшеклассников, проявляющих самостоятельность во всех действиях по выбору и принципиально исключающих включение других в данный процесс. Подчеркнутое стремление человека исключить возможность совместности взаимодействия с другими свидетельствует скорее о переживании неудовлетворенности собой и сложившейся системой отношений, и желанииииспользовать конкретную ситуацию для решения более глобального вопроса достижения автономности и независимости.

Используемый подход к пониманию вариативности субъектности личности в связи с характером взаимодействия и взаимоотношений человека с другими был применен в исследовании других жизненных ситуаций и проблемных областей, что дало возможность выделять и уточнять её специфичные варианты проявления (Акелян Н.С., Улько Е.В., 2011, 2012).

Остается существенной задача разработки проблем социальности субъектности личности в теоретической и эмпирической плоскостях, конкретизации, выделения феноменологии, уточнения психологических закономерностей функционирования и механизмов актуалгенеза.

О ЗНАЧЕНИИ ДИССОЦИАЦИИ «ЦЕННОСТЬ-ДОСТУПНОСТЬ» В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНОГО ПРОСТАНСТВА

Фанталова Е.Б., Куприна О.А.
г. Москва
elenafantaloval@yandex.ru, o_kuprina@mal.ru

Первоначально гипотеза о диссоциации *ценности* и *доступности* как индикатора состояния удовлетворенности основных жизненных потребностей легла в основу создания автором

методики «Уровень соотношения *ценности* и *доступности* в различных жизненных сферах» (УСЦД) (Е.Б. Фанталова, 1992. 1996, 2001, 2011).

Целью первоначального создания методики было выявление степени диссоциации (расхождения) между «ценным» и «доступным» в мотивационно-личностной сфере с помощью нахождения общего показателя методики, который позволил бы измерить эту диссоциацию, став ее индикатором. В качестве основной психометрической характеристики методики был предложен интегральный показатель.которым стал индекс расхождения «Ценность – Доступность» ($R_{ц-д}$) по 12-ти понятиям, охватывающим основные жизненно важные сферы (терминальные ценности по М.Рокичу): «Активная, деятельная жизнь», «Здоровье», «Интересная работа» и др.

Испытуемому предлагалось попарно проранжировать на специальных матрицах эти понятия дважды : по критерию «Ценность» (1-ая матрица) и по критерию «Доступность)» (2-ая матрица). Затем результаты подсчета (*суммарные ранги)* заносились в таблицу, где давались показатели каждого понятия по «ценности» ($Ц_i$) и по «доступности» ($Д_i$), а также разность их по каждому из понятий ($Ц_i – Д_i$). В итоге подсчитывался интегральный показатель методики УСЦД – индекс расхождения «Ценность – Доступность» , равный сумме расхождений по модулю для всех 12-ти понятий ($R_{ц-д}$).

Объективно, исходя из содержания теоретико-методологического понятийного аппарата психологии, индекс расхождения «Ценность – Доступность» – это показатель рассогласования, дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере, который свидетельствует о степени неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией, блокады основных жизненных потребностей, наличии внутреннего дискомфорта, внутренней конфликтности, с одной стороны, а также – об уровне самореализации, внутренней идентичности, интегрированности и гармонии, с другой. После ряда исследований на различных контингентах (психосоматика, психогения, экстремальные и стрессовые условия жизни, критические жизненные ситуации и др.) эта гипотеза об исходном значении индекса расхождения «Ценность– Доступность» подтвердилась. Повышение его указывало на усиление диссоциации между *ценным* и *доступным*, между *хочу* и *могу* в мотивационно-личностной сфере, в то время как снижение его, напротив, говорило об относительной удовлетворенности текущей жизненной ситуацией и общем снижении психологического дискомфорта. Позднее, с помощью метода экспертных оценок, по исследуемым жизненным сферам удалось ввести такие психометрические характеристики как *внутренний конфликт* (превышение *Ц* над *Д* на 4 и более единицы), *внутренний вакуум* (превышение *Д* над *Ц* на 4 и более единицы) и *нейтральная зона* (разница между *Ц* и *Д* не более 3-х единиц) .

Затем автором была создана ценностно-ориентированная система «Диагностика внутреннего конфликта» (Е.Б.Фанталова, 1997, 2001, 2002), включающая четыре методики , первой из которых осталась УСЦД , а последней , четвертой методикой., стал « Свободный выбор ценностей». Остановимся на ней подробнее.

Целью создания методики «Свободный выбор ценностей» был наиболее полный охват «ценностного ядра» личности при значительном увеличении списка предлагаемых ценностей и упрощении процедуры их выбора и ранжирования по Ц и Д. При создании ее было задействовано три методических приема: увеличение длины ценностного ряда до 73 наименований, обеспечение возможности «свободного выбора» этих ценностей с последующим ограничением всего ряда до 10-ти ценностных наименований и возможное (при желании заполняющего методику) дополнение предлагаемого списка своими, очень значимыми, но отсутствующими в нем ценностями (73 ценности «Свободного выбора» можно дополнить до 80 ценностных наименований).

Работая над созданием списка «Свободного выбора ценностей», мы имели ввиду, что он должен быть представлен в виде *разнопорядковых ценностей*, охватывающих самые разные стороны человеческого бытия. Рубрики ценностного ряда и соответствующие им примеры следующие: «*Абсолютные* ц*енности* как отношения к жизненным проявлениям и объектам, к поставленной цели или к чему-то очень желательному» (например, «Любовь к Родине», «Любовь к детям», «Вера в Бога», «Любовь к природе»); «*Ценности как характерологические и личностные качества»* (например, «Общительность», «Искренность», «Дружелюбие», «Чувство юмора»); *«Ценности как материальные и житейские блага»* (например, «Деньги», «Досуг»,

«Уют»); *«Ценности как занятия определенной деятельностью»* (например, «Игры», «Спорт», «Общение»); «*Ценности как интересы к чему-либо»* (например, «Интерес к музыке», «Интерес к живописи», «Интерес к театру»). Согласно инструкции, заполняющий методику должен выбрать самые значимые для него *понятия –ценности* и проранжировать каждое по *Ц* и *Д по 10-балльной шкале оценок.* Например: «Чувство юмора» Ц=10, Д=5 (Ц-Д=5, *внутренний конфликт).* «Целеустремленность» Ц= 8 , Д=6 (Ц-Д=2, *нейтральная зона*). На последнем этапе ему следует оставить только *десять* ценностей, которые составляют, так называемую, основную *ценностную десятку*, искомое *ценностное ядро личности.* В итоге, аналогично методике УСЦД, подсчитывался интегральный показатель по 10– ти ценностям «Свободного выбора» (Rсвоб.выбора)

Гипотеза настоящего исследования состояла в следующем. Чем выше диссоциация «Ценность-Доступность» по методике УСЦД при заданном, одинаковом для всех испытуемых списке ценностей, тем выше эта диссоциация и при свободном выборе ценностей , список которых индивидуален для каждого испытуемого. Настоящее предположение было основано на том, что удовлетворенность ценностного потенциала личности– устойчивая характеристика, отражающая рассогласование между *желаемым* и *возможным* в едином личностном пространстве жизнедеятельности человека, в целостной структуре его мироощущения.

Материал и методы исследования. Настоящее исследование было проведено на материале 71 студента 2-го курса Московского Городского Психолого-Педагогического Университета. Все испытуемые были обследованы по системе методик «Диагностика внутреннего конфликта», включая 1-ую ,– « Уровень соотношения *ценности* и *доступности* в различных жизненных сферах», и 4-ую,– «Свободный выбор ценностей». Математическая обработка данных с выявлением достоверно значимых корреляций по Спирмену и Пирсону между интегральным показателем « Ц-Д» по заданному списку ценностей в УСЦД (R по УСЦД) и интегральным показателем «Ц-Д» в «Свободном выборе…» (R по «Свободному выбору ценностей») проводилась с помощью компьютерной версии *SPSS 13.0.*

Результаты исследования. Согласно полученным данным , коэффициент корреляции по Спирмену между двумя интегральными показателями « Ценность-Доступность», – по методике УСЦД и по «Свободному выбору ценностей», – равен 0,427, по Пирсону величина коэффициента корреляции 0, 459. Настоящие корреляции достоверны при уровне значимости $p < 0{,}01$. Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу проведенного исследования и позволяют сделать вывод о том, что диссоциация «Ценность-Доступность» является устойчивой функциональной характеристикой в личностном пространстве человека, поскольку величина ее может сохраняться при различных способах ценностных выборов (заданный список ценностей и свободный их выбор).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ВЕРЫ И РЕЛИГИИ

Фоменко Г.Ю.
г. Краснодар
fomgal27@mail.ru

Всё чаще в нашем окружении мы сталкиваемся с молодыми людьми, которые, будучи православными по месту рождения и вероисповеданию, тем не менее, принимают ислам.

В современном быстро меняющемся мире человеку (особенно молодому) бывает весьма затруднительно ответить на вопрос о том, что он собой представляет, и какое место в социуме он занимает. В связи с этим говорят о кризисе личностной идентичности, социальной, гражданской, религиозной и т.п. Соответственно, вопрос о принятии ислама православным человеком может быть рассмотрен, прежде всего, в контексте данного феномена.

Обсуждаемая проблема по отношению к каждому конкретному случаю актуализирует целый веер вопросов. Безусловно, необходим индивидуальный подход с учётом истории жизни реального человека, его индивидуально-психологических особенностей, анализа микросоциального окружения, актуальной ситуации, конфигурации его ценностно-смысловых предпочтений, стратегических и тактических планов и намерений в самых различных сферах жизни и

деятельности, анализа привычных для него защитных механизмов и способов совладания с возникающими проблемами и трудностями и т.п.

При отсутствии конкретики, имеет смысл порассуждать о процессах самоопределения молодых людей (абстрагируясь от гендерной специфичности) в противоречиях современности и о возможных причинах именно подобного выбора религиозной идентичности.

Конечно, в первую очередь, необходимо прояснить, это был: 1) самостоятельный выбор; 2) результат целенаправленного манипулятивного воздействия; 3) или результат встречного процесса.

Однако, независимо от ответа на первый вопрос, существует более глубокий – второй: почему человек обратился именно к религии и уже во вторую очередь, почему православный человек (хотя бы, по месту своего рождения) предпочёл стать приверженцем другой мировой религии – ислама.

Сразу же подчеркнём, что с психологической точки зрения может существовать только видимость самостоятельного выбора. Обязательно(!) необходимо искать внешнюю помощь. Соответственно, требуется осуществить поиск *рефрентной группы*, поскольку любой вид идентичности, тем более религиозная идентичность личности, складывается в результате её самоотнесения с группой (или отдельным человеком) как реальной, так и виртуальной, которые являются для неё значимыми. Ещё в большей степени влияние референтной группы прослеживается на этапе закрепления сделанного выбора.

Если, тем не менее, выбор воспринимается, как *самостоятельный*, то необходимо ответить на следующую серию вопросов.

Был ли предрасполагающий психотравматичный эпизод, кризисная ситуация, разрушившая базовую картину мира?

Дефицит чего ощущает человек?

С какими трудностями самоопределения не справился?

Предрасполагающие личностные особенности.

В чём заключается дефицит ресурсности (личностной, интеллектуальной, микро– и макросоциальной), не позволяющий конструктивно преодолеть актуальные жизненные трудности (без обращения к религии; в рамках православной веры)?

При абстрагировании от индивидуального своеобразия произведённого выбора, необходимо учитывать современные цивилизационные тренды, актуализирующие интерес к вере, религиозности и их проекцию на российскую действительность.

В самом общем виде могут существовать, по крайней мере, два ответа на обсуждаемый вопрос.

1. Религиозная идентичность, как преодоление срыва духовной автоинтерпретации и замещение её новой, фиктивной у недостаточно зрелой личности с внутренними проблемами

2. Религия как «дело индивидуального вкуса» в современном плюралистическом обществе.

Причём, оба эти ответа могут быть объединены под единой рубрикой: «закат» идентичности и игры в «другого» (Бергер П. и Лукман Т., 2009;Богословская К.А, 2011; Гараджа В.И., 1996; Гудков Л.Б., 2004; Морозов А.О., 2003).

Многие сегодня обращают внимание на то, что происходит с идентичностью личности. Сама структура идентичности существенно изменилась. Ранее структура идентичности подразумевала обязательно соответствие образа «Я» его жизненному воплощению, состояние принадлежности индивида некоторому *надиндивидуальному целому*, охватывающему и субъективное время, и личностную деятельность, и национальную культуру (то есть она была *вертикальной*). В настоящее время, как считают некоторые исследователи, вертикальные скрепы идентичности практически утратили своё значение, идентичность растекается по горизонтали. Это не значит, что человек в его составе без остатка исчерпывается социальным, но это значит, что наличие трансцендентного в человеческом составе – это допуск, который не является обязательным.

Возникает вопрос: возможно идентичность сегодня – это просто совокупность имиджей, которые даже не нанизаны на одну нитку. Уместнее эту топографию представлять себе как раз-

брос по паутине. Сетевая структура социального опрокидывается в структуру личности, в её идентичность. Утром – клерк, вечером – хипхопер, перешёл из христианства в ислам, а затем – обратно. Религиозность становится лишь одной из ячеек в сети личной идентичности. Она – не в центре личности, да и вовсе нет никакого центра.

Соответственно, события могут развиваться по первому, выделенному нами сценарию, предполагающему попытку *преодоления срыва духовной автоинтерпретации у недостаточно зрелой личности* в том случае, когда человек перестаёт понимать, кто он такой и пытается выйти из тупика с помощью полуфантастической ориентации на образ, пришедший к нему из СМИ, литературы, от значимого (как правило, любимого, что, прежде всего, характерно для девушек) человека.

При этом для подчёркивания собственной уникальности и индивидуалистичности молодая девушка (парень) ориентируются на образцы, резко контрастирующие с нормативными.

Дело в том, что в юношеском возрасте очень сильна мотивация к формированию образа «Я» через отрицание предлагаемых моделей поведения. Самоопределение и самоутверждение осуществляется посредством контрастного и резкого разграничения собственной идентичности с наблюдаемыми вовне примерами судеб и моделей жизни. Именно на этом строится психополитика индоктринации, ориентирующаяся на предложение незрелому индивидууму ролевых моделей, заведомо отличающихся от общепринятых. Личностная зрелость проявляется в адекватном восприятии того образа жизни, который несозревшему индивидууму представляется как формальный, банальный, пыльный (то есть отживший), скучный и серый, отыгравший, исчерпавший себя, неперспективный, безжизненный.

Религиозная идентичность при этом может быть рассмотрена как разновидность социальной идентичности. Кроме того, данный выбор может быть сделан по механизму формирования зависимого поведения.

Психотерапевтический опыт показывает, что в развитии зависимого поведения первостепенную роль играют сложные нарушения личности, те, которые ведут к формированию психологии жертвы. Неразрешённый негативный опыт прошлого может порождать такие явления, как внутренний дискомфорт, неспособность противостоять неудачам и трудностям, отсутствие чётких ориентиров в жизни, неумение «быть взрослым» и принимать ответственность за свою жизнь и т.д. Человек, страдающий от неразрешённых внутренних проблем, склонен использовать «заместители» неудовлетворённых потребностей. Вот почему у разных форм зависимостей – алкоголизма, наркомании, переедания, азартных игр, созависимости и зависимости от работы или от секты – один и тот же механизм образования.

Следующий возможный вариант рассмотрения данной проблемы: исходя из специфики современного информационного общества с особенностями его сетевой организации и глобализации. В этом случае *религия – это «дело индивидуального вкуса» в современном плюралистическом обществе.*

Если рассмотреть мировые религии как «расходящиеся миры» (в терминологии П.Бергера и Т.Лукмана), то в этом случае предполагается не полное включение или идентификация, а пребывание в выбранном человеком мире, как просто одном из возможных. Несмотря на то, что человек, казалось бы, выбирает ту или иную религию как «свою» он не идентифицируется с ней полностью.

Человек осуществляет выбор манипулятивным способом, в аспекте решения каких-то своих специфических целей. Так как это включает исполнение определенных ролей, он сохраняет по отношению к ним субъективную дистанцию – он целенаправленно и произвольно «надевает» их на себя.

При таком рассмотрении и интерпретации проблемы принятие ислама не связывается с глубоким внутренним духовным перерождением, а представляет своего рода принятие на себя определённой роли с возможностью отказа от этой роли в дальнейшем, когда изменится жизненная ситуация и значимое микро– и макро-социальное окружение. Однако существует опасность на этом пути и «заиграться», выбирая для себя всё более и более нестандартные модели поведения и Модели Мира в целом.

Бергер и Лукман так описывали становящееся состояние постиндустриального общества: общество, в котором расходящиеся миры становятся общедоступны, как на рынке, содержит в себе особые сочетания субъективной реальности и идентичности. Растёт общее сознание релятивности всех миров, включая и свой собственный, который теперь осознаётся, скорее, как один из миров, а не как Мир. Вследствие этого собственное институциональное поведение понимается как «роль», от которой можно отдалиться в своём сознании и которую можно «разыграть» в своём сознании под манипулятивным контролем. Эта ситуация имеет куда дальше идущие последствия, чем возможность для индивидов играть роль того, кем его не считают другие. Игра теперь идёт с ролью того, кем его считают, но только совершенно иным образом (Бергер Т., Лукман, 2009).

В ситуации, когда «плюралистическая ситуация приводит к увеличению разнообразных конкурирующих одна с другой религиозных структур, религия всё больше становится «делом индивидуального вкуса», делом субъективного предпочтения, а религиозные традиции утрачивают характер универсальных символических систем», неизбежно выстраивание «рынка сакральных услуг», предлагающего желающим «на выбор» разнообразные формы религиозной и культурной идентичности.

В том случае, если у человека сохраняется *вертикальная* организация идентичности и предпочтение ислама православным (хотя бы просто по месту своего рождения, а не истинно верующего до этого!) является результатом *духовного* перерождения личности, то в действие вступают иные психологические механизмы.

Соответственно, это уже совсем иной вариант, при котором религиозная идентичность может быть рассмотрена как результат духовного выбора и выступает как результат самоопределения личности в противоречиях современности.

Обсуждаемые далее компоненты являются *неспецифическими* в том смысле, что в зависимости от индивидуальных особенностей, истории жизни конкретного молодого человека, могут существенным образом нарушать процесс социализации по самым разнообразным вариантам (деструктивные культы, молодёжная субкультура, экстремизм, алкоголизм, наркомания и т.п.).

Для уяснения сути неспецифических компонентов, нами было проанализировано и выделено *психологическое содержание современных социальных детерминант* (Фоменко Г.Ю., 2010, 2011):

1. Противоречие между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности и возрастанием социального прессинга. Человек не чувствует своего влияния на происходящие процессы, не является «автором» собственной жизни. Современную действительность воспринимает как «разрешено всё, но ничего нельзя достичь». Отсюда и заявления типа: «В настоящее время самореализоваться мне мешает учёба» и т.п.

2. Когнитивный диссонанс между абстрактным признанием одних норм и реальным следованием другим. Молодой человек замечает и усваивает, что люди, являющиеся «элитой» современного общества декларируют одни нормы, но сами живут по другим. «Двойные» и «тройные» стандарты жизни разрушительнейшим образом действуют на личность молодого человека и грубо нарушают процесс социализации (отсутствие идеалов, конкретных положительных жизненных примеров, затруднения выработки просоциальных жизненных ценностей, невозможность продуктивно разрешить экзистенциальные противоречия и найти смысл жизни и т.п.).

3. Разнородные и иногда *взаимоисключающие требования* со стороны природной, социокультурной, этнической и пр. систем.

Трудности самоопределения личности в противоречиях современности и неконструктивность их разрешения приводят к потере личностью самоуважения, переживанию бесперспективности и «исключённости» из общественных процессов.

В связи с этим в качестве *индикаторов* факторов риска подверженности экстремистским воззрениям в самых различных жизненных сферах на современном этапе развития российского общества выступают в совокупности следующие социально-психологические явления.

1. Выраженный крен к эгоистическому индивидуализму от идеализированного коллективизма.

2. Приватный субъект в противоположность формированию трансцендентного субъекта

3. Духовно-нравственный кризис при превалировании «экономического детерминизма» и приоритетности мы-идентичности как общности повседневного межличностного общения (семья, друзья, товарищи по работе)

4. Ослабление и исчезновение устремлённости в будущее. Психологически – ограниченность или отсутствие временной перспективы личности ведёт к пассивности, дезорганизации, неэффективности личностной деятельности.

5. Преобладание фаталистического настоящего и т.п.

При этом у молодых людей (у кого на подсознательном, у кого на сознательном уровне) присутствует жажда дела, которое дало бы им эмоциональную разрядку, социальную общность и духовный комфорт, дела, ради которого даже стоило бы пожертвовать жизнью. И хотя первоначально многие были не религиозны, в результате духовной трансформации произошёл сдвиг в их приверженности религии, которая в совокупности с изменившимися жизненными обстоятельствами даровала им и дело, и людей, которые их понимают, т.е. получили возможность удовлетворения ранее депривированных потребностей.

Не принимая социальную данность в таком варианте, некоторые молодые люди обращаются к религии. Необходимо также отметить такую особенность, выделяемую современными исследователями: возрастает потребность в индивидуальной религии при снижении значимости религии институциональной. Соответственно, всё зависит от того, кто будет наиболее активен и убедителен на этом поле. Именно с этим связан как обсуждаемый нами феномен, так и феномен новых религиозных движений (НРД).

Изложенный подход позволяет уяснить психологические особенности построения взаимодействия личности с обществом, государством и религиозными организациями, сконцентрировав внимание на явлениях и реальных событиях каждодневности, которые совсем не исключительны, но обладают негативным социально-психологическим потенциалом, предрасполагающим молодёжь к повышенной восприимчивости к любого рода деструктивным воздействиям, а следовательно, возможному участию в экстремистских организациях, парадоксальному религиозному самоопределению и т.п.

СО-БЫТИЕ С ДРУГИМИ КАК СФЕРА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ[1]

Шамионов Р.М.
г. Саратов
shamionov@mail.ru

Обращение к понятию «бытие» при анализе процесса социализации личности вовсе не случайно. Бытие человека представлено как объективное, принадлежащее личности и обусловленное ее субъективными отношениями и переживаниями реальная сущность. В отличие от других понятий оно охватывает широкий круг объективных проявлений человеческой активности и, тем самым, позволяет избежать узкого и однобокого представления. Однако бытие человека практически всегда связано с бытием другого (других), если не в реальном времени, то в представлении и предполагает не только вступление в различного рода связи и отношения с другими, но и в этих связях и отношениях реализуется со-бытие с другими, поскольку создается единое психологическое поле, в котором поведение этих субъектов задано в его объективном виде. Другой выступает «внешним миром», с которым человек должен «синхронизировать свою процессуальность, учитывая сложившуюся у него иерархию личностных смыслов, его биологические ритмы, …, усвоенные им социальные нормы» (З.И. Рябикина, 2005. С.10). В этом отношении социализация личности выступает не только как процесс усвоения социальной информации, но как целостный и естественный процесс *обмена* в котором слиты воедино и трансляция, и приобретение социальных норм, ценностей, установок и других образований. В

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант №11-06-00026 а).

процессе со-бытия с другими и благодаря ему происходит «сверка» собственных представлений с представлениями других, своего рода, проверка их на универсальность, приемлемость. Кроме того, происходит и коррекция ранее усвоенных норм и ценностей с точки зрения ситуативного контекста. В этом отношении со-бытие с другими, безусловно, становится сферой социализации личности. В нем заданы все необходимые для этого основания и реализуются соответствующие социально-психологические процессы. Поскольку любая со-бытийность с другим человеком предполагает ее репрезентацию по схеме «Я»-«Другой», именно через этот канал осуществляется присвоение (или отклонение) значимых для личности и ее интеграции в социум социальных феноменов, когниций, паттернов поведения.

Отметим и то, что в со-бытии с другими личность оказывается способной к конструированию представлений, поскольку взаимодействие характеризуется креативностью, оно продуктивно с точки зрения выработки норм межличностного общения, взаимоотношений и других видов бытия. Объективация внутреннего всегда сопровождается его изменением, а в случае события, внутреннее подвергается двойному (вернее, многомерному) изменению, т.к. становится представленным не только «для себя», но и одновременно «для всех». Кроме того, в процессе со-бытия с другими личность вырабатывает совместно с ними определенные нормы и смыслы, которые не заданы в «чистом» виде в социуме; совместное порождение этих образований становится весьма важной характеристикой социальной жизни – по-сути, это не только совместная деятельность, но совместное проживание и переживание, что является основой для отношений совершенно другого рода – близких, доверительных, дружеских. Поэтому можно сказать, что социализация личности – всегда процесс творческий: нормы не усваиваются в «чистом виде», они приобретают личностный оттенок, а точнее – ситуативно-межличностный или событийный. Кроме того, «нельзя «объективно отразить» ситуацию, потому что реальность, к которой она принадлежит, возникает еще и в результате порождения, конструирования, домысливания субъектом» (В.В. Знаков, 2005. С.37). Это говорит о том, что в самом деле и собственное бытие может стать источником социализации личности.

По-сути, в процессе события с другими формируется субъектная позиция личности и соответственно, способность критично, избирательно относиться к транслируемым институтами и агентами социализации ценностям. С другой стороны, субъектная позиция выступает своеобразным критерием социализации, его эффектом. Поскольку пребывая в обществе, богатом различными мнениями, личность сталкивается с необходимостью определенности, согласованности внутренних инстанций, что способствует ее постепенному переходу от ценностей и норм совместного бытийного пространства большинства к отбору и использованию той части социальной информации, которая соответствует её собственному представлению о нормах общежития с другими; самореализация личности в этом аспекте означает не только автономную регуляцию поведения и инициирование и реализацию внутренних потенций, но и продуцирование собственных норм.

Со-бытие личности с другими предполагает и воздействие на других и подверженность воздействию других, включая и средовые, и ситуационные, и пр.; в этой ситуации усложняется субъектность личности, поскольку она вынуждена интегрировать множество её выявлений. Способность личности соотноситься с меняющимися обстоятельствами со-бытия с другими выступает необходимым условием ее взаимодействия с ними, но в то же время она есть основание для приобретения общих с ними характеристик. Со-бытие с другими субъектами предполагает не только усвоение и поверку собственных диспозиций, но и через совместное творчество – трансляцию выработанных таким образом представлений другим субъектам.

Поскольку бытие личности – это «неповторимая целостность взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состояний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором от претворил свою субъектность (объективировал субъективное)» (З.И. Рябикина, 2005), со-бытие с другими предполагает установление явных или неявных связей между этими целостностями и их различными составляющими. Иначе говоря, внутренние инстанции (в том числе ценности и установки) личности объективируясь в ее поведении «сталкиваются» с соответствующими объективациями инстанций другого, включая и изменение своих инстанций и преодоление «сопротивления бытия других, воплощающих иные

смыслы» (З.И. Рябикина), а также пытаясь изменить конфигурацию инстанций личности других. Таким образом, рассматривая со-бытие с другими как сферу социализации, можно выяснить не только характер усвоения социальных значений, но и их трансформации и экстраполяции во вне.

Взаимодействуя с другими личность, таким образом, выступает как целое, проявляя субъектную позицию как способность воплотить в жизнь свои представления, идеи и смыслы и их констелляции (объективировать себя), но и оперативно менять конфигурацию собственных инстанций в соответствии с меняющейся ситуацией и в зависимости от объективации другого (других). Со-бытие не только выступает как сфера социализации личности, но и как объект регуляции социализированных личностей, участвующих в нем. Следовательно, в каждом конкретном случае взаимодействия личности с другими вступают в действие не только опыт прежних взаимодействий, но и тех «решений», паттернов поведения и норм, которые усвоены ею в различных пространствах со-бытия с другими и которые с легкостью переносятся на другие обстоятельства со-бытия в аналогичных пространствах. Здесь, очевидно, срабатывает закон экономии: вначале происходит оценка ситуации (пространства) и задействуются соответствующие паттерны поведения, а затем уже происходит «примерка» к субъектам, принимающим участие в ней.

Со-бытие как сфера социализации личности, таким образом, изменяется в зависимости от трансформаций, происходящих на уровне личности (личностей), их установок, ценностей, и в то же время, последние могут в значительной степени видоизменяться в зависимости от качеств со-бытия с другими, его эффективности, конструктивности и качественной содержательности с позиции удовлетворения основных потребностей личностей, включенных в него. Событийность с творческими продуктами бытия других людей составляет еще одну весьма важную сферу, заключающуюся в приобщение личности к культурным продуктам, что также обогащает личность и пополняет ее инстанции. Развитие личности, считает З.И. Рябикина, есть расширение ее бытийности; экспансия личностных смыслов на внешние пространства осуществляется через *овладение* (З.И. Рябикина, 2005). Иначе говоря, сам по себе творческий продукт не является «социализатором»; он становится таковым лишь в результате формирования особого отношения к нему (как правило, в немалой степени обусловленного экстериоризацией отношения других субъектов и соответствующего отклика на него личностью). Реализация же события с этими явлениями может в значительной степени определять пристрастность личности к социальному опыту, воплощенному в произведениях искусства, литературы, истории и религии. Так, например, Е.В. Рягузовой показано, что личностная репрезентация взаимодействия с Другим в художественной реальности служит основой для идентификации личности, формирования мировоззрения, ценностно-смыслового ядра, нравственности, духовности (Е.В. Рягузова, 2011). Иначе говоря, социализация личности даже на уровне взаимодействия с художественной реальностью предполагает некую персонификацию и ее «перевод» на язык межличностного бытийного пространства, тем самым обеспечивая унификацию и обобщение значений, (соотнесение их с собственными смыслами) являющихся регуляторами социального поведения.

Важным обстоятельством со-бытия с другими является психологическое состояние, испытываемое индивидом, основанное на системе его отношений к другому и взаимоотношений с ним, что проявляется в удовлетворенности или неудовлетворенности таковыми. Очевидно, и то, и другое выступают не только качественным показателем со-бытия, но и имеют непосредственное отношение к социализации личности. Неудовлетворенность является побудителем, «движителем» активности (как в соответствующей области, так и в иной, не связанной с ней); удовлетворенность отношениями выступает благоприятным фоном для взаимодействия с другим. Совместное бытие с другими задает критерии субъективного благополучия личности, а также определяет его структурные и уровневые характеристики, и в то же время порождается им (в ходе совместной деятельности, общения, установления различных взаимоотношений).

Социальная активность личности неразрывна с со-бытием с другими, т.к. она предполагает не просто установление отношений с ними или взаимодействие с продуктами социального бытия других, но и изменение как собственной жизни, так и социальной ситуации вокруг себя. В этом смысле необходимо рассматривать социальную активность личности не только с пози-

ций ее собственного бытия, но и с точки зрения оказания влияния на других, которое может быть как конструктивно, так и деструктивно. Поэтому важнейшими личностными образованиями, применительно к социальной активности, выступают ответственность и эмпатийность, связанные с учетом интересов других, что предполагает высокий уровень личностной зрелости. Иначе говоря, социальная активность как характеристика субъекта и личностная зрелость как эффект социализации в единстве обеспечивают способность личности конструктивно «со-бытийствовать» с другими.

С другой стороны, важным обстоятельством в изучаемом аспекте является ориентация личности в отношениях с другими (средой) – субъект-объектная или субъект-субъектная. Неясность в вопросе этой ориентации порождает множество проблем как теоретического, так и прикладного характера (в том числе и с позиции оценки самого субъекта). Вполне очевидно, что как другой, так и среда могут пониматься как носители субъектности («личность вступает во взаимодействие со средой как субъектом», – З.И. Рябикина, 2005. С.19). Однако любые попытки преобразования среды, манипулирование социальными объектами выводят их на уровень объекта. Иначе говоря, другой (среда) одновременно являются носителями объектности и субъектности с позиции личности, которые могут менять свой статус в зависимости от ее поведения. На наш взгляд, уровни социальной активности личности во многом обусловлены тем, в какой мере со-бытие с другими предполагает(ло) известную степень свободы и опыт преодоления и каково соотношение социальной и персональной конгруэнтности личности в процессе его реализации.

Итак, поиски ответов на ключевые вопросы социальной психологии личности (и, в частности о социализации личности) вынуждают обращаться к субъектно-бытийному подходу в психологии. Изучение личности как субъекта, способного к социальной активности и за счет этого к изменению (расширению) своих «бытийных пространств» и овладения социальным опытом соучастников этого процесса предполагает анализ всех аспектов со-бытия с другими.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ «Я»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Шумский В.Б.
г. Москва
vshymsk@hse.ru

Является ли человеческое «Я» эмпирическим фактом, переживаемым феноменом, или же «Я», как и термин «субъект» (в значении causa sui) представляют собой не более, чем выработанные культурой понятийные конструкции?

Сегодня получило достаточно широкое распространение представление о том, что человек – это многомерное сочетание разнообразных культурных практик и ценностей, не имеющее своего отчетливо выраженного центра, генуинного «Я». Человек есть историко-культурный конструкт, изменение системы ценностей культуры неизбежно приводит к изменению образа человека, к изменению способа описания и понимания человека. И если человек представляет собой конструкцию, образованную техниками его описания, то при изменении языка описания утрачивается и вся конструкция. Очевидно, что человек, анализирующий свои поступки с точки зрения христианского учения, понимающий себя и других людей на языке добродетели и порока, греха и раскаяния, радикально отличается от приверженца психоаналитического учения, анализирующего свое поведение с точки зрения теории З. Фрейда и его последователей и понимающий себя и других в терминах вытесненной сексуальности и агрессивности, защитных механизмов и динамики либидо. В этой связи можно хорошо понять слова М. Фуко: «человек есть изобретение недавнее», с изменением способа его описания образ человека как историко-культурный конструкт исчезает, как «лицо, нарисованное на прибрежном песке» (Фуко М., 1994). Философская методология постмодернизма, утвердившаяся в европейском научном сообществе с 60-70 гг. XX в., как известно, провозгласила «смерть субъекта», полностью растворив его в детерминационном воздействии на человека структур языка и различных дискурсивных практик.

Психологическая трактовка этой методологии, с нашей точки зрения, представлена в работах В.А. Петровского, согласно которому «Я» и «субъект» – это культурные знаки, которые не имеют своего денотата, чего-то до-знакового и довербального. Как таковые, концепты «Я» и «субъект» существуют в знаковом, условном мире, в семиотическом пространстве условно-сущего. В то же время, будучи интериоризированными, культурные идеи «Я» и «субъекта», превращаются в формообразующее начало психики, становясь психическими структурами, конфигурирующими поток энергии изначально бессубъектной активности индивида: «Подлинное Я есть результат синтеза, сплава активности природного (бессубъектного) происхождения и схемы (формы) оттиска культуры в природном материале индивидуума. О таком действительном, подлинном Я мы говорим «субъект», различая в нем форму (прообраз Я) и динамический материал (активность, энергия)» (Петровский В.А., 2011). «Субъект» и «Я», таким образом, с одной стороны, оказываются теоретическими понятийными конструктами, а, с другой стороны, эти конструкты оказываются реально действующими, так как человек формирует себя в соответствии с тем образом, который накладывает на него культура. Такой модели, однако, может быть адресован следующий вопрос: как и за счет чего безличная, изначально лишенная энергии психическая форма, образованная из культурного знака, обретает энергию для управления потоками витальной энергии?

Оппонирующая точка зрения содержится в представлениях экзистенциальной философии и психологии, в соответствии с которыми возможность быть субъектом и переживать собственное Я присуща человеку как отличительная особенность его природы. Субъектность и самосознание понимаются неотъемлемыми составляющими человеческого существования, транскультурными и трансисторическими феноменами; каждый человек обладает свободой воли, так или иначе обособляет себя от других людей и задается вопросом «кто я?»

Этой точке зрения можно возразить: экзистенциальная философия и психология сами представляют собой продукт историко-культурного развития. Их оформление в самостоятельную систему происходит лишь в XX в., основной характеристикой которого является распад системы культурных универсалий, когда весь ход исторического развития ставит перед западным человеком вопросы «что такое человек?» и «в чем смысл человеческой жизни?» Ответом на эти возражения может быть такая же отсылка к историко-культурному развитию европейской цивилизации. Известно, что первые проявления субъектности человека можно отнести к Древней Греции, когда, как это показано в произведениях античных драматургов, человек ставился в такие ситуации, в которых был вынужден принимать самостоятельные решения, не предопределенные богами и традициями. И если в античности проявления субъектности могли позволить себе только аристократы, то в средневековье каждый человек в коммуникации с Богом и на процедуре исповеди мог переживать себя как самостоятельного субъекта, объективирующего сокровенные содержания душевной жизни при решении задачи сурового самоконтроля с целью обуздания своей греховной природы. Конечно, сам термин «субъект», как и идея о самоценности индивидуальной личности, утвердились только в Новое время. Но это говорит лишь о том, что культура понятийно закрепляет те формы активности человека, которые этой культуре соответствуют и культурой востребованы. Не вызывает сомнений, что образ человека меняется от эпохи к эпохе. Меняется ли при этом сама природа человека или же происходит дифференциация, расширение и углубление возможностей, которыми располагает культура для понимания человека и описания движущих сил, лежащих в основе человеческой психики и поведения?

Отправным пунктом для теоретических построений экзистенциальной философии и психологии является базовое онтологической переживание «я-есть», или переживание экзистенции. Дж. Бьюдженталь так описывает один из основных вопросов, на которые стремится ответить экзистенциальная психология: «Кто я или что я? В своем последнем основании? Помимо званий, ролей, степеней и всех этих этикеток, наклеенных на меня? Помимо занятий и отношений, даже имени и личной истории? Кто я? Что я?» (Бьюдженталь Дж., 1998). На категориальном уровне экзистенция может быть определена как: «Обо всем том, что в естественном жизненном опыте содержательно принадлежит жизни, чем человек располагает и о чем в каком-либо смысле может сказать, что он это “имел бы”, обо всем этом он может в соответствующие

мгновения узнать, что это не принадлежит ему сущностно и могло бы быть от него отнято, не причинив тем самым вреда последней, глубинной его сердцевине … Эта предельная сокровеннейшая сердцевина человека, лежащая “по ту сторону” всех содержательных данностей и становящаяся ощутимой лишь посредством того, что все в той или иной мере содержательно определенное отпадает от нее в качестве чего-то внешнего, в строгом экзистенциально-философском смысле обозначается понятием экзистенции» (Bollnow O.F., 1995). Основная характеристика экзистенции состоит также в том, что она есть «отношение, которое относит себя к самому себе и в этом отношении-к-себе-самому относит себя к иному» (28; s. 33) – на уровне экзистенции человек пребывает в непрерывном отношении с «иным», с чем-то, что не является им самим.

Переживание собственного «Я» может быть актуализировано в любой деятельности исходя из чувства «я могу». Допустим, в данной ситуации вы можете поднять свою руку. Соответственно, у вас есть две возможности: поднимать руку или не поднимать. И если в это момент сконцентрировать свое внимание на том, что «это именно Я в данный момент решаю, что делать со своей рукой, это именно Я – автор того, что сейчас произойдет», то можно пережить «я-есть».

Актуализация собственного Я может происходить и в других обстоятельствах, никак не связанных с конкретной историко-культурной ситуацией. Например, благодаря опыту «пограничных ситуаций», которые описал К. Ясперс. Пограничные ситуации имманентны человеческому существованию: «я должен умереть, должен страдать, должен бороться, я завишу от случайностей, я с неизбежностью обнаруживаю собственную вину» (Ясперс К., 2000). Переживание границ обладает конститутивным характером для Я: благодаря опыту своих границ можно почувствовать и обрести свое собственное содержание и реалистично осознать собственные возможности, границы своего «я могу». Если мы действительно постигаем пограничные ситуации, то «отчаянием и последующим избавлением от него мы становимся самими собой» (там же), обретая переживание собственного Я.

С нашей точки зрения, самым впечатляющим доказательством существования «Я» как над– и вне– историко-культурной реальности являются описанные в литературе спонтанного, совершенно неожиданного для человека «выброса» в переживание собственного Я. Приведем пример: «Я встал, потянулся и, встав на колени, посмотрел в окно на кроны деревьев. В этот момент я ощутил Себя. Казалось, все отделилось от меня, и я вдруг остался один. Удивительное чувство – чувство парения. И тут же возник удивительный вопрос к самому себе: “Ты – Руди Делиус? Ты – тот самый, которого так называют друзья? Тот, которого в школе называют этим конкретным именем и ставят конкретные оценки? Ты – тот самый?” Второе “Я” во мне явилось моему другому “Я”, которое здесь же вполне объективно проявлялось моим именем. Это было почти физическое отторжение, отделение от всего, что меня окружало. Я неожиданно ощутил себя одним единственным, выделившимся изо всего... Я понял, что что-то значительное навсегда произошло со мной, внутри меня… В один момент старая природа кровных связей утратила смысл: понятия – отец, брат… И родина со всей ее сцепляющей силой и властью “отпала”, лежала где-то рядом, как сброшенная кожа. “Я” во мне было свободно, раскрепощено, отпущено, оно парило и было уникально, ценно в своей неповторимости, недоступно миру и нерушимо. Такое переживание своего “Я” – как второе рождение» (Wicki B., 1991).

В переживании «я-есть» можно выделить две основных составляющих:

1. Чувство отделенности Я не только от окружающего мира и от других людей, но и от собственного тела, собственных мыслей, чувств, от собственной жизненной истории. Я переживается как отдельная, самостоятельная величина.

2. Чувство собственной силы – силы Я (исходя из восприятия «я могу») или, если воспользоваться терминологией В.П. Зинченко (2010) «чувство порождающей активности».

Необходимо подчеркнуть, что Я понимается в экзистенциальной философии и психологии не как субстанция, а как «деятельный центр», динамическая сила, разворачивающийся процесс. Как таковое, Я никогда нельзя, «потрогать», его можно только пережить в действии, потому что, не будучи субстанцией, Я никогда не *есть*, но всегда *становится*. Я, или экзистен-

ция, представляет собой необъективируемое измерение человеческого бытия, которое может быть постигнуто человеком исключительно на основе собственных переживаний.

Здесь можно обозначить два основных вопроса:

1. Каков язык описания бытия этого «Я»? Если Я есть транскультурное образование, то должны быть и способы описания его бытия, которые были бы релевантны любой культуре, не зависели от культуры. Так как Я, или экзистенция, – это не то, что человек «имеет», но то, что он в своей глубинной сердцевине «есть», следовательно, изначально Я дано человеку в переживании, и лишь потом рефлексируется и оформляется в словах. Описания «Dasein» (М. Хайдеггер), «бытие-для-себя» (Ж.-П. Сартр), «воплощенное в теле восприятие» (М. Мерло-Понти), «духовное бытие, бытие личностью» (В. Франкл, А. Лэнгле) представляют собой попытки разных авторов означить измерение человеческого бытия, которое предшествует дискурсу, в котором это бытие означается.

В этом контексте задача экзистенциальной феноменологии может быть сформулирована как преодоление понятийных и языковых конструктов для экспликации метанарративного довербального опыта человека и выделения его онтологических данностей. Можно сказать, что экзистенциальная психология возвращает человеческому бытию его онтологические основы, которые оказались растворенными в языковых играх постмодернизма. Эти онтологические основы представляют собой реальность, лежащую за словами, постигаются посредством дологических переживаний и предшествуют языку, в котором получают объективацию. М. Хайдеггер, как известно, разработал для описания этой над– и вне– культурной реальности особый язык и особую систему понятий – экзистенциалов. Однако язык экзистенциалов достаточно труден для восприятия и использования предназначен скорее для кабинетных философов. А. Лэнгле в своей версии экзистенциального анализа делает следующий шаг в этом направлении: он описывает бытие Я словами, понятными человеку любой культуры: опора, пространство, защищенность, время, близость, отношения, внимание, справедливость и т.д.

2. Если Я есть феномен, который существует за пределами культуры (следовательно, за пределами времени и пространства), то где он существует? Где укоренено экзистенциальное Я? Ж.-П. Сартр, как известно, характеризовал его как «ничто», как «пустоту в густоте бытия». Я не имеет своего собственного содержания, а всегда интенционально направлено на что-то Иное, с чем оно в данный момент соотносится.

В этой связи М. Шелер писал, что в результате становления своего самобытия и самосознания человек увидел, что актуальное бытие его духа превосходит все пространственно-временные формы существования окружающего мира. И одновременно человек почувствовал, что словно бы погружается в «абсолютное ничто», и «именно в тот самый момент человек должен был как-то укоренить свой центр вне и по ту сторону мира» (Шелер М., 1988), – в этом, по М. Шелеру, лежат истоки религии и метафизики.

Современные экзистенциальные психотерапевты отмечают, что осознание собственного Я, собственной уникальности и автономности, может приводить к переживанию радикального одиночества и страха. И. Ялом пишет: «Чистое ощущение бытия, “я-есть”, чувство собственного бытия как истока вещей слишком пугает, погружая в изоляцию, поэтому человек отрицает самотворение» (Ялом, 2004). Переживание «я-есть» – это не только тревога человека, столкнувшегося со своей безосновной свободой, «головокружение от свободы» (С. Кьеркегор), но и страх перед бездной ответственности (В. Франкл) – потому что теперь только Я, как свободный субъект, являюсь неоспоримым автором того, что получилось в результате сделанного мной выбора. Р. Мэй, основываясь на опыте своей психотерапевтической практики, констатирует, что зачастую пациенты переживают тревогу бытия самими собой равносильно психозу – из-за угрозы потери опоры и защищенности, получаемой от других людей (Мэй, 2004). И человек бежит от этого страха бытия субъектом и от собственного Я в социальные сценарии, следует моральным нормам и предписаниям авторитетов, растворяя свою субъектность в социуме. Человек, конечно, при этом может продолжать мнить себя субъектом, но, как показал постмодернизм, на самом деле такой «субъект» принимает решения на основе дискурсивных социальных практик и поэтому подлинным субъектом как «причиной самого себя» не является.

Иными словами, выходя «за пределы культуры», Я, очевидно, помещает себя в некоторый более широкий горизонт или контекст. Что это за контекст? Объяснение «это горизонт религии» едва ли удовлетворит современного человека. Тем не менее, поставленный вопрос требует ответа.

Итак, выше мы обозначили основные проблемы экзистенциальной персонологии, задачу которой можно описать как исследование генеза и динамики способности человека проживать экзистенцию – то есть проживать свое Я как измерение человеческого бытия, выходящее за пределы как природной, так и социокультурной детерминации. Экзистенциальная персонология, таким образом, исходит из того, что Я и основанная на нем субъектность человека – это не выработанные на определенном этапе историко-культурного развития европейского человека понятийные конструкты, а эмпирические факты, реально переживаемые феномены, проявление которых соответствует самой сущности человека.

2. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СО-БЫТИЙНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ

ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖЕНЩИН О ВРАГЕ В СВЯЗИ С ЖИЗНЕННЫМИ СОБЫТИЯМИ

Альперович В.Д.
г. Ростов-на-Дону
valdmalp@rambler.ru

Актуальность исследования определяется интересом социологов и психологов к динамике в массовом и индивидуальном сознании образа Врага как агрессивного, вредоносного члена чужой (этнически, культурно, социально-экономически) группы (Бауман З., 2002; Гудков Л., 2005; Тулинова Д.Н., 2005), обусловленным в последние десятилетия макросоциальными трансформациями в разных странах, обострением межэтнических и межкультурных конфликтов.

Проблема изменения образа Другого в сознании личности и группы в зарубежной и отечественной социальной психологии, в основном, решается посредством изучения социальных представлений о Другом в различных категориях. Динамика социальных представлений о различных объектах в сознании группы связывается с идеологическими, политическими и социально-экономическими трансформациями (Емельянова Т.П., 2006; SecaJ.-M., 2001), которые, в свою очередь, в российской социальной психологии изучаются опосредствованно, рассматриваясь сквозь призму жизненного пути, психологического времени личности.

В качестве «единиц отсчета» последних в зарубежных биографических исследованиях (Росс Л., Нисбетт Р., 1999), дискурсивной психологии (Дж. Поттер, М. Уэзерелл, 2006) и отечественной психологии субъекта выступают жизненные события. С.Л. Рубинштейн понимал психологическое время как время переживания событийной организации жизненного пути личности (Рубинштейн С.Л., 2003). Б.Г. Ананьев и его последователи (Кроник А.А., 2008; Логинова Н.А., 1985) трактовали жизненный путь в качестве истории формирования и развития человека в конкретный период, в определенном обществе, рефлексия которой в сознании личности обусловливает построение ею субъективной картины ее жизни. С помощью организации личностью временно-пространственного континуума ее жизни строятся ее ценностные отношения с миром. Отечественные психологи (Бодалев А.А., 2000; Бурлачук Л.Ф., 1998; Знаков В.В., 2005; Чудновский В.Э., 2000), вслед за С.Л. Рубинштейном и Б.Г. Ананьевым, рассматривают жизненные события в качестве дискретных поворотных моментов жизненного пути, связанных с принятием личностью решения и вызывающих значительные изменения в ее образе жизни, характере и развитии, жизненном пути.

Организация личностью времени ее жизни получила несколько иную трактовку в работах К.А. Абульхановой-Славской и Т.Н. Березиной (Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н., 1991, 2001), также развивающих идеи С.Л. Рубинштейна об опосредствованности восприятия событий, принятия решений системой отношений, интерпретациями личности.

Субъект, строя целостную линию жизненного поведения, «замыкает» во времени, пространстве и причинных связях события своим участием, имея единую жизненную стратегию и позицию. В этой связи, с точки зрения автора, основными единицами изучения жизненного пути выступают не события, а три взаимосвязанные структуры: жизненная позиция, жизненная линия и смысл (концепция; ценностный способ обобщения и целеполагания жизни). Таким образом, время жизни как социально-психологический феномен консолидирует переживание жизненных событий, жизненную направленность, смыслы, стратегии. Систематизация событий, ситуаций жизненного пути как формы организации времени жизни тесно связана с процессами восприятия, интерпретации и оценивания Других в социальном взаимодействии.

Изучение представлений о Другом как феномена, прежде всего, группового, предполагает привлечение к исследованию относительно долговременно существующих групп, членами

которых являются взрослые люди, с рефлексией изменения их отношений к себе и с Другими. В настоящее время в фокусе внимания социальных психологов находятся женщины в период ранней взрослости, в связи с переживанием ими смены жизненных смыслов: семейные ценности в этой группе начинают преобладать над ценностями саморазвития, самосовершенствования.

Социальными психологами проанализированы трансформации представлений о Враге под влиянием этапов жизненного пути (Тулинова Д.Н., 2005), влияние событий разных типов на динамику отношений личности с Другими, образов Других (Рубинштейн С.Л., 2003; Кроник А.А., 2008; Чудновский В.Э., 2000) (указаны лишь некоторые из работ). Тем не менее, трансформация представлений о Враге под влиянием жизненных событий остается недостаточно исследованной.

В соответствии с операциональными определениями представлений, данными отечественными авторами (Емельянова Т.П., 2006; Тулинова Д.Н., 2005), и подходом французских ученых к анализу структуры, содержания и динамики представлений (D.Jodelet, 1994; RateauP., 1999), мы понимаем представления о Враге и Друге как когнитивно-эмоциональные образования, содержание которых — личностные свойства, функции в общении, отношения, интерпретации поступков, приписываемые Врагу. Структурная трансформация данных представлений заключается в исчезновении и/или добавлении элементов представлений и их групп, смещении элементов и их групп (ядро/периферия). Содержательная трансформация данных представлений заключается в изменении приписываемых Врагу личностных свойств, функций в общении, характеристик отношений, интерпретации поступков. Направления трансформации представлений понимаются как совокупности структурных и содержательных изменений представлений.

В соответствии с подходом отечественных ученых к анализу содержания феномена «событие», значимое событие понимается как составляющая жизненного пути (поступки субъекта и других, другие люди, обстоятельства), определяемая личностью как влияющая в большой степени на изменения ее отношений к себе и с Другими. Типы событий («отрицательное поведениеДругого», «поступок самого субъекта», «изменение социального контекста») (Бодалев А.А., 2000; Чудновский В.Э., 2000) определены на основе разработанных нами показателей: степени рассогласования ожидаемого и «реального» отношений Других в связи с данными событиями; субъектов, которым личность приписывает за них ответственность; их включенности в жизненные планы личности.

Проблема исследования: влияние жизненных событий на особенности трансформации представлений о Другом как Враге. Цель исследования: определить влияние значимых событий на направления трансформации представлений о Враге. Гипотеза исследования: тип значимых событий обусловливает направление трансформации представлений о Враге. Авторские методики (на основе метода «Незаконченные предложения»): 1. «Социально-психологические характеристики представлений о Враге». 2. «Значимые жизненные события в период взрослости». Эмпирический объект исследования: 109 женщин (сотрудники государственных и коммерческих предприятий г. Ростова-на-Дону).

Достоверность полученных данных обеспечивалась использованием методов математической статистики (частотного анализа, кластерного анализа) и стандартного программного пакета статистической обработки данных «SPSS 13.0» для Windows.

На первом этапе исследования определены типы значимых событий респондентов, на основании чего выборка была разделена на две практически равные группы. Для 51% выборки (группа 1) наиболее важны события «отрицательный поступок Другого» («предательство» со стороны партнера по общению, обман доверия, разглашение конфиденциальной информации) (75-89% от количества названных респондентом событий), менее значимы события «поступок самого субъекта»/«изменение социального контекста» (переезд в другой город, окончание института, свадьба) (11-16%). Для 49% выборки (группа 2) важны события «поступок самого субъекта»/«изменение социального контекста» (62-90%) и менее значимы события «отрицательный поступок Другого» (9-33%). Результаты кластерного анализа респондентовподтверждают наличие в выборке указанных подгрупп, различающихся типом значимых событий.

На втором этапе исследования выполнен сравнительный анализ социально-психологических характеристик «прежних» и «актуальных» представлений взрослых о Враге, определены направления трансформации представлений, выявлены взаимосвязи между направлением трансформации представлений о Враге и типом значимых событий. В качестве фактора динамики представлений все респонденты указали значимые жизненные события. С целью сравнительного структурного анализа «прежних» и «актуальных» представлений каждого респондента о Враге выделены элементы представлений (названные самими респондентами: например, «завистливый», «помогает»). Исходя из конструктов Врага (Тулинова Д.Н., 2005), элементы разделены нами на группы, отражающие свойства, функции и отношения Врага (социально-психологические характеристики представлений): «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий»; «Взаимная неприязнь, недоброжелательность»; «Различие ценностей, идеалов, мнений и интересов»: «Предательство»; «Инородность», «чужеродность» Врага»; «Соперничество»;«Неприятный человек». Динамика групп элементов изучена посредством определения появления/исчезновения данных групп в «прежних» и «актуальных» представлениях, частотного (количественного) анализа групп элементов «в прошлом» и «в настоящем», определяющего место группы в структуре представления (ядро/периферия).

Структурная трансформация представлений о Враге в группе респондентов, где значим тип событий «отрицательное поведение Другого», заключается в смещении «ядерной» группы элементов «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» на периферию представлений и появлении в «ядре» представлений группы элементов «Предательство», исчезновении группы элементов «Взаимная неприязнь, недоброжелательность». Содержательная трансформация представлений о Враге в этой группе респондентов заключается в превращении Врага из субъекта агрессивных действий, наносящих вред другому человеку, «злого», «неприятного», «нехорошего» в предателя, всубъекта, наделенного такими личностными свойствами, как «лживость», «неискренность», «двуличие».

Структурная трансформация представлений о Враге в группе респондентов, где значим тип событий «поступок самого субъекта»/«изменение социального контекста», заключается в смещении периферийной группы элементов «Различие ценностей, идеалов, мнений, интересов» к «ядру» представлений, исчезновении из «ядра» представлений группы элементов «Взаимная неприязнь, недоброжелательность».Содержательная трансформация представлений о Враге в этой группе респондентов состоит в превращении Врага из субъекта агрессивных действий, наносящих вред другому человеку, во взаимодействии с которым возникает взаимная неприязнь, «злого» в субъекта, отличающегося ценностно-смысловой сферой, интересами, совершающего агрессивные действия, «завистливого».

В полной мере подтвердить гипотезу о том, что направление трансформации представлений о Враге обусловлено типом значимого события, позволило бы лонгитюдное экспериментальное исследование на протяжении нескольких десятилетий. Однако все результаты исследования свидетельствуют в пользу выдвинутой гипотезы.Тип значимых событий («отрицательное поведение Другого» / «поступок самого субъекта», «изменение социального контекста») определяет направление трансформации социально-психологических характеристик представлений женщин о Враге (усиление значимости «предательства» Врага / ценностно-смысловых различий, завистливого, агрессивного поведения Врага).

ТОЛЕРАНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ОСНОВА ИХ СОЦИАЛЬНО–ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Баева А.П., Цергой Т.А.
г. Майкоп
tereza1402@mail.ru

Проблема толерантности носит глобальный характер и содержит в себе социальные, экономические, педагогические и психологические аспекты. К изучению специфики процесса социализации подрастающего поколения в полиэтническом регионе, в частности, на Северном Кавказе, обращались Р.Д. Хунагов, К.Д. Чермит, Н.В. Ковалева, Н.П. Едыгова и др. Исследова-

ния этих авторов указывают на то, что процесс социализации в регионе и в стране в целом пока недостаточно ориентирован на формирование установок толерантного сознания в молодёжной среде, в том числе в системе высшего профессионального образования.

Северный Кавказ – это оригинальное социокультурное пространство, исторически сложившееся как уникальный регион, обладающий специфическими особенностями, который еще не стал органической частью российской культуры, хотя входит в российское геополитическое пространство. Здесь сохраняется высокий уровень концентрации социокультурного разнообразия. На фоне возникших в последнее время психотравмирующих факторов (резкое расслоение общества на очень богатых и очень бедных, проблема трудоустройства выпускников вуза, отсутствие возможности профессионального выбора, рост немотивированной агрессии в молодёжной среде, нагнетание обстановки посредством СМИ, распространение интернет-материалов экстремистского толка) возникает резкое обострение всех противоречий, в том числе и противоречий межэтнического характера.

Образовательное пространство является средой, где происходит соприкосновение, сосуществование, взаимодействие, взаимопроникновение различных этносов, поэтому недостаточная сформированность толерантного сознания чревата возникновением столкновений между ними, что представляет собой угрозу психологической безопасности всех участников образовательного процесса, в особенности студентов. Неслучайно, все экстремистские проявления, в частности литература и Интернет-ресурсы экстремистского содержания, рассчитаны именно на молодежь.

Понятие «безопасность» связано, прежде всего, с реальным отсутствием опасности, угрозы. Психологическая безопасность личности – это субъективное переживание человеком ощущения защищённости, стабильности, надёжности, уверенности при отсутствии тревожности и озабоченности.

Психологическая безопасность (ПБ) также рассматривается в виде целостной системы процессов, результатом протекания которых является соответствие потребностей, ценностей, возможностей субъекта отраженным характеристикам реальной действительности. При этом различные компоненты системы (процессы, образы, ценности и др.) могут выступать в качестве детерминант ее развития в целом и выполнять на разных этапах формирования ПБ подчиненную или ведущую функции. ПБ представляет собой сложно структурированную систему психических процессов, ядром которой выступает отсутствие противоречий между внешними и субъективными требованиями к субъекту и его жизненными ориентациями.

Под психологической безопасностью образования принято понимать состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребности в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников (Баева И.А., 2007). В полиэтническом регионе психологическая безопасность личности во многом зависит от уровня сформированности толерантного сознания общества.

Толерантность понимается как способность человека и сообщества слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать мысли, отличающиеся от твоих, активное отношение на основе признания универсальных прав и основных свобод человека; обязанность способствовать утверждению прав человека, отказ от догматизма и абсолютизации истины (Ковалева Н.В., 2003). Проявление толерантности означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими, признание того, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим. Уважение прав другого человека (в том числе права быть иным), осознание важности сохранения этого разнообразия и возможности жить вместе, не нанося друг другу ущерба, – все это связано с понятием «толерантность». Суть толерантности заключается в признании похожести и одновременно непохожести людей, их многообразия. Сосуществование с людьми других убеждений, имеющих иные традиции и нормы, – это толерантность к другому, иному, не такому, как я сам. В разных языках в зависимости от исторического опыта народов общее содержание понятия толерантности имеет различные смысловые оттенки:

– в английском языке толерантность – «готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь»;

– во французском – «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов»;

– в китайском – быть толерантным значит «позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других»;

– в арабском толерантность – это «прощение, снисхождение, мягкость, снисходительность, сострадание, благосклонность, терпение... расположенность к другим»;

– в персидском – «терпение, терпимость, выносливость».

С точки зрения социальной психологии, толерантность (от лат. tolerantia – терпение) – это, прежде всего некое особое, идущее от самого человека, отношение, аттитюд (уважение, принятие, понимание-признание – это три компонента аттитюда), потребность, ценность, норма, взгляд или убеждение; вместе с тем, это некая морально-нравственная категория, которая формируется обществом (долг, обязанность). Пусковой механизм появления и проявления толерантности – это обнаружение различий между людьми, группами, государствами, культурами и способ реагирования на них (война или мир). Психологические качества, обеспечивающие толерантность, – это все возможные формы самовыражения людей, допускающие или ограничивающие паритетность проявления социальных различий. Наиболее часто встречается в литературе позиция рассмотрения толерантности как социального отношения или социальной установки (аттитюда).

Если исходить из того, что в основе социально-психологической безопасности лежат отношения субъекта с другими людьми, то, действительно, можно предположить, что основными условиями социально-психологической безопасности (в соответствии со структурой социально-психологической безопасности: эмоционально-мотивационный компонент, когнитивный и конативный компоненты) являются следующие. Первое, удовлетворенность межличностными отношениями, которая понимается как показатель положительно оцениваемой взаимосвязи, позволяющей реализовать потребности и интересы субъектов отношений. Ее критерием становится удовлетворенность или неудовлетворенность. Второе, гармоничный характер отношений, рассматриваемых как согласие, договор, мирное со-бытие или согласованность мнений, суждений как самого субъекта относительно своих отношений с другими, так и тех, с кем он вступает в отношения. Критерием здесь является высокая гармоничность или дисгармоничность отношений. Третье, *защищенность*, которая, с одной стороны (объективный показатель), понимается как отсутствие нарушений и трудностей в отношениях, а с другой, предполагает устойчивость человека к неблагоприятным воздействиям (оскорблениям, угрозам, принуждению, игнорированию, манипулированию и т.п.). В качестве основного критерия защищенности принимается толерантность или интолерантность. Таким образом, под *социально-психологической безопасностью* можно понимать состояние динамического баланса внутреннего потенциала субъекта и внешних условий, обусловленное наличием гармоничных, приносящих удовлетворение взаимоотношений, характеризующихся защищенностью (отсутствием деформаций, нарушений и трудностей, а также толерантностью в отношениях), что позволяет реализовать духовно-психический потенциал субъекта в процессе жизнедеятельности в человеческом сообществе, сохранить его целостность.

В связи с ростом количества террористических актов, межрелигиозных и межнациональных конфликтов, ростом ожесточения в обществе остро встает проблема развития толерантности как основы психологической безопасности личности.

Эмпирическое исследование толерантности в студенческой среде было проведено на базе экономического факультета Адыгейского государственного университета. В процессе исследования было опрошено 50 студентов.

В составленной нами анкете были представлены следующие вопросы:

1. Как вы думаете, что такое толерантность?

40 (80%) опрошенных ответили, что толерантность для них – это: терпимость, тактичность, справедливость и сострадание, проявление снисхождения, уважения и великодушия к другим, то есть наличие определённых личностных качеств, обеспечивающих толерантное поведение. Для 6 опрошенных (12%) толерантность – это уважение традиций других культур, этносов как показатель культурного развития личности, необходимого для обеспечения ее толе-

рантности. Двое (4%) расценивают это понятие, как умение правильно оценить ситуацию и сделать правильный, то есть справедливый выбор. Ещё двое (4%) понимают его как способность выслушать мнение других.

2. Для вас психологическая безопасность – это …?

10 студентов (20%) ответили, что психологическая безопасность – это уверенность в друзьях, внутренняя устойчивость к разного рода негативным ситуациям; 8 студентов (16%) ответили, что спокойная обстановка и социальная защищённость составляют для них психологическую безопасность. Ещё 8 студентов (16%) ответили, что психологическая безопасность – это «свой внутренний мир, где ты спокоен и невозмутим, где тебя никто психологически не раздавит и не сломает». Другими словами это состояние внутреннего покоя. 4 опрошенных (8%) пишут, что понимают психологическую безопасность как «положительное самосознание человека» и взаимоуважение. Для двоих (4%) психологическая безопасность – это возможность высказывать свои мысли, зная, что их воспримут правильно. 18 студентов (36%) затруднились ответить на поставленный вопрос.

3. На ваш взгляд толерантность необходима: в межгендерных (межполовых), в межнациональных, в межрелигиозных, в других отношениях.

18 опрошенных (36%) считают, что толерантность необходима в межнациональных отношениях; 12 (24%) ответили, что в межнациональных и межрелигиозных отношениях; 8 опрошенных (16%) считают, что в межгендерных, межнациональных и межрелигиозных отношениях необходимо проявлять толерантность; 4 (8%) затруднились ответить на поставленный вопрос.

4. Что вам лично необходимо для ощущения психологической безопасности?

24 студента (48%) считают, что для ощущения психологической безопасности нужна поддержка друзей и близких, а также возможность находиться в обществе людей, которым доверяешь, чувство уверенности в себе и окружающих. 10 опрошенных (20%) перечисляют такие условия психологической безопасности, как отсутствие внешних раздражителей, домашний уют, «чтобы никто не нарушал тишину». Для 6 студентов (12%) для ощущения психологической безопасности необходимы понимание обществом, ощущение, что ты кому-то нужен, внутренняя устойчивость к жизненным испытаниям. Двое (4%) видят психологическую безопасность в полноценной семье. 8 опрошенных (16%) затруднились ответить на поставленный вопрос.

5. Готовы ли вы проявлять толерантность? Если да, то в каких ситуациях?

28 опрошенных (56%) проявят толерантность практически в любых ситуациях. У 10 студентов (20%) это зависит от ситуации: если человек этого заслуживает, то это возможно. Два респондента (4%) отвечают на этот вопрос следующим образом: проявлять толерантность нужно, потому что сколько людей, столько интересов и мнений, у каждого народа своя культура, своя вера. Так как мы живём в цивилизованном обществе, мы должны быть терпимее и уважать людей, которые нас окружают. Ещё двое опрошенных (4%) проявляют толерантность по отношению к людям с физическими отклонениями, с небольшим материальным достатком, к людям, попавшим в сложную ситуацию. Другие два студента (4%) ответили, что проявляют толерантность в отношении к семье. 6 студентов (12%) затруднились ответить на поставленный вопрос.

6. Как вы считаете, что в современном мире представляет наибольшую безопасность для человека?

10 студентов (20%) считают, что наибольшую безопасность им представляет общество родных и близких людей; 8 опрошенных (16%) считают, что уверенность в будущем создает ощущение безопасности; 6 опрошенных (12%) ответили: честные люди, честная власть и хорошая работа полиции вот что нужно для наибольшей безопасности человека. Ещё 6 опрошенных (12%) считают, что проявления человечности, взаимопонимания и взаимоуважения – вот то, чего не хватает в современном мире для наибольшей безопасности человека. Два студента (4%) настроены пессимистично и отвечают: «нет безопасности в этом суровом мире». 18 опрошенных (36%) затруднились ответить на поставленный вопрос.

7. Какие предложения вы внесли бы для развития толерантности у современной молодёжи?

10 студентов (20%) предлагают проводить различные мероприятия по сплачиванию молодёжи, большего общения студентов друг с другом; 4 студента (8%) советуют быть терпимее к мнению и интересам других; 6 опрошенных (12%) считают, что это почти невозможно, однако отмечают роль правильного воспитания, утверждая, что необходимо закладывать соответствующие знания с детства. 26 студентов (52%) затруднились ответить на поставленный вопрос.

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу, что студенты в возрастной категории от 17 до 19 лет имеют поверхностное представление о понятии толерантности и психологической безопасности. Студенты во многом зависят от семьи, как морально, так и материально, в связи с чем ещё не имеют достаточного социального и жизненного опыта, поэтому они гораздо чаще затрудняются с ответом. Многие признают, что задумались о психологической безопасности и толерантности впервые, хотя у многих уже случались инциденты, представляющие угрозу их психическому и физическому здоровью.

Студенты в возрасте от 20 до 23 лет дают более полные ответы, чётче формулируя свою мысль относительно толерантности и психологической безопасности, дают рекомендации, комментируют свои ответы, иллюстрируя свой более богатый жизненный опыт. О психологической безопасности они знают больше, для них это уже не просто слова, а проблема, которая затрагивает их интересы. Молодые люди этой возрастной группы уже задумываются над тем, что в межличностных отношениях очень важны такие качества, как терпимость, снисхождение, уважение к чужому мнению, образу жизни.

Толерантность может помочь каждому и всем вместе чувствовать себя более уверенно и устойчиво в этом изменчивом мире. При этом, лучше понимая другого, человек лучше понимает себя. Толерантность в обществе способствует внутренней устойчивости общества и каждого человека, создает условия для самораскрытия и саморазвития. Толерантность важна как форма существования и сосуществования, особенно в полиэтнических регионах нашей страны.

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СМИ

Верстова М. В., Верстов В.В.
г. Краснодар
vadimarin@inbox.ru, vadimarin@mail.ru

Происходящие изменения в современном обществе сопровождаются переосмыслением базовых социальных ценностей, нарушением преемственности в передаче социокультурного опыта, а также изменением правового сознания и правовой культуры. Данная ситуация находит свое отражение в социализационных процессах в молодежной среде, где происходят изменения на уровне агентов социализации и самих социализирующихся. Как известно, взаимоотношения субъекта со средой регулирует «со-бытие как способ бытия» (Бахтин М.М., 1986). А событийность есть способ постижения и завершения бытия-среды, утверждения и выявления его ценности, значимости для человека. Со-бытие является способом развития, а также формирования и социализации личности.

В психологической, социологической, юридической и т.д. литературе понятие «социализация» рассматривается как процесс социального становления индивида, формирование и развитие его социальной сущности, однако каждая из наук вкладывает свое видение в проблему социализации, её форм, сущности, структуры, элементов, механизмов.

Рассматривая средства массовой информации (СМИ) как фактор, влияющий на развитие личности, необходимо иметь в виду, что непосредственным объектом их воздействии является не отдельный индивид, а сознание и поведение больших социальных групп.

Проблема влияния СМИ на сознание человека рассматривалась в работах Г.С. Мельник, Е.Е. Прониной, Е.Б. Шестопал и др. Ряд исследователей (Ю.П. Буданцев, О.А.Гулевич, С.В.Кузина, В.П. Чудинова и др.) подвергали рассмотрению возможности влияния СМИ, а также психолингвистические особенности языка СМИ как основного средства воздействия на

массовое сознание. В работах М.Г. Анохина, И.М. Ильинского исследуется взаимодействие СМИ с различными социальными институтами, которые формируют сознание молодежи.

Социализация личности – сложный процесс, включающий приобщение индивида к культуре, систематическое обучение и воспитание, выработку личности мировоззренческих установок, усвоение образцов поведения, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования в обществе. Социализация личности осуществляется в процессе деятельности, общения, включенности в одно или несколько социальных образований в целях самовыражения личности. Личности в процессе социализации приходится выступать в качестве объекта и субъекта, и социализация складывается из формирования индивидуального, так и из усвоения социального опыта (Ефремова Г.Х., Гранат Н.Д., 1988.).

По мнению отечественного психолога Гулевич О.А. гораздо меньшее внимание уделяется исследованию процесса формирования, правовой социализации. Правовая социализация – это процесс социального и коммуникативного взаимодействия, в ходе которого люди приходят к общему пониманию правовых норм, формированию правосознания, это способ социального саморазвития человека, который действует в социокультурном и правовом пространстве. Правовая социализация представляет одну из важнейших частей общей социализации индивида и представляет специфическое ее общих законов. Под правовой социализацией понимается процесс формирования когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов правосознания. Социализация происходит в рамках нескольких основных институтов – семьи, школы, СМИ, а также при общении с работниками правоохранительных органов, суда, пенитенциарной системы (Гулевич О.А., 2003, 2007).

Правовое сознание человека тесно связано с процессом правовой социализации, который начинается очень рано и продолжается на протяжении всей сознательной жизни человека. Уже в возрасте трех-четырех лет ребенок приобретает первые сведения о правах и обязанностях через семью и ближайшее окружение. Следующая стадия правовой социализации наступает после поступления ребенка в школу. Одновременно у ребенка закрепляется представление о средствах массовой информации как особом источнике социальных знаний.

В процессе правовой социализации человека средства массовой информации призваны выполнять следующие функции:

– распространение правовых знаний;

– демонстрация методов правового регулирования и правоприменительной деятельности;

– распространение правовой культуры;

– порицание и осуждение противоправного поведения;

– развлечение (показ детективов, проведение телеконкурсов по правовой проблематике и т.п.).

В наше время огромное психологическое влияние на сознание и подсознание человека оказывают средства массовой информации (СМИ). Та реальность, которую нам предлагают сегодняшние СМИ, безусловно опосредствована чьим-то мнением, она упрощена и не предлагает размышления, анализа. В некоторых случаях эта информация может быть опасна, так как человек принимает ее как данность, не задумываясь и ему можно внушить очень многое.

СМИ сегодня – мощный фактор влияния на психическое состояние людей. Отличительными чертами СМИ является публичность и неоднозначный, противоречивый характер самих СМИ, что стимулирует новый рост исследований.

Цель работы: определение влияния средств массовой информации (СМИ) на правовую социализацию личности. Объектом исследования выступил процесс правовой социализации студентов высших учебных заведений. Предмет исследования: влияние средств массовой информации на правовую социализацию студентов.

Гипотезой исследования выступило предположение, что связь между позитивным или негативным отношением молодых людей к СМИ и ее влиянием на поведение людей имеет неоднозначный характер: трансформация правовой социализации личности посредством СМИ, будет детерминирована профессиональной принадлежностью будущих специалистов.

Эмпирической базой исследования выступили студенты высших учебных заведений г. Краснодара (студенты Куб ГУ и курсанты КУ МВД России) в возрасте от 19 до 22 лет. Всего в исследовании приняли участие 50 человек (20 юношей и 30 девушек).

Для изучения особенностей правового сознания и определения, какое место занимают СМИ в формировании правовой социализации использовались авторский опросник и методика Д.С. Безносова «Отношение к праву».

Были выявлены следующие особенности правового сознания исследованной выборки:

Группа студентов полагает, что бывают ситуации, когда нарушение закона может быть оправданно «если закон не справедлив и от этого никто не пострадает» (30%). Студенты уверены, что законы у нас в государстве не всегда справедливы, а справедливы, когда это выгодно государству (40,3%), для достижения «собственной справедливости» их можно нарушать (30%). Испытуемые согласились стать свидетелями драки, и не испугались бы за свою безопасность. Большинство отказались бы от приобретения краденой вещи, несмотря на то, что это выгодно. СМИ данная группа отводит второе место как одному из важных источников получения информации об окружающем мире. В основном группа полагает, что государство должно контролировать СМИ, «чтобы дозировать информацию и убирать ненужную».

Группа курсантов считает, что наиболее значимым сегодня в обществе является знание законов и соблюдение того, что «положено по закону», потому что закон един для всех. Курсанты, в отличие от студентов, предпочитают соблюдать закон, но считают, что он не всегда справедлив, потому, что необходим индивидуальный подход к каждому случаю (42,1 %). Возможно, такая точка зрения основана на профессиональных знаниях, полученных в процессе учебы, так как группа состоит из курсантов – будущих сотрудников МВД. СМИ данная группа отводит третье место как одному из важных источников получения информации об окружающем мире.

Проведенный нами анализ показал, что СМИ, распространяя образцы криминальной субкультуры (криминальные сериалы, криминальные новости), способно внедрять их в массовое сознание, акцентируя внимание преимущественно на негативных компонентах правовой действительности на вопрос «*новости, каких жанров Ты предпочитаешь смотреть (чаще всего) по телевидению?»* – про криминал – курсанты (45 %), студенты (35 %); про науку – курсанты (10 %), студенты (34 %) и т.д. Фильмы и телесериалы на криминальные темы (на сленге студентов – «бандитские» фильмы) пользуются большой популярностью в студенческой среде, они интересны большинству респондентов.

Также, с точки зрения испытуемых, средства массовой информации могут обращаться к агрессивности аудитории, чем способствуют непредсказуемости последствий правовой социализации, так, например, на вопрос «*способно ли СМИ оказывать влияние на агрессивные действия со стороны толпы, улицы*» группа студентов и курсантов единодушна в своем мнении, более половины выборки, полагает, что «да» (студенты (65 %), курсанты (70 %)).

Выделение обобщенных характеристик испытуемых, дает некоторую возможность понимания содержательных характеристик социально-правовых знаний молодых людей. Эти знания можно учитывать при обучении, а также при проектировании мероприятий, направленных на формирования правовой социализации и преодоление правового нигилизма молодежи.

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВОЕННОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Голицына И.А.
г. Ярославль
rengoli@yandex.ru

В силу специфики некоторых учебных заведений, состав обучающихся в них студентов преимущественно или полностью однополый (мужской). Это не может не сказываться на межличностных отношениях обучаемых, проявляясь иногда в негативных формах. В условиях специфической социальной среды, возникающие агрессивные настроения приводят к попыткам разрешения некоторых спорных вопросов силовыми методами, (в том числе, путем словесной

агрессии). Закрепление, перенос навыка в дальнейшем на деятельность в иных сферах может привести к нежелательным последствиям.

Кроме того, в подобных военных учебных заведениях могут проходить подготовку слушатели различных стран Европы, Азии и Латинской Америки.

В настоящее время ликвидирован отдел воспитательной работы учебного заведения и отсутствует по тем же причинам, должность заместителя начальника учебного заведения по воспитательной работе. Ранее многие вопросы, в том числе, вопросы разрешения конфликтов, вопросы социальной адаптации рассматривались и решались психологами и военными педагогами этого отдела.

Существует потребность в организации профилактической работы по предупреждению возникновения кризисных жизненных ситуаций в период социальной адаптации студентов военных заведений, что может быть в немалой степени решено в условиях образовательного процесса. Сложившаяся ситуация, как нам кажется, показывает возрастающую ценность воспитания в молодых людях такого важного качества личности как толерантность. Отсутствие данного качества приводит не только к неумению слушать партнера, высказывать замечания руководителем подчиненному, нетерпимому отношению к чужим словам, мнению, но и к переносу данных отношений в разные сферы общения, в том числе межнациональные. Под толерантностью мы, придерживаясь толкования данного термина Артуром Ребером (Артур Ребер, 2000), понимаем установку либерального принятия моделей поведения, убеждений и ценностей других, «что толерантность включает энергетическую защиту ценностей других и признание плюрализма, а также, что истинно толерантный человек будет противостоять любой попытке помешать их свободному выражению».

К вопросам толерантности, по нашему мнению, нужно обращаться с первых дней подготовки в учебном заведении, используя различные ситуации. Нельзя недооценивать тот факт, что на нулевом курсе обучения слушатели проходят подготовку по русскому языку и предметному языку конкретной дисциплины общенаучных кафедр. В качестве анализируемого слова может быть взято и это слово: «толерантность». Анализ слова и толкование понятия могут быть естественным образом переведены на формирование соответствующего образа и модели поведения в закрытой социальной среде конкретного учебного заведения.

В качестве одного из направлений работы по воспитанию толерантности, мы рассматриваем вовлечение студентов в процесс подведения итогов на практических и лекционных занятиях (в том числе) по математике. О подобном подведении итогов студенты заранее информируются. При этом обучаемые сами подводят итог занятия, делают выводы о достижении поставленных целей занятия. Кроме того, они оценивают активность группы, отдельных ее членов, отмечают как достоинства ответов, так и выявленные недостатки, формулируют рекомендации, направленные на улучшение качества ответа. Причем эти выступления также сами могут быть оценены. Обращается внимание на то, чтобы несогласие высказывалось в корректной форме, не затрагивающей честь выступающего. Подчеркивается, что несогласие может быть *с позицией, точкой зрения* выступающего, а не с его самостью. Обсуждение проходит согласно выработанной методике, способствующей формированию культуры обсуждения, создания благоприятного психологического климата.

Положительный эффект получен от выполнения совместной проектной деятельности слушателей различных стран. Варианты организации подобной деятельности могут быть различными. Куратором проекта может быть один преподаватель, который разбивает на произвольные группы слушателей обучаемых им учебных групп. Особое внимание следует уделять сохранению нейтральной позициипреподавателя по отношению к каждой руководимой им проектной группе. В качестве кураторовпроектных группмогут также выступать несколько преподавателей, объединенных идеей организации такого соревнования. Тематика проектов, например, по математике может быть связана с историей науки; с конкретной изучаемой темой дисциплины. В этом случае защиту проекта следует соотнести с моментом завершения изучения темы. Защита проектов осуществляется во внеурочное время, в часы, предшествующие самостоятельной подготовке. Во время подготовки и защиты проекта представители различных стран, разных национальностей вырабатывают умения консолидированных действий, принятия

коллективных решений на основе креативной деятельности каждого участника. В зависимости от количества участников проектной группы проект защищают один-два представителя команды. Данные лидеры могут быть выбраны «конкурсным» путем на завершающем этапе подготовки. В процессе данного выбора каждый участник проекта может дать самооценку схемы собственной презентации и схемы презентации коллег, предложить наиболее достойного(с его точки зрения) «защитника» проекта.

В результате опытным путем были выявлены положительные аспекты подобной работы, скорректирована методика работы по организации проектной деятельности и по подведению итогов лекционных и практических занятий. В частности, предусмотрено предупреждение возможности формирования завышенной самооценки некоторых слушателей. Постоянное привлечение к аргументации ответа одного и того же слушателя, подчеркивание его ораторских качеств, приводит к нежелательно завышенной самооценке. Вовлечение же в этот процесс слушателей с заниженной самооценкой способствует изменению их положения в группе. Мы располагаем положительными результатами (и методикой) такой работы с выпускниками малочисленных коллективов, например, сельских школ. Этот же опыт оказался полезен при работе со слушателями, испытывающими проблемы с освоением русского языка как языка обучения.

Автор имеет многолетний опыт работы с группами, в которых были представители различных национальностей. В настоящее время, наблюдение за группами, в которых обучаются представители различных государств, показывает, что в таких группах можно избежать проявлений национализма, различного рода конфликтов. Слушателей различных стран, представителей различных конфессий объединяет не только место пребывания в определенной социальной среде и общие цели получения высококачественного специального образования, но и уважительные, дружеские отношения; взаимовыручка, поддержка; уважение к странам, народам и их обычаям. Они знакомятся с культурными достопримечательностями города, искусством русского народа, искусством стран прибытия. Слушатели академии охотно делятся рассказами о культурных традициях своих стран, исполняют песни на родном языке, участвуют в спортивных соревнованиях.

Наши обучаемые получают не только опыт совместной деятельности, но и опыт общения.Подобная работа направлена на воспитание различных необходимых специалисту качеств личности, в том числе, воспитанию толерантности. Таким образом, воспитание толерантности может осуществляться как на учебных занятиях, таки в период внеурочной деятельности. В свою очередь воспитание толерантности влияет на уровень самооценки обучаемых, что предупреждает возникновение чувства одиночества, изоляции в условиях замкнутой социальной среды и влияет на создание комфортных условий учебной деятельности.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОТЕСТА В ОНТОГЕНЕЗЕ

Гусейнов А.Ш.
г. Краснодар
Aguseinov@yandex.ru

При описании кризисных явлений в процессе индивидуального развития используются понятия: протест, оппозиция, негативизм.Однако, несмотря на феноменологию, причины и механизмы протестного поведения остаются не раскрытыми.

Большинство теоретиков рассматривают замедления развития, появления трудностей в поведении как проявления кризиса развития (Д. Б. Эльконин, 1992,Э. Эриксон, 1996, П.П. Блонский, 1997, Л.С. Выготский, 2000). Самые заметные возрастные кризисы сопряжены с негативизмом, эмансипацией и другими позитивными и негативными формами протеста (Л.С. Выготский,2000, Д. Б. Эльконин,1989, К.Н. Поливанова, 2000).

Первые проявления протеста возникают у детей в возрасте 1 года в ответ на неадекватные действия взрослых. Это сопротивление, капризы и негативизм, внешне выражаемые в упрямстве, отказе от выполнения требований взрослых, в стремлении настоять на своем. Л.И. Божович считает, что негативизм – это результат неправильного воспитания, следствие протеста ребенка против взрослых (Л.И. Божович, 1997).

Протест в раннем возрасте возникает под воздействием нескольких факторов. Первый фактор – эмоциональный – сепарационная тревога – зависимость от матери и страх отделения от матери, страх остаться одному. Второй фактор – когнитивный – слабость регуляции поступков, неумение ребенка собственными усилиями достигать желаемого и как следствие – стремление моментально удовлетворять желания. Третий фактор – поведенческий – это желание освободиться от чрезмерной опеки и контроля со стороны взрослых, стремление к независимости и самостоятельности.

Феноменология кризиса трех лет широко представлена в литературе, начиная с работ Ш. Бюлер, Э. Келер, Л.С.Выготского, Л.И. Божович, Д.Б.Эльконина ивключая современные исследования. Этот кризис, несомненно, протекает по протестному сценарию.Л.С.Выготский приводит описание «семизвездья симптомов» кризиса ребенка трех лет и анализирует особенности каждого протестного симптома. Симптом негативизма связывают с желанием ребенка идти наперекор взрослому, отказ подчиняться и признавать авторитет взрослого. Негативизм проявляется в стремлении отстаивать свою позицию, свое мнение. Л.С. Выготский связывал негативизм с аффективной сферой, но отмечал, что ребенок может действовать наперекор собственным желаниям.Симптом упрямства – это реакция на свое собственное решение, когда ребенок настаивает на своем первоначальном выборе, даже если ему это уже больше не нужно. Упрямство отражает рост самосознания и ответственности за свой выбор у ребенка и отражает развитие когнитивно-волевой сферы. Симптом строптивости выступает как безличное генерализованное отрицательное отношение ко всему, что сделано взрослыми, к образу жизни, к нормам воспитания (Л.С. Выготский, 2000, с. 985). Строптивость вызвана стремлением ребенка настоять на собственном желании и отражает непринятие подчинения, системы отношений и норм, и вероятно, является поведенческим компонентом протеста.Симптом своеволия, своенравия связывают с тенденцией к эмансипации, к самостоятельности в замыслах, мнении (Л.Ф. Обухова, 1996). С протестом связан симптом *обесценивания,* когдаребенок обесценивает игрушки, вещи, в его речи появляются бранные слова и выражения, отражающие негативное, отрицательное. Протестные симптомы – строптивость, своеволие и деспотизмобъединяет желание ребенка не принимать ценности и формы поведения, навязываемые взрослыми, с целью укрепления собственного авторитета, формирования в дальнейшем лидерских качеств (Л.С. Выготский, 2000, Л.Ф. Обухова, 1996).

Каждый из симптомов протеста, вероятно,зависит от комбинации факторов: сформированности положительного образа старших, реальной силы запретов, интериоризации запретов, ощущения зависимости, готовности к формированию собственного образа и его реализации.

Общим во взглядах исследователей на причины возникновения протеста в раннем возрасте является: фрустрация стремления к автономии у ребенка и его сопротивление запретам, лишающим его самостоятельности. Причинами фрустрация и тревоги у ребенка, приводящие к протесту, являются как внешние запреты, так и неверная тактика воспитания, а также слабость контроля своих желаний у ребенка.

Нам представляется, что существуют и другие причины протеста. Ребенок на протяжении двух лет активно усваивает и воспроизводит внешние образцы поведения – поведение родителей, язык, правила, нормы и большинство запретов. Первичные нормы и запреты становятся необходимыми, они акцептированы ребенком, но форма предъявления и инстанция запретов (от родителей) вызывает протест. Запреты и ограничения не принимаются только в период кризисов–протестов и только со стороны значимых взрослых, служивших ранее источником и поставщиком идеальных форм, идеальных образцов поведения, материалом для построения собственного «Я». Поскольку родительские нормы и запреты интроецированы ребенком, то протест ребенка трех лет можно рассматривать как некое восстание против запретов самому себе или как бунт против собственной неуверенности, нерешительности. Таким образом, кризис трех лет, в сложнойи противоречивой форме подготавливает отделение ребенка от матери. Вскоре взрослые перестают восприниматься как идеальный образец (они не всегда понимают ребенка, могут наказывать и ограничивать). Но собственный образ, образ себя у ребенка еще только формируется. Кризис-протест преодолевается не просто отделением от родителей (это негативизм, «застрявший» протест), а нахождением нового круга лиц для реализации Я ребен-

ка, для осуществления его инициатив и стремления к самостоятельности в общении со сверстниками, в игре.

В оценке кризиса и протестных симптомов ребенка многие авторы используют ретроспективные и проспективные факторы, поскольку причиной развития является не столько то, что тормозит, мешает развитию, но и устремленность в будущее. Так, к ретроспективным факторам можно отнести влияние предыдущего негативного опыта (психоаналитическое направление), фрустрации, в том числе стремления ребенка к свободе, неправильный стиль воспитания. Рассматриваются и перспективные факторы развития. С точки зрения А.Адлера и Л.С. Выготского, а также представителей экзистенциальной и гуманистической психологии, важно учитывать стремление к идеальным формам, к построению образа Я у ребенка. Стремление к собственному идеалу – противоречивый процесс, который может приводить к протесту. Но необходимость формирования реального образа Я подготавливает развитие на последующем периоде.

В возрасте трех лет идеальные образцы поведения и действий (считываемые из образа матери) усвоены, интериоризированы ребенком. Освоены первичные средства для формирования этого образца: предметные действия, язык, система норм. Причиной отделения ребенка от родителей является необходимость создания своего образа – образа действующего и взаимодействующего с другими. Этот реальный образ себя, его модель формируется не только в принятии идеального образца (матери и взрослых), а в совместной деятельности – в общении и сюжетно-ролевой игре.

Протест возникает на границе усвоения внешних идеальных образцов поведения и формирования собственного образа, начала его реализации и трансляции. Этот образ интерсубъектен, поэтому для своей трансляции требует не взрослых, а активно воспринимающих его сверстников. Протестное поведение приводит к необходимой, довольно резкой смене социально значимого окружения. Поэтому протест всегда актуален в периоды смены окружения – в возрасте трех и тринадцати лет.

ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОВД СРЕДНЕГО ЗВЕНА

Землянская Е.В., Грищенко М.В.
г. Харьков (Украина)
elzemlanska@mail.ru, maxik.top@mail.ru

Личность руководителя является сложной саморегулирующейся, целенаправленной, открытой системой, способной к саморазвитию, самосовершенствованию, самообучению за счет активного поиска и приема новой информации, учета и оценки результатов своих действий. Реализуя свою активность в форме целенаправленной деятельности, субъект преобразуется и развивается сам.Субъектом управленческой деятельности является руководитель, он выступает как ведущее звено в системе управления, эффективность функционирования которогозависит от рациональной организации процессов управления на всех его иерархических уровнях.

Исполнитель является управляемым, подчиненным звеном в системе управления. Но при этом он не остается пассивным исполнителем приказов руководителя, а выступает так же как активный субъект деятельности, так как имеет определенную личностную мотивацию, свое понимание и оценку поставленных перед ним задач, обнаруживает избирательное отношение к личности руководителя, который в значительной мере влияет на результат его деятельности и общую эффективность достижения цели в системе управления.Поэтому социальная система управления – это всегда процесс активного взаимодействия двух индивидуальных субъектов, каждыйизкоторых имеет свойства регуляции и саморегуляции.

Для описания «эталонной» модели личности руководителя ОВД психология управления все чаще обращается к теориям, которые развиваются в русле экзистенциально-гуманистического направления (К. Роджерс, Ф. Перлз, В. Франкл и др.). Одной из наиболее известных теорий в рамках данного направления является концепция самоактуализации личности А. Маслоу. Целесообразность ее использования связана, с одной стороны, с эвристично-

стью понятия самоактуализации и возможностью его использования в эмпирических исследованиях. С другой стороны, данная концепция на первое место выдвигает положительные проявления человеческой природы, такие как творчество, альтруизм, любовь, дружба и т.д., которые могут служить в качестве эталонов процесса формирования личности руководителя и построения системы отношений с подчиненными.

Выборка испытуемых (руководители ОВД среднего звена)была разделена на две группы: успешных и неуспешных руководителей.

Исследование базовых показателей самоактуализации личности опрашиваемых было проведено с помощью методики САМОА (А. Маслоу, 1997).

Показатель ориентации во времени отражает способность человека жить настоящим, то есть переживать настоящий момент времени как единую объективную реальность, а не следствие прошлого или подготовку к будущему, и кроме того – понимание неразрывности прошлого, настоящего и будущего, временную целостность жизни. Авторы методики считают, что именно такое мировосприятие свидетельствует о высоком уровне самоактуализации личности. Средние значения данного показателя находятся на высоком уровне в группе успешных руководителей (12,40 ± 3,66) и на среднем уровне – в группе неуспешных (9,48 ± 2,19), причем достоверно констатирован более высокий уровень развития ориентации во времени у успешных руководителей ($12,40 \pm 3,66 > 9,48 \pm 2,19$, $p \leq 0,05$).

Показатели по шкале ценностей находятся на среднем уровне в обеих группах, и достоверно между собой не отличаются. Так, в группе успешных руководителей средний показатель по этой шкале составил (10,12 ± 2,13), а в группе неуспешных – (10,56 ± 2,76), что свидетельствует о том, что опрашиваемые обеих групп в целом разделяют ценности самоактуализирующейся личности, такие как добро, красота, целостность, справедливость, простота, самодостаточность. Принятие указанных ценностей указывает на развитое стремление к гармоничному бытию, установлению здоровых и доверительных отношений с окружающими.

Показатель взгляда на природу человека отражает степень веры в людей, в возможность преодоления ими собственных недостатков, восприятию людей в своей массе как красивых и таких, которые заслуживают сочувствия. По мнению авторов методики, развитие этого показателя является основой для откровенных и гармоничных отношений, естественной симпатии и доверия к людям, честности и беспристрастности в отношении к ним. В группе успешных руководителей показатель по этой шкале находится на низком уровне, и оказался самым низким (4,38 ± 3,37), а в группе неуспевающих – находится на среднем уровне (7,89 ± 1,84). Существуют достоверные различия между средними показателями по этой шкале в исследуемых группах. Так, опрошенным неуспешным руководителям в достоверно большей степени присущ позитивный взгляд на природу человека ($7,89 \pm 1,84 > 4,38 \pm 3,37$, $p \leq 0,001$). Такая тенденция может свидетельствовать в пользу того, что для эффективного руководителя некритическое доверие к людям является скорее негативной чертой, что осознается самими опрашиваемыми.

Показатель потребности в познании отражает наличие стремления у опрашиваемых к познанию и пониманию окружающего мира, получения новых знаний. Следует отметить, что в обеих группах констатирован средний уровень развития этого показателя, и достоверных различий не выявлено.

Шкала креативности характеризует общую творческую направленность личности. Показатели по этой шкале в исследуемых группах находятся на среднем уровне, но для успешных руководителей креативность присуща в достоверно большей степени ($10,36 \pm 3,12 > 7,24 \pm 2,01$). Творческая направленность в этом случае характеризуется преимущественно не как стремление создать что-то новое, а скорее как поиск новых моделей поведения и более эффективных способов осуществления деятельности.

Независимость и свобода личности, ее автономия, является позитивной «свободой для» в терминах Е. Фромма (Фромм Э.,1990). Средние показатели по этой шкале находятся на среднем уровне в обеих группах, однако успешным руководителям автономность присуща достоверно в большей степени ($11,08 \pm 1,69 > 9,92 \pm 3,24$, $p \leq 0,05$), она является индикатором психического здоровья 'я, целостности и полноты психического бытия личности.

Шкала спонтанности измеряет способность человека спонтанно и непосредственно выражать свои чувства. В опрашиваемых исследуемых групп эта способность сформирована на среднем уровне, так в группе успешных руководителей средний показатель составил (8,92 ± 3,81), а в группе неуспешных – (7,00 ± 2,58). По мнению авторов методики, способность к спонтанному поведениюфрустрируется культурными нормами и уменьшается с возрастом. По нашему мнению, именно возрастной аспект здесь играет значительную роль, ведь выборку испытуемых составили в основном люди зрелого возраста, которым мало присуща живость и непосредственность эмоциональных проявлений и экспрессивное поведение без оглядки на окружающих.

Самопониманиекак показатель самоактуализации отражает чувствительность человека к своим потребностям и желаниям. В группе успешных руководителей констатировано болеевысокое среднее значение по этому показателю, чем в группе неуспешных (10,72 ± 2,87> 7,56 ± 1,5, $p \leq 0,05$), что свидетельствует в пользу того, что успешные руководители в большей степени способны к рефлексии собственных нужд и чувств, что позволяет более адекватно оценивать потребности и чувства подчиненных. Также опрашиваемые этой группе менее склонны менять свои вкусы и оценки под влиянием внешних обстоятельств, в том числе и под влиянием группового давления.

Аутосимпатия (самоуважение) является основой для формирования стабильной адекватной самооценки, естественную основу психического здоровья и целостности личности. Данный показатель в большей степени присущ успешным руководителям (10,20 ± 1,98> 6,76 ± 1,14, $p \leq 0,05$), т.е. они лучше понимают свои положительные качества и уважают себя за них.

Очевидно, что самоуважение является одним из необходимых качеств для уважения со стороны окружающих, и этот показатель связан с авторитетностью руководителя в коллективе.

В группе успешных руководителей отмечен более высокий уровень развития контактности (12,4 ± 2,01> 8,17 ± 1,48, $p \leq 0,05$), чем в группе неуспевающих. Такая склонность к быстрому установлению приятных и полезных взаимоотношений на базе эмоционального принятия является одной из необходимых черт, обусловливающих успешность руководителя, и определенным образом влияет как на его стиль управления, так и на социально-психологический климат в коллективе.

Если показатель контактности указывает на общую направленность общения, то гибкость – наличие социальных стереотипов, мешает адекватному самовыражению в общении. Полученные достаточно высокие показатели в обеих группах свидетельствуют о выраженной способностью опрашиваемых к аутентичному взаимодействию с окружающими, самораскрытию в общении.

Так, в группе успешных руководителей средний показатель по этой шкале составил (12,00 ± 3,60), а в группе неуспешных – (10,40 ± 2,17). Опрашиваемые в целом оказались не склонными к фальши и манипуляции в общении, уверенными в собственном интересе для собеседника.

Реюмируя, следует обратить внимание на тот факт, что в группе успешных руководителей констатирован высокий уровень развития подавляющего большинства исследуемых показателей самоактуализации, за исключением взгляда на природу человека ($p \leq 0,001$). На уровне статистической достоверности получены данные о более высоком уровне развития следующих показателей: ориентация во времени ($p \leq 0,05$), креативность ($p \leq 0,001$), автономность ($p \leq 0,05$), самопонимание ($p \leq 0,05$), аутосимпатия ($p \leq 0,05$) и контактность ($p \leq 0,001$).

Ведущими показателями самоактуализациив этой группе являются: ориентация во времени, контактность и гибкость в общении. Наименее развитыми оказались позитивный взгляд на природу человека, потребность в познании и спонтанность. У опрашиваемых этой группы наблюдается преимущественное развитие показателей, связанных с общением. Низкий уровень позитивного взгляда на природу человека, по нашему мнению, может быть объяснен отрицательным опытом общения руководителей, а особенности потребности в познании и спонтанности – влиянием норм социокультурной среды, загруженностью однообразными рабочими задачами, необходимостью держать дистанцию в общении с подчиненными.

В группе неуспешных руководителей выявлены следующие ведущие показатели самоактуализации: ценности, гибкость в общении и автономность. Менее развитыеаутосимпатия. спонтанность и креативность. Как видим, неуспешные руководители во многом разделяют ценности самоактуализирующихся личностей, способны получать удовольствие от общения и самораскрываться в нем, но им недостает нешаблонного, творческого подхода и умения уважать и ценить себя на основании осознаваемых достоинств.

Между группами испытуемых по показателям: потребность в познании, ценности, спонтанность, гибкость в общении не выявлено статистически достоверных различий.

Наличие значительных расхождений в показателях самоактуализации между группами испытуемых, позволяет предположить их обусловленность индивидуально-психологическими особенностями опрашиваемых.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ГРУППИРОВОК В СО-БЫТИЙНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ

Ковалева Н.В., Кочерова Н.С.
г. Майкоп
natkov2007@rambler.ru

Понятие «экстремизм», используемое в психологии, социологии, политологии и других науках, связывают в первую очередь с национальной и межконфессиональной идентичностью. В России экстремизм как политическая деятельность, направленная на изменение государственного строя, разрушение государственной целостности, отделение какого-либо народа, нации или группы населения, приобрел и правовое содержание в связи с появлением в Уголовном кодексе РФ в 2002 г. новых составов преступлений – организация экстремистского сообщества и организация деятельности экстремистской организации (ст. 282-1, 282-2 УК РФ).

Молодежь с еще несформировавшейся жизненной позицией и обостренной потребностью в самоутверждении, общественном признании, является легкой добычей экстремистов-манипуляторов – об этом постоянно свидетельствуют факты криминальных новостей. Поэтому проблема профилактики и предупреждения вовлечения подростков и молодежи в деятельность экстремистских организаций приобретает все большую остроту. Со-бытийное образовательное пространство учебных заведений, и в первую очередь школ, содержит уникальные условия для воздействия на индивидуальном и групповом уровнях на отношения и переживания подростков, способствуя формированию у них устойчивости к деструктивным социальным воздействиям.

В рамках АВЦП мероприятия 1 Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы» по теме «Разработка антикризисных аспектов безопасности вуза в условиях реформирования при переходе на двухуровневое образование в соответствии с требованиями Болонского процесса» в Адыгейском госуниверситете было проведено исследование состояния угрозы вовлечения учащейся молодежи в экстремистские группировки и возможностей ее предупреждения. С этих позиций большое практическое и теоретическое значение имеет описание сущности экстремистской деятельности и ее мотивации. Дядиченко Е.А. выделяет два типа мотивации выбора преступного поведения экстремистской направленности. Первый тип – личная мотивация, для которой характерны: ранняя социализация в насильственной среде, нарушения эмоционально-личностной сферы, личные связи индивида с экстремистскими организациями, конверсионный жизненный опыт индивида (эскалация экстремизма).

Групповая мотивация преступного поведения в экстремистских организациях характеризуется следующими признаками: наличие политической мотивации, которой может дополняться любой другой мотив; преследование экстремистской деятельностью “символических”, а не инструментальных задач, адресация своих “посланий” политическому руководству; систематичность в планировании и организации экстремистской деятельности, которая не является результатом бессмысленных и случайных, либо социопатических характеристик группового поведения. (Дядиченко Е.А., 2012)

Отдельную проблему составила разработка признаков и критериев наличия угрозы вовлечения учащихся в экстремистскую деятельность. Анализ научной литературы определил, что такими критериями могут быть: степень информированности о сущности толерантности таких явлений, как ксенофобия, национализм и экстремизм, их видах, организациях и о социальной угрозе, которую они представляют для общества; уровень личностной тревоги, депрессии, цинизма, агрессивности, враждебности; содержание отношения, интереса к деятельности экстремистских организаций (положительное, нейтральное или отрицательное).

Следует отметить, что специальных методик по выявлению угрозы вовлечения подростков в экстремистские группировки не было выявлено. Поэтому был сформирован комплекс методик, которые позволяют определить тенденции, способствующие формированию зависимости и повышенной внушаемости: тесты «Личностная шкала проявлений тревоги» (Дж. Тейлор); «Шкала депрессии» (адаптирован Т.И.Балашовой), «Шкала враждебности» Кука – Медлей. Для выявления социальных факторов угрозы вовлечения подростков в экстремистскую деятельность разработана анкета, направленная на выявление понимания учащимися сущности таких явлений, как толерантность, ксенофобия, национализм и др., а также о деятельности экстремистских группировок, отношения респондентов к ним.

В исследовании приняли участие 62 учащихся 13-17 лет МОУ ВСОШ №1 г. Майкопа. Статус вечерней школы позволил нам предположить, что большая часть учащихся составляют подростки и молодежь группы риска. Для выявления возрастных особенностей вовлечения в экстремистскую деятельность из них были сформированы подгруппы: подростков 13-15 лет (30 респондентов) и юношей и девушек 16-17 лет (32 респондента).

Анкетирование показало, что правильно понимают смысл явлений ксенофобия, толерантность, национализм и др. 22,6 – 38,7 %, т. е. менее половины участников. Среди них есть те, кто сам когда-нибудь проявлял личную нетерпимость к другим по национальному (22,6 %) и имущественному (22,6 %) признакам, 21 % респондентов отметили, что испытывали нетерпимость по другим признакам, остальные затруднились ответить на этот вопрос (22,6 %) . Только 11,3 % опрошенных никогда не переживали состояния нетерпимости к другим. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство участников эксперимента(88%) уже имеют опыт личного переживания нетерпимости к представителям других этнических и социальных групп. Следует отметить, что показатели наличия собственного опыта переживания нетерпимости в группе подростков 13-15 лет выше, чем в старшей группе.

Необходимо подчеркнуть, что практически все подростки, участвующие в эксперименте в той или иной форме сталкивались с ситуациями собственного унижения по этническому или другому социальному признаку, что уже само по себе свидетельствует о наличии социально-психологической напряженности в школьной среде. В группе 16-17 лет получение информации о случаях насилия через личный опыт намного преобладает над остальными источниками (СМИ, рассказы свидетелей и т.д.).

Заслуживает внимания мнение большой группы учащихся о том, что в городе нетерпимое отношение к людям другой национальности и вероисповедания является большой проблемой (32,3 %), на втором месте – мнение о том, что жители ко всем относятся одинаково плохо (24,2 %), третью позицию занимает мнение «не хочу об этом думать» (17,7 %), «одинаково хорошо» (16,1 %,) и «встречается редко» – 9,7 %.

В то же время у школьников доминирует позиция, в которой при взаимодействии с представителями других социальных групп для них национальность не имеет значения – 40,3%; положительно относятся к представителям других национальностей в своем окружении 35,5 % подростков. И только на третьей, замыкающей позиции находится группа респондентов, испытывающих фрустрацию по отношению к людям, другой культуры (24,2 %).

Анкета позволила выявить, что большинство респондентов (43,5 %) считает, что главные мотиваторы взаимоотношений между людьми в мире – взаимоуважение и толерантность, и только затем – деньги и экономика (40,3 %). Но 16,1 % из них думает, что между людьми преобладают отчуждение и безразличие.

Вопрос анкеты о возможности представить себя или своих близких в браке с человеком другой национальности или другого вероисповедания, был направлен на выявление границ личного пространства по отношению к людям другой культуры. 80% участников анкетирования, т.е. большинство, допускают такую возможность, 40,3% готовы взаимодействовать. Не испытывают никаких барьеров 30,6 %. При этом не готовы впустить в свое личное пространство представителей других культур 29% участников опроса;

Анализ ответов на открытые вопросы анкеты выявил, что в целом респонденты знают о существовании и деятельности таких неформальных объединений, как: скинхеды, панки, металлисты, толкиенисты, гранжеры и хиппи. Индивидуальный анализ отношений респондентов к скинхедам выявил, что большинство из тех, кто о них знает, относится к ним нейтрально, безразлично. Только шесть человек отметили, что относятся к ним негативно. Это свидетельствует о том, что у учащихся не сформирована жесткая устойчивость к вовлечению их в деятельность подобных организаций.

Тестирование с применением личностной шкалы проявлений тревоги (Дж. Тейлор) определило, что у респондентов преобладает высокий и низкий уровень тревоги, а при делении на возрастные группы выявлены различия: у подростков доминирует низкий уровень тревоги, а у старшеклассников – высокий.

С помощью шкалы депрессии (адаптирован Т.И. Балашовой) было выявлено что у всех школьников, участников эксперимента, низкий уровень депрессии. Это свидетельствует о том, что выявленные депрессивные состояния, переживаемые учащимися на индивидуальном уровне, вызваны ситуативными проблемами, характерными для подросткового возраста, и не усиливают угрозу формирования зависимости и вовлечения их в антисоциальную экстремистскую деятельность.

Тест «Шкала враждебности» Кука – Медлей выявил, что у большинства участников эксперимента (80,65%) доминирует средний уровень враждебности, вторую позицию занимает группа респондентов, с низким показателем враждебности (11,3%), и 8,06% – с высоким уровнем. По шкале цинизма было выявлено, что у респондентов средний уровень составляет (88,7%), высокий уровень-(6,5%) и только у 4,8% – низкий.

Таким образом, у представителей исследуемой группы учащихся вечерней школы доминирует средний уровень агрессии, цинизма, враждебности, имеется опыт проявления нетерпимости по национальному, имущественному признакам и негативного отношения к людям другой национальности или вероисповедания.

Невысокие среднестатистические показатели признаков угрозы вовлечения учащихся в экстремистские группировки свидетельствуют о том, что опасность их вовлечения в экстремистскую деятельность не имеет на данный момент угрожающего характера, но требует дополнительного внимания, чтобы не допустить дальнейшего развития.

С этой целью особую актуальность имеет профилактическая деятельность, как психолога, социального педагога, так и других специалистов школы. Условия требуют разработки комплексной методики работы по предупреждению вовлечения подростков в экстремистские группировки.

Профилактическая деятельность по предотвращению влияния экстремистских группировок может классифицироваться на два типа:работа с подростками и молодежью, у которых еще не появились экстремистские наклонности, но есть предпосылки их формирования; работа с подростками и молодежью, у которых уже сформировалось экстремистское мировоззрение.

Процесс противодействия вовлечению подростков в экстремистские группировки представляет собой систему последовательных действий (этапов): знакомство с сущностью экстремизма, его видами, признаками, содержанием; выявление в социальном окружении школы действующих общественных и политических организаций, объединений, их характеристик и степени общественной опасности, выявление форм, мотивов экстремистской деятельности; диагностика опасности вовлечения подростков в экстремистскую деятельность; выявление подростков, подверженных риску вовлечения в деятельность экстремистских групп; проектирование программы по предупреждению вовлечения подростков в экстремистские группировки; реали-

зацию мероприятий, привлечение социальных партнеров к их организации и проведению; мониторинг эффективности профилактических мероприятий.

Система должна носить дифференцированный характер: отдельно проектировать содержание мероприятий для подростков, у которых не выявлены экстремистские наклонности, но существуют угрозы их формирования, и для подростков, у которых отмечены элементы экстремистского мировоззрения и предпосылки готовности к экстремистской деятельности. Основные психопрофилактические подходы к предупреждению проявлений экстремизма: распространение информации об экстремизме и организациях экстремистского толка, аффективное обучение, влияние социальных факторов, тренинги устойчивости к социальному давлению, формирование жизненных навыков и др.

С целью исключения возможности непреднамеренного превращения профилактической информации в пропагандистскую из-за чрезмерной детализации экстремизма, следует большее внимание уделять развитию деятельности, альтернативной экстремистской. Существует, как минимум, четыре направления такой деятельности:

1. Предложение специфической активности (например, путешествия с приключениями, походы), которое вызывает волнение и предполагает преодоление различных препятствий.

2. Комбинация возможности удовлетворения специфических для подростков потребностей (например, потребности в самореализации) со специфической активностью (например, занятия творчеством или спортом).

3. Поощрение участия подростков во всех видах специфической активности (разнообразные хобби, клубы и т. д.).

4. Создание групп молодых людей, заботящихся об активном выборе своей жизненной позиции (Кромин А.С., 2007).

Социальными партнерами при проведении профилактических работ могут выступать педагоги школы, психологи, сотрудники ИДН, МВД и представители органов, работающих с неформальными объединениями. Следует повысить роль просоциальных подростковых общественных объединений в жизни школы, степень их влияния на процессы в подростковой среде, направленность которых определяет содержание со-бытийного образовательного пространства.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СО-БЫТИЯ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

Мальчинский Ф.В., Некрасов С.Д.
г. Краснодар
malchinsky@yandex.run.s.d@kubsu.ru

Совершенствования профессиональной подготовки курсантов военных вузов диктуется современными направлениями модернизации Российского общества. В условиях реальной военной службы курсантов в Российской армии особую актуальность имеют исследования развития самосознания курсантов, становления их профессиональной субъектности, обретения курсантами личностно-значимых ориентиров и ценностей.

Военными психологами (Д.В. Гандер, А.Г. Караяни, Ф.В. Мальчинский, В.А. Пономаренко, И.В Сыромятников и др.) придается особое значение исследованиям безопасности полетов, анализу аварий с боевыми самолетами, выявлению факторов, влияющих на ошибки, которые рассматриваются как результат функционирования системы «летчик – самолет – среда». Солидаризируясь с утверждением В.А. Пономаренко: «Что греха таить, стремятся, и очень сильно, головки ракет сделать умнее голов летчиков», считаем, что «летчик» как элемент системы «летчик – самолет – среда» является основным в обеспечении безопасности полетов.

Противоречие между овладением курсантом профессией опасной для врагов отечества и осознанием им необходимости обеспечения безопасности (как собственной, так для граждан России), определяют важность исследований психологической безопасности курсантов военного вуза.

Возникают вопросы: каковы основные направления исследований особенностей обретения курсантами профессиональной компетентности, какое внимание в современных исследова-

ния уделяется вопросам психологической безопасности бытия курсантов, какие личностные проблемы психологии безопасности курсантов интересуют современных исследователей.

Источниками ответов на эти вопросы были статьи участников конференции «Личность курсанта: психологические особенности бытия» (2011 г.). Инструментом поиска ответов на вопросы был контент-анализ статей, через призму субъектно-бытийного подхода (А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко и др.) и единицы анализа «психология безопасности». Проанализировано содержание 62 статей 73 исследователей 16 вузов России и Белоруссии.

Схема анализа: классификация – анализ содержания. Вначале все статьи классифицированы на две группы. В первую группу разместили статьи, в содержании которых непосредственно напрямую обсуждаются аспекты проблемы психологической безопасности курсантов. Во вторую группу попали статьи, в которых аспекты проблемы психологической безопасности курсантов обсуждаются опосредовано, косвенно. Далее в статьях первой группы выделено содержание обсуждаемых аспектов психологической безопасности бытия курсантов.

Установлено, что непосредственно напрямую обсуждаются аспекты проблемы психологической безопасности курсантов в около тридцати процентов всех опубликованных исследований. Остальные исследования, прозвучавшие на конференции, посвящены вопросам субъектности курсанта как ресурса развития личности, становления профессиональной идентичности курсанта, психологическим проблемам обучения курсантов, факторам, влияющим на развитие личности курсанта. Таким образом, можно полагать, что в современных исследованиях вопросы психологической безопасности развития личности курсанта являются актуальными.

По содержанию в исследованиях выделены три основных аспекта психологии безопасности бытия курсантов: проблемы межличностных конфликтов, агрессивности и адаптивности курсантов;

Большая часть исследований затрагивают проблемы межличностных конфликтов, агрессивности и адаптивности курсантов.

Общую проблему большинства военнослужащих по призыву, в том числе курсантов – высокий уровень агрессии, фиксируют Л.Н. Ожигова и А.С. Бутенко (Краснодар). Призывники в процессе социально-психологической адаптации к условиям военной службы наиболее склонны к вербальной агрессии, проявляющейся в словесных формах и ответах. Отмечена обратная связь уровней самооценки и склонности к проявлению агрессивных форм поведения у призывников. Выделено, что наиболее сложной и агрессивной является группа призывников со средней адекватной самооценкой, отличающаяся не конструктивным способом выражения агрессии.

Приводит теоретические обоснования Е.О. Красноголова (Краснодар) того, что агрессивное поведение является неотъемлемым качеством сознания, организующим деятельность человека. Она полагает, что человек, не обладающий необходимой агрессией, не сумел бы овладеть профессионально важными качествами курсанта-летчика.

Исследователь Л.М. Медяникова (Краснодар) эмпирически выявила прямую связь успешности в общении при выполнении учебно-профессиональной деятельности и коммуникативного потенциала курсанта.

Эмпирические исследования Н.Ю. Юрьевой (Краснодар), выявили и упорядочили уровни выраженности основные типы акцентуаций характера абитуриентов летного училища (по Личко). Преобладание акцентуаций характера по гипертимному типу, следующий уровень выраженности приблизительно одинаковый лабильного, эпилептоидного и неустойчивого типов. Считаем, что учет этих типов может помочь в решении задач адаптации абитуриентов к условия военной службы.

Отличительные особенности курсантов второго года обучения, выявлены Н.А. Васильченко (Краснодар), от курсантов других курсов их отличает более высокий уровень креативности и принятия агрессии.

Эмпирическое исследование агрессивности курсантов на третьем курсе, проведенное Е.Ю. Быстрюковой (Краснодар), выявило, что у них преобладающим типом является вербальная агрессия, а именно выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через

содержание словесных ответов (проклятия, угрозы). На втором месте стоит раздражительность, а именно готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость). На третьем – выражена косвенная агрессия, а именно агрессия, окольным путем направленная на другое лицо или ни на кого не направленная.

Результаты исследования Д.Н. Кириленко (Краснодар) выявили, что с возрастом у молодых сотрудников вуза МВД повышаются показатели адаптивности, принятия себя, внутреннего контроля, нормативности поведения, но снижается эмоциональная возбудимость. Обсуждение понятия жизнестойкость как интегрального феномена, значимого для военнослужащего, проводится И.И. Хот (Краснодар).

Следующие из выделенных исследований посвящены исследованиям социальных факторов и личностных регуляторов развития личности курсантов, их профессиональной идентичности.

Способности к рефлексии собственных целей и ценностей и способности социального восприятия собственного места в обществе относятся Н.Н. Костогрызовым (Краснодар) к важным свойствам профессиональной идентичности военнослужащего.

Для выявления отношения сотрудника МВД к экстремальным ситуациям, возникающим по службе, как считает И.Х. Пихова (Краснодар), необходимо установить смысл, который он усматривает в этих задачах и ситуациях. В своих исследованиях она выявляет различия поведения опытных и неопытных сотрудников в экстремальных ситуациях. Опытные сотрудники пытаются оценить сложившееся положение вещей и быстрее найти наиболее целесообразный вариант ответного действия. Неопытные сотрудники чаще всего стараются как можно быстрее дать двигательный ответ, без должного анализа ситуации, путём включения двигательного навыка, зачастую неадекватного задаче. Таким образом, рефлексивные способности являются важным компонентом становления профессиональной идентичности сотрудников МВД.

Исследование личностных регуляторов управленческого взаимодействия руководители и заместители руководителей структурных подразделений УВД, проведенное С.Ю. Флоровским (Краснодар), выявило базисные регуляторы управленческого поведения: занятие ими активной социальной позиции и минимальная выраженность фаталистических установок; готовность к самостоятельному планированию, осуществлению деятельности и ответственности; парциальные макиавеллистические установки. Приоритетное значение имеет «вера в справедливый мир», преобладание интернальных схем восприятия и интерпретации жизненных событий, не связанных «напрямую» с личным опытом самого руководителя. А также установка на то, что главным фактором карьерного продвижения человека является не столько способность хорошо работать, сколько умение «обходить формальности» и готовность ради достижения цели совершать более или менее серьезные правонарушения.

Важность для курсантов психологического консультирования по вопросам семейной жизни, обосновывают А.И. Тащева и С.В. Гриднева (Ростов-на Дону). Заслуживает внимания, разработанная Е.А. Щербаковой (Краснодар), структура профессионально важных качеств курсанта как совокупность психологических качеств личности, которые определяют успешность обучения и реальной профессиональной деятельности. Причем в процессе обучения у курсанта среди «отрицательных» ПВК военного летчика преобладают ПВК личностной группы (интимные, морально-нравственные, социальные) и интеллектуальной группы (познавательные процессы) качеств.

Таким образом, можно выделить основные аспекты современных исследований психологической безопасности со-бытия курсантов:проблемы межличностных конфликтов, агрессивности и адаптивности курсантов, исследования социальных факторов и личностных регуляторов развития личности курсантов, становления их профессиональной идентичности; исследования методических вопросов психолого-педагогического обеспечения подготовки курсантов на профессиональных военнослужащих. Причем удельный вес статей, посвященный проблемам межличностных конфликтов, агрессивности и адаптивности курсантов, самый высокий.

ДЕЦЕНТРАЦИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СО-БЫТИЙНОСТИ

Меньшикова Л.В., Кавун Л.В.
г. Новосибирск
pevl@narod.ru

Проблема со-бытийности человека неразрывно связана с вопросом о его потенциале толерантности, раскрывающем возможность открытого непредвзятого отношения к миру и создающего условия для развития активных контактов с ним.

Актуальность этого вопроса в психологии обусловлена сложившейся к настоящему моменту противоречивой ситуацией. Выделение толерантности как обобщенной личностной характеристики, являющейся важным ресурсом личностного развития, одной из ключевых компетенций, определяющей способность человека жить и конструктивно действовать в многомерном мире, сочетается со слабой разработанностью вопроса о психологических механизмах, способствующих или препятствующих развитию толерантности личности.

Выделение в качестве одного из таких механизмов децентрации, являющейся универсальным психологическим свойством, обеспечивающим продуктивное поведение человека в ситуациях, связанных с построением межличностной коммуникации, позволяет продолжить традиции исследований, сложившихся в классических работах по изучению децентрации как необходимого условия развития личности, акцентируя при этом внимание на решающем значении механизма децентрации в развитии толерантности как личностного свойства.

Психологические процессы центрации – децентрации впервые стали объектом анализа в работах гештальттеоретиков, однако заслуга детального раскрытия их механизмов принадлежит Ж.Пиаже и представителям его школы (Пиаже Ж., 2003). Как известно, эффекты центрации в когнитивной сфере связывают с субъективным расширением зоны фокуса внимания в восприятии и мышлении и соответственном искажении, сжатии периферийного поля восприятия, приводящего к деформации образа объекта, возникновению «относительных ошибок» в оперировании с ними. Но если центрация является причиной деформации, то несколько различных центраций координируют действие каждой. Децентрация или координация различных центраций оказывается в таком случае координирующим фактором.

Принципиальным шагом вперед в работах Ж.Пиаже явилось доказательство того, что преодоление центраций в онтогенетическом развитии происходит главным образом в сфере общения, в ходе столкновения «центрированных» позиций человека с точками зрения других лиц. При этом вектор когнитивного развития рассматривается как постепенное и относительное преодоление эгоцентризма личности, где под эгоцентризмом понимается не сверхэгоизм или индивидуализм, но внедренность субъекта в одну только собственную точку зрения, неспособность индивида менять данную познавательную перспективу или – недостаточное отдифференцирование своей точки зрения от других возможных.

Многие авторы отмечают, что эгоцентризм в той или иной степени свойственен любому человеку и может обостряться под влиянием различных обстоятельств. (Степанов С.С., 2003; Пашукова Т.И., 2002) Эгоцентризм взрослых людей нередко служит причиной осложнения межличностных контактов. Неумение учесть точку зрения другого оборачивается конфликтами, непониманием и одиночеством.

При этом большинство исследователей подчеркивают важность децентрации для успешной социализации и личностного роста во многих областях жизнедеятельности человека. Децентрация необходима для продуктивного, творческого мышления (Пиаже Ж., 2003), для креативного, конструктивного общения (Канн С.Ю., 1997), для психологически целесообразной формы выражения своего отношения в общении (Бодалев А.А., 1994), для продуктивного делового взаимодействия (Меньшикова Л.В., 1998). Моральная зрелость достигается только при развитой способности становиться на точку зрения других участников морального конфликта (Анцыферова Л.И., 1999). Считается, что существенное снижение способности к децентрации может служить признаком развивающейся невротизации личности, тогда как исходно недоста-

точное развитие этой способности является важным фактором в генезисе некоторых психических заболеваний, в частности шизофрении и аутизма.

На основе анализа научной литературы и результатов проведения собственных эмпирических исследований можно заключить, что проблема создания необходимых условий для преодоления эгоцентризма и развития способности к децентрации является актуальной не только для детского возраста, но и для других жизненных периодов, в частности для периода студенчества. Результаты исследования когнитивного и социально-психологического компонентов децентрации показывают явную выраженность эгоцентрических установок в студенческой среде. Большинство студентов испытывают затруднения в изменении своей познавательной позиции, сосредоточиваясь на одном, привычном, предпочитаемом аспекте проблемы, и у подавляющего большинства студентов отсутствует личностная установка к восприятию и пониманию иных, отличных от собственной точек зрения, к принятию того факта, что взгляд на проблему с позиции другого человека может привнести что-то новое в видение ситуации. Во многих значимых ситуациях проявляются эгоцентрические установки, которые, в свою очередь, часто приводят к выбору интолерантных, агрессивных моделей социального поведения.

Особенно актуальна проблема развития толерантности в молодежной среде. История дает много примеров того, как агрессивность и аморфные социальные установки этой наиболее подвижной части общества могут приводить к социальным конфликтам и дестабилизации общественной жизни. Образовательное пространство вуза – это не только обогащенная информационная среда, но и сфера активных межличностных контактов. Как указывают многие исследователи, одной из ярких особенностей студенческого возраста является высокая социальная сензитивность к новым моделям поведения. Кроме того, именно в этом возрасте оформляются жизненные ориентации, определяющие отношение к самому себе и другим, поэтому важно в этот переходный период, ведущий к зрелости, в рамках системы высшего образования создавать условия для развития у студентов установок ценностного толерантного отношения к другим людям и жизни вообще.

Многолетние исследования, проводимые под нашим руководством в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ), показали, что социокультурная среда вуза не создает достаточных условий для естественного развития как толерантных установок и моделей поведения, так и способности к децентрации у студентов, что приводит к проявлению интолерантных личностных тенденций, разрушающих коммуникативную среду в вузе.

Разработанные в рамках реализации общей программы комплексных лонгитюдных исследований в НГТУ практико-ориентированные проекты свидетельствуют о том, что в вузе можно создать систему психокоррекционных практикумов, непосредственно включенных в учебный процесс, которые могут восполнять недостаток развивающего потенциала среды в вузе и формировать особое пространство развития, специфика которого состоит в актуализации процесса осознания и разрешения внутренних противоречий, связанных с межличностным общением, в активизации творческого подхода к решению жизненных проблем. Наши исследования показали, что преодоление эгоцентризма и развитие способности к децентрации способствует развитию толерантности до уровня, позволяющего не только понять точку зрения другого человека, но и соотнести ее со своей позицией. Другими словами, обучение способности к мысленно-адекватному перемещению на точку зрения, отличную от собственной, и координации иных точек зрения со своим видением ситуации может способствовать развитию потенциала толерантности, позволяющего, понимая иные ценности, взгляды, обычаи, вне зависимости от степени согласия с ними, не вступать в противоречие с самим собой, собственными ценностями и смыслами.

Говоря о практической значимости проведенных нами исследований, следует подчеркнуть следующее. Для студенческого возраста характерна, с одной стороны, высокая социальная сензитивность и восприимчивость к новым моделям поведения, а с другой – попытка сформировать собственную среду своего развития. После окончания вуза студентов ожидает более важный переход в среду «взрослой» жизни, где выпускник столкнется с еще более серьезными проблемами построения профессиональной коммуникации в новом социальном контексте, для которого в настоящее время характерен высокий уровень неопределенности. Поэтому значение

обучения студентов основам толерантного общения трудно переоценить. Это средство, позволяющее, как показывают результаты нашего эмпирического исследования, сформировать адекватные толерантные модели поведения, применимые к широкому кругу жизненных ситуаций.

АДАПТИВНОСТЬ И АГРЕССИВНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ БЕЗОПАСНОСТИ СО-БЫТИЯ КУРСАНТА

Некрасов С.Д.
г. Краснодар
n.s.d@kubsu.ru

Актуальность совершенствования профессиональной подготовки военных кадров, которая начинается в стенах военного училища диктуется современными направлениями модернизации Российского общества, где курсант обретает компетентность военного летчика, которая необходима при защите отечества, и одновременно осознает важность собственной безопасности, необходимость бережно использовать военную технику для выполнения боевых задач, точно выполнять инструкции безопасного полета.

Значимость психологических исследований субъектно-бытийных качеств личности курсантов, подчеркивается военными психологами (Д.В. Гандер, А.Г. Караяни, В.А. Пономаренко, И.В Сыромятников и др.). В современных психологических исследованиях используется субъектный подход (А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко и др.) к исследованиям проблем бытия человека, с помощь которого в активности человека выделяются бытийный и смысловой слои личности.

Перспективы новой интерпретации феноменов бытия основательно очерчиваются З.И. Рябикиной. Выделяется одно из направлений интерпретации – сфера межличностных отношений личности, общение. З.И. Рябикина подчеркивает, что при понимании личности, как субъекта, создающего реальность своего бытия, важно увидеть и понять проблемы, возникающие в связи с тем, что в процессе объективации своего замысла личность всегда сталкивается с сопротивлением бытия других людей (бытие всегда есть со-бытие), воплощающих иные смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий и в тоже время. Таким образом, исследования развития личности курсанта через призму субъектно-бытийного подхода к личности, возможно путем рассмотрения личного бытия курсанта в постоянном событии с Другими (З.И. Рябикина, 2011).

Бытие курсантов в военном вузе имеет отличия от бытия студентов гражданского вуза, которые относятся в большей степени в сфере социальных отношений курсантов, чем к сфере профессиональной подготовки. Социально-личностные свойства курсантов взаимосвязаны с психологической безопасностью бытия курсантов, которые влияют на его подготовку и, следовательно, на будущую безопасность летной деятельности.

Возникает вопрос о том, какие свойства личности курсантов оказываю решающее влияние на особенности его бытия. В современных исследованиях (А.С. Бутенко, Е.Ю. Быстрюкова, Е.О. Красноголова, Л.Н. Ожигова и др.) можно выделить проблемы агрессивности и адаптивности курсантов как субъектов учебно-профессиональной деятельности.

Высокий уровень агрессии, фиксируют Л.Н. Ожигова и А.С. Бутенко, как общую проблему военнослужащих, которые в процессе социально-психологической адаптации к условиям военной службы наиболее склонны к вербальной агрессии, проявляющейся в словесных формах и ответах (Л.Н. Ожигова, А.С. Бутенко, 2011). Е.О. Красноголова полагает, что агрессивное поведение является неотъемлемым качеством сознания, организующим деятельность курсанта (Е.О. Красноголова, 2011).

Эмпирическое исследование агрессивности курсантов на третьем курсе, проведенное Е.Ю. Быстрюковой, выявило, что у них преобладающим типом является вербальная агрессия, а именно выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы). На втором месте стоит раздражительность, а именно готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, гру-

бость). На третьем – выражена косвенная агрессия, а именно агрессия, окольным путем направленная на другое лицо или ни на кого не направленная (Е.Ю. Быстрюкова, 2011).

Опираясь на результаты исследований можно предположить, что адаптивность и агрессивность курсантов военного вуза являются важными свойствами личности курсанта, и имеют устойчивые связи с проявлениями агрессивности в его со-бытии с Другими.

Для проверки предположения были использованы методики: опросник «Предрасположенность к агрессивному поведению» А. Басса и А. Дарки, многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина. Выборочную совокупность исследования составили курсанты военного училища, средний возраст 18 лет, объем выборки 166 человек.

Ранжирование значений средних шкал опросника «Предрасположенность к агрессии» позволило упорядочить проявления агрессивного поведения курсантов.

Значение среднего по шкале «Физическая агрессия» (самый высокий ранг упорядоченных средних) статистически значимо ($p < 0,01$, t-критерий Стьюдента) отличается от значений средних по шкалам, имеющим меньшие ранги.

Значения средних по шкале «Косвенная агрессия» и шкале «Чувство вины» статистически не различаются (середина упорядоченных средних), но статистически значимо ($p < 0,01$) отличаются от значений средних по шкалам, имеющим меньшие ранги.

Значения средних по шкалам «Вербальная агрессия», «Негативизм», «Раздражительность» статистически не различаются (меньшие значения упорядоченных средних), но статистически значимо ($p < 0,01$) отличаются от значений средних по шкалам, имеющим меньшие ранги.

Таким образом, содержание параметра со-бытия курсантов, обозначенного как «Агрессивность» проявляется прежде всего в физической агрессии, использование физической силы. Далее проявление косвенной агрессии (взрывы ярости, проявляющиеся в крике, топаний ногами, битье кулаками по столу и т.д.) сочетающиеся угрызениями совести и чувством вины. Меньше всего курсанты обременяют себя подозрительностью и обидами, чувством горечи и действительными или мнимыми страданиями.

Ранжирование значений средних шкал опросника «Адаптивность» позволило упорядочить проявления адаптивности курсантов.

Значения средних по шкале «Адаптивные способности» (самый высокий ранг упорядоченных средних) статистически значимо ($p < 0,02$) отличается от значений средних по шкалам, имеющим меньшие ранги.

Значения средних по шкале и по шкале «Нервно-психическая устойчивость» (середина упорядоченных средних) статистически значимо ($p < 0,01$) отличаются от значений средних по шкалам, имеющим меньшие ранги.

Полученные результаты позволяют выделить общие психологические свойства адаптивности курсантов модели иерархии шкал «Адаптивность».

Таким образом, содержание параметра со-бытия курсантов, обозначенного как «Адаптивность» проявляется, прежде всего, в высоком уровне адаптивного потенциала курсантов, среднем уровне нервно-психической устойчивости, реального восприятия действительности. Вместе с тем, отмечен средний уровень коммуникативных способностей и моральной нормативности, оценки своей роли в коллективе, соблюдений требований устава.

Корреляционный анализ интегральных показателей агрессивности («Индекс агрессивности» и «Индекс враждебности») и шкал опросника «Адаптивность» позволил выявить следующие особенности со-бытия курсантов.

Значения по шкале «Индекс агрессивности» статистически значимо ($p < 0,01$, $r = –0,46$) отрицательно коррелируют со значениями шкалы «Моральная нормативность», а корреляция с другими шкалами опросника «Адаптивность» близка к нулю или является слабой ($r < 0,24$). Также близка к нулю или является слабой ($r < 0,24$) корреляция по шкале «Индекс враждебности» со всеми шкалами опросника «Адаптивность», но отмечен высокий разброс значений по шкале «Индекс враждебности».

Скорее всего, в самосознании курсантов существуют внутренние конфликты проявления агрессивного поведения и реального восприятия со-бытия с Другими, связанные с моральными нормами военной службы. А проявления враждебности мало связаны с адаптивностью в событии с Другими.

К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Перелыгина Л.А.
г. Харьков (Украина)
linaperelygina@mail.ru

Разные аспекты безопасности (политическая, социальная, гуманитарная, экономическая, военная, правовая, энергетическая, научно-техническая, кадровая, информационная, интеллектуальная, культурная, демографическая, медицинская, генетическая и др.) исследуются в разных областях науки. Такой подход дает возможность рассматривать психологическую безопасность как социальную безопасность во взаимосвязи с информационными, гуманитарными, медицинскими и другими видами.

Научные разработки современности указывают на то, что в отечественной психологии и психологических разработках ближнего зарубежья безопасность не была предметом самостоятельного психологического исследование.

Украинские ученые изучали: психологические и психофизиологические аспекты безопасности труда, жизнедеятельности человека и личной безопасности (Г.О. Балл, И.П. Пистун, П.С. Перепелица, В.В. Рыбалко, Г.В. Силин, М.К. Хобзей и др.). Отдельные исследования по этой проблема проведены российскими психологами, в роботах которых освещены вопросы психологической и информационной безопасности человека и общества (И.А. Баева, А.Е. Войскунский, Г.В. Грачев, Г.М. Зараковский, И.К. Мельник, А.Ю. Моздаков, И.М. Панарин, С.Ю. Решетина, В.М. Розин, Г.Л. Смолян, В.А. Соснин, Ю.М. Тугушева, Н.Л. Шлыкова и др.), проблема психологической защиты личности (А. Еремеева, Р.А. Зачепицкий, Т.С. Кабаченко, Е. Киршбаум, Т.И. Колесникова, С.К. Рощин и др.). Изучением психологической безопасности личности, связанной с разными аспектами жизнедеятельности и профессиональной деятельности человека, занимались иностранные ученые (E. Vilar, H.R. Conte, A. Maslow, R. Plutchic, P. Hofer и др.). Мы считаем, что современное развитие психологии требует более полного исследования этого феномена в психологическом и социально-психологическом аспектах. Таким образом, существует потребность раскрытия всего спектра подходов, которые касаются психологической безопасности человека.

Принимая во внимание неоднозначность исследований проблемы психологической безопасности личности, актуальным является анализ исследований в разных областях современной науки относительно определения сущности этого понятия. В современной справочной литературе это понятие определяется с учетом того, какую именно безопасность изучают. При этом можно выделить общие характеристики этого понятия, это: а) состояние защищенности личности; б) отсутствие угроз; в) пребывание вне опасности.

Основное внимание исследователей сконцентрировано на эмоциональном состоянии человека, которое отображает безвредное, надежное существование, не исключая возможности его изменения. Для социально-психологического обоснования категории безопасности, по нашему мнению, необходимо провести анализ ее генезиса от биологического к социальному пониманию. Целесообразно при этом определить специфические связи с другими категориями, которые дадут основания для понимания роли и механизма развития безопасности в жизнедеятельности человека.

Потребность в безопасности – основная социальная потребность человека, которая сформировалась на границе инстинктивного и сознательного. Любой контакт с естественными или социальными явлениями человек интуитивно или сознательно оценивал с позиции возможной угрозы и обеспечения безопасности. Все биологические объекты, особенно достаточно высокого уровня развития, сталкиваются с неосознанной потребностью защиты. Основа процесса развития человека в историческом измерении – это потребность в улучшении условий выживания,

а в основе этого лежит связь между трудом и защищенностью отдельного человека и социума любого уровня, то есть их безопасностью (Приходько И.И., 2009). Стремление человека к безопасности в социуме превращает ее в социальное явление. Именно благодаря безопасности, основу которой представляет деятельностное взаимодействие, общество может жить, меняться и развиваться.

А. Маслоу указывал, что при относительном удовлетворении физиологических потребностей появляется новая – потребность в безопасности (защищенности; стабильности; отсутствие страха, тревоги и хаоса; потребность в структуре, порядке, законе и ограничениях и т.п.). По его мнению, эти потребности могут быть факторами, организующими поведение, которые мобилизуют на службу себе все силы организма, и в этом случае можно определить организм как механизм, который стремится к безопасности. Практически все остальное становится менее важным, чем безопасность и защита (даже иногда физиологические потребности, которые, будучи удовлетворенными, теперь недооцениваются). Человека в таком состоянии, если оно приобретает действительно крайнюю и хроническую форму, можно определить как индивида, который существует только ради безопасности (Маслоу А., 2008).

Потребность в безопасности А. Маслоу рассматривал как активный и основной фактор, который мобилизует ресурсы организма лишь в действительно чрезвычайных обстоятельствах, таких как: война, стихийные бедствия, рост преступности, дезорганизация общества, катастрофа власти, болезнь или устойчиво неблагоприятные ситуации. Он отмечал, что для большинства людей существует угроза того, что хаос или нигилизм способны привести к регрессии от высших потребностей к более насущной потребности в безопасности. Он указывал, что потребность в безопасности может стать актуальной тогда, когда на социальной сцене возникает реальная угроза закону, порядку, власти, обществу.

По К. Хорни, поведением человека руководят стремление к безопасности и удовлетворению своих желаний. Эти стремления часто ведут к столкновению, и возникает определенное разногласие, которое может приводить к невротическому конфликту. У человека появляется стремление подавить такую конфликтную ситуацию, которая предопределяет формирование у него определенных образов или стратегий поведения. При этом выделяются такие типы поведения человека: 1) невротическое стремление к любви как средству обеспечения безопасности в жизни, 2) невротическое стремление к власти как преодолению страха и враждебного отношения к людям; 3) невротическая покорность или признание своей беспомощности (Корольчук М.С., 2002).

К отдельной группе научных исследований можно отнести определенные разработки проблематики, связанные с психологическим и социальным аспектом безопасности жизнедеятельности и труда. Г.М. Зараковский и Г.Л. Смолян определяют безопасность как отсутствие опасности для всех социальных субъектов: личности, общества и государства (Смолян Г.Л, Зараковский Г.М., 1997). По мнению Е.А. Дорофеева и А.В. Злобина, безопасность жизнедеятельности – это условия труда, быта и досуга человека и его окружающей природной, производственной и бытовой среды, а также способа реализации индивидуальных возможностей, личных и групповых интересов, которые предупреждают или устраняют возможность негативного влияния на социум и его структуры (Приходько И.И., 2009). П.С. Перепелица и В.В. Рыбак указывают, что безопасность жизнедеятельности человека – это отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью нанесения вреда организму человека в любых условиях его существования (Перепелица П.С., Рыбак В.В., 2001).

В роботах М.А. Котика разделены понятия защищенность и безопасность (Котик М.А., 1987).Под защищенностью он понимает способность человека не только противодействовать производственным опасностям, но и в первую очередь не порождать своей деятельностью проявления этих опасностей и их реализацию. В то же время безопасность необходимо рассматривать как результат активной предметной деятельности человека. Таким образом, защищенность – это потенциальная возможность психики человека противостоять опасностям, ее можно рассматривать как один из возможных, но необязательно гарантированных вариантов реагирования на опасность, а безопасность – результат практической реализации этих возможностей.

Актуальные теоретико-методические аспекты проблемы психологической безопасности человека (личности) проанализированы в конце XX столетия в роботах: Г.В. Грачева, И.К.Мельника, И.М. Панарина, С.К. Рощина, В.А. Соснина. Термин психологическая безопасность ввели С.К. Рощин и В.А. Соснин. Они определили его как состояние общественного сознания, в котором общество в целом и каждая отдельная личность воспринимают существующее качество жизни как адекватную и надежную, поскольку оно создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей граждан сегодня и дает им основания к уверенности в будущем. И.М. Панарин опубликовал результаты научных исследований психологической безопасности военнослужащих (Панарин И.М., 1998).

Г.В. Грачев и И.К. Мельник, рассматривая разные аспекты информационного влияния как на современное общество в целом, так и на конкретную личность, изучали информационно-психологическую безопасность личности, под которой они понимают определенное состояние защищенности психики личности от действия разных информационных факторов, которые препятствуют или затрудняют формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека в целом и жизнедеятельности в обществе, а также адекваттной системы ее субъективных отношений к окружающему миру и самому себе. В более широком смысле информационно-психологическую безопасность личности можно понимать как состояние защищенности личности, которое обеспечивает его целостность как активного социального субъекта и возможности развития в условиях информационного взаимодействия с окружающей средой (Грачев Г.В., Мельник И.К., 1999).

Таким образом, можно утверждать, что проблема психологической безопасности личности на сегодняшний день не достаточно изучена, а само понятие не имеет общего определения. Анализ современных исследований дает основания отметить, что безопасность в современном обществе всегда связана с системой жизнедеятельности человека. При этом при условиях построения системы безопасности, необходимо иметь в виду защиту и реализацию жизненно важных потребностей и интересов личности, обеспечение ее свободы, то есть формирование и развитие психологической безопасности личности.

Определение психологической безопасности, которое вытекает из анализа сущности и содержания этого понятия, это – сложная многоуровневая динамическая система, которая определяет уровень субъективной защищенности человека, его способность поддерживать оптимальный уровень своего функционирования, способность осознания факторов и механизмов устранения внешних и внутренних угроз, а также возможность сохранения оптимального состояния функционирования взаимодействий в разных плоскостях социально-психологического пространства жизнедеятельности.

Особенности процесса формирования психологической безопасности личности позволяют выявить совокупность стойких мотивов профессиональной деятельности, необходимых для определения условий эффективного взаимодействия человека в разных областях. Проведенный анализ показал, что методы и способы создания условий для взаимодействия могут противоречить закономерностям формирования психологической безопасности личности, что может привести к деструктивным психологических изменений и является актуальной проблемой, требующей незамедлительного решения.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СПАСАТЕЛЕЙ

Приходько Ю.А., Афанасьева Н.Э.
г. Харьков (Украина)
doctor_prikhodko@mail.ru

Психическое здоровье – это термин, который используется для описания любого уровня умственного и/или эмоционального благополучия и/или отсутствия психического расстройства. Согласно Всемирной организации здравоохранения, нет никакого «официального» определения термина «психического здоровья». Отличия в культуре, субъективные оценки и научные конкурирующие теории – все влияет на определение понятия «психическое здоровье». Человек,

который значительно отличается от стандартов своего сообщества, рискует быть признанным психически больным. В то же время представления о психической болезни отличаются в разных культурах и в разные времена внутри каждой культуры. Примером первого может служить тот факт, что многие племена индийцев считают галлюцинации нормальным явлением; пример второго – изменение отношения к гомосексуальности, которая когда-то рассматривалась как преступление, потом как психическая болезнь, а сейчас – как вариант сексуальной адаптации.

Психическое здоровье – интегральная характеристика полноценности психологического функционирования индивида. Психическое здоровье тесно связано с общим представлением о личности, механизмах ее развития, а зависит во многом от профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность спасателей проходит в экстремальных условиях и негативно влияет на психику человека. Специалисты, которые выполняют спасательные работы в зоне чрезвычайной ситуации, подвергаются не только значительному риску возникновения нервно-психических расстройств, психической дезадаптации и стрессовых состояний, а и физической угрозы своему здоровью. Такие негативные влияния нередко становятся причиной срывов в профессиональной деятельности, снижения трудоспособности, межличностных конфликтов, злоупотребления алкоголем, других негативных явлений. Длительное влияние вредных факторов приводит к ухудшению функционального состояния, физического и психического здоровья спасателей, развитию преморбидного состояния и патологии (Миронец С.Н, 2007; Приходько Ю.А., 2008).

Современные теоретические, экспериментальные и прикладные подходы в психологии личности и психотерапии характеризуют психическое здоровье как зрелость, сохранение и активность механизмов личностной саморегуляции, меру способности человека трансцендентировать свою биологическую, социальную и смысловую детерминацию, выступая активным и автономным субъектом своей изменяющейся жизни.

Разные модели психического здоровья обращены к разным уровням, регулирующим активность субъекта. Б.С. Братусь предложил многоуровневую модель психического здоровья, выделив несколько уровней структуры личности, каждому из которых соответствует свое понимание психического здоровья (Братусь Б.С., 1988). Этот автор выделил три уровня психического здоровья: 1) уровень психофизиологического здоровья (определяется особенностями нейрофизиологической организации психических процессов); 2) уровень индивидуально-психологического здоровья (это способность использовать адекватные способы реализации смысловых устремлений); 3) уровень личностного здоровья (самый высокий, определяется качеством смысловых отношений человека).

Российские психологи выделяют четыре основные группы людей с разными показателями психического здоровья: 1) практически здоровые, жалоб нет; 2) легкие функциональные нарушения, о чем свидетельствуют эпизодические жалобы астено-невротической природы, обусловленные конкретной психотравмирующей ситуацией; 3) люди с доклиническими состояниями и клиническими формами в стадии компенсации; 4) клинические формы в стадии субкомпенсации.

ВОЗ в качестве критериев психического здоровья рассматривает: 1) осознание и ощущение непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»; 2) ощущение постоянства и идентичности в однотипных ситуациях; 3) критичность к себе и своей психической деятельности и ее результатам; 4) соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых действий социальным обстоятельствам и ситуациям; 5) способность самоуправления поведением соответственно социальных норм, правил, законов; 6) способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать это; 7) способность изменять свое поведение в зависимости от изменения жизненных ситуаций и обстоятельств.

По степени проявления выделяют такие *уровни психического здоровья*:

1) *креативный*, характеризующийся устойчивостью к средовым воздействиям, активным творческим отношением к действительности, осознанностью и целеустремленностью прилагаемых усилий;

2) *адаптивный*, характеризуется высоким уровнем адаптации к социуму и сопровождается повышенным уровнем тревожности;

3) *дезадаптивный* – внутренние проблемы не решаются. Нарушенный баланс между внутренним миром и внешним стараются восстановить с помощью ассимилятивного стиля поведения (приспособление в ущерб своим интересам) или аккомодативного (агрессивно-наступательного, в ущерб интересам других).

В психологии и медицине существуют разные подходы к проблемы психического здоровья, обращенные к разным сторонам нормального и аномального функционирования. Традиционная медицинская модель рассматривает психическое здоровье как меру достоверности развития болезни (определение здоровья как отсутствие болезни). В психоанализе представления о здоровье как таковое вообще отсутствует; каждый человек выступает как носитель того или другого «патоса», потенциальной болезни, перехода которого в «нозос» – актуальную болезнь – препятствует сбалансированный режим функционирования механизмов психологической защиты и компенсации в индивидуальной психодинамике. Для бихевиоризма характерно сведение личности к ее социальному функционированию и к определению нормы или здоровья через понятие равновесия со средой, с использованием таких критериев, как адаптация, стабильность, успешность, производительность, конформность.

Для выявление сущности и структуры процесса сохранения психического здоровья с позиции личностно-деятельностного подхода необходимо от общетеоретического аспекта изучения – устойчивости психического здоровья, перейти к практическому – его профессиональной продуктивности путем уточнения понимания степени опасности профессиональной деятельности и личностных факторов, детерминирующих безопасность сотрудника МЧС.

На сегодняшний день при проведении профессионального отбора кандидатов на службу в МЧС, а также в последующей их аттестации не оценивается продуктивность их психического здоровья. Кроме того, усложнение проблем безопасности при ликвидации чрезвычайных ситуаций разной природы требует уточняющих исследований профессионального типа в современной экстремальной и кризисной психологии сотрудников МЧС на основе концепции сохранения психического здоровья.

Формирование устойчивости и продуктивности психического здоровья должно быть адекватно внутренней логики развития Я-концепции сотрудника МЧС в их профессиональной деятельности. Исследования продуктивности психического здоровья, как основополагающего психологического феномена профессионального поведения, обусловлено необходимостью рассмотрения интеграционной системности спектра здоровья, с учетом ситуативности и разно полярности профессиональной деятельности сотрудников МЧС, оценкой динамики детерминации профессиональной функциональности для выявления профессиональных деструкций Я-концепции.

Исследование психологических аспектов сохранения психического здоровья сотрудников МЧС выявило необходимость решения следующих противоречий между:

1) задачами индивидуального сохранения здоровья и организационными вопросами безопасности личностного сохранения здоровья в профессиональной деятельности сотрудников МЧС;

2) необходимостью обоснования психологического подхода к сохранению психического здоровья в профессиональной деятельности и интеграции в профессиональной адаптации понимания процессов детерминации психического здоровья.

Готовность к реализации сформировавшихся профессионально значимых качеств выявляется в усвоении сотрудниками МЧС основ специальных знаний про сохранение психического здоровья в профессиональной деятельности и социальных отношениях.

Процессы детерминации профессионального здоровья необходимо рассматривать: 1) через устойчивость психического здоровья сотрудников МЧС; 2) через продуктивность психического здоровья сотрудников МЧС; 3) через возможность и необходимость применения методов коррекции психического здоровья с целью профилактики профессиональных деструкций и оптимизации процессов саморегуляции для сохранения продуктивного психического здоровья сотрудников МЧС.

В рамках данной концепции продуктивное психическое здоровье детерминируется уровнем саморегуляции и устойчивости и является составной частью профессиональной деятельно-

сти личности. Практическая реализации концепции сохранения психического здоровья возможно при выполнении двух условий:

1) при выявлении особенностей проявления негативных психических состояний сотрудников МЧС и факторов профессиональной деятельности, приводящих к их появлению;

2) при условии овладения сотрудниками МЧС специальными психологическими знаниями про свои ресурсы и возможности, умением объективно их оценивать и использовать для усовершенствования профессионализма.

Уровень сформированности продуктивного психического здоровья зависит от количества и качества психологических знаний и практических действий сотрудников МЧС, которые лежат в основе условий сохранения психического здоровья. Условиями формирования продуктивности психического здоровья сотрудников МЧС является:

1) обоснование сущностных характеристик безопасности, устойчивости и продуктивности психического здоровья в психологическом понимании профессиональной деятельности сотрудника МЧС;

2) поэтапное рассмотрение у сотрудников МЧС особенностей внутренних ресурсов психического здоровья;

3) выявление профессиональных категорий сотрудников МЧС и определение взаимосвязи динамики психологических уровней личности, опосредованных ситуативностью и разно полярностью профессиональной среды и обусловленных состоянием безопасности в профессиональной деятельности;

4) выявление степени готовности сотрудников МЧС к деятельности в экстремальных условиях и мобилизации внутренних ресурсов для сохранения психического здоровья;

5) осознание сотрудниками МЧС необходимости, роли и структуры саморегуляции психических состояний, возникающих в процессе профессиональной деятельности, и ее необходимости в формировании личностной концепции сохранения психического здоровья.

Таким образом, для решения противоречия между потребностью выявления психологических особенностей психического здоровья сотрудников МЧС и путей его сохранения в профессиональной деятельности, в связи с отсутствием систематизированных исследований по данной теме, необходимо разработать структуру, критерии, показатели и уровневые индикаторы психического здоровья сотрудника МЧС, а также разработать программы коррекции профессиональных деструкций психического здоровья этих профессионалов.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ МЧС

Светличная Н.А.
г. Харьков (Украина)
maestro_sna@mail.ru

Сегодня проблема профессионального здоровья привлекает к себе все большее внимание. Подробно изучаются различные аспекты психологического обеспечения профессиональной деятельности, непосредственно связанные с влиянием неблагоприятных условий труда (перенапряжения, перегрузок, психотравмирующих факторов и т.д.) на физическое и психическое здоровье личности. Негативно отразиться на состоянии здоровья субъекта труда может неудачно протекающий процесс его профессиональной адаптации; отсутствие удовлетворительной перспективы собственного профессионального роста; неблагоприятная психологическая атмосфера в рабочем коллективе; хронически переживаемое состояние нервно-психического напряжения под воздействием тех или иных профессиональных стрессов и т.д.

Психология здоровья – новое научное направление в отечественной психологии, которое переживает период своего становления, определяет приоритеты своих научных интересов, связи со смежными областями знания. Центральной проблемой психологии здоровья является сохранение, укрепление и развитие здоровья с опорой на его психологическую составляющую, когда же здоровье в единстве его духовной, социальной и соматической, компонент становится реальным условием для полного раскрытия потенциала человека, его саморазвития, самосо-

вершенствования, самоактуализации и самопознания. Очевидно, что главная цель психологии здоровья – всестороннее совершенствование человека.

На самом высоком уровне обобщения можно выделить два подхода к пониманию здоровья. Первое понимание трактует здоровье как отсутствие болезни. Болезнь же понимается как превышение нормы, которая, в свою очередь, понимается как видовая норма – физиологическая или психофизиологическая норма, общая и жестко заданная для всех (норма зрения, слуха и т.п.). Наиболее изученными и используемыми в практике, несмотря на ряд недостатков, являются нозоцентрический и нормоцентрический подходы.

Особую актуальность проблема профессионального здоровья приобретает относительно тех людей, чья профессиональная деятельность протекает в стрессовых условиях. Результаты многочисленных исследований позволяют говорить о том, что в настоящее время деятельность в системе МЧС с полным правом может быть отнесена к тем видам трудовой деятельности, которые предъявляют повышенные требования, как к физическому, так и психическому здоровью профессионала (Никифоров Г.С., 2002).

В отечественной психологии проблемами психологии здоровья занимались Л. Августова, Г. Никифоров, В. Ананьев, Г. Березовская, Н. Водопьянова, И. Гурвич, Д. Давиденко, О. Даниленко, И. Добряков, Л. Куликов, А. Маклаков, И. Мамайчук, Р. Мухамедрахимов, С. Шингаев, Б. Овчинников, Т. Ронгинский, Л. Татарников, Н. Ходырева, В. Шостак; в зарубежной – Дж. Матараццо, Д. Энджел, А. Спенсер, П.Калью, Л. фон Берталанфи, З. Фрейд, Э. Гюан, А. Дюсер, А. Менегетти, С. Рейнольдз и другие.

Понятие «здоровье» невозможно сформулировать однозначно. Сейчас насчитывается более 400 определений этого понятия.

Всемирная организация здравоохранения определяет здоровье как состояние полного физического, духовного и социального благополучия а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Необходимо сказать, что понятие «здоровье» является несколько условным и объективно устанавливается по совокупности антропометрических, клинических, физиологических и биохимических показателей, определяемых с учетом полового и возрастного факторов, а также климатических и географических условий .

Психологическое обеспечение профессиональной деятельности в настоящее время тесно связано с проблемой сохранения здоровья профессионала. Состояние здоровья оказывает существенного влияния на процесс и результат деятельности, а также профессиональная деятельность влияет на здоровье работника.

Цель нашей работы является исследование специфики профессионального здоровья сотрудников МЧС разных возрастных категорий в ситуациях экстремального характера.

В исследовании принимали участие сотрудники аварийно-спасательных подразделений г. Харькова, в количестве 50 человек, в возрасте от 22 до 45 лет. Для исследования психологических особенностей профессионального здоровья работников МЧС применялияь следующие методики: тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (для оценки когнитивной составляющей профессионального здоровья); методика Цукермана «Склонность к поиску ощущений» (для оценки эмоциональной составляющей); опросник SACS «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (для оценки поведенческой составляющей профессионального здоровья).

Психологическая работа по сохранению профессионального здоровья работников МЧС должна строиться, прежде всего, на поддержании и укреплении когнитивной, эмоциональной и поведенческой составляющих профессионального здоровья личности. Это могут быть профессионально-психологические тренинги, занятия, направленные на формирование и развитие определенных качеств, навыков и умений, необходимых для поддержания профессионального здоровья сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, проведенный теоретический анализ психологических особенностей профессионального здоровья работников МЧС разных возрастных категорий показал, что профессиональное здоровье – это комплексное, системное понятие, в которое входят эмоциональный, когнитивный, поведенческий аспекты личности.

Эмоциональная составляющая профессионального здоровья – это эмоциональная устойчивость, способность противостоять стрессам, адекватно оценивать эмоции окружающих, проявлять свои эмоции и управлять ими. Эмоциональный компонент отражает переживания и чувства человека, связанные с состоянием его здоровья, а также особенности эмоционального состояния, обусловленные ухудшением физического или психического самочувствия человека.

Под когнитивной составляющей профессионального здоровья необходимо понимать знания человека о своем профессиональном здоровье, понимание роли здоровья в жизнедеятельности, знание основных факторов, оказывающих как негативное, так и позитивное влияние на профессиональное здоровье человека и др. Это все определяет успешность человека в профессиональной деятельности, отражает способность человека мыслить, принимать адекватные решения, уметь выделять главное, находить недостающую информацию. Все вышеперечисленное влияет на эффективность жизни человека, на его социальную значимость.

Поведенческая составляющая профессионального здоровья подразумевает под собой выбор той или иной стратегии преодолевающего поведения в стрессовых ситуациях профессиональной деятельности, а также деятельность человека по сохранению своего профессионального здоровья. Это позволяет человеку как можно лучше адаптироваться к требованиям ситуации путем овладения, ослабления или смягчения этих требований, тем самым уменьшает стрессовое воздействие ситуации. В противном случае может возрасти психическое напряжение.

В результате эмпирического исследования было установлено, что на когнитивную и эмоциональную составляющие профессиональное здоровье (в отличие от поведенческой) работников МЧС влияет их опыт участия в экстремальных ситуациях. Результаты данного исследования позволили разработать практические рекомендации направленные на сохранение профессионального здоровья работников МЧС.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОЙ ПОЗИЦИИ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ СО-БЫТИЯ

Старкова Е.В.
г. Краснодар
Wayness@yandex.ru

В настоящее время проблема со-бытийности личности является особенно актуальной и значимой. Данная проблематика в центре внимания психологов, философов, социологов, педагогов. В работах отечественных исследователей заметно возрастает интерес к психологии субъекта, что проявляется в разработке нового личного подхода, в котором признается значимость активности человека и авторства по отношению к жизни в целом и к отдельным ее аспектам. Предметом особого внимания в психологии и смежных с ней гуманитарных науках в процессе со-бытия является проблема развития толерантной позиции личности.

Толерантность – явление многоаспектное, многоуровневое, может проявляться в различных формах, поэтому в литературе это понятие в зависимости от контекста наполняется специфическим смыслом. Прослеживаются общие тенденции понимания толерантности как терпимости к ино-культуре, ино-мыслию, ино-верию, обеспечивающей сосуществование в рамках определенных отношений, в том числе и в процессах взаимодействия.

Толерантность в широком смысле трактуется как обобщенная характеристика диспозиционной системы личности, проявляющаяся в способности личности терпимо и без противодействия воспринимать отличающиеся от ее собственных мнения, образ жизни, поведение и какие-либо иные особенности других людей, если это непосредственно или в видимой перспективе не угрожает ее здоровью и/или жизни. Толерантность предполагает признание за другим человеком права иметь свое представление о происходящем, при этом она не тождественна равнодушию или безразличию, а проявляется в значимой для субъекта ситуации.

Рассматривая толерантность в контексте психологии личности, мы разделяем представление о личности как о динамичной системе смыслов и солидарны с мнением ряда авторов, что личностный смысл, индивидуальное значение является существенной единицей анализа личности (Б.С. Братусь, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, З.И. Рябикина и др.). Предпосылки толерант-

ности могут быть обнаружены среди базовых представлений личности о природе со-бытийности. Прогноз толерантного /интолерантного поведения в тех или иных ситуациях возможен лишь при условии, что исследователю известны не только соответствующие аттитюды личности, но и то, как молодые люди организует познание мира и окружающих, какими категориями-конструктами она пользуется при восприятии и оценивании себя и других.

Изучается психологическая природа данного явления (А.Г.Асмолов и др.), рассматриваются различные парадигмы анализа толлерантности (А.А. Реан и др) , личная обусловленность развития толерантного общественного сознания (В.А. Лабунская, Т.П. Скрипкина и др.). Толерантность изучается в контексте проблемы педагогического взаимодействия и взаимоотношений в малых группах(Л.Я. Коломинский), как основа межкультурной коммуникации (К.П. Краковский и др.)

В концепции З.И. Рябикиной структурно личность представляет собой полисистемное образование, включающее наряду с пространствами собственно психических, субъективных явлений (структура личностных смыслов и бытийный слой психики) также и объективные пространства личностной бытийности (организм, со-бытия среды, деятельность). Пространства объективной реальности существуют помимо личности и предваряют её, но в процессе формирования личности реорганизуются ею в соответствии со структурой личностных смыслов и таким образом преобразуются в бытийные пространства личности.

«Бытийное пространство личности – понятие, позволяющее зафиксировать способ существования человека как объективную реальность, наделенную субъективной составляющей. Таким образом, бытийное пространство личности – объективно-субъективная реальность, обусловленная многообразием различных статусов, которыми наделен человек: он создает свое пространство бытия как биологическое существо, которому необходимо удовлетворять свои потребности, и как социальное существо, чье поведение в среде и направленность на ее преобразование обусловлены социальными потребностями» (Тиводар А.Р., 2008).

«Мы изменяем бытие (понимаемое как объективно существующая реальность) в соответствии с тем, как мы его осмысливаем, т.е. в соответствие с тем, какими смыслами мы его наделяем… Человек как субъект преобразования не говорит, что он занимается самоактуализацией (неявный мотив), но говорит о планах что-то создать и о переживаемом им как личностью вдохновении и творческом подъеме… Свое поведение и свой организм субъект самоактуализации, субъект преобразования бытия также реорганизует, т.е. создает в соответствии со структурой своей смысловой организации. (Рябикина З.И., 2005).

Современная молодежь включает в себя различные социальные группы. В нашем представлении – это приезжая молодежь и горожане. Городская молодёжь обладает целым набором социальных ресурсов, способствующих еще более высокой адаптивности и инициативности данной социальной группы в условиях трансформаций: молодой возраст, образованность, социальная активность, проживание в больших городах, а также сравнительно высокая материальная обеспеченность и т. П. Житель малого города, как правило, хозяин: у него есть дом и участок земли. Его благосостояние напрямую зависит от его усердия. Его жизненный уклад естественный, соответствует природному циклу, он не отчужден от продукта своего труда.

Целью исследования явилось изучение формирование толерантной позиции городской и сельской молодежи в процессе со-бытия.

Эмпирической базой исследования выступали студенты в возрасте от 16 до 20 лет, 167 человека, в том числе 84 юноши (40 чел. – приезжие, 44 чел.– городские) и 83 девушки (41 чел. – приезжие, 42 чел. – городские). Для сбора эмпирического материала был использован опросник толерантности ВИКТИ (Г.Л. Бардиер).

Данные, полученные в результате исследования, показывают что толерантная позиция может быть обусловлена разными ценностными диспозициями – нежеланием портить отношения, опасением подвергнутся негативным групповым санкциям или же уважением к личности человека, к ее правам. Таким образом, континуум «толерантность – интолерантность» вряд ли продуктивно рассматривать как одномерный. Высокая толерантность сельской молодежи может быть ориентирована главным образом на приспособительный эффект, и тогда она с большей вероятностью обусловлена значимостью ценностей традиций и конформизма, стремлени-

ем соблюдать социальную норму. Такая толерантность в определенных ситуациях может граничить с беспринципностью, излишней пластичностью, которая ведет к податливости, отсутствию своего мнения. У городской молодежи естественно, излишняя категоричность, жесткость, ригидность мышления и поведения приводит к интолерантности в межличностных отношениях. Конструктивная толерантность, очевидно, ближе к "золотой середине".

Таким образом, на основании полученных данных, можно сделать вывод, что на уровень развития толерантной позиции городской и сельской молодежи в процессе со-бытия оказывают влияние личностные качества, обеспечивающие возможность развития и реализации толерантной позиции и трансформируемые в образовательной среде колледжа.

СООТНОШЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СУБЪЕКТНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Тесля С.Н., Шуванов И.Б.
г. Сочи
Wayness@yandex.ru

Психологическая модель безопасности социального субъекта (ПМБ) – это пространство-время рождения переживания-проживания «опасность» и переживания-проживания «безопасность», или, что то же – «ситуаций», которые мы будем обозначать «именами»: ситуация «Опасность» и ситуация «Безопасность» (Тесля С.Н., Шуванов И.Б., 2011).

В первом приближении ПМБ есть система «частных» кодов, возникающих в более широкой кодовой структуре – в психологической модели субъектности социального субъекта (ПМСС), которую мы обозначили, как субъективную *«технологию» субъектности* социального субъекта.

В свою очередь, ПМСС есть система кодов субъектности социального субъекта, соответствующих выделенным нами параметрам и константам субъектности, как главного способа существования социального субъекта и социальным субъектом. Эти параметры: субъект субъектности, содержание, форма, характер, направленность субъектности (Тесля С.Н., 2012).

Таким образом, ПМБ также связана с параметрами субъектности и усиливает ПМСС, является субъективной «*техникой» субъектности* социального субъекта, разворачиваясь в составе ПМСС.

Наиболее существенным является вопрос о том, *как и где* зачинается и «работает» ПМБ социального субъекта, можно ли формализовать знание о ней, концептуализировать ее структурные компоненты, в целом – возможна ли эмпирическая реконструкция ПМБ, если вышеуказанный вопрос будет разрешен?

Тезис. Переживание-проживание «безопасность» возникает как мотивационный, когнитивный и действенный (поведенческий) «ответ» социального субъекта на депривацию его участия в процессе субъектности. Процесс депривации (отлучения, отключения, выключения) социального субъекта от субъектности, именно в качестве прессинга, шока, переживается и проживается им как «опасность».

Ситуация «опасность» формируется на различных «стадиях» депривации:

– тогда, когда только возникают условия для будущей (возможной) депривации (так, получив высокую должность, чиновник боится потерять статус и «уважение», связанные с этой должностью);

– или же в ходе самой депривации (так, выслушав предложение вышестоящего начальника уйти в отпуск в ноябре, подчиненный получает сильнейшую аритмию и попадает в больницу с гипертоническим кризом);

– наконец, как относящаяся к «результату» депривации (чувствуя, что с ним перестали считаться, мнение его не учитывается при принятии решения «вот уже в который раз», госслужащий все чаще начинает появляться в районе расположения «службы занятости», с тревожным чувством в душе).

Только при возникновении ситуации «опасность» социальный субъект начинает сознательно сопротивляться депривации (=опасности) и *выбирает* субъектность, как безальтерна-

тивный вариант жизни в социуме, а, тем самым, добровольно становится легитимным социальному порядку и нормам, требующим от него рационализировать свое существование. Так, получив высокую должность, чиновник рьяно принимается «реформировать» и «модернизировать» вверенный ему участок работ, принимая в свое окружение новых лиц из старых друзей. А на предложение уйти в отпуск в ноябре, на следующий же день приносит отчеты, которые надо было сдать летом. Наконец, устав бродить возле «службы занятости», госслужащий уезжает в деревню и через пару лет становится успешным фермером.

«Опасность» можно сравнить с холодным душем по утрам, придающим бодрости на весь день. «Опасность» становится действенным рычагом социального управления и социализации на уровне самоконтроля, стимулом к само-познанию и само-регуляции. Само-познание и саморегуляция субъекта вращаются вокруг неизбывных социальных ценностей, важнейшими из которых признаны ценности идентификации: «место в жизни»; «значимый Другой»; собственное «Я».

Помещая ПМБ внутри ПМСС, более широкой по объему структуре, мы, кроме их подобия, признаем и опосредованность «ответа» субъекта на депривацию субъектности *«проколами» в его ПМСС*, и главным образом, это должно быть заметно по диагностике *паттерна кода субъектности в ПМСС*. Скажем, диагностируя паттерны кода субъектности индивида, индивидуальности, личности, видим, что паттерн кода субъектности в их ПМСС представлен не полностью, частично или негармоничными вертикальными «комбинациями». В этих участках сбоя в структуре паттерна кода субъектности в ПМСС и можно «фиксировать» *«коды»* ПМБ.

Таким образом, коды ПМБ следует идентифицировать в соответствие с паттерном кода в ПМСС, где, как свернуты параметры и константы субъектности социального субъекта.

Потенциально, коды ПМБ будут коррелировать со всеми кодами ПМСС, представленными в паттерне кода субъектности (N=4), не говоря уже о потенциальной корреляции с каждым кодом в отдельности. Это значит, что *еще* на мотивационном уровне, *уже* можно предвидеть потенциально неблагополучные «зоны» субъектности данного индивидуума, неблагоприятные, болезненные или травмоопасные для него или тех, кто рядом с ним. Эти «зоны» сосредоточены в содержании тех *функций кодов* субъектности, что вошли в *паттерн* кода субъектности в ПМСС: «опасность» и «безопасность» здесь наиболее вероятны, то есть «опасность» может быть наиболее актуальна, а «безопасность» – наиболее востребована.

Универсальный «код» ПМБ обозначен, как «Ситуация опасность/безопасность». Это – двойной код ПМБ, состоящий из противоположностей «опасность» и «безопасность». Условно, можно задать их по отдельности, как два относительно самостоятельных «кода»: код «Ситуация опасности» и код «Ситуация безопасности».

Согласно структуре кода[1], выделим функции универсального кода ПМБ «Ситуация опасности/безопасности». Этими функциями считаем: ф1 «Конституирование ситуации опасность/безопасность»; ф2 «Конструирование ситуации опасность/безопасность»; ф3 «Произведение ситуации опасность/безопасность».

Обратим внимание на «Ситуацию безопасность».Согласно логике концепции, идеальная «безопасность» есть переживание-проживание субъектом своей полной включенности в процесс субъектности, или, в преломлении на среду активности, – включенность в идентифицирующую субъекта социальную практику (в профессию, гендерные отношения, возрастные отношения, занятие, работу, дело и т.д.), на уровне конкретной жизненной ситуации.

Полнота участия субъекта в процессе субъектности дает ему чувство жизненного комфорта, уверенности в себе, адекватную самооценку, что и есть субъективная феноменология переживания-проживания «безопасность». *Поэтому, паттерн кода субъектности в ПМС социального субъекта, а также показатели его «Позиции по отношению к жизни в целом», выделенной нами в отдельный «код» (код 5), по сути, и есть «завершенный» гештальт ситуации «безопасность».* Можно сказать, что паттерн кода субъектности и показатели «позиции» субъ-

[1] В современном языке программирования (см.,н-р, Java Script), в структуру «кода» входят «функции кода», которым соответствуют «локальные переменные функций кода» (Гудман Д., Моррисон М., 2006).

екта по отношению к жизни в целом «переходят» в ПМБ со всеми своими «локальными переменными функций кодов субъектности в ПМСС, как эталон «безопасности» субъекта.

Таким образом, локальными переменными функций кода «Ситуация безопасности» в ПМБ можно считать все локальные переменные функций кодов в ПМСС, по каждому измерению социального субъекта (индивиду, индивидуальности, личности), наиболее ярко представленные в *паттерне* кода субъектности в ПМСС. А проведенные через «сито» депривации, локальные переменные паттерна кода субъектности в ПМС дают выход на код «Ситуация «опасности» для каждого измерения социального субъекта.

Этот «выход» произойдет через полученные «депривированные» карты локальных переменных функций кодов субъектности в ПМСС. Представим критерии, по которым возможна интерпретация локальных переменных функций кодов в ПМСС с точки зрения их депривации.

Важно понимать, что есть отличие локальных переменных паттерна кода субъектности в ПМСС от кода «Ситуация безопасности» в ПМБ, так что мы не можем просто «переназвать» паттерн кода субъектности в ПМСС кодом ПМБ «Ситуация безопасности».

Мы не раз подчеркивали, что «безопасность» вторична по отношению к «опасности», «безопасность» переживается как потребность компенсировать ту «нехватку», которую олицетворяет собой «опасность». Для социального субъекта, в целом, такой «нехваткой» может быть только недостаток самой субъектности, как лишение (у нас – «депривация») его главного способа существования в ауре субъект-объектных отношений.

Переживание-проживание «опасность», т.о., рождается в процессе отключения или выключения, или выпадения (вольного или невольного) субъекта из субъектности, сопровождает это отключение. Ситуация опасность, по сути, есть отчуждение субъекта от субъектности, изоляция субъекта, усугубляющая его уязвимость, делающая его слабым и социально не состоявшимся, увеличивая риск выпадения из интерсубъективного пространства социальных коммуникаций.

Поэтому в «ответ» на «опасность» социальный субъект обязательно будет выстраивать ситуацию «безопасность», или будет сориентирован на такое выстраивание извне, с тем, чтобы восстанавливать этим «строительством» свое право на осуществление субъектности и участие в ней, «как все нормальные люди».

По качеству, такое выстраивание будет «противовесом» ситуации «опасность», снимая «депривацию» субъектности ее «присвоением» вновь, через инициирование активности, то есть, через усиление в себе способности «быть субъектом». Речь, следовательно, должна идти о том, *как* социальный субъект строит ситуацию «безопасности», а не просто о том, *что* ему требуется для того, чтобы чувствовать себя в безопасности, или из *«чего»* складывается его безопасность. Так мы утверждаем не симметричное подобие локальных переменных паттерна субъектности в ПМСС коду ПМБ «Ситуация безопасности», но показываем код ПМБ как психологическую *технику*, как операциональную активность, шаг за шагом восстанавливающую показатели паттерна кода субъектности в ПМСС. «Ситуация «безопасность»», как код субъектности в ПМБ, таким образом, ориентирована не на «что» делать, а на то, «как» делать.

О том, что депривация имеет место, мы можем узнать, диагностируя ПМСС на уровне паттерна кода субъектности (по меньшей мере). *Не обнаружение* параметров субъектности укажет слабое место социального субъекта в субъектности, на уровне его «измерения». А именно: на уровне динамики измерения (внутри «измерения»); на уровне вектора динамики социального субъекта; на уровне главной мотивационной тенденции индивида, индивидуальности, личности.

Феноменологически, на мотивационном уровне, депривация выглядит как снижение или исчезновение *желаний* субъекта, проявляющиеся как тревожность, беспокойство, страх, паника, фобии (Ясперс), раздражительность, или равнодушие, скованность. На когнитивном уровне – как подозрительность, склонность к преувеличениям, осуждению, обвинению, предубеждениям, комплексам. Все это связано с «перекрытием» каналов информированности субъекта по поводу интересующей его работы, дела, занятия, от которых он отчужден. На действенном уровне депривация проявляется как бездействие, апатия, или, наоборот, как безудержные и часто агрессивные действия, носящие разрушительный, экстремистский, характер.

Согласно нашей логике, «ответ» на депривацию – это и есть «переживание-проживание» безопасности (ть). «Ответ» есть рождение самого переживания-проживания «безопасность». В то время как депривацию можно рассматривать *как «запрос» на опасность*.

В качестве переживания-проживания, «ответ» есть активное формирование ситуации безопасность, снимающей «запрос» на опасность, но жестко согласующейся с этим запросом. В соответствие со структурой социального субъекта (индивид, индивидуальность, личность) формирование ситуации «Безопасность» может быть различной «глубины», соответствуя «глубине» ситуации «опасность». В целом, «глубина» ситуации опасность/безопасность предстает как:

– *конституирование* ситуации опасность/безопасность – энергетический уровень переживания-проживания, рождающийся как непосредственный опыт жизненной ситуации опасность/безопасность, осуществляемый субъектом как его личный опыт жизни;

– *конструирование* ситуации опасность/безопасность, предполагающее структурирование ситуации как опасной или безопасной, ее рефлексию – информационный уровень переживания-проживания, рождающийся при включении субъекта в значимое для него социальное взаимодействие и общение с Другим в процессе осуществляемой субъектности (работы, профессиональной деятельности);

– *делание* или произведение (постав) ситуации опасность/безопасность, конкретизируемое либо как реставрация, либо как восстановление, либо как воссоздание ситуации опасность/безопасность (в зависимости от отношения к безопасности как ценности) – регулятивный уровень переживания-проживания, предполагающий осознание важности запроса на «опасность» и ответа в виде снимающей этот запрос и сознательно воспроизводимой ситуации «безопасность». Здесь ситуация «опасность/безопасность» «посылается» субъектом в «адрес» всей субъектности как «активности особого рода», гарантируя ее, как, каждый раз, воспроизводимое целое.

Одновременно, поскольку субъектность и социальный субъект едины, получается, что сама субъектность «поставляет» ситуацию «опасность/безопасность» (для социального субъекта и социальному субъекту), то есть, самой себе, в режиме сознательного целевого импульса. И, в этом случае, ситуация «опасность» становится целью субъектности, превращая субъектность в особую регулятивную деятельность, предметом которой выступает произведение ситуации «опасность» для того, чтобы «на выходе» получать планируемый заранее «ответ» в виде ситуации «безопасность». А ситуация «безопасность», как мы отметили выше, есть гарант нерушимости всего порядка субъектности, на которой «держится» социум.

Конституирование, конструирование и произведение ситуации опасность/безопасность могут быть «закреплены» за определенными измерениями социального субъекта и, согласно внутренней динамике измерения, иметь энергетические, информационные и регулятивные переменные (модусы).

Энергетические, информационные и регулятивные модусы ситуации «опасность/безопасность» в ПМБ есть аналог субъективных модусов переменных субъектности в ПМСС, каковыми выступают мотивационные, когнитивные и действенные субъективные модусы переменных субъектности, пронизывающие все коды субъектности в ПМС социального субъекта.

Принимая конституирование, конструирование и делание ситуации «опасность/безопасность» в качестве функций универсального кода ПМБ «Ситуация опасность/безопасность», мы получаем возможность иначе представить локальные переменные функций кодов ПМСС в структуре ПМБ социального субъекта, что мы и попытались наглядно представить в трех уровнях анализа ПМБ:

– первый уровень анализа связан с интерпретацией непосредственного опыта рождения ситуации «опасность/безопасность», того, как «научаются» переживать «опасность/безопасность»;

– второй уровень анализа связан с интерпретацией способов закрепления (знания) в субъекте опыта ситуации «опасность/безопасность», связан с семиотикой ситуации «опасность/безопасность»;

– третий уровень анализа – это интерпретация субъектности, как особой регулятивной деятельности, целью которой является производство ситуации «опасность/безопасность» для социального субъекта и «под» социального субъекта, необходимого социуму. Этот уровень анализа включает типологию ситуаций «опасность/безопасность» и психологические портреты социального субъекта, являющиеся типичными «потребителями» выделенных нами типов ситуаций «опасность/безопасность».

Итак, поскольку мы помещаем ПМБ внутри ПМСС, представляем ПМБ как «модель в модели», то следует рассматривать ПМБ не только в качестве своеобразного «кода» субъектности, но и как «код» в «коде», «код» второго порядка, полностью зависящий от состава ПМСС.

ПМБ начинает «работать», когда показатели ПМСС подвергаются сомнению (в ходе депривации субъектности, отчуждения субъектности от субъекта). Это происходит всякий раз, когда по каким-либо причинам нарушается включенность субъекта в субъектность (последовательность осуществления субъектности, в частности). ПМБ «работает» – означает, что формируется «ситуация опасности», в результате чего актуализируется и, следовательно, в той или иной мере осознается, «утраченное», как ценность.

ПМБ «соткана» из ситуаций «опасность/безопасность».Типы ситуаций выводятся в соответствие с особенностями депривации показателей субъектности, диагностируемых по паттерну когда субъектности в ПМС (по каждому измерению социального субъекта).

Задача, встающая в этом контексте, – осуществить моделирование депривации на каждом из выделенных уровней анализа ПМБ.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНФЛИКТЕ

Хачатурова М.Р.
г. Москва
milanahse@mail.ru, mhachaturova@hse.ru

Проблеме конфликтов, причинам возникновения, способам разрешения посвящен ряд работ отечественных и зарубежных психологов. Теоретические и практические исследования касаются структуры, динамики, причин конфликтных взаимодействий (Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 1999; Гришина Н.В., 2004; Хасан Б.И., Сергоманов П.А., 2004; Petrosky M.J., Birkimer J.C., 1998 и др.).

В отечественной психологии исследования конфликтов во многом посвящены их особенностям в определенных возрастных, культурных, профессиональных и социальных группах, организационным конфликтам. Однако можно отметить недостаток исследований в области изучения взаимосвязи совладающего поведения личности и конфликтных ситуаций. В то время как конфликтные взаимодействия остаются одной из наиболее актуальных тем современной психологической науки, особенности выбора копинг-стратегий в конфликте малоизученны (Кишко М.В., 2003).

Совладающее поведение, выражающееся в выборе копинг-стратегий – это способы действия человека в трудной ситуации, возникшие в ответ на воспринимаемую угрозу. Существуют различные классификации стратегий совладания. Так, например, рассматривая копинг-стратегии в зависимости от их модальности, Э.Хайм предлагал выделять *поведенческие, когнитивные и эмоциональные* стратегии. Каждые из них имеют свои варианты в зависимости от степени своих адаптивных возможностей: *адаптивные, относительно адаптивные и неадаптивные копинг-стратегии* (Heim E., 1988).

Целью работы стало изучение гендерного аспекта поведения личности в конфликте.

В работе нами были выдвинуты следующие ***гипотезы***:

1. Существуют гендерные особенности совладающего поведения личности в ситуации конфликта: женщины склонны к выбору эмоциональных стратегий совладания.

2. Выбор стратегий совладания в конфликте обусловлен типом ситуации: в организационном конфликте преобладает выбор когнитивных копинг-стратегий, в то время как в семейных конфликтах превалируют эмоциональные стратегии.

Для достижения поставленной цели и проверки гипотез применялась методика Э.Хайма «Способы преодоления трудных ситуаций», которая была модифицирована нами, исходя из поставленных целей и задач. В инструкции к методике Э.Хайма мы сначала давали респондентам описание трех конфликтных ситуаций, которые относились к трем различным сферам жизни личности – семейной, организационной и бытовой. Респондентам предлагалось из трех описанных конфликтных ситуаций выбрать ту, с которой они наиболее часто сталкиваются. И только после этого респонденты отмечали различные стратегии поведения, которые они используют для совладания с данным конфликтом.

Эмпирическую базу исследования составили 198 человек, 105 женщин и 93 мужчины, средний возраст которых 31 год. Среди респондентов студенты 1-3 курсов гуманитарных и технических вузов г. Москвы (n=52), работники организаций различной направленности, являющиеся сотрудниками среднего и низшего звена (n=70) и руководителями высшего звена (n=29), а также неработающие респонденты (n=47).

Проведенное исследование позволило нам получить следующие ***результаты***. Женщины в ситуации межличностного конфликта прибегают к эмоциональным стратегиям совладания (39% респондентов). В то время как большинство мужчин (44% респондентов) предпочитает когнитивные стратегии. Наименее популярными среди мужчин оказались эмоциональные стратегии совладающего поведения, их выбрал только 21% респондентов. Данные различия были также подтверждены статистически (значимость гендерных различий при выборе эмоциональных стратегий по U-критерию Манна-Уитни $p \leq 0,05$).

Не касаясь вопроса, в большей ли степени женщины склонны испытывать эмоции по отношению к происходящим событиям по сравнению с мужчинами, мы объясняем полученные различия тем, что женщины в целом лучше интерпретируют эмоции окружающих, они ярче выражают и свои эмоции. В то же время мужчины в конфликтной ситуации скорее ориентируются на когнитивный анализ причин произошедшего, поиск возможных путей разрешения трудной ситуации и стараются предпринять какие-либо действия, чтобы справиться с конфликтом. Важно отметить, что данные особенности не являются заранее заданными гендерными характеристиками, они в большей степени соответствуют отклику на ожидания со стороны общества (Tamres L.K. et al., 2002).

Статистически значимые различия среди вариантов копинг-стратегий по U-критерию Манна-Уитни были получены при выборе мужчинами и женщинами когнитивных адаптивных ($p \leq 0,05$), когнитивных неадаптивных стратегий ($p \leq 0,01$) и относительно адаптивных эмоциональных стратегий ($p \leq 0,01$). У мужчин наиболее распространен выбор адаптивных когнитивных и поведенческих стратегий (66% и 68% соответственно). Таким образом, в ситуации конфликта мужчины прибегают к анализу причин его возникновения и путей решений, обращаются к другим людям, стремятся к сотрудничеству. Если же мужчины выбирают эмоциональные стратегии совладания, то они не склонны среди них выбирать протест и оптимизм как адаптивные варианты. В большинстве случаев ими предпочитаются самообвинение и агрессия (26% и 37% соответственно).

Среди женщин выбор данных эмоциональных форм совладания не распространен (25% респондентов). При этом при выборе когнитивных и эмоциональных стратегий они в целом прибегают ко всем трем вариантам в равной степени. Акцент в сторону адаптивных стратегий наблюдается только при выборе поведенческих стратегий (71%). Женщинам даже в больше степени, чем мужчинам, свойственно обращаться за поддержкой к другим людям при решении сложных проблем.

Этот факт может быть объяснен тем, что большинство стереотипов поощряет женщин использовать помощь других людей при столкновении с трудностями, в то время как аналогичное поведение мужчин, равно как и их проявление эмоций, рассматривается как проявление слабости. Мужчины, столкнувшись с конфликтом, стремятся либо предпринять активные действия для его разрешения, либо уйти от него. В целом, мужчины в ситуации конфликта часто ведут себя более напористо и агрессивно. В то же время некоторыми авторами отмечается, что в случае длительного конфликта и мужчины, и женщины ориентируются на социальную поддержку (Крюкова Т.Л., 2005).

Полученные нами данные во многом подтверждают имеющиеся в литературе описания гендерных различий при выборе стратегий совладания с конфликтом (Нартова-Бочавер С.К., 1997; Tamres L.K. et al., 2002). Тем не менее, важным замечанием к объяснению различий служат некоторые отечественные и зарубежные теории, которые предполагают, что при выборе типов копинг-стратегий важно акцентировать не столько гендерные различия, а скорее сферу, в которой возникла трудная ситуация. Конфликт в организациях предполагает использование когнитивных, проблемно-фокусированных стратегий, а, совладание, например, с конфликтом в семейной или интимно-личностной сфере связано с эмоциональными действиями (Folkman S., Lazarus R.S., 1998).

Модифицированная инструкция к методике Э.Хайма, использованная в исследовании, позволяет нам проверить последнее предположение. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что в ситуации, когда человек сталкивается с организационными конфликтами, он не склонен прибегать к эмоциональным стратегиям, предпочитая когнитивный анализ проблемы. В случае с конфликтами в семейной и бытовой сфере, наоборот, преобладают эмоциональные стратегии совладания. Данные различия также были подтверждены статистически (критерий Краскела-Уоллеса при выборе эмоциональных и когнитивных стратегий $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ соответственно).

Таким образом, полученные результаты позволяют нам подтвердить выдвинутые в исследовании гипотезы и сделать следующие ***выводы***:

Согласно полученным нами результатам совладающее поведение в ситуации межличностного конфликта имеет гендерную специфику.

В ситуации организационного конфликта человек реже прибегает к эмоциональным стратегиям, предпочитая когнитивный анализ проблемы. В случае с конфликтами в семейной и бытовой сфере, наоборот, преобладают эмоциональные стратегии.

Результаты исследования могут быть использованы в рамках психологического консультирования и профессиональной диагностики.

3. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СО-БЫТИЯ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СО-БЫТИЙНОСТИ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ РЕБЁНКА И ОТНОШЕНИЙ В ЕГО СЕМЬЕ

Губарева А.А., Левченко А.В.
г. Краснодар
ru.levchenko@mail.ru

С увеличением частоты психосоматической патологии некоторые исследователи стали называть современное общество «психосоматически ориентированным». К сожалению, год от года отмечается тенденция к росту числа случаев психосоматических заболеваний у детей и подростков. Многие психосоматические заболевания закладываются в детстве в результате неблагополучных семейно-бытовых отношений, отсутствия контроля за поведением ребенка, избыточной занятости родителей, разводов; нерешенные проблемы родителей проецируются на ребенка, повторяются у него в усугубленном виде.

В современной психологии отсутствуют фундаментальные исследования в области детской психосоматики, что осложняет поиск методов эффективной психологической поддержки как ребенка, так и членов его семьи. Цель проведенной нами эмпирической работы заключалась в попытке выявить взаимосвязь между психосоматическим заболеванием ребёнка и отношениями в его семье.

В основе психосоматической болезни лежит реакция на эмоциональное переживание, которое сопровождается функциональными изменениями и патологическими нарушениями в органах (Старшенбаум Г.В., 2005). Термин «психосоматика» впервые был применен в начале XIX века Дж. Хаинрот. Затем механизм психосоматических расстройств описал З. Фрейд в конверсионной модели как смещение психического конфликта (конверсию) и попытку разрешить его через тело. Ф. Александер говорил о роли психических факторов в генезе соматической патологии, как ответ органа на хронически повторяющееся эмоциональное состояние (Александер Ф., 1999). Значимыми трудами в области психосоматической науки выступают работы Л. Чертог, А. Мичерлих, М.В. Коркиной и В.В. Марилова, Н.Д. Лакосиной и М.М. Труновой, А.Б. Смулевич. В последнее время стали говорить о мультифакторном генезе заболеваний, где каждая из предложенных теорий объясняет одно из звеньев патогенеза (Холмогорова А.Б, 2002). Сам термин «психосоматический» по рекомендации ВОЗ был исключен из МКБ-10, «так как его применение подразумевает, что психологический фактор не играет никакой роли в возникновении, течении или исходе всех остальных болезней». Сегодня термин психосоматический замещается терминами «психофизиологический», «биобихевиоральный» и «биопсихосоциальный».

Начало заболевания провоцируется такими психическими факторами как психическая травма, эмоциональный стресс, действие которых может быть кратковременным (смерть близкого человека, депрессия) или длительным (конфликты в семье). Со стрессовой ситуацией связано как начало заболевания, так и любое обострение/ рецидив болезни.Течение заболевания может зависеть от пола и стадии полового созревания. Психосоматические расстройства обычно протекают фазно, их обострения в той или иной степени носят сезонный характер.

Дети с хроническими заболеваниями чаще, чем здоровые, страдают эмоциональными расстройствами. Подобная ситуация – тяжелая психическая травма для ребенка и для всей семьи. Психологическая реакция больного и членов семьи проходит ряд стадий:1) шок и неверие (наблюдаются регрессивное поведение, необоснованные страхи, отрицание болезни); 2) протест и страдание (возможны чувство вины, депрессия, гнев, печаль, оплакивание утраченного здоровья). Дети младшего возраста нередко воспринимают болезнь как наказание за плохое поведение, ожесточаются при столкновении с вызванными ею ограничениями или лечением. Подростки боятся стать беспомощными или «не такими, как все», винят родителей или врачей;

3) восстановление (ребенок смиряется с ограничениями, которые вызывает заболевание, нормализуются поведение и взаимоотношения с окружающими; появляется вера в свои силы); 4) отрицание болезни сочетается с построением планов на будущее.

Одним из факторов, воздействующих на возникновение и протекание психосоматических заболеваний ребенка, является отношение к нему его родителей. Само рождение может играть определенную роль: появление малыша и уход за ним в первые месяцы сопряжены с долей родительской неуверенности и тревожности, что передается ребенку(Крейслер Л.,1995). В младшем возрасте ребенок склонен ощущать себя центром происходящего, не может взглянуть на себя со стороны. Иногда эта особенность стает причиной возникновения психосоматических заболеваний ребенка (в ситуации развода он может прийти к выводу, что отец ушел из семьи из-за его плохого поведения, развивается чувство вины). На отношение родителей к болезни ребенка влияют на состояние их собственного здоровья, страх перед последствиями обострений, убежденность родителей в своих знаниях о конкретном заболевании. Отношение к болезни ребенка сказывается и на отношении к его личности, и на взаимоотношениях в семье. К частным случаям нарушенных семейных отношений относится недостаток эмоционального тепла со стороны одного из родителей во время вербального или невербального общения(Михеева А.А., 2005, Николаева В.В., 2002). Если один из родителей обращается к ребенку отстраненным или бесчувственным тоном, не проявляя интереса к тому, чем он занимается, не сопереживая его трудностям, редко поощряя и одобряя, риск развития заболевания у ребенка повышается. Недопустимо, если детское поведение, связанное с переживаниями, всегда встречается родителем с раздражением, к словам детей не прислушиваются, их мнение игнорируется.

Еще одна опасность – это непоследовательность родителей (непостоянных, чье поведение трудно предвидеть), и поэтому дети менее склонны раскрывать свои чувства. Ребенок, не имеющий возможности выйти из ситуациибез потери в самоуважении, ищет косвенные пути, иногда посредством болезни. Нарушение эмоционального состояния ребенка, его плохое поведение, а тем более психосоматическое заболевание часто является симптомом других семейных болезней. Супружеские и собственные проблемы взрослого – не только «личное» родителей, но важный фактор развития личности ребенка.

Диабет – неизлечимое пока еще заболевание, часто приводящее к тяжелым осложнениям и инвалидности ребенка, требующее особой системы инсулинотерапии, режима питания и отдыха, значительно ограничивающее жизнедеятельность ребенка. Такие дети нуждаются не только в дополнительной заботе во время учебных занятий, но и в реабилитации и интеграции их в окружающую среду(Исаев Д.Н., 1996).

Психогенное влияние болезни выражается в психологической реакции на заболевание, его последствия, в изменении личности в ходе болезни («внутренняя картина болезни»). Для личности больных юношеским диабетом характерны шизоидные черты: непоследовательность и нерешительность, негативная или очень избирательная реакция на трудности; признаки социальной тревоги и слабости Эго, предрасположенность к циклотимным и параноидным реакциям. Больные диабетом испытывают чувство незащищенности и эмоциональной заброшенности, сильное желание заботы о себе, они активно ищут зависимости от других; чувствительны к отказам в удовлетворении оральных желаний, проявляют амбивалентные тенденции: тревоги, беспокойства, страха, с одной стороны, и стремления к покою и защищенности – с другой(Вейн А.М.,1991).

Наше исследование проводилось в отделении эндокринологии ГБУЗ «Детская краевая клиническая больница» г. Краснодара, в период с ноября по апрель 2012г. Выборка включала 40 человек, из них 20 детей с диагнозом сахарный диабет I-типа, в возрасте от 11-16 лет (7 девочек и 13 мальчиков), а так же их родители – 20 матерей.Среди семей: неполных – 9, полных – 11. Стаж болезни детей варьирует от 3 до 11 лет.Для психодиагностики были отобраны методики: с участием детей и родителей – тесты Г. Ю. Айзенка «Определение темперамента личности» и «Анализ семейной тревоги»; участие только родителей предполагали методики «PARI» (Е.С. Шефер и Р.К. Белл) и «Родительское сочинение»; среди детей отдельно проводилась проективная методика «Рисунок семьи».

По методике Айзенка (EPI) установлено, что среди родителей преобладающий тип темперамента – холерик 60% (отличаются нестабильностью, неуравновешенностью нервно-психических процессов, эмоциональной неустойчивостью, легковозбудимы, характерна изменчивость настроения). 20% родителей – меланхолики, еще 15% – сангвиники, а 5% – флегматики. Среди детей 45% имеют темперамент холерика. Относительно заболевания можно сказать, что они в состоянии осознавать факт своей болезни и принять её, могут с энтузиазмом начать контролировать состояние, педантично выполняя предписания врачей, однако с течением времени ежедневный контроль их утомляет. Через время их самочувствие ухудшается. 40% опрошенных детей – сангвиники; это самый подходящий психологический тип для благоприятного контроля сахарного диабета. С такими пациентами легко и врачам и родственникам, ведь оптимизм и пессимизм сбалансированы. 10% опрошенных детей – меланхолики, а 5% – флегматики.

Согласно результатам методики «АСТ», среди родителей 55% имеют повышенный уровень семейно-обусловленной нервно-психической напряженности, чувство неудовлетворенности семейной жизнью, склонность к волнениям и негативным переживаниям, озабоченность семейными делами, необходимость сдерживать проявление отрицательных эмоций. Напряженность в выборке детей отмечена у 50%. В 50% семей с точки зрения родителей присутствует тревожность: эти родители не способны вмешаться в ход событий в семье, направлять его в нужном направлении. Показатель тревожности в группе детей ниже – 40%. 15% опрошенных матерей и 20% детей чувствуют вину в отношении неудач, которые возникают в их семье. Общий показатель АСТ родителей – 15%, детей – 25%. Можно предположить, что общая семейная тревога связана с психосоматическим заболеванием ребёнка.

В методике «PARI» участвовали 20 матерей. Установлено, что в 60% семей присутствуют конфликты; в 55% повышен авторитет родителя; повышена раздражительность у 55% родителей; партнерские отношения между родителем и ребенком развиты слабо в 45% случаев, чрезмерная забота диагностирована у 50% родителей. Необходимо помнить, что именно матери более активны в процессе воспитания детей, они являются основными проводниками стиля детско-родительских отношений.

В ходе работы с матерями также были проанализированы 20 родительских сочинений. Выявлены пять групп испытуемых, различающихся по типам взаимодействия родителя и ребенка: конфликтный, гармоничный, дистантный и доминантный (либо «доминирующий родитель – покорный ребенок», либо «доминирующий ребенок – потворствующий родитель») виды. Среди выборки преобладает доминантный тип взаимодействия, в котором лидирующая роль отводится родителю (50%); мать отмечает в ребенке большую зрелость, по сравнению со сверстниками. Достаточно распространенным оказался конфликтный тип взаимодействия (25%) – родители больше ориентированы на внешние особенности ребёнка, на его физическую активность, внешность, особенности общения. К сожалению, лишь 10% респонденток обнаружили гармоничный тип взаимодействия, когда преобладает ориентация на положительные личностные качества ребенка, а важное качество ребенка – «доброта». В 10% семей доминирует ребенок, у него хорошо развиты коммуникативные и волевые качества, речевая активность и любознательность. Дистантный тип взаимодействия отмечен у 5% (амбивалентное отношение к качествам ребенка, родителям важна его самостоятельность).

Характер опасений родителей и восприятие причин трудностей во взаимодействии с ребенком также различаются. При конфликтном типе родителей беспокоит физическое благополучие и непослушание ребенка с негативными эмоциональными проявлениями. Доминирующий родитель опасается, что его ребенок может попасть под чужое влияние. Подчиняющийся родитель говорит об опасениях, связанных с личностным развитием ребенка (часто упоминается «эгоизм») и о своем неумении воздействовать на ребенка. В целом, методика «Родительское сочинение» в форме неоконченных предложений позволила выявить такие особенности родительской позиции как особенности образа ребенка; характер эмоционального принятия ребенка родителем и отношение к нему; когнитивный образ и переживание родителем характера своего взаимодействия с ребенком. Использование этой методики позволило получить описание родительского видения проблем и трудностей в развитии ребенка, выявить зоны конфликтности и

общности в родительско-детских отношениях, определить особенности типа семейного воспитания, а также собрать анамнез, отражающий историю развития ребенка, его заболевания, выявить некоторые личностные особенности родителя.

В результате анализа детских рисунков «Моя семья» получены следующие результаты: в 15 семьях присутствуют нарушения детско-родительских отношений, в 5 семьях таких нарушений не наблюдается. Некоторые результаты расходятся с итогами опроса родителей по данной проблеме. Это отражает специфичность восприятия семейных отношений детьми в ситуации тяжелой болезни.

Коэффициент корреляции Пирсона позволил выявить связи между показателями всех методик. Существует сильная корреляционная связь между длительностью заболевания ребёнка и семейными конфликтами (r=0,45), а также тревожностью родителя (r=0,47). Постоянные стрессы в семье осложняют психическое состояние ребёнка, что пагубно влияет на его психосоматическое состояние в целом. Уровень нейротизма матери влияет на уровень интроверсии (r=-0,55) и экстраверсии (r=0,57) ребёнка: возбудимость, тревожность родителя предполагает тенденцию ребёнка проявлять импульсивность, возбудимость, направленность во вне. Сверхавторитет родителя связан с восприятием общего уровня семейной тревоги у ребёнка (r=0,43). Кроме того, чем больше раздражительность родителя, тем сильнее тревожность у ребенка (r=0,45). Чрезмерное вмешательство родителей в мир ребенка влияет на его психологическое напряжение (r=0,4). Таким образом, можно обоснованно говорить о том, что существует взаимосвязь между психосоматическим заболеванием ребёнка и отношениями в его семье. Нарушения детско-родительских отношений ослабляют психологическое, а вслед за этим соматическое здоровье ребенка. Ситуация болезни ребенка накладывает определенный отпечаток на происходящие в семье психологические процессы.

Намибыли проведены занятия для детей, болеющих сахарным диабетом, и их родителей по программе «Диабет – образ жизни»: всего 7 занятий длительностью 30-50 минут. За время общения с детьми с диагнозом «сахарный диабет» стало ясно, что болезнь заставляет ребенка развивать самодисциплину, самоорганизованность, целеустремленность, активность, чего порой не могут в себе воспитать многие здоровые люди. Психотерапия психосоматических расстройств у детей и подростков, в частности, сахарного диабета, часто предполагает сочетание индивидуальной работы с семейнойпсихотерапией, направленной на изменение взаимоотношений, складывающихся в семье, и, как выяснено, связанных с болезнью, лечением и социальным восстановлением больного. Эффективными являются суггестивная психотерапия в форме внушения и психической саморегуляции (в т.ч. «материнский гипноз»), рациональная, поведенческая (бихевиоральная), игроваяпсихотерапия, сказкотерапия, арттерапия**,** музыкотерапия,имаготерапия(символ-драма), методы групповой психотерапии, психоанализ(Асимон Г., 2002, Пезешкиан Н.,1996).

Материалы исследования могут быть использованы в лечебных учреждениях, в психологических центрах при работе с родителями и детьми. Если у родителей больного ребенка сохранится желание всмотреться, вчувствоваться в его мир, если они смогут посмотреть на семью детскими глазами, то они найдут способ, как стать ближе к нему, как помочь разобраться в себе и в том, что происходит вокруг него, и избежать появления заболеваний.

АНАЛИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ В СПРУЖЕСКИХ ПАРАХ

Колокольцева Т.М., Шлыкова Ю.Б.
г. Краснодар
magnoly@mail.ru

Семья является бесспорной общечеловеческой ценностью, транслятором культурного наследия, этических норм и традиций, значение которых в современных условиях возрастает не только для каждой отдельной личности, но и для общества в целом.

Одним из базовых условий создания целостного полноценного образа семьи является способность сохранять в памяти моменты взаимодействия супругов между собой, как в значимых ситуациях, так и в обыденной жизни, а также взаимодействие семьи, как устойчивой еди-

ницы, с существующим внешним окружением. Такую функцию для личности выполняет автобиографическая память.

Исследования автобиографических воспоминаний супружеских пар дают возможность выявить движущие силы создания и развития семьи, базисные основы построения взаимоотношений в молодых семьях, а также возможные причины неудовлетворенности браком и способы их устранения.

Перед исследователями была поставлена цель – изучить субъективные представления супругов о семейных отношениях через анализ автобиографических воспоминаний.

Для проведения исследования были выбраны 12 супружеских пар. Тематический анализ содержания автобиографических воспоминаний супружеских пар позволил нам выявить общие тенденции и отличия в подаче автобиографического материала мужчинами и женщинами, согласованность воспоминаний супругов каждой пары, определить ведущие темы в воспоминаниях супругов различной возрастной категории, центрированность автобиографических воспоминаний на конкретных жизненных событиях.

При анализе автобиографических текстов нами использовался ряд структурно-содержательных критериев: наличие и валентность эмоциональной оценки события, наличие «я– мы-ситуаций», активность персонажей и другие (Шлыкова Ю.Б., 2007).

Автобиографические воспоминания супружеской жизни у мужчин и женщин структурно различаются. Рассказы женщин более красноречивы и эмоционально насыщены. В них часто встречаются описательные характеристики (*«Весь свадебный антураж запомнился, платье, церемония (я рыдала от чувств), поздравления, почему-то еще танец с папой. Было ощущение, что свадьба все меняет, что теперь мы семья навсегда, и было очень сильное чувство любви…»*). Ответы большинства мужчин-респондентов кратки, сжаты, но при этом более информативны. Эмоциональный компонент, как правило, отсутствует.

Многие мужчины старались игнорировать вопросы, стимулирующие негативные воспоминания (*Можете ли Вы вспомнить ссору с Вашей супругой*). В исследуемой выборке можно отметить равнозначную ориентацию на «я-» и «мы-ситуацию» у большей части женщин. Наличие «я-» и «мы-ситуации» в браке свидетельствует о том, что женщина стремится к установлению прочных взаимных связей с супругом. Ведущая роль «мы-ситуации», (*«Как мы ждали второго сына, сделали ремонт…», «Свадьба – мы очень долго шли к этому моменту…»*) выявляет тенденцию к полному слиянию с партнером. Интересным является тот факт, что несколько респондентов-женщин, в воспоминаниях которых преобладает «я-ситуация», при стимулировании негативных событий используют «мы-ситуацию». Это может свидетельствовать о повышении включенности человека в отношения в неблагоприятных для отношений условиях, проявлении желания защитить себя, объединиться с супругом и разделить ответственность при возникновении сложных жизненных ситуаций. В автобиографических текстах супружеской жизни респондентов-мужчин преобладает «я-ситуация», которая отражает пониженную включенность в отношения. Например, на вопрос об особенностях дня бракосочетания были получены ответы: *«Интересное мероприятие, все хвалили»*, *«Суета, застолье, гости, музыканты»*, *«День был веселый, но тяжелый и долгий, но приятный»*.

Большинство пар выборки показали согласованность ведущих событий супружеской жизни. Супружеские пары, воспитывающие детей, главным событием своей жизни отмечают рождение ребенка. Респонденты с большим стажем супружеской жизни помимо рождения детей важными и знаковыми событиями признают и другие существенные события (покупка жилья, смена места жительства и прочее), оценивая свое супружество уже с высоты прожитых лет.

В исследовании присутствуют супружеские союзы, воспоминания которых не согласуются. Наличие знаковых событий в таких парах представлено одинаковыми воспоминаниями партнеров, однако, яркость, важность и порядок их представления существенно разнится. Удовлетворенность браком таких пар находится на невысоком уровне.

Опираясь на приведенные результаты можно сказать, что в начальный период супружеской жизни на первый план выступают воспоминания «красивых» событий, таких как свадьба, праздники (новый год, день рождения, годовщина свадьбы), в то время как пары с существен-

ным стажем совместной жизни в своих ответах отмечают более «практичные» события, такие как покупка жилья, переезды и прочее. Значимость появления детей в паре не зависит от возраста супругов и находится на высоком уровне, получая преимущество среди прочих других событий.

Проведенное исследование подтверждает высокую значимость воспоминаний супругов для благополучной совместной жизни. В ходе исследования также было выявлено, что качество, направленность и эмоциональная окраска воспоминаний во многом определяется нынешнем состоянием человека в супружеской диаде, его удовлетворенностью брачными отношениями.

Почти в каждом браке наступают моменты, когда один или оба супруга ставят под сомнение правильность своего выбора. В этом случае не последнюю роль играют воспоминания о совместно прожитой жизни, о важных и счастливых днях, о том, как были преодолены жизненные трудности. Вспоминая яркие чувства, человек проживает их заново.

СТРАТЕГИИ САМОПРЕДЪЯВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ПРИВАТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕЕ СО-БЫТИЯ

Косивченко Е.И.
г. Краснодар
kosivchenko_e@bk.ru

Проблематику взаимосвязи особенностей поведения и стратегий самопредъявления личности в мировой паутине мы избрали, в первую очередь, по причине ее большой практической значимости в мире современной коммуникации, в котором активно завоевывают новые позиции именно виртуальные способы коммуникации. *Актуальность* изучаемой темы очевидна в связи с активной трансформацией мировой виртуальной сети из информационной среды в пространство, в котором все приспособлено для реализации собственной идентичности пользователем и поиска способов самоидентификации и самопредъявления. Виртуальные социальные сети в перечне наиболее удобных и доступных для этого платформ занимают одну из ведущих позиций. Юноши и девушки, являющиеся участниками виртуального взаимодействия, выбирают те стратегии самопредъявления, которые продиктованы особенностями направлениях их межличностного поведения и которые в максимальной степени способны вызывать желаемую реакцию окружающих.

Существует несколько толкований понятия «самопредъявление». На наш взгляд наиболее всеобъемлющим является определение, данное И.П. Шкуратовой, и описывающее самопредъявление как совокупность всех действий человека с целью создания определенного образа в глазах аудитории, в качестве которой может выступать как отдельный человек, так и группа людей (Шкуратова И.П., 2009).

Проведенное нами исследование, ставшее основой данной статьи, базировалось на классификации стратегий самопредъявления личности, предложенной Шкуратовой И.П.. Данная классификация представляет собой дополненную классификацию Э.Джонса и Т. Питтмана (Jones E.E., Pittman T.S., 1982):

Стремление понравиться – инграциация (власть обаяния).

Самопродвижение – демонстрация компетентности (власть эксперта).

Примерность – стремление служить примером для других людей (власть наставника).

Запугивание – демонстрация силы, которая заставляет окружающих подчиняться (власть страха).

Демонстрация слабости и мольба – обязывает окружающих оказать помощь (власть сострадания).

Стратегия отслеживания производимого впечатления, отражающая, насколько человек склонен отслеживать реакцию окружения, когда он стремится производить определенное впечатление, и больше контролирует как собственное поведение, так и ответные реакции партнеров.

Стратегия вариативности поведения, проявляющаяся в способности предъявлять разные образы в разных ситуациях межличностного взаимодействия (Шкуратова И.П., 2009).

Очевидно, что стратегии поведения, избираемые личностью, уходят корнями в особенности ее межличностной ориентации как в реальном, так и в виртуальном поле со-бытия. Мы предположили, что в пространстве виртуального со-бытия личности, в частности на страницах социальных сетей, юноши и девушки чаще всего прибегают к стратегиям «вариативность поведения» и «отслеживание производимого впечатления», которые в максимальной степени отражают их ожидания от окружающих и от коммуникации в целом. В меньшей степени пользователи социальных сетей действуют в соответствии со стратегиями «запугивание» и «стремление понравиться».

В работе была использована авторская анкета, а также блок следующих методик: методика FIRO-B, разработанная У.Шутцем (в адаптации А.А. Рукавишникова «Опросник межличностных отношений»), с целью выявления особенности направлений межличностного поведения пользователей социальных сетей и характера их межличностной ориентации; опросник «Стратегии самопредъявления личности», разработанный Шкуратовой И.П. с целью выяснить, какие стратегии используют в своем межличностном взаимодействии пользователи социальных сетей; проблему приватности личности в виртуальном пространстве со-бытия мы исследовали с помощью наблюдения и беседы.

В исследовании приняли участие 70 человек в возрасте от 19 до 25 лет, из них 25 юношей и 45 девушек. Для обработки результатов мы разделили выборку на 2 группы в соответствие с полом испытуемых, и сравнили показатели девушек и юношей в рассматриваемой возрастной категории: *мужчины в возрасте 19-25 лет* (средний возраст группы – 20,3 года); *женщины в возрасте 19-24 года* (средний возраст группы – 19,3 года).

Представляя результаты анализа данных опросника FIRO-B У. Шутца, можно отметить наиболее яркие показатели.

Обе изучаемые группы дали статистически значимые различия результатов и высокие средние показатели по шкале выраженного поведения в области включения (Ie) и низкие по шкале требуемого поведения в области включения (Iw): *юноши* – Ie – m = 5,16, Iw – m = 4,16; *девушки* Ie – m=5,13, Iw – m=4,13. При этом юноши показали значимые различия больше ($p<0,005$), чем группа девушек ($p<0,001$). Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки и юноши стремятся к вовлеченности и причастности к чужой жизни, установлению контактов. В меньшей степени они ожидают вовлечения со стороны своего окружения, предпочитая самостоятельно выбирать партнеров для создания и поддержания психологически приемлемых отношений, а так же иметь возможность по собственному желанию эти отношения прерывать. Испытуемые проявляют желание нравиться, привлекать внимание, вызывать интерес, стремятся быть индивидуальностью, быть замеченными.

По шкалам выраженного поведения в области контроля (Ce) и требуемого поведения в области контроля (Cw) группа испытуемых юношей дала показатели ниже, чем группа девушек: *юноши* – Ce – m=5,12, Cw – m=3,32; *девушки* Ce – m=5,73, Cw – m=3,53. Уровень значимости критерия по шкалам Ce – Cw в группе юношей ($p<0,01$) больше, чем в группе девушек ($p<0,0005$). Такие результаты свидетельствуют о том, что юноши в меньшей степени готовы считаться с контролем, чем девушки. При этом стремление к контролированию, желание иметь определенный авторитет и влиять на мнения и поведение окружающих у девушек значительно выше, чем у юношей, при аналогичном стремлении избавиться от доминирования и контроля со стороны окружения.

В области выраженного (Ae) и требуемого (Aw) поведения в области аффекта исследуемые группы дали следующие результаты: *юноши* – Ae – m=2,96, Aw – m=4,48; *девушки* Ae – m=3,76, Aw – m=4,33. При этом группы девушек и юношей получили статистически значимые различия по рассматриваемой паре шкал ($p<0,05$). Результат показал, что у девушек собственная направленность в области аффективности выше, чем у юношей, т.е. они в большей мере, чем юноши готовы проявлять симпатию. Так же девушки меньше акцентированы на принятии других, они не стремятся к кому-либо сильно эмоционально привязываться. Юноши, в свою очередь не стремятся проявлять к кому-либо симпатию, но желают получать ее от окружающих.

Таким образом, можно сказать, что девушки и юноши высоко ориентированы на коммуникацию и на чувство сопричастности. Но со стороны своего окружения они не ждут включенности в той же степени, предпочитая самостоятельно выбирать с кем создавать и поддерживать отношения. Девушки стремятся чувствовать себя привлекательными, вызывать симпатию и интерес, удовлетворяя ориентированность на себе. Их собственная направленность в области аффективности выше, что выявляет стремление проявлять знаки внимания. Одновременно с тем они не готовы к кому-либо эмоционально привязываться, а также не желают считаться с контролем со стороны окружающих. Юноши не стремятся проявлять симпатию так, как девушки, желая получать ее от других, таким образом самоутверждаясь. Юноши готовы испытывать причастность к чужой жизни, но при этом самостоятельно выбирать тех, с кем устанавливать контакты, избегая контроля и влияния.

В монографии Шкуратовой И.П. отмечено, что пол и гендер непосредственно влияют на выбор предпочитаемых тактик и стратегий самопредъявления, из чего следует, что мужчины и женщины склонны по-разному использовать средства самопредъявления (Шкуратова И.П., 2009). Результаты по методике И.П. Шкуратовой «Стратегии самопредъявления» подтвердили выдвинутые нами гипотезы. Стало очевидно, что юноши и девушки в меньшей степени склонны применять в общении стратегию *демонстрации слабости*. Средние значения юношей ($m = 2,56$) и девушек ($m = 3,91$) ниже нормы. Вместе с тем, следует отметить, что девушки дали высокое статистически значимое различие значений ($p < 0,05$) по рассматриваемой шкале, что говорит о свойственной им склонности к стратегии демонстрации слабости с целью вызвать у людей чувство сострадания и обязать их оказать помощь.

Средние данные по шкале стратегии *вариативности поведения* показали, что девушкам ($m = 8,93$) в большей степени, чем юношам ($m=7,28$), свойственно применять данную стратегию в общении.

Испытуемые девушки дали большее статистически значимое различие ($p < 0,05$), свидетельствующее об их выраженной склонности использовать различные образы в ходе коммуникации. Это, с одной стороны, может выявлять способность испытуемых подстраиваться к обстоятельствам и окружению, проявляя те качества, которые могут способствовать избеганию конфликтных ситуаций. С другой, можно предположить, что испытуемым свойственна неискренность в поведении, проявляющаяся в демонстрации социально одобряемого и желаемого поведения, соответствующего представлениям социума о правильном поведении представителей данного пола.

Так же высокие значения были получены по шкале «отслеживание производимого впечатления». Статистически значимых различий между девушками и юношами получено не было. Средние значения в группах девушек ($m = 8,71$) и юношей ($m = 7,84$) значительно выше номы, и свидетельствуют о том, что первые больше склонны отслеживать реакцию окружения, стремясь производить определенное впечатление на него. И юношам, и девушкам свойственно контролирование собственного поведения и ответных реакций партнеров, избегая тем самым нежелательных реакций.

Делая выводы из проведенных методик, можно утверждать, что выбор стратегий самопредъявления в пространстве виртуального со-бытия личности связан с особенностями направлений межличностного поведения юношей и девушек.

Девушки, нацеленные на симпатию и принятие виртуального окружения, соответственно, выбирают стратегию вариативности самопредъявления, тактики их поведения изначально ориентированы на одобрение. Контролирование производимого на социальное виртуальное окружение эффекта позволяет им подтверждать и утверждать свой образ, корректируя его в дальнейшем и ориентируясь в поведении на степень его удовлетворительности для них.

Юноши в силу неуверенности в себе склонны подстраиваться к предлагаемым окружающими условиям, предъявляя такой образ и поведение, которые будут одобрены. Можно предположить, что на это оказывает влияние выбор пола объекта, воспринимающего их образ в сети, т.е. девушек. Выявлено стремление юношей избежать конфликт, непонимание, неодобрение и отказ. Отслеживая производимое в социальной сети впечатление, они стремятся оценить сте-

пень их принятия, проявляя тем самым желание налаживать благоприятные контакты, самоутверждаясь в социуме.

В результате определения стратегий самопредъявления, избираемых пользователем в виртуальном пространстве его со-бытия, для нас стало возможным определить отношение пользователей к проблематике собственной приватности в социальной сети. Для изучения проблемы приватности в мировой сети нами были проведены беседы с несколькими респондентами изучаемых групп, в числе которых 10 юношей и 13 девушек. Беседы непосредственно касались отношения респондентов к личному пространству в социальной сети.

Большинство девушек и юношей (67%) отметили, что социальные сети создают только видимость приватности личности. Причинами отсутствия приватности назывались: ненадежность защиты личной страницы и информации как со стороны пользователя (слишком простые пароли), так и со стороны самого сервиса (отсутствие надежной защиты от взломов страниц) – 45% ответов; невнимательность пользователя к своей личной, частной информации, предназначенной для узкого круга пользователей или для себя лично, и легкомысленное размещение ее на сайте без соответствующих настроек приватности (43%); присутствие на сайте «любопытных» людей, проявляющих особый интерес к конкретному пользователю и умышленно выискивающих частную информацию о нем (3%); 2% респондентов отметили само присутствие человека в социальной сети добровольным нарушением собственной приватности и сохранности личной информации (при этом они сами были и остаются пользователями социальных сетей).

Так же прозвучало мнение, не лишенное правдивости, что довольно много пользователей умышленно демонстрируют свою личную жизнь в сети – публикуют фотографии, стараясь «вызвать зависть» других пользователей, часто меняют «семейное положение», ставят вызывающие статусы, демонстрируя как положительные, так и отрицательные моменты своей жизни, открыто конфликтуют и «выясняют отношения» с другими пользователями (6%). Таким поведением они стремятся показать «многообразие и неординарность их жизни, чего лишены другие пользователи». Нередко образ таких пользователей окрашен скандальностью и агрессивностью.

Можно предположить, что в основном они избирают две стратегии самопредъявления в социальной сети. Стратегию «стремление понравиться», демонстрируя позитивные стороны своей жизни и себя в лучшем свете и стратегию «демонстрация слабости и мольба», демонстрируя негативные стороны своей жизни и ожидая получить от окружения поддержку и сострадание и в тоже время восхищение способностью «сильной личности» справиться с тяжелой ситуацией.

Девушки чаще, чем юноши отмечали желание делиться своим душевным состоянием с виртуальным окружением, не скрывать своих личных отношений (32% девушек и 10% юношей). В ходе беседы было подтверждено стремление девушек и юношей отслеживать производимое впечатление – для них важны и интересны восприятия их образа другими пользователями. В этом признались 17% девушек и 12% юношей.

Возможно, таким поведением они, с одной стороны, восполняют отсутствие внимания к их личности в реальной жизни, с другой стороны, стараются в виртуальном поле со-бытия поддерживать образ, уже сформированный ими в реальном поле. Это мнение подтверждает тот факт, что чаще всего в социальной сети в качестве друзей пользователя выступают друзья из его реальной жизни (с этим согласились 25% опрощенных). Из вышесказанного следует отметить, что выявленная вариативность поведения в социальной сети раскрывает отношение пользователей и к проблематике приватности.

Пользователи стараются дифференцировать (или, напротив, *не* дифференцировать) публикуемую информацию о себе и своих близких, сформировать и поддерживать тот образ в сети, который их устраивал бы в большей степени, поскольку, как было отмечено одним из респондентов, «это гораздо проще, чем найти свое реальное Я и быть собой в реале». Можно предположить, что благодаря активной коммуникации и выбору оптимальных стратегий самопредъявления в пространстве социальной сети личность, с одной стороны, избегает сложностей поиска собственной идентичности в реальном пространстве со-бытия, вместо этого активно позиционируя себя в сети. С другой стороны, имея «поддержку» своего виртуального образа, который

он «настраивает» с помощью манипулирования личной информацией, установления или разрушения границ доступа к себе в сети и выбора подходящих стратегий самопредъявления, пользователю становится легче и в реальном пространстве со-бытия сформировать и поддерживать удовлетворительный для него образ и форму поведения.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕН И МУЖЕЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИ СОВМЕСТИМЫХ И НЕСОВМЕСТИМЫХ СУПРУЖЕСКИХ ПАРАХ

Курочкина В.Е.
г. Краснодар
kve7@rambler.ru

В последние два десятилетия интенсивные трансформационные процессы, происходящие в современном российском обществе, оказывают неоднозначное влияние на развитие института семьи, повышают индивидуализацию членов семьи, приводя к демократизации внутрисемейных отношений, и, что парадоксально – к увеличению количества разводов. Сложившаяся ситуация приводит к оформлению социального запроса к психологической науке и консультативной практике на изучение проблемы психологической совместимости супругов.

В зарубежной психологии изучением совместимости занимались Д. Винч, К. Дэвис, Е. Келли, М. Керкхоф, Л. Розенфельд, У. Олтмен, В. Сатир, М. Снайдер, К. Франсен, Дж. Хейли, Д. Хейторн, В. Шоу, К. Шутц. Исследуя супружеские пары, Д. Винч выдвинул гипотезу о комплементарности (дополнительности) потребностей, на которой основывается совместимость. Е. Келли исследовал помолвленные пары на сходство ценностных ориентаций, интересов и социальных установок в диаде. Значимых различий выявлено не было. Д. Кейрси в процессе длительного консультирования супружеских пар пришел к выводу о том, что люди чаще всего вступают в брак с партнерами противоположного психического склада. У. Олтмен и Д. Хейторн проводили свои эксперименты в исследовательском центре американских ВМС на диадах, которые находились в условиях десятидневной социальной изоляции, в результате ими было выявлено, что совместимые диады сходны по догматизму, потребностям в достижении и аффилиации (дружелюбию) и различны по потребности в доминировании.

Проведенный анализ литературных источников показал, что для зарубежных исследований характерно рассмотрение совместимости во многих сферах деятельности, но при этом не выявлены четкие психологические характеристики совместимости супругов.

Подъем интереса к изучению супружеских отношений, а также психологической совместимости супругов в отечественной психологии наблюдается в 80-90-е годы прошлого века. В отечественной психологии проблемой совместимости в этот период занимались Н.Н. и А.Н. Обозовы, Л.Р. Кричевский, А.Н. Волкова, Ю.Н. Олейник, В.В. Столин и др.

Авторы выделяют несколько уровней анализа совместимости**:** физиологический; психофизиологический; психологический; социально-психологический; социологический. Физиологическая совместимость связана с половыми и возрастными особенностями индивида. Психофизиологический уровень основывается на темпераменте, эмоциональности, реактивности и др. Социально-психологический уровень предполагает согласование интересов, межличностных статусов, ценностных ориентации и целей членов диады. Социологическая совместимость обусловлена общностью образования и профессии людей. Психологический уровень совместимости предполагает совмещение характеров, потребностей, мотивов поведения и др. Совместимые партнеры, как правило, характеризуются подобием одних и контрастом других личностных черт.

Исследованиевзаимосвязиуровняинтеллектаисовместимостипроводилось Н.Н. Обозовым (Обозов Н.Н., 2000) надружескихи взаимоотвергающих парах. Обнаружена тенденция к наибольшей частоте взаимных отвержений лиц, имеющих одинаково высокий вербальный интеллект. Среди дружащих партнеров большой процент лиц имеют «подобие» и высокие показатели невербального интеллекта. Кроме того, взаимоприемлемые пары чаще, чем взаимоотвергающие, имеют контрастное сочетание по невербальному интеллекту.

Ю.Н. Олейник (Олейник Ю.Н., 1996), исследуя супружескую совместимость, исходил из модели многоуровневой структуры семейно-брачных отношений. Он говорил о совместимостисупруговнакаждомизуровней, т.е., о психофизиологической, психологической, социально-психологическойисоциокультурной совместимости. В результате исследования была выявлена значимая корреляция между сходством характеров партнеров и женской осведомленностью о муже, как у вступающих в брак, так и у состоящих в браке; между психологической удовлетворенностью браком и сходством характеров у вступающих в брак. Подобной связи у состоящих в браке не выявлено.

Значительный вклад в исследование совместимости и удовлетворенность браком партнеров внесли труды Л.Н. Собчик (Собчик Л.Н., 2005), разработавшей теорию ведущих тенденций, основанную на представлении о неразрывном взаимовлиянии биологического и социального факторов на развитие и реализацию личности на протяжении всех этапов ее жизнедеятельности.Л.Н. Собчик проведен анализ возможного влияния индивидуально-типологических особенностей на совместимость брачных партнеров.

В целом, анализ проведенных исследований показал, что психологическая совместимость супругов рассматривается авторами как эффект сочетания и взаимодействия индивидов, который характеризуется максимальной удовлетворенностью партнеров друг другом при значительных эмоционально-энергетических затратах.

Супружеская совместимость раскрывается в аспектах духовной совместимости (характеризует согласованность установок, ценностных ориентаций, потребностей, интересов, взглядов); персональной совместимости (характеризует соответствие, дополнительность свойств темперамента, характера, индивидуально-типологических особенностей, эмоционально-волевой сферы); семейно-бытовой совместимости (согласованность представлений о функциях семьи и соответствующем укладе, согласованность ролевых ожиданий и притязаний при реализации этих функций); физиологической совместимости (сексуальная совместимость, удовлетворенность от близости).

Индикаторами наличия совместимости в супружеской паре являются субъективная удовлетворенность супругов друг другом, удовлетворенность браком, согласованность семейных ценностей и ролевая адекватность мужа и жены.

Психологический уровень совместимости предполагает определенное сочетание индивидуально-типологических особенностей супругов. Совместимые партнеры, как правило, характеризуются подобием одних и контрастом других личностных тенденций. Знание индивидуально-типологических особенностей супругов позволяет прогнозировать развитие их дальнейших отношений.

Вместе с тем, проблема психологической совместимости нуждается в дальнейших теоретико-эмпирических исследованиях, особенно ввиду продолжающихся изменений социальных условий и быта семьи. Существует потребность в выявлении индивидуально-типологических особенностей, типов межличностных отношений, черт характера психологически совместимых и несовместимых супругов.

Исходя из вышеизложенной ситуации, была поставлена цель исследования:изучить индивидуально-типологические особенности жен и мужей в психологически совместимых и несовместимых супружеских парах.

Исследование проводилось на базе консультативного центра (г. Краснодар) при Всероссийском научно-исследовательском центре традиционной народной медицины «ЭНИОМ» (г. Москва), при содействиируководителя консультативного центра В.Н. Сененковой.

В исследовании принимали участие 85 супружеских пар со стажем семейной жизни от 1 года до 26 лет. С помощью методик «Удовлетворенность браком» В.В. Столина и методики «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой, был осуществлён подбор двух групп супружеских пар: 44 психологически совместимые супружеские пары, (средний стаж супружеской жизни – 14 лет); 41 психологически несовместимые супружеские пары (средний стаж – 17 лет).

К психологически совместимым были отнесены супружеские пары с высокими показателями удовлетворенности браком, согласованности семейных ценностей, ролевой адекватности

мужа и жены; к психологически несовместимым – с низкими показателями удовлетворенности браком, средними показателями согласованности семейных ценностей, ролевой адекватности мужа и жены.

На следующем этапе исследования в отобранных психологически совестимых и несовместимых супружеских парах изучались индивидуально-типологические особенности и типы межличностных отношений жен и мужей с помощью индивидуально-типологического опросника Л.Н. Собчик и методики диагностики межличностных отношений Т. Лири.

Далее проводился сравнительный анализ, и выявлялись различия (спримененим U-критерия Манна-Уитни)в индивидуально-типологических особенностях и типах межличностных отношений жен и мужей в психологически совместимых и несовместимых супружеских парах.

В результате проведенного исследования по шкалам опросника «Индивидуально-типологические особенности» Л.Н. Собчик выявлены значимые различия между женами и мужьями из совместимых супружеских пар в показателях экстраверсии, агрессивности, сензитивности и эмотивности, из несовместимых супружеских пар – в показателях агрессивности. По показателям шкал «спонтанность», «ригидность», «интроверсия», «тревожность» между женами и мужьями из психологически совместимых и несовместимых супружеских пар значимых различий не выявлено.

Мужья из психологически совместимых супружеских пар являются значимо менее экстравертированными, сензитивными, чем жены. Жены из совместимых супружеских пар являются значимо более эмоциональными, чем мужья. Мужья как из психологически совместимых, так и из психологически несовместимых супружеских пар значимо более агрессивны, чем жены.

Необходимо отметить в целом несколько более высокие показатели спонтанности (стремления к лидерству, самоутверждению), агрессивности, тревожности жен и мужей в психологически несовместимых супружеских парах.

По шкалам опросника диагностики межличностных отношений Т. Лири выявлены значимые различия между женами и мужьями из совместимых супружеских пар в показателях покорности-застенчивости, зависимости-послушности, сотрудничества-дружелюбности и ответственности-великодушия, из несовместимых супружеских пар – властности-лидерства.По показателям шкал «независимость-доминирование», «прямолинейность-агрессивность», «недоверчивость-скептичность» между женами и мужьями из психологически совместимых и несовместимых супружеских пар значимых различий не выявлено

Жены из совместимых супружеских пар являются значимо более покорными (застенчивыми), зависимыми (послушными), дружелюбными, ответственными (великодушными), чем мужья. Жены из психологически несовместимых супружеских пар являются значимо более властными (лидирующими), чем мужья.

Необходимо отметить более высокие показатели властности-лидерства, недоверчивости-скептичности, прямолинейности-агрессивности жен и мужей в психологически несовместимых супружеских парах по сравнению с женами и мужьями из совместимых пар.

Также выявлены более высокие показатели ответственности-великодушия, сотрудничества-дружелюбия жен и мужей, зависимости-послушности и покорности-застенчивости жен в психологически совместимых супружеских парах по сравнению с несовместимыми парами.

В целом в совместимых супружеских парах прослеживается полярность черт: властный и лидирующий муж – зависимая и послушная жена, независимый и доминирующий муж – зависимая послушная жена, недоверчивый и скептический муж – ответственная и великодушная жена, умеренный экстраверт и умеренный интроверт. Подобное соответствие индивидуально-типологических особенностей обеспечивает психологическую совместимость супружеских пар. Менее совместимыми являются супруги со схожими и выраженными индивидуально-типологическими особенностями.

МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛЯЦИИ В СЕМЬЕ В АСПЕКТЕ СО-БЫТИЙНОСТИ[1]

Куфтяк Е.В.
г. Кострома
kuftyak@yandex.ru

Семья представляет собой объединение бытийных пространств супругов (Тиводар А.Р., 2008). Бытие Другого – внешний мир, отличающийся своеобразным стилем регуляции, жизненными ценностями, паттернами взаимодействия. Со-бытие характеризуется созданием единого образа мира; обретением сходства или единства поведенческих паттернов; достижением организмичной синтонности, единства потребностного состояния (Рябикина З.И., 2012). Обретение единства и согласованности в семейном пространстве достигается столкновением двух внешних миров или бытийных пространств, где учёт переживаний Другого, понимание его и подстройка к нему просто необходимы для возникновения общих позиций, согласованности паттернов взаимодействия, совместной регуляции. Именно согласованность в объединении бытийных пространств двух личностей (партнеров) определяет функциональность и жизнедеятельность семьи.

Семья как целостность, испытывает на себе влияние кризисов, связанных с особенностями прохождения жизненных циклов семьи, а также влияние ненормативных кризисов, связанных с понятием жизненного пути семьи (Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М., 2003). Угроза для целостности семьи порождает ее психологическую защитную активность. Семейное совладание выступает ведущим механизмом в психологической защитной активности семьи и понимается как осознанная организация по преодолению трудностей. Совладание определяется нами как реакция на переживаемое внутреннее напряжение одного или нескольких членов семьи либо семейную дисфункциональность, когда семье приходится проявлять необычные усилия – наблюдать, получать новый опыт, определять и предпринимать специальные действия, чтобы вернуться к привычной жизнедеятельности. Совладающее поведение понимается как сложный, динамический процесс личности, внешнего мира и их взаимоотношений.

Одной из форм совладающего поведения является диадический копинг. Диадический копинг понимается как копинговые усилия одного из партнеров, направленные на улучшение и усиление функционирования другого партнера, и их взаимоотношения. Различают несколько форм диадического копинга: общий диадический копинг (оба партнера в равной степени вовлечены в процесс копинга), позитивный поддерживающий диадический копинг (один партнер поддерживает другого в стрессовой ситуации), делегированный диадический копинг (один партнер просит другого взять на себя некоторые его обязанности), негативный диадический копинг подразумевает поддержку, сопровождаемую пренебрежительным отношением, отчуждением, отсутствием интереса и уменьшением серьезности стресса партнера (Bodenmann G., 2005). Диадический копинг имеет влияние на качество партнерских отношений, коммуникации между партнерами и развитие семейных отношений.

В исследовании семей, находящихся на разных этапах жизненного цикла семьи, проведен сравнительный анализ стратегий диадического копинга у супругов. Жены в семьях, ожидающих появления первого ребенка и имеющих ребенка-дошкольника, чаще своих мужей в трудных ситуациях склонны к личному общению в стрессе. Вероятно, выявленные различия связаны с возрастающими на женщину обязанностями по ведению хозяйства и воспитанию ребенка. Обнаружено, что мужья, по сравнению с женами, чаще указывают на поддерживающий диадический копинг партнера в стрессовой ситуации, в семьях, имеющих ребенка подростка и семьях на этапе «опустевшее гнездо». По мнению мужчин, они могут рассчитывать в стрессовой ситуации на понимание и поддержку со стороны жены. Были установлены различия в выборе стратегий диадического копинга с учетом двух факторов: этап жизненного цикла семьи и пола. Установлено, что молодые супруги достоверно чаще используют стратегии диадического копинга, что, вероятно, обусловлено особенностями данного этапа семейного развития: именно в

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-06-00812а).

паре, каждый получает «силу, необходимую для борьбы с социальными и культурными структурами, которые их окружают» (Витакер К., 2008). На этапе формирования семьи оказывается важным получение опыта согласования совместных действий в супружеской паре, выработка стереотипов взаимодействий, формирующих структуру супружеского холона, и действующих стереотипов проявления и разрешения стрессовых ситуаций.

В исследовании диадического копинга в семьях, переживающих в своем развитии ненормативный кризис (ситуации измены, предразводный период, хронический конфликт) было установлено, что супруги реже, по сравнению с супругами из семей «без стрессов», сами оказывают поддержку партнеру и меньше получают от него, чаще обвиняют и отдаляются от партнера. Согласованность действий супругов в разных типах со-бытийного пространства (нормативности – ненормативности) имеет различный характер силы и направленности. В группе семей «без стрессов» отмечена связь делегированного копинга одного из супругов с негативным копингом другого. Так, при разделении супругами ответственности за дела возрастает отдаленность от партнера и его обвинение. В группе семей, переживающих кризис в своем развитии, поддерживающий копинг партнера связан с передачей информации о переживаемом стрессе. Это означает, что оказание поддержки партнеру в стрессовой ситуации способствует более тесному общению партнеров в трудной ситуации, что может рассматриваться в качестве ресурса.

В исследовании совладающего поведения в ситуации нормативного и ненормативного семейного кризиса нами были выделены две разновидности диадического копинга – симметрический и комплементарный диадический копинг. Симметрическое копинг-поведение партнеров выражается в сходном использовании стратегий совладания. При комплементарном поведении супружеской пары один из партнеров находится в более успешной / адаптивной позиции, чем другой.

Выявлено, что симметрический характер согласованности в совладании супругов отмечен в период диадических отношений (этап молодой пары, без детей) – симметричность наблюдается в выборе позитивной стратегии совладания, а в «зрелой семье» (этап семьи с подростком) – симметричность наблюдается в выборе стиля, ориентированного на решение проблем.

Обнаружено, что позитивность мужа компенсирует или конфликтность супруги (на этапе появления ребенка), или ее эгоистичный настрой (на этапе семьи, воспитывающей дошкольника), или уход женщины от трудностей (в семьях, имеющих ребенка-подростка), что свидетельствует о наличии комплементарного копинг-поведения. Так, для сохранения равновесия в супружеской подсистеме муж выполняет «защитную буферизацию», что включает попытки позитивного настроя партнера на преодоление трудностей, готовность взять на себя ответственность за решение проблемы.

Итак, совладающее поведение семьи выступает как механизм действования в ситуациях угрозы нарушения ее целостности. Изменчивость и пластичность совладания обеспечивает целостность семейной системы. Качествами совладания группового (семейного) субъекта выступают: *динамический порядок* выбора стилей совладания – иерархия выбора от индивидуального стиля к совместным копинговым усилиям партнеров; *общность* – направленность копинг-поведения членов семьи на совместное разрешение трудностей; *взаимодействие* – объединение копинг-усилий каждого из членов семьи для достижения общего результата; *согласованность* копинг-усилий членов семьи в достижении общего результата для отдельно взятого члена семьи, так и семьи как целого; значимость копинг-усилий каждого партнера *для благополучия другого партнера* и их *отношений*; *связанность* с социальным контекстом семейной системы.

ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ВНУТРИЛИЧНОСТНАЯ ЭКОЛОГИЯ В СО-БЫТИИ

Литвиненко Т.Н.
г. Краснодар
tatianali2012@yandex.ru

Многогранность процесса социализации помимо обретения социального и культурного опыта включает в себя усвоение культуры человеческих отношений, способности взаимодейст-

вовать с другими людьми и отражается в существовании и реализации бытия личности. Процесс социализации всегда предполагает другого человека: человек своими действиями влияет на другого, составляет компонент человеческого бытия (С.Л. Рубинштейн, 2003).

В идеальном представлении личность, интегрирующая совокупность собственного бытия и утверждающая особенности своего существования как объективную реальность, наделённую субъективным значением, в социальном взаимодействии реализует смысл своей жизни.

В реальности человек создаёт и переустраивает свое бытие, «сталкиваясь с сопротивлением бытия других», создающих своё личное бытие в аналогичном физическом пространстве, но воплощающих иные смыслы (З.И. Рябикина, 2005).

Несоответствие побуждений в со-бытийности или невозможность проявить себя в рамках данной культуры или социальных предписаний может сопровождаться нарушением внутриличностной экологии человека или нарушением экологичности в со-бытии с другими людьми, накоплением личных и социальных проблем.

Реализация не свойственных человеку целей, не понимание собственных смыслов является проявлением неэкзистенциальной позиции с блокированием интереса и инициативы (А. Лэнгле, 2011). Отсутствие творческого подхода к деятельности и жизни указывает на неумение человека регулировать противоречия в усложняющихся условиях окружающего мира, а внутриличностный дисбаланс является следствием нарушения человеческой экзистенции.

Адекватность выражения собственного своеобразия в ходе социализации – сохранение аутентичности, и при этом возможности быть с другими людьми зависит от способности человека к согласованию собственного бытия и возможностей культуры и общества. В том, что потребность в самовыражении – одна из важных для человека (А. Лоуэн, 2008), соглашаются многие авторы (Э. Фромм, А. Маслоу, К. Роджерс, В. Сатир, М. Боуэн, А. Лоуэн и др.), в том числе практической психологии.

Возрастающая трансцендентная позиция, ведущая к пониманию нашей сущности и целостности, возможность отойти от себя на некоторую дистанцию (акцент на объекте/ субъекте взаимодействия): отказ от привычных стереотипов мышления,– соответствует решению творческих задач в искусстве. При изучении психологии искусства и творчества в работах авторов (Р. Арнхейм, Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев, Б.М. Теплов, А.А. Мелик-Пашаев, Н.Л. Нагибина, Г.С. Тарасов и др.) также встречаются такие характеристики как принятие неизвестного, ожидание неопределённого, бессознательную качественную способность к трансформации внутренних побуждений и противоречий. Одними из важных, выраженных особенностей, присущих творческим личностям, являются рефлексия по отношению к миру, установки на самопознание (Г.С. Тарасов, 1992).

Исходя из положений субъектно-бытийного подхода, человек, непрерывно осуществляя самоорганизацию своей психики на разных уровнях её развития, сохраняя свою целостность и индивидуальность, проявляет активность в отношении регуляции своих взаимоотношений с миром. Можно предположить, что экология со-бытия, а в связи с ней и внутриличностная экология зависит от степени согласованности особенностей человека с предлагаемой ему данностью мироустройства, где субъективная активность окрашивается компонентом творческой сути.

Сложность изучения данного предположения состоит в выявлении и описании аспектов творческих проявлений субъектности в качестве регулятора внутриличностной экологии. Основываясь на вышесказанном, творческость в подходе к жизни будет соотноситься с уровнем субъектности: рефлексивностью, трансцендентностью, устойчивостью к неопределённости, конфигурацией защитных механизмов в пользу адаптивных, конструктивными способами совладания.

Так как специфической характеристикой личности по В.Н. Мясищеву является система объективных социальных отношений, в которую включён человек, формирующая его субъективные отношения ко всем сторонам действительности: к самому себе и к окружающему миру (А.А. Бодалёв, 1993), то отношение к жизни в целом и отношения, связанные с социализацией будут рассматриваться в качестве равнозначных.

Для изучения творческой способности человека в организации собственной жизни в процессе социализации было проведено исследование, которое включало в себя опросники: «Шкала экзистенции А. Лэнгле» (методика разработана А. Лэнгле в рамках экзистенциального анализа); «Опросник структуры психологических защит» (вариант тестовой методики М. Бонда в адаптации Е.Е. Туник); «Стратегии совладающего поведения» Л.И. Вассермана; «Толерантность к неопределённости» Т.В. Корниловой. Осознаваемые и неосознаваемые аспекты жизни личности изучались при помощи теста Куна-Макпартленда «Кто Я?», текста самоописания «Составляющие жизни». При обработке данных применялись контент–анализ, качественный и количественный метод обработки: анализ средних значений. В исследовании участвовало 20 человек: мужчины и женщины различных профессий и различного социально-экономического уровня в возрасте от 21 до 66 лет (социализация – непрерывный процесс усвоения и воспроизводства норм).

При анализе полученных данных выяснилось, что чувство экзистенциальной наполненности жизни не является раз и навсегда определённым и может меняться в динамике (выражены различия по возрасту) по мере развития психических и социальных возможностей, накопления позитивного опыта, увеличения жизненного пространства. В целом испытуемые характеризуются повышенным переживанием своих страхов, тревог и забот, неспособностью выйти за пределы ситуации, правильно её понять. Ответственность за свою жизнь, в основном, на среднем или низком уровне. Из всего этого и складывается имеющееся субъективное переживание осмысленности, полноты жизни.

Помимо основных характеристик самоописаний (человек, мужчина/женщина, социальные и профессиональные роли, качества характера) у части испытуемых присутствует дополнительное самоописание, которое подразделяется на следующие последовательные группы: «увлечение», «развитие», «романтика», «мечтательность», «гражданственность», «личность и творческая личность», «музыкальное и художественное творчество», «самодостаточность», «природа», «спорт», «вера». Количество этих высказываний у части испытуемых существенно преобладает, что свидетельствует о более высоком уровне рефлексивности этих испытуемых или их включённости в действительно более широкое жизненное пространство по сравнению с остальными. Интересна такая особенность, что дополнительное творческое самоописание свойственно как людям с очень высоким, так и очень низким чувством экзистенциальной полноты жизни.

Обобщая полученные результаты, в целом о творческом подходе в организации жизни можно сказать, что:

– творческость отражает общее внутриличностное благополучие и чувство экзистенциальной наполненности;

– творчество, скорее, является уравновешивающим звеном между не вполне эффективными и адаптивными защитами и способами, позволяет достичь более выраженного чувства внутреннего благополучия;

– при средне – нормативных показателях по данным методикам творческость присутствует лишь в незначительной степени;

– для творчества нет внутренней необходимости, если внутриличностная экология регулируется адаптивными защитами и увеличением способов совладающего поведения.

Вопреки ожиданиям, у испытуемых, отнесённых к разным группам по выраженности творческости по отношению к жизни, чётких различий между показателями психологических защит, способов совладающего поведения не прослеживается: на операциональном уровне творческость отражается лишь частично. Отмечается некоторая взаимосвязь между субъективным чувством экзистенциальной наполненности жизни, творческостью в подходе к жизни и «толерантностью к неопределённости». Похоже, что заученные, являющиеся адекватными прежде и ставшие привычными способы поведения, возможно, и помогают относительно регулировать, удерживать в равновесии систему «организм-среда», но не позволяют при этом достичь чувства полноты жизни.

Наличие существенных внутренних трудностей и противоречий, наряду с внешними препятствиями в жизни человека уравновешиваются творческостью. В данном аспекте творче-

скость рассматривается как регулирующая характеристика, соответствующая каждому уровню развития личности и поддерживающая внутриличностную экологию, так как зрелая субъектная активность направлена на задачи творческие, обеспечивающие чувство радости от самореализованности, а не нормативные и отражает уровень и жизненную позицию личности.

В продолжение исследования, выявление характерных для человека смыслов, целей и ценностей (социальных и культурных) позволит понять, насколько творческие проявления субъектности влияют на регуляцию внутриличностной экологии, возможности переживания собственного бытия в сложных условиях современного мира.

Таким образом, человеку, желающему соответствовать требованиям развитого общества и при этом испытывать чувство экзистенциальной наполненности, благополучия в жизни, не обойтись без ответственности за собственную целостность и избирательность способов взаимодействия с другими людьми.

Избавление от иллюзий, принятие ненадёжности мира как факта, проявит потребность в обретении внутренней надёжности. Тогда одной из важнейших задач человеческой экзистенции будет глубинное понимание себя и собственных смыслов, расширение самосознания, обеспечение возможности стать субъектом своей жизни.

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖИЗНИ

Машошина А.А.
г. Санкт-Петербург
a.a.mashoshina@gmail.ru

Внутренний мир личности необходимо изучать в контексте жизненного пути. Этого мнения придерживаются такие учёные, как С.Л. Рубинштейн, Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова, Х. Томэ.

Субъективная картина жизненного пути (СКЖП) обеспечивает стабильность личностной идентичности и участвует в мотивации развития человека как индивидуальности, необходима для саморегуляции и самодетерминации, это результатом внутренней работы личности, цель которой состоит в создании непрерывности личной истории.

Проблема субъективной картины жизненного пути разрабатывалась многими как отечественными психологами – Б.Г.Ананьев, С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, Н.А.Логинова, В.И.Ковалев, А.А.Кроник, так и зарубежными – Ш.Бюлер, К.Левин, Ж.Нюттен. Проанализировав теоретические представления о субъективной картине жизненного пути личности, можно заключить, что личность и её жизненный путь необходимо изучать в целостности. Личность в качестве субъекта жизни организует время и пространство. В субъективной картине жизненного пути отражаются важные жизненные события, отношение к ним, представления человека о своём прошлом, настоящем и будущем.

Объективные ситуации, поступки и переживания, преломляются через призму жизненных смыслов и преобразуются личностью в жизненные события. Содержание субъективной картины жизненного пути личности определяется наличием и характером жизненного смысла.

Событие как поворотный этап жизни – основная единица анализа жизненного пути. СКЖП человека индивидуальна, ее уникальность выражается в темпоральных, событийно-содержательных, аффективных и ценностно-смысловых особенностях.

Для более полного исследования жизненного пути личности необходима разработка и усовершенствование психобиографических методов, изучение описаний жизненного пути и их интерпретации, выделение вариантов жизненного пути. А также нужно разработать упражнения и тренинги на основе исследований в данной области, целью которых является развитие способности совладать с различными жизненными ситуациями, формирование адаптивной позиции личности, творческого отношения к собственной жизни, предполагающего активность и инициативность на жизненном пути, развитие умения сформировать СКЖП или позитивно переоценить.

Любое психологическое и психотерапевтическое вмешательство, так или иначе, затрагивает сферу субъективной картины жизненного пути, поэтому феномен СКЖП и её характеристики изучаются прикладными психотерапевтическими и психокоррекционными направлениями и школами. Разные авторы по-разному рассматривают проблему СКЖП и временной организации жизни: с точки зрения влияния детских травм на жизненный путь, жизненных сценариев, поиска смысла жизни и его обретения, постановки целей, отношения к смерти, влияния каких-то незавершённых ситуаций на последующую жизнь, совладания с прошлым. (Франкл, 2000; Фромм, 1992; Берк, 1992; Мадди, 1971)

В некоторых психотерапевтических практиках субъективная картина жизненного пути является основным объектом воздействия: «автограф памяти» (И.Шрутс), направленная автобиография (Дж.Биррен), «психотерапия, ориентированная па реконструкцию будущего» (Ф. Мелджес), футуропрактика (Н.Долгополов) и др. Такие методики направлены на автокоррекцию и оптимизацию СКЖП через рефлексию воспоминаний и представлений о будущем. Так, автобиографическая мнемотерапия В.В.Нурковой направлена на приближение структуры автобиографической памяти к оптимальной, т.е. «обладающей, среди прочего, психологически комфортными границами между прошлым, настоящим и будущим, эмоциональной и смысловой сбалансированностью и интеграцией личности и ее прошлого». (Нуркова, 2005, с. 73)

Тема субъективной картины жизненного пути рассматривалась в экзистенциальной психологии при изучении отношения человека ко времени вообще, жизни и смерти, проблемы выбора, ответственности и свободы, смысла жизни. Особенности СКЖП обусловливаются конструктивным или деструктивным решением описанных проблем. Например, «влечение к смерти» по Э.Фромму ведёт к ориентации на прошлое, а не будущее. (Фромм, 1992) При деструктивном решении человеком проблемы смысла жизни нарушается целеполагание, планирование и программирование личностью своего жизненного пути, жизненная программа в целом (Франкл, 2000; Мадди, 1971)

В психодраматическом направлении СКЖП «является гибким инструментом, с помощью которого личность осуществляет временную саморегуляцию жизненного пути». (Огороднов, 2003, с. 17) В СКЖП содержится актуальная информация о клиенте: проблема и её контекст, а также ресурсы для её разрешения. «Прошлое является резервуаром возможностей, накопленных знаний и умений; будущее – это источник смысла. Настоящее – это арена, на которой происходят изменения». Для выполнения функции временной саморегуляции СКЖП должна быть динамичной и при изменении обстоятельств жизни меняться сама. Л.М.Огороднов, считает психодраму «уникальным инструментом психодиагностики субъективной картины жизненного пути», позволяющим изучить прошлое, настоящее, будущее в единстве. В психодраме изучается как сознательное, так и бессознательное содержание СКЖП, тем самым формируется более широкий список событий и связей между событиями. Важные характеристики СКЖП – её целостность и феномен «цикличности времени», который выражается в повторяемости событий, чувств, проблемных состояний. При нарушении целостности СКЖП может отсутствовать одна из частей времени, связь между частями или проявляться отрицательное отношение к ним, дисфункциональный характер устанавливаемых связей.

А.А.Кроник и Р.А.Ахмеров подчеркивают эффективность биографического тренинга, в ходе которого участниками позитивно переоценивается прошлое, увеличивается значимость настоящего и ожидается продуктивность жизни в будущем. Также улучшается психическое здоровье, возрастает ожидаемая продолжительность жизни, повышается интерес к жизни, развивается «позитивное биографическое мышление». (Кроник, Ахмеров, 2003)

Конструирование субъективной картины жизненного пути – творческий процесс, а значит, на её сформированность оказывают влияние творческие способности человека. Мы предположили, что креативность проявляется в жизнедеятельности личности и влияет, в конечном счете, на построение жизненного пути и успешность человека в жизни. Креативность также необходима для реализации многих планов человека.

Исходя из таких положений, целесообразно развивать умение сформировать СКЖП через развитие креативности.

Но сначала необходимо установить, каким образом взаимосвязаны характеристики СКЖП и креативность. Для этого была исследована взаимосвязь характеристик субъекта жизненного пути с креативностью.

С целью выявления характеристик субъекта, связанных с креативностью, было проведено исследование, в котором приняли участие 50 студентов гуманитарных специальностей. В ходе исследования были измерены следующие параметры: креативность («Проективная методика диагностики дивергентного мышления (ПМДДМ)» Е.Л.Солдатовой); рефлексивность (методика «Наилучшая жизнь» Н.А.Логиновой); особенности восприятия значимых жизненных событий (методика «Психологическая автобиография» Е.Ю.Коржовой); активность и инициативность (биографическая анкета).

В исследовании выявлена взаимосвязь креативности и рефлексивности личности: при высоком уровне рефлексивности высока и креативность. Рефлексивность связана с осмыслением жизни, видением своего места в мире и со стремлением к творческому самовыражению.

Существует взаимосвязь между креативностью и особенностями восприятия значимых жизненных событий. Продуктивность связана с продуктивностью воспроизведения событий, в большей степени отрицательных. Также с продуктивностью отрицательных событий связана семантическая продуктивность. Поведенческая продуктивность положительно связана с продуктивностью воспроизведения событий (положительных и отрицательных). По таким результатам можно судить о том, что творческий человек видит свою жизнь насыщенной, а некоторый пессимизм связан с осмысливанием событий и стремлением к их проблематизации.

Поведенческая продуктивность положительно коррелирует с предпочтением событий личностно-психологического плана. Для креативов важны события, касающиеся выбора жизненного пути и использования свободного времени.

Важным является выявление взаимосвязи креативности с активностью и инициативностью. Семантическая и поведенческая продуктивность связаны с активностью и инициативностью. Активная личность готова к сопротивлению, преодолению трудностей и борьбе за свои идеалы, при этом творчески подходя к решению жизненных задач. Невербальная продуктивность положительно связана с инициативностью. Отсюда можно сделать вывод о том, что невербальная креативность также связана со способностью человека к самостоятельному инициированию своей активности.

Итак, выделены следующие характеристики, через которые необходимо развивать креативность, а значит, и умение сформировать СКЖП: рефлексивность, продуктивность воспроизведения событий, предпочтение событий личностно-психологического плана, активность, инициативность.

ФЕНОМЕН НАРУШЕНИЯ ПРИВАТНОСТИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Мерцева О.Н.
г. Краснодар
danina-olga@yandex.ru

На начальной стадии обустройства своего семейного бытия, молодая семья сталкивается с множеством проблем, одной из которых является психологическая. Взаимная «притирка» отнимает немало душевных и физических сил, однако привыкать приходится не только к супругу (супруге), но и к его (её) родителям, которые склонны вмешиваться в дела молодых, тем самым нарушая границы их бытия, еще не укоренившиеся отношения. Можно ли, и насколько нужно, отстаивать свою семейную независимость,чтобы при этом, не испортить отношения состаршим поколением? Этот вопрос весьма актуален при разрешении кризисов молодой семьи.

Молодым важно установить изменения в своем социальном статусе, определить внешние и внутренние границы своей семьи, а также территорию своего приватного пространства. Необходимо установить территорию, временные аспекты и межличностные зоны, относительно независимые от родительского влияния, а родителям необходимо изменить способы взаимодействия с детьми после того, как те создали свою собственную семью. Однако, полностью

отелить себя от взаимодействия с родителями нецелесообразно, поскольку жизнь в браке предполагает достижение независимости в сочетании с сохранением связей с родственниками.

Рассматривая личность в брачном со-бытии, целесообразно обратиться к субъектно-бытийному подходу, который призван подчеркнуть направленность человека на переустройство бытия в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов, т.е. на преобразование реальности внешнего мира так, что он становится следствием объективирования субъективного и продолжением личности(Рябикина З.И, 2005).

Основной модус существования человека – это со-бытие с Другими. Жизнь вместе создает для личности проблему со-бытийности. В условиях со-бытийности субъектная позиция, определяемая ценностной ориентированностью на предпочитаемые виды активности, нуждается в подтверждении, поддержке и согласовании со встречным процессом реализации ценностно-ориентированной активности Другого. Аутентичность со-бытийности партнёров достигается за счёт успешности разрешения возникающих в этом процессе противоречий.

По отношению к брачным отношениям проблема со-бытийности непосредственно связана с проблемой *приватности* личности. Вступив в брак, человек переструктурирует границы своего личного поля в связи с новой конфигурацией отношений, как с брачным партнером, так и с другими членами семьи. Каждый из партнеров очерчивает границы своего приватного пространства (организуется предметно-пространственная среда квартиры, строится и согласуется временной распорядок жизни, выстраиваются приоритеты в отношениях с внешними Другими и т.д.) и пространства своей сформировавшейся молодой семьи.

Семья – одно из существенных бытийных пространств личности, выполняющее функцию её подтверждения и поддержки. Это пространство бытия личности включает в себя: а) структуру межличностных отношений, обусловленных принадлежностью личности к семье; б) организацию со-бытийности членов семьи во времени; в) определенным образом организованную предметно-пространственную среду дома (квартиры) и др. (Тиводар А.Р, 2008)

Во взаимодействии с супругом личность входит в иную бытийность, индивидуальное бытие превращается в совместное бытие, в со-бытие с партнером. Однако, брачное со-бытийное пространство не ограничивается взаимоотношениями супругов, а также включает в себя отношения с родителями брачных партнеров. Родительская семья является мощнейшим фактором поддержки, либо нарушения бытийного пространства личности в молодой семье. В процессе адаптации, остаётся открытым вопрос о том, чьи нормы принимаются за основу и как определяется необходимое направление адаптивного движения тогда, когда встречаются и пересекаются бытийные пространства партнеров в браке и их родителей.

Важно подчеркнуть значимость не только самого феномена нарушения либо поддержки *приватного пространства* молодой семьи, но и отношение самих членов брачного со-бытия к этому нарушению(либо поддержке) приватности внешними Другими (родителями супругов). Ведь до конца неизвестно насколько разрушительна, либо, напротив, созидательна роль родительской семьи в создании со-бытийного пространства молодой семьи.

Далее обратимся к феноменологическому рассмотрению понятия *«приватное пространство»*. Одно из первых и наиболее подробных определений приватности было дано И. Альтманом: *приватность* (privacy) – это центральный регуляторный процесс, посредством которого персона или группа делает себя более или менее открытой и доступной для других; это селективный контроль доступности человеческого "Я", синтез стремления быть в контакте и вне контакта с другими; это процесс установления межличностных границ, который, подобно клеточной мембране, открывает или закрывает субъекта для общения (Нартова-Бочавер С.К, 2005).

Обобщая разнообразные функции приватного пространства, можно заключить, что приватность служит возможности избегать манипуляций, переживанию чувства интегрированности и независимости, то есть достижению личной автономии и подлинности бытия. Рассмотрение данных функций весьма важно и необходимо при изучении брачных взаимоотношений.

Оказываясь частью бытийного пространства, другой человек может выступать как разрушительное противодействие или как ресурс для развертывания свободной личности. Важно подчеркнуть, что со-бытие предполагает признание каждым из субъектов права другого субъекта на внутренний мир, собственные мотивы, уникальность, автономность и самоактуализа-

цию. Тогда возникает пространство, в котором возможно и необходимо разделение и выделение, как брачными партнерами, так и родителями супругов, некоторых зон взаимодействия, организация которых представляет обоюдный интерес для согласования и понимания индивидуальных смыслов друг друга (Тиводар А.Р, 2007).

В концепции С.К. Нартовой-Бочавер по отношению к обозначаемой феноменологии используется понятие «суверенность». *Психологическая (личностная) суверенность* – это способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основанное на обобщенном опыте успешного автономного поведения. Автор выделяет шесть измерений психологического пространства личности, отражающих физические, социальные и духовные аспекты человеческого бытия: это суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), привычек (СП), социальных связей (СС), вкусов и ценностей (СЦ) (Нартова-Бочавер С.К, 2005). Именно данные измерения психологического пространства личности были ключевыми в эмпирической части нашего исследования.Приватность в различных бытийных пространствах может проявляться по-разному.

Целью эмпирического исследования сталсистемный анализ феномена нарушения приватности молодой семьи вследствие вмешательства родителей молодых супругов.

Для достижения цели исследования были использованны: методика «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой – Бочавер, для определения сформированности личностных границ у каждого из супругов; авторские методики, направленные на определение поддержки либо нарушения приватности молодой семьи родителями супругов, и отношения молодых к поддержке либо нарушению приватности их молодой семьи родителями; анкета «Зоны конфликтных ситуаций в семье, поводом для которых являются родители супругов» (адаптация методики А.Р. Тивадар «Типы конфликтных ситуаций в семье»); авторская анкета определяющая уровень удовлетворенности супружескими отношениями, а также удовлетворенность молодых супругов своими родителями и родителями партнерами (партнерши).

В исследовании участвовалимолодые семейные пары (15 пар), прожившие совместно более года, имеющие ребенка и средний возраст не более 30 лет. И так же родители супругов, проживающие отдельно от молодой семьи.

Анализируя результаты поддержки либо нарушения приватного пространства между супругами, выяснилось, что существуют статистически значимые различия в нарушении суверенности психологического пространства личности ($p \leq 0.05$) между мужем и женой. Супруга в большей мере склонна к нарушению приватности своего мужа, как по общему критерию психологического пространства личности, так и по отдельным параметрам суверенности.

Наиболее значимыми данными являются согласованность представлений о поддержке, либо нарушении приватного пространства членами молодой семьи и их родителями. Жена (невестка) считает, что мама мужа(свекровь) нарушает её психологические границы, в то время как свекровь полагает, что не склонна к нарушению суверенности своей невестки ($p \leq 0,5$). Наиболее нарушаются такие измерения психологического пространства личности невестки свекровью, как суверенность привычек и суверенность социальных связей. Тесть проявляет весьма высокие показатели поддержки приватного пространства невестки, однако статистически доказано ($p \leq 0,07$), что имеют место нарушения суверенности территории, вещей и социальных связей. Также нарушение суверенности жены идет и со стороны её родителей, в большей степени от мамы по таким измерениям как, суверенность вещей, суверенность привычек и социальных связей. Тогда как отец больше склонен к поддержанию суверенности своей дочери, но может нарушить суверенность ценностей и отчасти суверенность вещей.

Супруг (зять) полагает, что мама жены (теща) в наибольшей степени нарушает его территориальные границы, и согласно статистическим данным противоречия по данному параметру суверенности у зятя с тещей нет. Действительно, теща признает, что нарушает суверенность территории своего зятя. Однако, противоречия возникают относительно нарушения суверенности вещей и ценностей. Зять полагает, что теща не поддерживает данные аспекты его психологического пространства, тогда как теща полагает, что ей не свойственно нарушать сложившиеся у зятя ценности и каким-то образом касаться его вещей. С папой жены (тестем) у зятя не возникает особых противоречий, но прослеживается следующая тенденция – зять признает

поддержку своей суверенности тестем, а тот напротив, полагает, что каким-то образом нарушает суверенность как физического тела, так и суверенность привычек своего зятя ($p \leq 0,04$). Родители супруга, исходя из их субъективного мнения, не стремятся нарушать приватное пространство сына, но мама признается, что склонна к ограничению суверенности сына по такому критерию, как суверенность вещей и социальных связей.

Обращаясь к результатам, полученным при использовании анкеты «Зоны конфликтных ситуаций, поводом для которых послужили родители супругов», статистически значимо отличается ($p \leq 0,10$) общий уровень конфликтности супруга и супруги.

У мужа уровень конфликтности ниже и имеет положительную направленность, что говорит о позитивной поддерживающей реакции, направленного на брачного партнера. Более конфликтно отношение жены и имеет отрицательную направленность, что свидетельствует о негативной реакции в конфликтной ситуации, направленной на брачного партнера. Для мужа наиболее уязвимыми зонами конфликта, поводом для которых послужили родители супругов, является проблема, связанная с приватностью в организации предметно-пространственной среды дома (квартиры).

Для жены, наиболее острыми являются такие зоны, как проблемы отношений м/усупругами, но так же, как и для мужа, проблемы, связанные с приватностью в организации предметно-пространственной среды дома (квартиры). Это подтверждает проблематику данного исследования. Родители весьма серьёзно влияют на взаимоотношения молодых супругов.При этом,можно сделать вывод, что супруга более чувствительна в отношении вмешательства родителей в молодую семью.

Удовлетворенность различными параметрами семейной жизнью, как между супругами, так и родителями молодых супругов, дает обширную информацию о состоянии семьи, дополняя ранее полученные результаты.Супруг более удовлетворен отношениями с женой, чем жена этими отношениями. Менее всего супруг недоволен таким параметром отношений со стороны своей жены, как уважение интересов и увлечений, а так же поддержкой социальных связей и профессиональной деятельностью.

Жена менее удовлетворена отношением с мужем по таким критериям, как финансовые и хозяйственно-бытовые вопросы. Весьма неожиданными стали данные, о том, что в наибольшей степени супруга неудовлетворена отношениями со свекром, а не со свекровью(как можно было бы предположить). В наименьшей степени жену не устраивают отношения с папой мужа по таким же параметрам как она неудовлетворенна мужем, финансовые и хозяйственно-бытовые вопросы, но также невестка показывает низкий показатель удовлетворенности свекром и по критерию эмоционального понимания и поддержки. В целом женщину менее устраивает отношения с родителями мужа. Супруг более удовлетворен отношениями с родителями супруги.

Муж более удовлетворен отношением с тестем, чем с тещей. В отношениях с тещей наиболее неудовлетворительными стали отношения в области финансовых вопросов, а так же поддержка социальных связей и профессиональная деятельность, уважение интересов и увлечений. Общий уровень удовлетворенности отношениями у мужчины выше.

Таким образом, мужчины в целом менее склонны к вмешательству в психологическое пространство личности. Они более склонны к поддержке приватного пространства Другого. Женщины, будь-то жена, теща или свекровь, более активно вмешиваются в приватное пространство Другого и нарушают суверенность психологического пространства личности. Так же женщины более склонны к конфликтам, поводом для которых послужили родители супругов.

Однако, обращаясь к данным удовлетворенностью отношениями, в частности жену (невестку) менее устаивают отношения со свекром, тогда как сам свекор поддерживает суверенность своей невестки на высоком уровне. Эти данные можно интерпретировать следующим образом: не всегда невмешательство, незаинтересованность отношениями со своими детьми, либо с невесткой (зятем), создают возможность для гармоничного развития семьи.

В целом состояние приватности молодой семьи связано не только с показателями нарушения суверенности, но так же с реакцией молодых супругов на это нарушение, либо поддержку.

СО-БЫТИЕ КАК ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ У ДЕТЕЙ 2 – 10 ЛЕТ

Силина О.В.
г. Москва
Omela333@yandex.ru

Проблема психологических границ стоит перед исследователями давно. Используемая вначале как топологическая характеристика психического («внешнее» и «внутреннее», «приобретенное» и «наследуемое») в настоящее время переходит к другому полюсу: полюсу значения, личностного смысла (А.В. Петровский, 2008). Рассмотрение процесса онтогенеза психологических границ свидетельствует о том, что становление границ Я у детей имеют одной из первостепенных задач социализацию личности как процесса «вхождения» в мир межличностных отношений, т.е. сохранение онтологического статуса в системе «Я – Другой». Таким образом, мы говорим о том, что «со-бытие» для ребенка – это сохранение собственных границ Я, собственной целостности личности при возможности учитывать границы другого человека. В 2010 – 2012 году под руководством С.К.Нартовой-Бочавер нами было проведено эмпирическое исследование, посвященное развитию психологических границ у детей от 2 до 10 лет. Целью его было описание феноменологии границ Я и направлению их развития. Как мы писали выше, событие, понимаемое с точки зрения концепции психологической суверенности (С.К.Нартова-Бочавер, 2008), это возможность реализовывать свое значение Я, находясь в интерперсональном пространстве.

Обратимся к результатам проведенного нами эмпирического исследования. В нем приняли участие 46 детей в возрасте от 2 до 10 лет, из них 26 мальчиков и 20 девочек. Все дети были из полных семей. За отсутствием стандартизированных методик, направленных на изучение психологических границ у детей указанного возраста, были предложены авторские, не прошедшие процедур стандартизиации и валидизации. С помощью этих методик был собран обширный качественный материал, описывающий феномен границ Я. За рабочее определение психологических границ мы взяли следующее: «психологические (когнитивные, эмоциональные и поведенческие) маркеры, отделяющие область приватности одного человека от другого» (С.К.Нартова-Бочавер, 2008).

Целью исследования было описание процесса «вживания», встраивания ребенка в процесс отношения с другими людьми, т.е. процесс социализации, понимаемый нами как способность удерживая собственные границы Я уважать границы другого.

Проведя контент-анализ собранных данных, мы выделили следующие категории границ Я: динамические характеристики, направленные поддержание целостности Я личности, и инструментальные, т.е. конкретные способы защиты границ Я. К динамическим характеристикам мы отнесли следующие: контроль, регуляция, осознанность и активность психологических границ.

Таким образом, указанные нами категории отражают способность человека быть с другими и одновременно сохранять собственную приватность. Выбор метода обработки данных не случаен. Психологические границы представляются качественным образованием, требующим детального описания, выделения определенных критериев оценки, которые в дальнейшем могли бы лечь в основу количественной шкалы описания феномена границ Я. Поэтому нам представилось целесообразным применить метод контент-анализа для понимания семантического поля феномена психологических границ.

Итак, обратимся к результатам проведенного контент-анализа и укажем основные выделенные нами тенденции. При их изложении будем придерживаться следующей логики: рассмотрим основные факторы, условия и механизмы развития границ Я, а затем перейдем к возрастным изменениям, происходящим с изучаемым феноменом. Следует сказать, что наше исследование показало, что явление психологических границ сродни высшим психическим функциям (Л.С.Выготский, 1983) по наличию тех же признаков: границы Я являются прижизненно формируемым образованием, произвольным по способу управления, т.е. осознанным, базиру-

ются на всех психических процессах, опосредованы речью. Все эти признаки приобретаются в ходе онтогенетического развития, не возникая одновременно.

Проведенный анализ качественных данных позволяет предположить наличие в развитии феномена границ Я своеобразных кризисов и «литических» периодов (Л.С.Выготский, 1983). Таким образом, психологические границы выступают перед нами как системное явление, находящее в тесное взаимосвязи со многими переменными.

Под фактором развития психологических границ мы будем понимать те силы, которые направляют становление границ Я в определенное русло, т.е. движущие силы формирования феномена.

Таким образом, на развитие границ Я влияют социальные, гендерные, воспитательные, собственная активность ребенка и др. аспекты. Очень интересен тот факт, что у мальчиков развитие феномена психологических границ идет более быстрыми темпами. Возможно, это связано с жесткими социальными нормами относительно «мужского» варианта поведения, т.е. для мальчиков нет выбора типа поведения, если он хочет считаться «настоящим мужчиной». Общество предъявляет жесткие требования к «дефеминизации», присвоению «типичного» мужского поведения, в то время как у девочек вариабельность стиля жизни, мироощущения гораздо шире, становление индивидуальности происходит более плавными темпами.

В аспекте социокультурного влияния на развитие психологических границ нам показалась интересной следующая тенденция: дети с двумя крайними социальными ситуациями развития (психологически благополучные дети и «аутсайдеры» в группе, имеющие недостаток признания, общения и пр.) обладают достаточно четко выраженными психологическими границами. Возможно, это наблюдение свидетельствует о том, что устойчивые ситуации развития, с однонаправленным стилем воспитания, с заранее известным отношением социума к этим двум категориям детей обеспечивает стабильные условия для формирования границ Я. Безусловно, качественно они сильно различаются у благополучных и неблагополучных детей, но дети из указанных групп раньше других осознают, принимают и используют изучаемый феномен в жизни.

К условиям, способствующим развитию психологических границ, мы относим уровень когнитивного, эмоционально-волевого развития, т.е. дети с нормативным психическим развитием имеют качественно отличные границы Я. Этот вывод возник в ходе нашей работы как эпифеномен и требует дальнейших исследований.

Но длительные наблюдения позволяют говорить о том, что у детей с некоторым снижением когнитивного уровня, например, границы Я остаются более длительное время недифференцированными, неадаптивными (чрезмерно открытыми или закрытыми, например), плохо регулируются и контролируются детьми. В поведении это проявляется в неспособности учитывать изменившиеся требования ситуации, в выборе одной стратегии поведения в любых условиях и пр.

Механизмом развития психологических границ можно считать наличие конфликтных, небезопасных условий для целостности личности, т.е. необходимо наличие угрозы, как внешней (нарушение собственных границ Я, критическое изменение социальной ситуации), так и внутренней (предвосхищение негативного результата, умение просчитать последствия собственных действий).

Т.е. психологические границы начинают осознаваться в стрессовых условиях и в них же наиболее активно развиваться. Как показали исследования, дети до 4 лет стремятся устраниться от источника дискомфорта физически (уйти, закрыть глаза, спрятаться и пр.), после же 4 лет начинаются активные попытки воздействовать на него (с помощью взрослого, самостоятельно с помощью различных средств, начиная физическими и заканчивая вербальными).

Основные тенденции развития, которые происходят на протяжении онтогенеза с феноменом психологических границ, можно обозначить следующим образом: происходит их сужение и дифференциация. В процессе развития происходит переход от широких недифференцированных границ у детей до 2 лет к более узким, символически обозначенным границам к подростковому возрасту. Если у детей раннего возраста в границы и понятие «мое» попадает все, что ребенок видит, нравится, хочется, то в дальнейшем «моим» становится только значимое, на-

полненное личностным смыслом. Дифференциация психологических границ происходит в связи с расширением спектра способов их защиты, т.е. ребенок начинает видеть себя каждый раз с некоторой новой стороны, пробовать новые возможности, которые включаются в его личность, становятся проявлением индивидуальности. С возрастом происходит значительное увеличение способов защиты границ Я, которые служат своеобразным «маркером» развития личности. Общее направление в расширении спектра методов защиты – это переход от физических методов воздействия к вербальным, а также смена пассивной позиции защиты на активную, что способствует становлению именно психологических границ Я, интегрального феномена, способствующего социализации, адаптации детей в интерперсональном пространстве. Перейдем к характеристике феномена психологических границ в онтогенезе.

В возрасте 2-3 лет как мальчики, так и девочки предпочитают пассивные формы защиты границ Я. Границы Я широкие, «полупроницаемые», т.е. проницаемость зависит не от убеждений ребенка, а от ситуативных факторов (привлекательность чего-либо, хорошее или плохое настроение и пр.). Способы защиты границ Я очень ситуативны и возникают только в ответ на угрозу.

Следует сказать, что мальчики этого возраста предпочитают более активные формы контроля за собственными границами, т.е. реакция на вторжение, интервенцию более выражена, чем у девочек. Это проявляется в том, что во время конфликта мальчики скорее предпочитают нападать, чтобы устранить источник негативных переживаний.

У девочек же выше осознанность психологических границ, т.е. ярче наблюдается реакция на источник дискомфорта. Это проявляется как стремление уйти из зоны действия источника негативных эмоций. Метафорически можно сказать, что со-бытие детей в возрасте 2-3 лет представляет собой «минное поле», на котором неожиданно возникают опасности, требующие спасения жизни.

На следующем этапе – в возрасте 4-5 лет – происходят очень активные и быстрые изменения состояния феномена психологических границ. Следует сказать, что это явление имманентно присутствует в жизни ребенка, служа различным целям, основные из которых – это возможность взаимодействия в интерперсональном пространстве (социализация как вхождение в совместное бытие), адаптация к изменяющимся условиям среды, защита цельности Я и др. В процессе онтогенеза феномен психологических границ проходит ряд этапов: от неосознаваемого к средству взаимодействия к окружающими (т.е. к полностью осознанному и управляемому явлению психологической жизни человека). Этими словами мы хотим акцентировать внимание на значимости возрасте 4-5 лет для развития границ Я, для которого характерно появление многих «новообразований» (Л.С.Выготский).

Данный период онтогенеза характеризуется тем, что дети начинают ощущать, но не осознавать присутствие некоторой «буферной зоны» в отношениях с окружающими, которая присутствует в их жизни и создает некоторый комфорт и безопасность для личностных проявлений. У мальчиков наблюдается увеличение активности в защите границ Я, наиболее приоритетные способы защиты – физические (драться, толкаться и пр.).

Однако начинает наблюдаться ориентация на социальные нормы как один из способов защиты границ. Также замечена тенденция к сужению психологических границ, т.е. не все, что нравится и хочется попадает в категорию «мое». У девочек же картина несколько иная. Отмечается резкое снижение активности защиты границ Я, т.е. границы Я становятся более проницаемыми, доступными внешним воздействиям (часто это проявляется в том, что девочки этого возраста более «сговорчивы» чем мальчики). Защита психологических границ более конструктивна, «вербализирована», часто с привлечением социальных норм и правил. Для мальчиков характерно расширение собственных границ, девочки же предпочитают стабилизировать состояние границ Я.

Далее обратимся к периоду 6-7 лет. Его общей характеристикой является понимание нарушения чужих границ Я, т.е. дети присваивают эту категорию не только себе, но и признают ее наличие у других, психологические границ становятся неотъемлемым человеческим свойством. Дети нарушают чужие границы интуитивно, зачастую догадываясь какое действие доставит собеседнику неприятности, вызовет дискомфорт, запоминают его и пытаются в воспроиз-

водить в конфликтных ситуациях. Эти способы часто повторяются, т.к. феномен границ Я еще неосознан, не подвластен произвольному управлению. В жизни часто можно видеть такую картину: конфликтуя, дети не могут доставить противнику негативных эмоций, как хотелось бы, поэтому они просто стоят рядом, раздражая собеседника, говоря при этом, что «просто захотелось постоять здесь». Такие примеры говорят о том, что дети ощущают наличие у каждого человека, не только у себя, некоторой границы, предела, которую нельзя пересекать, но в случае конфликта необходимо нарушать, чтобы доставить максимальное количество переживаний. Таким образом, мы можем говорить о начале процесса осознания детьми существования психологических границ как неотъемлемой части личности. Это общая тенденция для детей на данном возрастном этапе. Однако имеются и гендерные различия. Специально оговорим, что в данном возрасте у детей меняется социальная ситуация: они поступают в школу, сталкиваются с новыми требованиями, с новой группой. Итак, у мальчиков возрастает пассивность, а у девочек – активность защиты психологических границ. Мальчики проявляются тенденцию к фиксации границ Я, т.е. четко определяют меру внешнего воздействия на собственную личность. Если количество допустимых воздействий выше, мальчики могут проявлять сильные деструктивные намерения, разрушая при этом собственные и чужие границ Я. Таким образом они восстанавливают некоторый баланс между собой и средовыми воздействиями. Девочки же, напротив, стремятся к расширению границ Я, стараясь «освоить» все возможное пространство: физическое, межличностное. Они стараются узнать способы взаимодействия в каждой из плоскостей бытия (материальной, личностной), в конфликтных ситуациях пытаются ориентироваться на социальные нормы для регуляции психологических границ. Кроме того, девочки более внимательны к чужим границам, стараются «играть по правилам».

Важное событие, происходящее в возрасте 8-10 лет – осознание наличия психологических границ, т.е. границы Я переходят на уровень сознания и дети учатся ими управлять, постепенно они становятся средством регуляции собственного состояния, механизмом адаптации к внешним воздействия, средством влияния на окружающих. Таким образом, изучаемый феномен становится произвольным и служит еще одним способом построения взаимодействия со средой, позволяя определять как физические, так и психологические характеристики совместного бытия (например, регулировать дистанцию до собеседника или степень его воздействия на личность). Далее остановимся на гендерных различиях.

У мальчиков закрепляется активная стратегия защиты границ Я. Проявляется это в стремлении «нападать» первыми, сохраняя при этом целостность собственных границ, но разрушая чужие («атака – лучшее средство защиты»). У мальчиков наблюдается желание постоянного расширения собственных границ («я могу больше и лучше сделать»), что часто выражается в постоянных соревнованиях, сравнениях себя с другими. При защите границ Я, их регуляции стараются учитывать внешние критерии (нормы, правила, физическая сила и пр.). Также мальчики стремятся понять все внешние связи своих границ и чужих («кто с кем дружит или воюет»).

Таким образом, основная тенденция развития психологических границ у мальчиков – активность, расширение психологического пространства за счет освоения новых возможностей при опоре на внешние критерии.

Ситуация несколько иная у девочек. Наблюдаются попытки сбалансировать процессы активности и пассивности при защите собственных границ, при этом девочки ориентируются на внутренние сигналы (возникающие эмоции, убеждения, отношения и пр.). Т.е. границы Я у девочек более гибкие, проницаемые, динамичные, они готовы к большему спектру внешних воздействий, чем мальчики, у которых границы Я более ригидные, константные, стабильные. У девочек проявляется желание четко осознавать и удерживать собственные границы Я без сильного стремления к их расширению. Наблюдается желание понимать структуру собственных психологических границ («кто мне нравится, а кто нет»). Метафорически можно сказать, что мальчики «осваивают» пространство, девочки же его «окультуривают».

Таким образом, мы кратко обозначили основные направления развития психологических границ в онтогенезе. Данное исследование является одним из первых и требует дальнейшей детальной и глубокой проработки.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ МАТЕРЬЮ В СИТУАЦИИ СО-БЫТИЯ С МАЛЕНЬКИМ РЕБЕНКОМ

Удачина П.Ю.
г. Краснодар
udachina@mail.ru

Изменения социально-экономического, политического, духовно-нравственного характера, происходящие в обществе, задают новые условия жизни и деятельности современной семьи. Динамика отношений в семье связана с множеством объективных и субъективных трудностей, которые могут привести к дезорганизации супружеской жизни. Особенно сложным для жизни семьи, по мнению ряда авторов, является период после рождения ребенка (Т.В. Андреева, Л.А. Базалева, М.И. Лисина, Л.Б. Шнейдер и др.).

Л.Б. Шнейдер пишет, что: «до рождения ребенка оба супруга имеют одинаковые возможности работать, учится, общаться с близкими и друзьями. После рождения ребенка даже очень помогающий муж и далее работает, встречается с друзьями, а жена некоторое время в основном, заботится только о ребенке…рождение ребенка предполагает новые возможности общения и сотрудничества и сужает уже имеющиеся. Это создает предпосылки, как для благоприятного, так и неблагоприятного развития семьи» (Л.Б. Шнейдер, 2006).

Т.В. Андреева описывая проблему разводов, указывает на высокую вероятность разводов в период «молодых браков». «В это время в связи с рождением и воспитанием детей бюджет времени супругов становится весьма напряженным, ограничивается отдых, досуг, возрастают нервная и физическая усталость и финансовые проблемы семьи. Остро встает проблема лидерства в семье и разделения труда. На первые 9 лет совместной жизни приходится 64,5% распадающихся браков» (Т.В. Андреева, 2005).

Л.А. Базалева исследуя особенности взаимодействия матери и ребенка описывает трудности, с которыми сталкивается женщина в период после рождения ребенка: «Рождение ребенка является для женщины ответственным событием и в целом изменяет ее жизнь, перестраивает отношения во всех аспектах ее бытия: от семейного, бытового до профессионального и личностного…Действие многочисленных стрессогенных факторов материнства (как объективных, так и субъективных) может вызывать накопление у женщины усталости и изнеможения, что ведет к ее истощению и, как следствие, эмоциональному «выгоранию» (Л.А. Базалева, 2010).

Итак, современные семьи после появления ребенка сталкиваются с множеством трудностей, совместное преодоление которых укрепляет их. Одной из важнейших проблем является организация времени матерью для отдыха и выполнения семейных обязанностей.

Взгляды современных женщин по вопросам семьи, своих обязанностей и роли в воспитании ребенка за последние 20 лет существенно изменились. Женщины стали более самодостаточны, независимы от мужей, многие имеют высшее образование, заработную плату и социальный статус равный супругу. Это создает основу для иного распределения семейных обязанностей и ожиданий женщины по отношению к своему супругу. Сейчас гораздо меньше женщин хотят после рождения ребенка стать домохозяйкой.

Ожидание ребенка – неповторимый период в жизни женщины, наполненный надеждами, мечтами и планами о будущем. Возможность реализовать те планы и мечты, которые сформировались в этот период существенно влияют на эмоциональное состояние матери, предотвращают появление послеродовой депрессии и развитие эмоционального выгорания.

«Включенность женщины в постоянные взаимодействия со своим ребенком, «замкнутость» психологического пространства этих диадных отношений формируют совершенно особенную среду бытия матери, наполненную новой для женщины ответственностью, обязанностями, физическими нагрузками и эмоциональными переживаниями, а также многими другими сопутствующими материнству психическими процессами и состояниями» (Л.А. Базалева, 2010).

З.И. Рябикина пишет, что «материнство – существенная сторона жизни женщины и область бытия, в которой осуществляется самоактуализация ее как личности…» (З.И. Рябикина, 2005). При этом важно учитывать, что отношения матери и маленького ребенка накладывают

определенные обязательства и задают определенный лимит времени, а в некоторых случаях даже дефицит времени, которое мать может выделить на самореализацию.

Временной лимит сильно выражен у женщин дети, которых находятся на грудном вскармливании, так как частота кормлений ребенка задает временные рамки жизнедеятельности матери. Особенно тяжело приходится женщинам перенесшим тяжелые роды, повлекшие за собой проблемы со здоровьем и как следствие необходимость тратить время на его восстановление и укрепление и тем женщинам, кого обстоятельства обязывают выйти на работу в первый год после рождения ребенка.

«Чем более выражен у матери потенциал самоактуализации, тем более позитивно складываются ее отношения с ребенком…» (З.И. Рябикина, 2005), но если этот потенциал не может реализоваться по ряду причин: болезненное состояние матери, необходимость тратить время на восстановление и укрепление ее организма; отсутствие близких готовых помогать матери все это может негативно сказываться на отношениях с ребенком и закончиться эмоциональным выгоранием матери.

Совместное проживание времени матерью и ребенком может различаться по своему устройству. Это может быть симбиотическая сращенность, когда мать и ребенок живут как единое целое у них общее время, общий график и ритм жизни мать воспринимает ребенка как часть себя и именно поэтому наблюдается их сращение. Или это со-бытийная общность матери и ребенка, для которой характерно гармоничное сочетание двух режимов жизнедеятельности, синхронизация ритмов двух организмов.

Таким образом, бытие матери с маленьким ребенком – особое время в жизни каждой женщины. Все женщины, осознанно прошедшие через этот период, всегда отмечают его как значимый, неповторимый, совершенно непохожий на другие периоды жизни, очень сильный по уровню переживаний, специфичный по комплексу ощущений период. В этот период для женщины особую актуальность обретают вопросы поддержки и понимания со стороны близких, помощи в реализации потребности женщины самоактуализироваться будучи матерью.

С учетом данных теоретических предпосылок, была сформирована цель исследования: изучение особенностей организации времени матерью в ситуации со-бытия с маленьким ребенком и согласования ее представлений относительно планирования времени после рождения ребенка с супругом. Гипотеза: особенности организации времени матерью в ситуации со-бытия с маленьким ребенком связаны с удовлетворенностью браком, самоактуализацией и эмоциональным состоянием матери.

Для достижения цели исследования была подобрана соответствующая выборка – супружеские пары, состоящие в молодом браке (1-7 лет). Всего участвовало 40 супругов (20 супружеских пар). Исследование проводилось в течение первого года после рождения первенца.

Исходя из целей исследования, мы остановили свой выбор на следующих методах: авторские опросные процедуры «Особенности организации времени матерью в ситуации со-бытия с маленьким ребенком» и «Особенности организации времени матерью в ситуации со-бытия с маленьким ребенком: взгляд супруга»; самоактуализационный тест Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза, М.В. Латинской (САТ); методика В.В. Столина, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко для определения степени удовлетворенности браком супругов; адаптированная для изучения эмоционального состояния матери методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко. Методы обработки данных: качественные (контент-анализ; аналитическое сравнение, систематизация, аналитическое сравнение и обобщение полученных данных) количественные (методы описательной статистики; корреляционный анализ; коэффициент корреляции Пирсона). Для компьютерной обработки данных, полученных эмпирическим путем, использовались программы: «Microsoft Exel 2007».

В ходе обработки и интерпретации эмпирических данных были получены следующие результаты.

Было установлено, что с появлением ребенка 80% пар столкнулись с проблемой дефицита свободного времени, изменением привычного образа жизни. 90% жен и 55% мужей указали на то, что с появлением ребенка резко сократилось их свободное время и появился дефицит времени. 25% женщин указывали на то, что приходилось поздно ложится спать, или не спать

по ночам, чтобы выполнить все дела. 75% женщин указали на то, что после появления ребенка времени хватало в основном на заботу о нем и приготовление пищи, а также элементарному уходу за собой, личного времени не оставалось, такая ситуация в большинстве случаев характерна для первых месяцев после рождения ребенка. 75% жен и 65% мужей говорили о том, что недооценивали объем обязанностей по уходу за ребенком и переоценивали свои возможности, при этом 65% мужей все равно продолжали считать, что уход за ребенком это полностью женское дело.

75% женщин отмечали, что особые трудности возникали при резкой смене режима ребенка. 80% жен и 75% мужей указали, что режим ребенка оказывал наибольшее влияние на их собственный режим в первые пол года– год после его рождения.

85% жен и 15% мужей были ограничены в общении и социальных контактах. 65% женщин указали, что в первый год после рождения ребенка их общение было сведено до минимума и часто они не могли ответить даже на телефонные звонки. 35% жен стали понемногу возвращаться к привычному графику общения и встреч с друзьями, коллегами и знакомыми спустя пол года после рождения ребенка. Еще 40% спустя год и 25% женщин считают, что не скоро смогут вести привычный образ жизни.

Были выявлении и описаны особенности планирования времени женщинами. С помощью планов их будущее было представлено как относительно упорядоченная во времени совокупность событий, приводящих к достижению идеальных результатов, являющихся на данном этапе жизненного пути основными ориентирами жизнедеятельности.

Большинство планов женщин сформировавшихся во время беременности связано с сохранением собственного здоровья, рождением ребенка и будущим уходом за ним (такие планы имели 70% женщин). 45% также планировали подготовку к выходу на работу и выход на работу; социальные контакты; восстановление фигуры, посещение спортзала (из них только 15% смогли реализовать свои профессиональные планы, причем не в полной мере).

Были получены данные о том, насколько учитываются мужьями интересы матерей при планировании супругами свободного времени. 80% женщин отметили, что их интересы учитываются супругом недостаточно, не в полной мере. Из них 45% жен указали, что их интересы либо совсем не учитываются, либо редко учитываются. 35 % отметили, что по большей части их интересы супругом учитываются. 20% ответили, что их интересы учитываются полностью. Несмотря на то, что в 55% семей интересы женщин учитываются, реализуются они в разной степени. Так, из 35 % женщин ответивших, что по большей части их интересы супругом учитываются, только 20% указывают, что их интересы и потребности отражаются в семейных планах, а затем реализуются. Это может быть следствием недостаточной осведомленности мужей о потребностях, желаниях, личных планах супруги либо установки мужа на то, что его жена должна справляться с возникающими трудностями самостоятельно. У жен, которые отмечают возможность открыто говорить о своих планах, мечтах, желаниях более высокая удовлетворенность браком (по методике В.В. Столина, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко).

80% жен хотели бы, чтобы их супруг больше времени уделял им, помощи по дому и воспитанию ребенка («хотела бы, чтобы муж помогал убирать в квартире»; «хотела бы, чтобы супруг больше гулял со мной и ребенком на свежем воздухе и меньше проводил времени с друзьями»; «хотела бы, чтобы супруг имел больше свободного времени (60% рабочего и 40% свободного), чтобы мог уделить внимание ребенку, семье); «хотела бы, чтобы супруг помогал купать малыша и укладывать спать, иногда вставал ночью, когда ребенок заплачет»; «хотела бы, чтобы супруг меньше сидел за компьютером и больше времени уделял сыну»; «хотел бы, чтобы супруг уделял больше своего свободного времени семье, а не работе!» и т.д.) Строя планы в ожидании рождения ребенка 65% жен рассчитывали на помощь мужа и/или родителей в их реализации. 35% женщин в реализации планов рассчитывали только на себя, при этом после рождения ребенка 20% из них были вынуждены прибегать к помощи родственников и окружающих, чтобы справиться с возросшей нагрузкой. Ничего не хотят менять в распределении свободного времени после рождения ребенка 85% мужей и 20% жен. Следует указать, что согласно данным методики В.В. Столина, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко в этих парах удовлетворенность браком невысокая. Это может свидетельствовать о том, что в этих супружеских парах

с потребностями, интересами, мнением жен, относительно того, как им хотелось бы распределять время, мужья считаются меньше, реализуя в основном свои желаниями и интересы.

Интересно, что у тех женщин планы, которых были реализованы не в полной мере или вообще не были реализованы ниже показатель общей самореализации по самоактуализационному тесту Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза, М.В. Латинской (САТ) и выше показатели по отдельным симптомам эмоционального выгорания (неудовлетворенность собой; тревога и депрессия; неадекватное эмоциональное реагирование; редукция семейных обязанностей; эмоциональная отстраненность) и более сформированны фазы эмоционального выгорания (по адаптированной методике диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко). Это согласуется с данными опроса о том что 75% женщин в течение первого года жизни ребенка отмечали наличие признаков выраженного утомления: сильную усталость, сонливость, чувство бессилия, физический дискомфорт, потливость, одышку, боли различной этиологии (головную, боль в сердце, мышцах и т.д.), потерю интереса, снижение внимания, ухудшение памяти, чувство раздражения и/или неприязни к окружающему. 85% женщин ощущали хотя бы один из перечисленных признаков утомления/переутомления. В моменты переутомления 35% испытуемых могли прикрикнуть или шлепнуть малыша.

Интересный факт, что 80% жен и 55% мужей считает, что их ребенок в течение первого года жизни был гораздо активнее их. Это субъективное ощущение связано с утомлением супругов вызванным нехваткой времени для отдыха и обязанностями, появившимися в связи с рождением ребенка.

На основе корреляционного анализа выявлены связи между особенностями организации времени матерью в ситуации со-бытия с маленьким ребенком и удовлетворенностью браком, самоактуализацией и эмоциональным состоянием матери. Так, были установлены следующие связи.

Установлена сильная положительная корреляция между количеством личного времени, которое женщина может посвятить себе, удовлетворению своих потребностей, интересов и ее удовлетворенностью браком ($r = 0,47$; $p < 0,05$).

Выявлена положительная корреляция между количеством свободного времени, которое женщина тратит на реализацию личных целей и планов и общим уровнем самореализации ($r = 0,61$; $p < 0,05$).

Установлена сильная отрицательная корреляция между количеством времени, которое женщина тратит на отдых и уход за своим здоровьем и уровнем эмоционального выгорания ($r = 0,75$; $p < 0,05$).

Таким образом, можно заключить, что цель данного исследования, которая состояла в изучении особенностей организации времени матерью в ситуации со-бытия с маленьким ребенком и согласования с супругом ее представлений относительно планирования времени после рождения ребенка, была достигнута. Гипотеза была подтверждена: особенности организации времени матерью в ситуации со-бытия с маленьким ребенком связаны с удовлетворенностью браком, самоактуализацией и эмоциональным состоянием матери.

Подводя итог, хочется отметить, что, несмотря на все сложности, связанные с организацией времени супругами в период после рождения ребенка, те пары, которые научились согласовывать супружеские представления относительно планирования и организации времени, сделали шаг к укреплению семейных отношений.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПОМИНАНИЙ О СИТУАЦИЯХ УСПЕХА НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ

Шахова Е.М.
г. Краснодар
magnoly@mail.ru

Одним из ведущих компонентов самоотношения личности является его представление о себе как личности, которое обязательно включает представление о собственной успешности в жизни. При этом, понятие успешности относится не только к привычной профессиональной

сфере, но ко всем психологическим пространствам бытия личности. Проблема восприятия человеком собственной успешности в разных сферах жизнедеятельности требует глубокого, всестороннего анализа. В том, насколько успешным ощущает себя человек, какими ресурсами он обладает и как переживает неудачи, отражены свойства его личности, условия его развития и воспитания, отношения с социальным окружением. Для зрелого человека образ себя как успешного или неуспешного является регулятором жизненной активности, самоактуализации.

Жизненная и личностная успешность это сложные феномены, исследованию которых посвящено не много работ. Методологической базой представленного исследования выступили: представления о жизненном пути и автобиографических воспоминаниях личности (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Н. А. Логинова, В. В. Нуркова, Ю. Б. Шлыкова); техники анализа биографических данных (А. Адлер, Т. Н. Березина, Е. Н. Исполатова, Т. П. Николаева, Ю. Б. Шлыкова); представления о жизненном успехе и успешности личности (А. А. Деркач, С. Ю. Ключников, Н. Л. Иванова, А. В. Либин).

В исследовании приняло участие 48 человек (28 мужчин и 20 женщин). Возраст респондентов 35 – 45 лет. Возраст респондентов избран в связи с тем, что этот период является относительно стабильным в жизни человека, но связан с переосмыслением собственной продуктивности в жизни. Мы предположили, что для данной возрастной группы переживание успешности собственной жизни является актуальным.

Респондентам предлагалось описать несколько значимых воспоминаний о себе, связанных с ситуацией успеха или неудачи.

Первое воспоминание об успехе, которое приходит в голову.

Самый первый успех в жизни.

Воспоминание об успехе в дошкольном возрасте.

Воспоминание об успехе в школьном периоде.

Воспоминание об успехе во взрослой жизни.

Воспоминание об успехе за последний год.

Воспоминание об успехе в профессиональной сфере.

Воспоминание успеха в других сферах.

Самый большой неуспех в жизни.

Достижение, ситуация успеха, к которым вы стремитесь.

Представленные события предполагают различную смысловую нагрузку, которая позволит выявить как отдельные особенности отношения к успеху в жизни, так и общий субъективный уровень жизненного успеха.

Каждое воспоминание анализировалось отдельно и включало сравнительный анализ групп мужчин и женщин. Одним из критериев анализа стал показатель возраста отдельных воспоминаний. Этот критерий позволяет определить сензитивные периоды к формированию образа себя как успешного человека, а также определить широту контекста, в котором человек рассматривает собственный жизненный успех.

Мы выделили и описали некоторые гендерные особенности в отнесении воспоминаний к определенному возрастному периоду.

Первое вспомнившееся событие, связанное с успехом, отличает мужчин большим возрастным диапазоном, по сравнению с женщинами. Все женщины назвали события подростково-юношеского периода жизни. У мужчин первое событие не отнесено к общему временному отрезку. Это свидетельствует о том, что для женщин образ себя как успешной личности связан с достижениями ранней молодости, у мужчин общей групповой тенденции не обнаружено.

Самое раннее воспоминание мужчины относят к периоду младшей школы или переходу к младшему подростковому возрасту. В группе женщин раннее воспоминание об успехе приходится на более ранний период – дошкольное детство и младший школьный возраст. Мы видим, что появление образа себя как успешного человека приходится на период, близкий к начальной школе. Но у большинства респондентов он связан с учебными достижениями (даже в дошкольном возрасте). Мы можем говорить о том, что сознательные представления о собственном успехе появляются у человека к началу обучения в школе.

Далее рассматривался возраст воспоминания взрослого периода. Здесь возрастные интервалы в группах мужчин и женщин практически одинаковые. Все относят данное воспоминание к периоду 3 – 8 лет назад.

Воспоминание об успехе в профессиональной сфере выявило различия между группами. Так у мужчин описание успеха в профессии приходится на период от 5 до 12 лет назад. В группе женщин этот диапазон ближе к настоящему – от 1 до 6 лет назад. Возможно, эти различия обусловлены пониманием успеха. Для мужчин успех – конкретный результат. И события настоящего еще не включены в образ себя как успешного человека. Для мужчины необходимо время, чтобы оценить значение конкретного профессионального достижения в контексте всей деятельности. Для женщин более характерным оказалось переживание ситуации успеха, эмоциональная включенность в описываемое событие. В связи с этим, женщины включают профессиональное достижение в недавние события, которое еще эмоционально насыщено для нее.

Воспоминание об успехе в других жизненных сферах показало общую тенденцию выборки относить это событие к возрасту 20-30 лет. Но у женщин группа разделилась на две равные подгруппы: одни относят описываемое событие к возрасту 25-30 лет (и связывают его с семейной сферой, точнее с детьми), другие описывают события 15-17 лет (в основном это ситуации отношений с противоположным полом). Нами не учитывалось наличие у респондентов семьи и детей, но мы предполагаем, что актуализация воспоминания раннего или позднего интервалов имеют связь с наличием ребенка у женщины.

Ситуация неудачи также продемонстрировала интересные различия между группами. Так мужчины относят ситуацию неуспеха к периоду близкому настоящему (5 – 8 лет назад), женщины же значительно «отодвигают» ситуацию неуспеха от настоящего (10 – 20 лет назад). Возможно, это также объясняется эмоциональным отношением женщин к ситуации успеха / неудачи. Женщины не хотят переживать неудачу в настоящем, и включается защитный механизм – отдаление во времени негативного воспоминания.

Последнее событие – ожидаемый успех – относится всеми респондентами к периоду 2 – 8 лет от настоящего. Человеку необходимо стремиться к успеху, и этот успех не может быть слишком близок, он должен выполнять функцию идеала. В связи с этим воспоминание и отдалено от субъективного настоящего. Отметим, что успех через 2 – 3 года, как правило, связан с конкретным ожидаемым достижением *(«хочу добиться повышения…», «у меня состоится защита докторской диссертации…», «хочу завести второго ребенка…»*). Имеются возрастные особенности переживания успеха мужчинами и женщинами. Женщины раньше мужчин начинают осознавать себя в ситуации успеха. Максимальное количество ситуаций успеха женщины связывают с подростковым и юношеским возрастом, мужчины – с юношеством и взрослыми этапами.

В целом, мы выявили возрастные особенности переживания успеха мужчинами и женщинами. Мы можем утверждать, что отношение личности к собственному успеху в жизни связано с таким фактором как возраст. Также отметим, что биографический подход позволяет открыть новые способы интерпретации поведения, самосознания человека.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ С ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

Шебанец Е.Ю.
Сельмидис Л.Ф.
г. Майкоп
alena15@rambler.ru

Рождение ребенка с церебральным параличом, нарушает весь ход жизни семьи. Наибольшие трудности в данной ситуации приходятся на долю матери. Длительность психического стресса, который испытывает мать, приводит к различного рода психосоматическим расстройствам, так как растет тревога за его будущее. Нарушается содержание субъектного благополу-

чия личности–матери. Контингент испытуемых составили женщины, имеющие ***детей–инвалидов***.

Цель нашего исследования обусловила необходимость выявления объективных и личностных факторов, выражающих субъектную позицию женщин, имеющей ребенка-инвалида и характер их связи с ее субъективным благополучием.

К объективным факторам относятся: семейное положение женщин (полная / неполная семья), наличие профессии и трудовая занятость женщины. Каждый из этих факторов выражает субъектную позицию личности женщины, имеющей ребенка-инвалида, для которой проявление активности в получении образования, трудовой занятости требует больших усилий и настойчивости. Сохраняя семью в тяжелой жизненной ситуации, поддерживая отношения взаимопонимания с супругом, женщина в большей мере будет субъектом своей жизни, так как зачастую сохранить семью, воспитывающую ребенка-инвалида, гораздо сложнее в силу повышенной стрессовой нагрузки на супругов.

В исследовании приняли участие 50 женщин, имеющих детей-инвалидов с церебральным параличом. Для изучения личностных особенностей матерей и их субъективного благополучия использовались следующие методики: «Уровень субъективного контроля», методика «Выход из трудной жизненной ситуации» и «Шкала субъективного благополучия». Кроме этого, была разработана анкета, включающая оценки отношения к ребенку и взаимоотношений в семье и содержащая социально– демографические показатели. Обоснованность выводов подтверждалась использованием статистических методов. На основе анализа эмпирических данных были сделаны следующие выводы.

Фактор трудовой деятельности женщин, имеющих ребенка-инвалида, позитивно сказывается на их субъективном благополучии. У работающих женщин выше уровень образования по сравнению с неработающими, у них чаще полная семья и отношения в семье более благополучны (отец ребенка помогает ей в уходе за ребенком, и у них складываются отношения и взаимопонимание), меньшему числу работающих матерей приходится отказываться от чего-либо ради ребенка; у них чаще, чем в семьях неработающих женщин, есть еще дети, и это желанные дети.

У профессионально подготовленных женщин уровень субъективного благополучия выше, чем у женщин без профессионального образования. Они отличаются тем, что реализуют себя в профессии, несмотря на занятость, они проводят время с семьей, более оптимистичны в оценке будущего своего ребенка, меньшему количеству таких матерей приходится отказаться от чего-либо ради ребенка, с мужем сложились хорошие взаимоотношения, большинство мужей участвуют в воспитании ребенка. Активность женщин, получивших образование, работающих свидетельствует о проявлении субъектности их личности, обусловливающей субъективное благополучие.

Анализ влияния фактора полноты семьи показал, что в полной семье, несмотря на возникающие в связи с болезнью ребенка сложности, уровень субъективного благополучия женщины, имеющей ребенка-инвалида, выше, чем в неполной. Женщины из полных семей чаще имеют профессиональное образование; у большинства из них есть еще дети, причем все дети желанные; меньше женщин, чем в неполных семьях, отказываются от чего-либо ради ребенка, отношения с мужьями замечательные, последние оказывают помощь гораздо чаще, чем в неполных семьях; такие семьи часто проводят время всей семьей.

Субъектные качества личности матери, имеющей ребенка-инвалида, обусловливают ее субъективное благополучие. К таким качествам относятся: интернальность, т.е. умение и желание активно вмешиваться в происходящее в соответствии со своими планами и надеяться на собственные усилия, а не обстоятельства, а также умение находить в себе силы справляться с жизненными трудностями и не приходить в уныние

Анализ достоверных различий и средних значений личностных качеств женщин из разных групп субъективного благополучия позволил сделать следующие выводы.

Женщины с низким уровнем субъективного благополучия характеризуются в целом более низкими показателями субъективного контроля. Они отличаются экстернальностью в области межличностных отношений и меньшей интернальностью в семейных отношениях, чем в

других группах. По показателям методики ТЖС они характеризуются, в отличие от женщин с высоким уровнем субъективного благополучия, неумением адекватно реагировать на жизненные проблемы.

Женщины со средним уровнем субъективного благополучия обладают большим количеством интернальных качеств, чем в группе с низким уровнем субъективного благополучия. Для них характерна интернальность в семейных и межличностных отношениях. Меньше выражены у них и негативные реакции на сложные жизненные ситуации.

Группа женщин со средневысоким уровнем субъективного благополучия характеризуется более высоким общим показателем интернальности. Значения интернальности в этой группе выражены в области достижений, семейных отношений и в области здоровья. Они значимо отличаются более высокой интернальностью в области семейных отношений по сравнению с другими группами. Женщины с таким уровнем субъективного благополучия значительно меньше расстраиваются, у них меньше проявляются эмоциональные срывы при возникновении проблем.

ФОРМИРОВАНИЕ КОПИНГ СТРАТЕГИЙ В СЛОЖНОЙ СИТУАЦИИ БЕРЕМЕННОСТИ

Шиповская В.В.
г. Краснодар
Aguseinov@yandex.ru

В перинатальной психологии беременность можно рассматривать как сложную жизненную ситуацию, требующей мобилизации ресурсов совладания. Беременность, особенно первая – критический период в поиске женской идентичности. В процессе успешной беременности женщина достигает половозрастной идентификации и обретает новый статус (Г.Г. Филиппова, 2002). Л.Н. Собчик указывает на состояние временной дезадаптации женщины в сложный период беременности, когда ее жизнь раскалывается надвое (Л.Н. Собчик, 1990).

В постиндустриальном информационном обществе произошла трансформация понимания ценности материнства. Наблюдается тенденция к актуализации специфического способа бытия личности, в структуру которого не вписывается материнство со всеми вытекающими нагрузками и ограничениями (Фоменко, 2006).

Сегодня никого не удивляют притязания женщин на высокий социальный статус, ориентация на успех, позволяющие достичь материальной независимости и безопасности. Беременность в этом случае рассматривается женщинами как барьер к построению успешной карьеры, угроза здоровью и материальному благополучию, препятствие к реализации жизненных целей, а для некоторых женщин, еще и как угроза изменения внешности и потеря сексуальной привлекательности. В этом смысле беременность выступает как ситуация «невозможности» (Ф.Е. Василюк, 1984), в которой женщина сталкивается с невозможностью реализации мотивов, стремлений, ценностей, поскольку карьерные и материальные притязания оказываются блокированными.

С изменением сакрального смысла беременности, высокого предназначения материнства и его духовной направленности ярко проявляются негативные формы девиантного материнства, вплоть до отказа от детей. Психологическая неготовность к принятию роли матери, отрицательная установка на деторождение отражается на течении беременности и родов и представляет реальную угрозу здоровью и жизни женщины и ребенка.

Беременность – это эпоха, в границах которой оформляется материнская сфера женщины, будущая взаимная привязанность матери и ребенка. С момента осознания и внутреннего принятия себя беременной у женщины обнаруживается симптом противоречивого отношения к беременности. На амбивалентность материнских чувств и на определенные трудности, возникающие в отношении к нежеланному ребенку, указывал З.Фрейд. Он отмечал, что много матерей, нежно любящих своих детей, однако они неохотно зачали их и иногда желали, чтобы живое существо внутри них не развивалось бы дальше (З.Фрейд, 1996).

Даже самая желанная беременность окрашивается противоречивым аффектом, в котором одновременно сосуществуют радость, оптимизм, надежда и настороженное ожидание, страх, печаль (В.И. Брутман,1996).

Эмоциональные состояния женщины во время беременности влияют не только на процесс анатомо-физиологического созревания плода, но и психического развития ребенка. В конце XX века американские исследователи опросили 500 женщин по поводу их переживаний беременности. Обнаружилось, что приблизительно 200 женщин не думали и не проявляли заботу о тех, «кого носят под сердцем». Дети таких матерей при рождении имели вес ниже среднего, чаще страдали от желудочных и нервных расстройств, а в дальнейшем испытывали значительные трудности при адаптации к окружающей среде (А. Бертен, 1991).

Выраженные перепады настроения и другие эмоциональные изменения долгое время рассматривались как характерные физиологические особенности беременных, в то время как эти проявления характеризуют внутреннюю конфликтность личностной сферы женщины, вплоть до непринятия материнства. Для многих женщин, находящихся на последнем триместре репродуктивного цикла, характерна беспомощность, пассивность, переутомление, высокий уровень тревожности, неадекватное аффективное реагирование, интравертированность, пассивная зависимость, депрессивность, отсутствие уверенности в своих силах (В.В. Шиповская, 2009). Контроль над ситуацией, выбор стратегий решения проблем в сложной ситуации часто связывают со стратегиями совладания, которые рассматриваются в психологии как осознанное рациональное поведение, направленное на устранение стрессовой ситуации, зависящее от внешних и внутренних условий – личности субъекта и реальной сложной ситуации, а также от степени социальной поддержки (Т.А. Крюкова, 2008). Последовательность онтогенетического и исторического развития защитных механизмов психики обуславливает и разную организацию оптимальных систем преодоления или копинга (Р.М. Грановская, 2007).

Распространенность непродуктивных стратегий совладания в период беременности находится в противоречии с недостаточной изученностью видов, разнообразия копинг-стратегий, используемых женщинами. Слабо исследована эффективность применения копинг-стратегий, их адекватность относительно сути и специфики проблемной ситуации. Необходимо отметить, что специфика ситуации беременности состоит в том, что на выбор копинг-поведения женщины может оказывать влияние плод. Парадокс заключается в том, что неразумное и несознательное (плод) начинает «управлять» сознательным и разумным, проявляя в этом все большую активность и, тем самым многократно увеличивает ресурс своих возможностей (В.Т. Кудрявцев, Г.К. Уразалиева, 2001).

Если беременность нежеланна или женщина не готова к ней в силу разных обстоятельств – личностной незрелости, отсутствия опыта, нарушенного взаимодействия с собственной матерью, недостаточного культурного уровня, сопровождается дополнительными негативными событиями (семейные проблемы, конфликты, плохое здоровье, отсутствие социальной поддержки), то вероятность использования непродуктивных способов совладания возрастает. В нашем исследовании (выборка составила 300 респонденток) выявлено, что респондентки с благоприятно протекающей беременностью чаще выбирают социальное отвлечение. Обнаружено, что многим женщинам не свойственна проблемно-ориентированная стратегия выхода из стресса, и на их поведение влияют какие-то компоненты, снижающие возможность продуктивных стратегий выхода из стресса. Предполагаем, что этим значимым компонентом является личностная беспомощность, которая приводит к тому, что женщины усваивают неэффективные стратегии совладания со стрессом, усиливающие дистресс.

Однако любая стрессовая ситуация может быть управляема, и ее неблагоприятное влияние на здоровье может быть нивелировано за счет удачного набора внутренних (интернальных) и внешних по отношению к личности (экстернальных) ресурсов (Seligman, M.E.P., 1991). Умение пользоваться копинг-стратегиями имеет большое практическое значение и для женщины, и для еще не рожденного ребенка.

Эффективность стратегий копинга определяется развитием самосознания, не только представлениями о саморегуляции, но и ее управлением. В формировании продуктивных копинг-стратегий в ситуации беременности традиционно придается большое значение повыше-

нию личной ответственности за собственную жизнь и жизнь ребенка, а также снижению беспомощности и тревожности.

Материнство может выступать как вызов и своеобразный шанс, ведущий к самопониманию и самопринятию, расширению сознания и духовному преображению личности. Овладение продуктивными копинг-стратегиями в их разнообразии вплоть до оптимизма и юмора, позволяет смягчать значимость индивидуальных проблем и снижать стрессовое воздействие ситуации беременности. В этой ситуации неопределенности, характерной неопределенностью последствий, важна не только позитивная установка на материнство, но и внутренняя духовная работа, которая будет способствовать овладению навыками саморегуляции, контролю над внешними обстоятельствами, развитию личностного потенциала.

4. ПРОБЛЕМЫ СО-БЫТИЙНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СО-БЫТИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕЕ СУБЪЕКТОВ

Бондарев П.Б.
г. Краснодар
pbondarev@rambler.ru

Вопросы методологии, теории и практики проектирования социокультурной и образовательной реальности сегодня недостаточно обсуждаются в научной литературе. Вместе с тем, способность как общества в целом, так и отдельных его граждан к проектированию социальной реальности является необходимым условием ее развития.

В качестве основания проектирования инноваций в социокультурной и образовательной сферах был выбран субъектно-событийный подход. Изначально в отечественной науке категория субъектности была заявлена в научных трудах известного психолога С.Л. Рубинштейна, затем развивалась в работах А.В. Брушлинского, В.П. Зинченко, В.А. Петровского и др. Современные психологические исследования в данном направлении ассоциируются с именами К.А. Абульхановой-Славской, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной.

В социологии этот подход применялся в конце XX века научным коллективом под руководством Т.М. Дризе, в составе Э.А. Орлова, О.Н. Яницкого и др., при разработке теории прогнозного социального проектирования. В педагогике субъектно-событийный подход реализуется в контексте теории и практики педагогической поддержки, разработанных О.С. Газманом и его соратниками Н.Б. Крыловой, В.П. Бедархановой и др. Применение субъектно-событийного подхода, таким образом, позволяет интегрировать при инновационном проектировании знания из различных социально-гуманитарных наук.

Человек в рамках субъектно-событийного подхода рассматривается как творец и деятель, преобразующий собою мир. Эта позиция имеет системообразующее значение при междисциплинарных исследованиях и преобразовании социальной реальности. Категория субъекта многомодальна и специфицируется как «субъект деятельности», «субъект познания», «субъект общения», «субъект жизни» (Брушлинский А.В., 2002).

В нашем случае речь идет о «субъекте проектирования образовательных и социокультурных инноваций», развитие которого и выступает основным механизмом развития социальной реальности. Социальные процессы вне рамок субъектно-событийного подхода рассматриваются технократически, при его использовании на передний план выходят целеполагание и мотивация субъекта, а развитие социальной реальности становится результатом его преобразовательного отношения к миру.

Важнейшей особенностью субъектности человека является то, что она существует, развивается и проявляется только во взаимодействии с другими людьми. Совместное бытие является основой общечеловеческой жизни. В целом анализ работ по проблематике отношений «личность – социальная реальность» позволяет определить, что рост субъектности реализуется через «экстериоризацию» личности в среду, преобразуя ее в соответствии с собственными смыслами.

Для обозначения этого процесса используется понятие «овладение», смысл которого раскрывается в работах Л.С. Выготского. Он характеризовал «овладение» как процесс сознательной, целенаправленной, избирательной активности личности, которая направлена на изменение с целью совершенствования окружающей среды и себя. А.Г. Асмолов пишет: «в ходе жизни обозначается переход от режима употребления, усвоения культуры к режиму овладения ею...» (Асмолов А.Г., 2009).

В структуре методологии инновационного проектирования в рамках субъектно-событийного подхода исследователи выделяют: принцип совместной деятельности; принцип

социального участия; принцип опоры на «субъектность» человека (его активность, инициативность, ответственность, интегрированность); принцип задействования групповой и индивидуальной рефлексии.

Субъектно-событийный подход к развитию социальной и образовательной реальности конкретизируется в трёх основных методологических аспектах:

– целенаправленное создание психолого-педагогических условий, обеспечивающих эффективное развитие субъекта на фундаменте врождённых способностей;

– непрерывное развитие социальной и образовательной реальности путём организации и запуска инновационных процессов;

– развитие системы образования рассматривается как инструмент эффективного развития социальной реальности.

Первый аспект обусловлен происходящим в современной педагогике пересмотром традиционных представлений о сути образования. Образование понимается как процесс становления и развития целостного человека (достижения социальной и личностной зрелости), освоения им эффективных способов реализации себя в культуре путём совместной с другими людьми жизнедеятельности (социальных, профессиональных и пр. компетенций).

Второй аспект методологии субъектного развития социальной реальности связан с необходимостью проектирования, организации и запуска инновационных процессов. Понятие «инновация» известный социолог и культуролог А.И. Пригожин определяет как форму управляемого развития, целенаправленное изменение, которое вносит в среду внедрения новые относительно стабильные элементы. Движущей силой инноваций в социальной и образовательной реальности выступает инициатива субъектов образования по выдвижению, распространению и практической реализации своих идей.

Третий методологический аспект рассматривает инновационное развитие общества как продукт инновационной деятельности системы образования. Образованию возвращается его изначальное назначение продуцировать вокруг себя новую социокультурную среду, обеспечивать жизнеспособность становящихся форм социальной реальности.

Формирование идеального представления в проектной деятельности обычно проходит путь от эмоционального переживания неудовлетворенности субъекта наличным состоянием проектируемого объекта к оформлению образа, отвечающего его актуальным потребностям. Отсюда выявляются три направления проектно-мыследеятельностной работы субъекта: выявление несовершенств данного объекта, предмета; определение социальных и субъектно-определённых потребностей; обозначение разрыва между желаемым и действительным как проблемы.

Отмечается положительная связь между проектной деятельностью и саморазвитием её субъектов. Участие в проектировании инноваций ставит людей в позицию «хозяина жизни», когда человек как творец разрабатывает для себя и других новые условия жизни. Согласно известной философской формуле, «только изменяя обстоятельства своей жизни, человек изменяет самого себя». Иными словами, социальное проектирование выступает как необходимая субъектная форма участия человека в социальном самоуправлении.

В 2005-2011 гг. в рамках проведенных при поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края исследований под научным руководством П.Б. Бондарева на базе муниципального образования город-курорт Геленджик были доказаны предположения, о том, что:

– развитие социальной и образовательной реальности обусловлено практикой проектирования и реализации инноваций;

– при запуске инновационных процессов в социальной сфере существенную роль играет взаимосвязь науки и практики;

– практико-ориентированная наука становится междисциплинарно-комплексной, оперативно-проектной, поскольку связана с конструированием сложных социальных систем;

– направленность развития социальной реальности зависит от тезауруса (системы ценностей, смыслов, установок) субъектов проектирования.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ С КРЕАТИВНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ ТВОРЧЕСКИХ И ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ[1]

Грушко Н.В., Чернобровкина С.В.
г. Омск
natvic2000@mail.ru, chernobrovkina_s@list.ru

Наше исследование, выполняемое при поддержке гранта РГНФ, направлено на создание-целостного представления о психологическом феномене «творческий потенциал», как факторе социально-психологической адаптации личности в современных меняющихся экономических условиях.

Принципиально новая социально-экономическая ситуация в России требует развития в человеке таких личностных качеств, которые помогли бы ему не просто функционировать в условиях сложного современного общества, но и стать активным субъектом общественной жизни, способным творчески преобразовывать действительность, используя весь спектр своих возможностей.Формирование нового общественного мировоззрения требует личность, глубоко знающую себя и владеющую собой, активно проявляющую свою индивидуальность, способную принимать решения и нести за них ответственность, стремящуюся к саморазвитию, способную противостоять усредняющему воздействию окружающего мира.

Развитие такой личности связано с саморазвитием и творческой реализацией, которые формируются в процессе получения профессионального образования. Проблемой современного высшего профессионального образования является его исключительная направленность на формирование систематизированных знаний, умений и навыков, отсутствие создания условий для гармоничного развития личности, что в свою очередь приводит к подготовке обезличенных молодых квалифицированных кадров.

При этом важно помнить, что приобретение профессионального образования не является единственным фактором взросления личности. Период обучения в высшем или среднеспециальном учебном заведении связан, как правило, для молодого человека с решением целого спектра задач, соответствующих его возрастному этапу.

Одной из актуальных психологических проблем является проблема эффективной социально-психологической адаптации молодых людей к современных социальным условиям.

Реализованные в концепциях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, Б.Ф. Ломова, А.В. Петровского, Е.В. Шороховой положения позволяют раскрыть сущность процесса адаптации как выражения единства взаимодействующих сторон – человека и социальной среды, где основой выступает активность личности, ориентированная на познание окружающего мира и выработку четких принципов и определенных способов взаимодействия, дающих возможность и приспособиться к изменившимся социальным условиям, и преобразовать их по мере необходимости.

В настоящее время своеобразным механизмом адаптации личности к происходящим социальным переменам в значительной мере выступает креативность. Динамизм развития нашей страны в экономической и политической сферах вызвал существенные изменения в жизни людей. Для того, чтобы внутренне соответствовать современной действительности, необходимо не просто адаптироваться к новой ситуации, но и быть способным изменить её, при этом изменяясь и развиваясь. Поэтому особый интерес вызывают исследования, посвященные активной творческой личности и механизмам творческого мышления. Гибкость и оригинальность мышления можно с полным основанием рассматривать в качестве факторов выживания личности в условиях современного развития общества, как необходимые качества при решении жизненно важных проблем и, прежде всего, в оценке собственного места в реальной жизни. Неустойчивость и отсутствие гарантий истинности сегодняшних социальных ценностей требуют от личности самобытной оценки происходящих событий.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-16-55005)

Теоретической основой изучения креативности в нашем исследовании явились работы зарубежных авторов (Г.Ю. Айзенк, Ф. Баррон, Д. Векслер, М. Вертхаймер, Дж. Гилфорд, Е. Торренс, Х. Грубер, Р. Крачфилд, А. Маслоу, С. Медник, Р. Стенберг, Р.Е. Тафель, М. Уоллах, Дж. Хеслруд, Э. Шехтель и др.).

Проблему креативности во второй половине XX-го века в отечественной науке рассматривали Д.Б. Богоявленская, Ч.К. Борисов, А.В. Брушлинский, Н.Ф. Вишнякова, М.С. Каган, А.Т. Ковалев, А.Д. Лук, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев, В.Г. Рындак, И.Э. Стрелкова, А.В. Морозов, В.И. Петрушин и другие ученые и исследователи.

Таким образом, в зарубежной и отечественной науке и практике накоплен большой и содержательный материал, который дал определённые результаты как в теоретическом, так и в практическом отношении, однако единой и стройной теории креативности до сих пор не существует, как и не существует всеми признанных методик, диагностирующих данное свойство.

В данной статье мы хотим представить результаты пилотажного исследования, связанного с выявлением взаимосвязи параметров социально-психологической адаптации молодежи и одного из основных компонентов творческого потенциала личности – креативности.

Исследование включало задачу создания и апробации комплекса психологических методик и тестов для диагностики творческого потенциала, что позволит дифференцировать группы молодых людей по особенностям его проявления. Дальнейшим этапом исследования является осуществление психокоррекционной работы с молодыми людьми, имеющими низкие показатели социально-психологической адаптации, по формированию системы средств распознавания, реализации и развития собственного творческого потенциала в изменяющихся экономических условиях региона.

В нашем исследовании приняли участие: 21 студент Омского музыкально-педагогического колледжа специальности «Актёрское искусство» и 21 студент Омского колледжа профессиональных технологий специальности «Техническое обслуживание и ремонт автотранспорта. Все участники исследования – студенты 2-3 курсов в возрасте от 17 до 20 лет.

В ходе исследования были использованы следующие методы и методики. Тест вербальной креативности (RAT) С. Медника (адаптация А.Н. Воронина, взрослый вариант), позволяющий измерить такие показатели, как оригинальность и уникальность мышления. Тест невербальной креативности П. Торранса, позволяющий измерить такие показатели, как беглость, гибкость, оригинальность и разработанность. Личностный дифференциал для выявления специфики представлений студентов о себе и людях с творческим и стереотипным мышлением. Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, позволяющая измерить частные и интегральные характеристики социально-психологической адаптации: адаптивность/дезадаптивность, приятие/неприятие себя и других людей, эмоциональный комфорт/дискомфорт, преобладание в жизни человека внутреннего или внешнего контроля, доминирование/ведомость и др.

Статистическая обработка полученных данных производилась с помощью методов первичной описательной статистики, сравнительных критериев (t-Стьюдента, U-Манна-Уитни), метода линейной корреляции Пирсона.

Результаты пилотажного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Существуют различия в количественных показателях вербальной и невербальной креативности студентов колледжей в зависимости от их специальности. Студенты творческой специальности в целом обладают более высоким уровнем развития креативности. При этом в группе студентов технической специальности на высоком уровне находятся показатели беглости и гибкости невербальной креативности.

В своих представлениях студенты творческих и технических специальностей более позитивно оценивают человека с творческим мышлением в сравнении с человеком со стереотипным мышлением. При этом студенты творческой специальности отождествляют себя с человеком, обладающим творческим мышлением, представляя его как идеал, образец для подражания. Студенты технической специальности отличаются более высокой оценкой собственных качеств, тем самым противопоставляя себя людям с творческим и стереотипным мышлением.

У студентов творческой специальности были обнаружены более высокие значения показателя социально-психологической адаптации – внутренний контроль и одновременно более высокие значения показателей социально-психологической дезадаптации: дезадаптивность, неприятие других, эмоциональный дискомфорт, внешний контроль и ведомость. Сравнительный анализ интегральных показателей социально-психологической адаптации студентов выявил значимость различий в проявлении эмоционального комфорта, которыйв большей степени выражен у студентов технической специальности.

Были обнаружены многочисленные взаимосвязи характеристик креативности с параметрами социально-психологической адаптации у студентов разных специальностей. Это подтверждает гипотезу о возможности рассмотрения креативности в качестве фактора социально-психологической адаптации. У студентов творческой специальности с параметрами социально-психологической адаптации взаимосвязано большое количество характеристик креативности: невербальная оригинальность, разработанность, гибкость, а также вербальная уникальность, что свидетельствует о наличии разных путей и способов повышения социально-психологической адаптации данной группы студентов. У студентов технической специальности с параметрами социально-психологической адаптации взаимосвязана одна характеристика креативности – вербальная оригинальность, что говорит об особой значимости развития речевых способностей у данных студентов.

Представленные выводы нуждаются в дальнейшем уточнении и проверке. В частности, будет продолжена апробация психодиагностического комплекса по диагностике творческого потенциала и социально-психологической адаптации молодежи в меняющихся экономических условиях. Планируется также апробация учебного курса ««Карьера для творческого человека» Основная цель курса – формирование у студентов целостного представления о современных технологиях реализации и развития собственного творческого потенциала в ситуации построения успешной карьеры. Актуальность введения данного курса обусловлена подходом к рассмотрению успешной карьеры как неотъемлемой части самореализации современного человека. Наиболее успешным профессионалом сегодня является тот, кто использует все возможности для собственного развития, постоянно обучается и легко усваивает новую информацию, имеет адекватные ожидания от организаций и быстро адаптируется к новым условиям. Для того чтобы встраиваться в социальное и профессиональное пространство личности необходимо проявлять свой творческий потенциал. Уже учась в вузе (как правило, обучение занимает четыре-пять лет, которые приходятся на период наиболее активного становления личности и специалиста), молодой человек может заложить мощную основу для профессиональных достижений во всей последующей деятельности. Спецкурс адресован тем студентам, кто ставит целью развитие собственной карьеры и хочет на этом пути помимо достижения профессионального мастерства обрести и сохранить себя как цельную личность, реализовать свой творческий потенциал.

Особенностью курса является большое количество практических заданий, варианты диагностики и самодиагностики (анкеты, опросники, тесты), которые включены в лекционный курс с целью активизации мышления студентов.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ В НЕМ

Кустов А.И.
г. Воронеж
vuaik@mail.ru

При рассмотрении проблем личности в образовательном пространстве, прежде всего, следует опираться на *со-бытийность* происходящего. При этом, необходимо установить чёткие рамки определений и понятий, применяемых при исследовании. Например, нужно иметь представления о том, что такое *образовательный процесс* и как *развивается личность* в ходе его реализации. В процессе проводимых исследований устанавливалось, каковы особенности

этого развития, его основные этапы, каково влияние со-бытийности как на личность в целом, так и на отдельные параметры образовательного пространства.

Со-бытийность в области образовательного пространства подразумевает совместное развитие как некоторых объектов, так и трансформацию пространства в котором они находятся. При этом, следует опираться на современный подход со-бытийности, содержащий компоненты как дифференциального, так и интегративного подходов. В соответствии с ним необходимо понимать, что, по сути, участвующие в процессе со-бытийности объекты самостоятельны, *детерминантны*. Однако, эта детерминантность не разделяет их, а лишь помогает более точно установить возникающие, формируемые в процессе взаимодействия эмерджентные черты. Причём, базовым событием в рассматриваемом нами случае является исследование с интегративных позиций, демонстрирующее, что проблемы личности в образовательном пространстве определяются совокупностью предшествующих со-бытий, совмещенных с участвующими в них объектами.

По сути своей, образовательное пространство помогает упростить и ускорить процесс познания окружающего мира, сделать его менее затратным и более наглядным.

Итак, суть *образовательного процесса* в современных условиях в значительной мере трансформирована. Теперь это не есть процесс передачи некоторой суммы знаний, некоторых закономерностей, хотя отчасти эти его характерные черты сохраняются. Однако, главным становится *концептуальное познание*, и, в некоторой степени, *совместное "проживание"* существующих установок в рамках одной, или даже нескольких дисциплин. Концептуальность познания в данном контексте подразумевает органическую связь всего материального, ту связь, которая, например, в рамках интегративного предмета "Концепции современного естествознания" выражается фразой "*всё связано со всем*". Не менее, а даже более важна вторая сторона современного образовательного процесса – *совместное "проживание"*, связанная с парадигмой со-бытийности. В определенной степени парадигма со-бытийности связана и с *компьютерным восприятием* окружающего нас пространства-времени, которое, по сути, является некоторым суррогатом познания живого, непосредственного.

Однако, при корректных поправках в компьютерный вариант познания, он может обеспечить пользователя достоверными сведениями. Но, при анализе "совместного проживания" нас в первую очередь интересует, конечно же, иной аспект – живое, непосредственное изучение какого-либо объекта (и набора его параметров или характеристик), процесса или явления. Живое здесь означает хотя бы гипотетическое допущение возможности получения некоторой недетерминантной зависимости, и даже там, где, как известно, она существует. В этом проявляется *элемент игры*, пусть даже футуристической новизны в изучении интересующего нас объекта. Не менее важен и интересен в рамках рассматриваемой нами второй стороны современного образовательного процесса вопрос о *масштабности* исследований и масштабности образовательного процесса.

Нами уже было отмечено, что процесс этот определяется совокупностью дифференциального и интегративного подходов. Проявляется же это в том, что *наблюдение одного и того же* явления или объекта, в одинаковых условиях, но в разных временно-пространственных рамках, *приводит к*, казалось бы, *различным результатам*. Но в этом-то и заключается истинная ценность современного образовательного процесса. Отражением этого ценного является пословица: "Большое видится на расстоянии". Если уточнить её – "*всё наблюдается и осмысливается в соответствующем пространстве и времени"*. Именно здесь-то и наблюдается связь всего со всем, хотя непосредственно-понятное дополняется редким и неочевидным – появляются *статистические закономерности*. Это одна из интереснейших особенностей со-бытийности, подчёркивающая сложность, многоуровневость окружающего нас мира. Каждому *со-бытию* назначено, в зависимости от его масштабности, значимости, весовых коэффициентов, своя периодичность появления.

Поэтому, для формирования личности в образовательном пространстве необходимо в значительной степени трансформировать представления о процессе образования. Он должен быть, прежде всего, *исследовательским*, насыщенным арсеналом инструментов, набором вариативных методик. При этом, исследователь, в широком понимании, должен помнить, что по-

знание окружающего мира происходит через постоянное отрицание пройденного, в рамках самопознания, через самоэволюцию. И суть этого познания не есть конечный результат, мир не стремится к какой-то конкретной цели. Но он постоянно совершенствуется, отбирая из существующего не “лучшее”, и не “самое совершенное”, а лишь то, что максимально статистически совпадает с его нынешним состоянием.

Развитие в образовании по сути происходит на основе двух процессов – утверждения уже достигнутого и отрицания прежней методологии познания с переходом к новой, на которую затрачивается много меньше времени (а время и пространство по сути атрибуты материального мира, отражающие его со-бытийность). Преподаватель присутствует с его зафиксированным опытом и методологией; студент же – в значительной степени отрицает предыдущий опыт, проверяет его на истинность, соответствие его эмпирическим представлениям. Для успешного развития личности в рамках образовательного процесса *не следует его слишком “заорганизовывать*”, перегружать его известными фактами и закономерностями. Такой путь возможен лишь для ограниченного круга специалистов, призванных эксплуатировать уже созданные устройства, концепции, сооружения.

Истинное же образование подразумевает постоянное “путешествие” в окружающем нас материальном мире, постоянную реакцию на происходящие в нём события, как понятные нам, так и неожиданные, непредсказуемые. Предлагаемая нами концепция с успехом может быть осуществлена и в рамках современных подходов, базирующихся на стандартах третьего поколения. Главное не перепутать цель и инструмент. На наш взгляд, вполне допустимо, и даже полезно, изучать дисциплину с помощью многовариантного сценария, предусматривающего значительное время самостоятельной работы с объектом или с материалом о нём. *Со-бытийность* в данном случае проявляется в полной мере на более поздних этапах, когда происходит совместное обсуждение полученного и понятого. При этом именно защита своего проекта помогает быстро научиться принимать самостоятельные, аргументированные решения, сохраняя возможность фиксации более редких, “неочевидных”закономерностей.

И, наконец, в ряде случаев имеет смысл применять *комплексные* методики, содержащие возможности изучения какого-либо процесса или явления различными способами. Прежде всего, данное предложение касается компьютерных методов исследования и методов, основанных на новых принципах (например, акустомикроскопические методы исследований в сочетании с компьютерной обработкой результатов). Свобода в выборе объектов и методов исследований, безусловно, приведут к эффективному и быстрому формированию личности в ходе образовательного процесса. Первые эксперименты в данной области подтвердили правильность выдвинутых предложений.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ СРЕДИ СТУДЕНТОВ КрасГМУ

Рондова К.В.
г. Красноярск
kristina-rondova@mail.ru

Между человеком и обществом существует непрерывное взаимодействие. Так, человек пытается преобразить общество или просто научиться сосуществовать с другими людьми. В то же время общество пытается поставить человека в определенные рамки, создавая моральные требования, не всегда совпадающие с собственными желаниями человека.

Перед человеком встает задача реализации своего потенциала, внутренних желаний в реальной действительности, где возникает проблема совмещения своих целей и смыслов со смыслами и целями других людей. Личностное событие не может произойти без со-бытийного совмещения своих смыслов со смыслами других людей.

Сложная проблема самоактуализации является центральной в психологии и философии. Экзистенциальная психология – направление в психологии, исходящее из первичности бытия человека, с которым органически связаны базовые экзистенциальные проблемы, стресс и тревога (Кондаков И.М., 2000).

Несмотря на то, что представители этого направления в философии и психологии поразному трактуют причины, служащие мотивацией для реализации своей сущности, все же можно обобщить: самоактуализация означает, что человек из того, что он есть в потенции, становится действительным человеком, развивая свои возможности, свои способности и задатки, совершая решительный выбор. Неумение или другая причина для не развития способностей означает, что человек не самореализовался. И в этом смысле он равен тому, кто этих способностей не имел вовсе (Валерунова Н.Г., Матвейчик О.А., 2004).

Попытки реализовать всю сущность, метаться от одной возможности к другой, и не одну из них не актуализовывать – это отход от самоактуализации. Такой человек всегда остается на уровне возможностей быть кем-то, никем при этом не являясь. Поэтому великие люди говорили, что «лучше принять плохое решение, чем не принять никакого» (Бонапарт Н.) и «мастерство проявляется в умении себя ограничивать» (Гёте И.В.).

В глубине различия между «возможностью» и «действительностью» лежит различие между «сущностью» и «существованием» («эссенцией» и «экзистенцией»). В существовании не может заключаться противоречия – человек может либо бежать, либо стоять. В сущности, напротив, может быть противоречие: человек может и бежать, и стоять, но не в один и тот же момент. В силу своей временности и относительности человек не может актуализировать всю свою сущность в одно и то же время и в одном и том же отношении (Валерунова Н.Г., Матвейчик О.А., 2004).

Отсюда одна из главных проблем экзистенциальной психологии – это поиск смысла жизни. Того смысла, который расширит и реализует личность в ее ограничении в течение конкретной человеческой жизни. Виктор Франкл говорил, что у каждого человека есть врожденное стремление к поиску смысла жизни. Поиск этого смысла является двигателем поведения и развития личности. Может, мы и не задумываемся над этим, но это жизненно необходимо каждому из нас. И при утрате этого смысла наступает экзистенциальный вакуум, а как следствие ноогенные неврозы (Франкл В.Э.,1990). Наиболее остро эта проблема возникает среди молодого поколения, у которых проявляются срывы психики и попытки к суициду на фоне духовных переживаний, многократных огорчений в себе, в людях, в жизни. Ведь на фоне множества проблем юношеского возраста личности приходится определять свою жизненную позицию, осуществлять выбор профессии.

Целью нашего исследования стало сравнение представлений о смысле жизни у начинающих обучение студентов и студентов, заканчивающих обучение в КрасГМУ.

Исследование проходило в два этапа. В первом этапе, проведенном в 2008 году, принимали участие 90 студентов 2 курса, обучающихся в разных высших учебных заведениях г. Красноярска (Красноярский медицинский государственный университет, Красноярский государственный торгово-экономический институт, Сибирский федеральный университет), что позволило нам выделить четыре экспериментальных группы. Для определения жизненной позиции использовалась составленная нами анкета и методика «Тест жизненной цели» Дж. Крамбау и Л. Махолика.

На следующем этапе исследования, проведенного в 2012 году, были опрошены (помимо прежних студентов КрасГМУ) обучающиеся на 6 курсе и студенты 2 курса КрасГМУ. Тем самым в целом выборка составила 160 человек. Обозначенный состав выборки позволил нам сравнить оценку жизненной позиции среди студентов, начинающих обучение в вузе и посмотреть, изменилась ли жизненная позиция у студентов 6 курса.

На первом этапе исследования было выявлено, что у студентов КрасГМУ наиболее осмыслена позиция жизненной цели, и на наш взгляд, это обусловлено ответственностью выбора профессии врача. Уже при поступлении в медицинский вуз многие подростки осознают, что от них будут зависеть жизни людей.

На втором этапе исследования мы получили следующие результаты. Среди студентов 2 курса специальности «Лечебное дело» 88% опрошенных выбрали профессию самостоятельно, 69% респондентов не разочаровались в своем выборе, 35% испытуемых смысл жизни видят в семье, но и работа занимает не последнее место (17%). Переживания, связанные с обучением у 38% респондентов возникают лишь во время сессии, либо «иногда, когда заняты другим»

(35%). Мотивом выбора профессии для 48% исследуемых стала престижность, а винят в неправильном выборе только себя 47% опрошенных.

Большинство студентов 6 курса педиатрического факультета (57%) также выбрали профессию самостоятельно, не разочаровались в своем выборе 87% опрошенных, смысл жизни представляется большинству в благосостоянии (35%), в семье (32%), в работе (23%). Переживают по поводу учебы 37% респондентов. Мотивом выбора профессии послужила заработная плата для 50% испытуемых, а винят в неправильном выборе профессии государство 37% анкетируемых.

Среди студентов 6 курса лечебного факультета 83% респондентов выбрали профессию самостоятельно и не разочаровались в своем выборе. Смысл жизни представляется им, главным образом, в семье и благосостоянии (33%), в работе и успехе (17%). Переживают по поводу учебы 40% протестированных. В тоже же время 33% опрошенных не переживают по поводу учебы. Мотивом выбора профессии послужила ее престижность для 40% респондентов, винят в неправильном выборе родителей 25% исследуемых.

В целом, по результатам проведенного исследования было установлено, что большинство студентов делают свой выбор профессии осознанно и подходят к этому со всей ответственностью, что в дальнейшем помогает им избежать экзистенциальной фрустрации. Лишь некоторые опрошенные студенты переживают по поводу учебы, это значит, что им легче справляться с большой нагрузкой, поскольку они видят перед собою цель и знают, что в будущей профессии хотят себя реализовать в полной мере. В ходе сопоставительного анализа по вопросу разочарования в выборе своей профессии у студентов 2 курса (31%) оно выше, чем у 6 курса (17%). Возможно, это связано не только с тем, что у второкурсников формируется более реалистичное представление о будущей профессии, которое иногда ведет к разочарованию или «развенчанию» идеалистических представлений, но и с тем, что до 6 курса «доходят» студенты с устойчивой мотивацией и достаточной для обучения успеваемостью (остальные уже или перевелись на другой факультет или отчислены).

Основываясь на полученных результатах исследования, нами составлены рекомендации по организации профессиональных ориентационных мероприятий в общеобразовательных учреждения г.Красноярска. Главная направленность данных мероприятий должна быть связана с повышением осведомленности о будущей профессии врача и знакомство с возможными трудностями, которые могут встретиться во время обучения в медицинском вузе.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Сергеева Т.С., Чекалина А.А.
г. Москва,
sergeevassergeeva@gmail.ru, chekalina@inbox.ru

Профессиональное развитие – процесс социализации, направленный на присвоение личностью различных возможностей мира труда, в частности профессиональных ролей, знаний и навыков, развития профессиональной мотивации. Важные функции для профессионального развития выполняет профессиональное сообщество.

Социально-экономические преобразования в обществе обуславливают потребности изучения аспектов профессионального развития (Л.М. Митина, 2008), в том числе и исследований профессиональных сообществ. Профессиональное сообщество – это группы людей, регулярно вступающих между собой в коммуникацию (лично или виртуально) с целью обмена опытом и практиками, выработки знаний и поиска новых, более эффективных подходов к решению поставленных перед ними профессиональных задач. Профессиональное сообщество специфично наличием общей разделяемой участниками практики, используемой в повседневной профессиональной деятельности. Члены профессионального педагогического сообщества объединены совместной активностью (от бесед в обеденный перерыв до решения сложных проблем в специально отведенное время) и знаниями, приобретенными в результате участия в этой активности.

В настоящей статье мы рассматриваем вопросы качественных характеристик профессионального педагогического сообщества, которые демонстрируют студенты педагогического колледжа. Находящиеся на стадии профессиональной подготовки, студенты переживают юношеский возраст – один из ответственных периодов формирования личности. Среди множества вопросов проблема профессионального развития юношей и девушек является одной из центральных. Она связана с новообразованиями возраста – жизненного, личностного и профессионального самоопределения, задающими дальнейший путь развития. Центральная задача периода взросления – поиск идентичности личности, гендерной и профессиональной.

Анализ современного состояния исследований гендерной психологии (Л.Н.Ожигова, 2006, А.А.Чекалина, 2009) позволил рассматривать гендерные характеристики как совокупность биологических, психологических и социальных характеристик личности мужчины и/или женщины. Структурными компонентами гендера личности являются ее гендерные самосознание и идентификация, образующие гендерную идентичность, и особенности гендерного поведения женщины /мужчины. Гендерное самосознание выступает как важнейший элемент общего самосознания личности, обеспечивает чувство адекватности независимо от различных изменений Я и ситуаций. Содержательная составляющая гендерного самосознания раскрывается через категории «маскулинность-феминность». В целом, маскулинность и феминность – это нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин. Данные многочисленных исследований содержания гендерных стереотипов (С.Бем, 2002, И.С.Клецина, 2004 и др.) позволяют соотнести маскулинность с такими чертами личности как активность, амбициозность, аналитичность, лидерство, логичность, напористость, независимость, рационализм, склонность к риску, уверенность, умение отстаивать свои взгляды, целеустремленность и т.д. Феминность соотносится с гибкостью поведения, гуманностью, добротой, заботливостью, мягкостью, открытостью, пониманием, сочувствием, терпеливостью, эмоциональностью, умением уступать, чуткостью, доверчивостью и т.д.

Типы маскулинности/феминности определяются по виду жизненной стратегии представителя определенного пола, по степени соответствия профессии и распределения обязанностей в семье традиционному стереотипу, по сексуальной ориентации. Обладание теми и другими чертами оценивается как высокая андрогиния, низкая выраженность феминных или маскулинных качеств в субъекте соответствующего пола называется низкой андрогинией, или недифференцированностью.

Профессиональное развитие девушек и юношей по определению имеет различия, проявляющиеся на физическом, физиологическом, психологическом, социальном уровнях развития личности (И.С.Клецина, 2001). Определены различия между юношами и девушками в процессе профессионального самоопределения, в его динамических и личностных характеристиках. Большинство подростков выбирают профессии, соответствующие их гендерной идентичности, в профессиональном самоопределении девушки занимают более активную позицию по выбору профессии, осознанности и определенности путей ее получения (Ю.П.Вавилова и Н.В.Андреенкова, 2006, Л.А.Головей, 2010 и др.). Профессиональное самоопределение у юношей формируется в русле общей жизненной перспективы и органически входит в нее: чем более определенны планы на дальнейшую жизнь, тем выше уровень сформированности профессионального плана и степень уверенности в правильности профессионального выбора. У девушек жизненное и профессиональное самоопределение менее сильно связаны между собой, для них характерна большая эмоциональность и ситуативность самоопределения (Е.П.Ильин, 2002).

Выбор мужчинами или женщинами вида профессиональной деятельности определяется как биологическим, так и психологическим полом. Маскулинные субъекты мужского и женского пола чаще выбирают «мужские» виды занятий, феминные – имеют склонность к женским видам занятий (С.В.Афиногенова, 2007). Юноши и девушки различаются по профессиональным предпочтениям, динамике личностного и профессионального самоопределения, профессиональной мотивации, качеству профессионального плана (С.В.Калинина, 1998). Изучены особенности организованности в юношеском возрасте, показаны различия в направленности поведения у девушек и юношей (А.В.Кудинов, 2005). В юношеском возрасте наблюдаются ген-

дерные различия в мотивах выбора профессии (Д.Н.Мисиров, 2000), в построении образа будущего (Э.В.Прусова, 2006).

Возникает необходимость углубления представлений о том, как связаны гендерные особенности и процесс профессионального развития. Проведенное эмпирическое исследование имело своей целью определить особенности взаимосвязи гендерного самосознания и профессионального самоопределения личности в юношеском возрасте. Методами сбора данных явились теоретический анализ исследований по проблемам профессионального развития и гендерного самосознания, диагностические тестовые методики: исследования структуры и содержания гендерной идентичности «Методика изучения психологического пола» О.Г.Лопуховой; исследования уровня профессионального самоопределения: «Опросник профессиональных установок подростков» (М.И.Кондаков), «Структура интересов» (Хеннинг), «Опросник профессиональных предпочтений (Дж.Холланд); исследования профессиональной направленности личности «Дифференциально-диагностический опросник» (Е.А.Климов). В обработке результатов использовался непараметрический критерий U Манна-Уитни, корреляционный анализ.

Исследование проводилось на выборке студентов 2 курса среднего профессионального образовательного заведения – ГБОУ СПО Педагогический колледж № 18 «Митино», получающие специальности «Преподавание в начальных классах» и «Физическая культура». Девушки и юноши уже сделали профессиональный выбор, осваивают избранную профессию. Выборку составили 61 человек (30 юношей и 31 девушка), средний возраст испытуемых 16,8 лет. Выборка была разделена на 4 группы: девушки и юноши 15-16 лет – группы А, Б; 17-18 лет – группы $А_1$, $Б_1$.

Полученные эмпирические данные позволили выявить особенности гендерной идентичности исследуемых групп:

Наиболее высок процент андрогинного самосознания, но с возрастом выраженность андрогинных характеристик изменяется. Высокая андрогиния: девушки, группа А – 41,9%, $А_1$-37%; низкая андрогиния: группа А – 29,0 %, $А_1$ -22,7%. Высокая андрогиния: юноши, группа Б – 44,3%, $Б_1$ – 35,9%; низкая андрогиния: группа Б – 29,9%, $Б_1$ – 31,6%.

Выявлен рост как маскулинных, так и феминных характеристик у девушек (маскулинный тип: группа А – 12,8%, $А_1$ – 21,8%; феминный тип: группа А – 16,5%, $А_1$ – 20,7%).

В группе юношей усиливаются феминные характеристики (маскулинный тип: группа Б – 15,5%, $Б_1$-15,7%; феминный тип: группа Б – 13,2%; $Б_1$– 17,6%.

Данные настоящего и других исследований показывают, что в подростковом и юношеском возрасте преобладающими являются андрогинное гендерное самосознание. У девушек 17-18 лет одновременно растет доля как маскулинного гендерного самосознания, так и феминного, а у юношей – феминного.

Определение уровня профессионального самоопределения, отражающего сформированность интересов, соответствие личностных качеств избранной профессии, убеждение в правильности выбора, наличие профессиональных планов, дало следующие результаты. Суммарный процент высокого уровня профессионального самоопределения – 63,9%, средний уровень составил 27,4%, низкий – 8,7%. Отмечены определенные гендерные различия: у девушек более значителен результат как высокого (группа А – 45%, $А_1$ – 47%), так и низкого УПС (группа А - 13%, $А_1$ – 11%). У юношей показатели распределились следующим образом: группа Б – высокий УПС – 39%, средний 52,5%, низкий – 8,5%; группа $Б_1$ – высокий уровень УПС – 45%, средний – 49%, низкий – 6%.

Высокий уровень профессионального самоопределения взаимосвязан с высокой андрогинией. Низкий уровень профессионалшьного самоопределения взаимосвязан с маскулинным типом у девушек и феминным у юношей. Достаточно значителен процент соотношения маскулинности и высокого уровня профессионального самоопределения у девушек. Следует отметить, что феминный тип у юношей и девушек соотносится с высоким уровнем профессионального самоопределения чаще, чем с маскулинным. Однако и низкая андрогиния имеет значительные связи с высоким уровнем профессионального самоопределения. Этот факт требуют дальнейшего изучения и анализа, однако достаточно определенно прослеживается тенденция взаимосвязи высокого уровня профессионального самоопределения и высокой андрогинии.

Важным показателем уровня профессионального самоопределения является соответствие профессионального типа личности требованиям избранной профессии. При сохранении традиционных профессиональных сфер деятельности у девушек (социальный тип, артистический тип) значительную долю составляют сферы деятельности предпринимательской, реалистической и интеллектуальной направленности. Число девушек, относящих себя к мужскому реалистическому профессиональному типу незначительно, но возрастает (12,98% – группа А, 14,76% – группа $А_1$). Причем, доля «женских» профессиональных типов снижается. Следовательно, у девушек с ростом маскулинных характеристик усиливается склонность заниматься трудом больше традиционно свойственным мужчинам, требующим инициативности, мобильности, лидерских качеств, высокого уровня ответственности.

У юношей также сохраняется традиционность в выборе профессиональной сферы (основным профессиональным типом обеих групп является предприимчивый (21,76%-группа Б; 19,54%-группа $Б_1$). В старшей возрастной группе возрастает количество юношей конвенциального профессионального типа (15,25%-группа Б и 17,72% – группа $Б_1$), для которого характерна конформность, ригидность и малая активность. Незначительно, но растет доля артистичного профессионального типа (17,01% в группе Б, 18,44% в группа $Б_1$), традиционно считающегося “женским” и требующим эмоциональности, воображения и интуиции, гибкости, умения нравиться и произвести приятное впечатление.

К показателям уровня профессионального самоопределения относится сформированность профессиональных интересов. Девушки и юноши предпочитают традиционные для своего пола области знания и деятельности: у девушек приоритетными интересами являются интерес к музыке, моде, морали, путешествиям; сфера интересов юношей также носит традиционный характер (техника, философия, путешествия, спорт). У девушек снижается интерес к традиционно женским видам деятельности и появляется склонность к области интересов, традиционно характерным для мужчин: растет интерес к географии (5,0% – группа А, 9,3% –группа $А_1$), морали (5%-группа А, 8,5% – группа $А_1$), спорту (2,5%-группа А, 6,8%-группа $А_1$); у юношей снижается интерес к традиционно мужским занятиям – путешествиям и спорту (20,9% – группа Б, 14,3% – группа $Б_1$).

С профессией девушки связывают будущую работу (28,78%), образование (13,96%), деньги (15,11%), успех, престиж (9,26%), общение (8,56%), цель, будущее (5,7%), семью (3,7%). Юноши, также как и девушки, с профессией связывают будущую работу (49,5%), деньги (27%), специальность (9,5%), образование (8,5%), семью (9,5%).Следует отметить, что возможность высоких заработков по получаемой специальности учитывается юношами чаще, чем девушками, что соответствует традиционному образу мужчины – «добытчика». Девушки при выборе профессии руководствуются стремлением к карьере, успеху, высоким доходам, престижем в обществе, что больше характерно для мужской системы ценностей. Юноши также смотрят на проблему выбора профессии прагматично и реалистично.

Выявлены достоверные различия между юношами и девушками по типам профессий «человек-природа» ($U=54,5$ при $p=0,01$), «человек-техника» ($U=12,5$ при $p=0,01$), «человек-человек» ($U=43$ при $p=0,01$), «человек-художественный образ» ($U=30$ при $p=0,01$), значимые различия по типу «человек-знак» ($U= 58,5$ при $p\leq0,05$). Маскулинные юноши чаще, чем феминные юноши выбирают профессии типа «человек-природа» ($U=3$ при $p =0,01$), и чаще чем маскулинные девушки выбирают профессии типа « человек-техника» ($U=0$ при $p\leq0,05$). Феминные юноши чаще, чем маскулинные юноши выбирают профессии типа «человек-человек» ($U=0$ при $p\leq0,05$). Маскулинные девушки чаще, чем маскулинные юноши выбирают профессии типа «человек-человек» ($U=0$ при $p\leq0,05$). Феминные девушки чаще, чем феминные юноши выбирают профессии типа «человек-природа» ($U=1$ при $p\leq0,05$).

Таким образом, в профессиональном педагогическом сообществе отмечаются определенные гендерные особенности его участников. Гендерное самосознание личности здесь включается в процесс профессионального самоопределения, в отождествление себя с определенной профессиональной группой, в принятие ее целей и ценностей.

ЖИЗНЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ

Удачина П.Ю., Цопа С.А.
г. Краснодар
udachina@mail.ru, Sveta4069@mail.ru

В последнее десятилетие в России пугающими темпами растет количество детей, лишенных попечения родителей и воспитывающихся в государственных учреждениях. За последние десять лет число официально зарегистрированных детей-сирот в Российской Федерации увеличилось более чем вдвое и в настоящее время, по разным данным, составляет от 700 тысяч до 900 тысяч человек (С.А. Беличева, Т.И. Дьяконова, С.Н. Кабанов, Х.М.Сабуров, И.Н. Шатилов и др.).

При этом ежегодно более 15 тысяч воспитанников интернатов и детских домов начинают самостоятельную жизнь. Эта группа молодежи является социально дезадаптированной: 40 % выпускников совершают преступления, ещё 40 % становятся алкоголиками, наркоманами и людьми без определенного места жительства, 10 % кончают жизнь самоубийством и только 10 % выпускников государственных детских домов и интернатов России успешно адаптируются к самостоятельной жизни.

Для успешной самостоятельной жизни в современном обществе у воспитанников должны быть сформированы такие особенности личности как осмысленное отношение к собственной жизни, умение прогнозировать свое будущее, ставить соответствующие прогнозам перспективные цели в жизни, строить реалистичные планы будущего и реализовывать поставленныецели и планы.

Жизнь воспитанников детских домов в высокой степени регламентирована. Жесткаязаданность социальных нормативов возводит коллективную дисциплину в своего рода абсолют. Практически каждая минута жизни воспитанника расписана, предопределена педагогами и воспитателями. Заранее известно, что и когда делать. Это не подлежит обсуждению, не предполагает возражений, а тем более противостояния. Подобные условия жизни (без права выбора занятий и дел) не способствуют появлению ответственности и препятствует формированию самостоятельности у детей-сирот.В результате этого у выпускников интернатных учреждений сокращается жизненная перспектива, отмечается отсутствие планов на будущее и нежелание их строить и отсутствие умения организовывать свое свободное время.

Несмотря на большое количество работ по проблеме подготовки детей-сирот к самостоятельной жизни(Л.В. Байбородова, С.А. Беличева,В.В.Беляков, Л.И. Божович, М.И. Буйнов, Т.И. Дьяконова, И.Ф.Дементьева, И.В.Дубровина, И.А. Залысина, В.И. Каверина,И.Ю. Кулагина,Э.А. Минкова, М.Ю. Михайлина, А.В. Мудрик, И. Назарова, Л.Я. Олиференко, А.М. Прихожан, Н.Н.Толстых, Л.М. Шипицынаи др.)их анализ показал недостаточную степень разработанности данной проблемы. Практически нет работ, посвященных формированию умения самостоятельно организовывать свою жизнь,выстраиватьсвою жизненную перспективу.

С учетом данных теоретических предпосылок, была сформирована цель исследования: выявить связь особенностей жизненной перспективы детей-сирот с успешностью их социальной адаптации. В исследовании принимали участие 50 воспитанников Медвёдовского детского дома, Тимашевского района(18 юношей и 32 девушки). Возрастной диапазон 14-16 лет.

Исходя из целей исследования, мы остановили свой выбор на следующих методах: авторская опросная процедура «Жизненные цели и планы» для изучения особенностей жизненных целей и планов детей-сирот; адаптированная автором методика А.А. Кроник «Линия жизни» для исследования жизненных перспективы детей-сирот; Шкала СПА, разработанная К. Роджерсом и Р. Даймондом и адаптированная Т.В. Снегиревой для изучения уровня социальной адаптированности личности.Методы обработки данных:качественные (контент-анализ; аналитическое сравнение, систематизация, аналитическое сравнение и обобщение полученных данных) иколичественные (методы описательной статистики; корреляционный анализ; коэффициент корреляции Пирсона).Для компьютерной обработки данных, полученных эмпирическим путем, использовались программы: «MicrosoftExel 2007».

Приступая к рассмотрению содержательного своеобразия проблемы организации своей жизни детьми-сиротами, необходимо остановиться на анализе понятия временная перспектива.

По мнению М.В. Ермолаевойядро жизненной перспективы, без которого она утрачивает свою основную регулятивную функцию, составляют ценностные ориентации, жизненные цели и планы.

Жизненные цели выступают в качестве основных ориентиров жизненного пути в будущем. Они касаются будущего статуса личности в основных сферах жизнедеятельности (социальной, профессиональной, семейной и др.). Жизненные цели включают в себя намерения, связанные с приобретением профессии, трудовой карьерой, созданием семьи, рождением и воспитанием детей, решением жилищно-бытовых вопросов, любительскими занятиями и т.д. (Ермолаева М.В., 2006).

Жизненные планы являются средством осуществления жизненных целей, их конкретизацией в хронологическом и содержательном аспектах. Они определяют порядок действий, необходимых для реализации жизненных целей. С помощью этих понятий будущее может быть рассмотрено как относительно упорядоченная во времени совокупность событий, приводящих к достижению идеальных результатов, являющихся на данном этапе жизненного пути основными ориентирами деятельности человека (Абульханова-Славская К.А., 2001).

В ходе обработки и интерпретации эмпирических данных были получены следующие результаты.

Данные, полученные при помощи опросной процедуры «Жизненные цели и планы», дали возможность обнаружить следующие факты: у основной части детей-сирот присутствует некое безразличие к своему будущему.

У 88 % респондентов отмечается отсутствие долгосрочных планов на будущее и нежелание их строить. 58 % респондентов ставят перед собой краткосрочные цели. 30% респондентов ставят перед собой среднесрочные (достижимые в течение нескольких лет) цели. Для детей-сирот характерны ситуативность желаний, слабая ориентированность на будущее, отсутствие временного плана собственных действий.

68 % детей-сирот строят планы в нескольких областях своей жизни. Чаще всего это планы, касающиеся достижения близких целей, связанных с межличностными отношениями;социально-одобряемыми поступками; с возможностью избежать проблем и опасностей.Редко в планах жизни фигурируют событиясвязанные с семейными отношениями, с созданием семьи, с рождением детей, поступлением в университет или колледж (при беседах многие дети-сироты откровенно говорят: «Мне все равно. Куда направят, там и буду учиться»).

Наиболее желанные долгосрочные жизненные цели детей-сирот чаще всего связаны с такими категориями, как«Деньги» − эту категорию упоминает в планах 52% детей-сирот;«Свобода» –46%, затем «Власть и Сила» (обретение возможностей решать возникающие на жизненном пути проблемы с помощью силы)− 34% и меньше всего воспитанников детского дома ориентируются на категорию «Работа/профессиональная деятельность»–16%.Можно предположить, что такая последовательность выборов обусловлена тем, что желание иметь деньги и быть свободным наиболее привлекательны для детей-сирот. Доминирование данных категорий связано с тем, что, что названные категории, как правило, у воспитанников детского дома отсутствуют. В связи с этим возникает еще одна проблема, отсутствие навыков обращения, как с денежными ресурсами, так и с самостоятельной организацией времени.

У 60% детей-сирот действия, направленные на достижение и реализацию жизненных планов мало осознаны. Респонденты не могут назвать конкретные шаги, которые предпринимают для того, чтобы достичь целей, вплоть до каждодневных, оперативных действий, и даже приблизительное время, которое они тратят на достижение своих целей.

Выяснилось, что 58% испытуемых не проявляют активности в реализации жизненных планов, они пассивны в достижении жизненных целей и не осознают свою ответственность за реализацию жизненных планов.

62% испытуемых считают, что достижение жизненных целей зависит от случая, непредвиденных обстоятельств,судьбы, действия других людей, а не от них самих. Только 38% испы-

туемых осознают свою ответственность за реализацию жизненных планов. Они видят причины неудачной реализации планов в своих действиях. Среди таких причин встречались следующие: «Я ленюсь», «Я плохо организую свое время», «Я часто строю себе искусственные препятствия», «Я слишком нетерпелив(а)», «Я слишком неуверен(а) в себе, своих силах».

52% испытуемых полагаются в постановке собственных жизненных целей на других людей (на воспитателей, педагогов, друзей, знакомых, родственников).64% испытуемых полагаются в реализации своих планов на других людей (воспитателей, педагогов, друзей, родственников и других). Это говорит о том, что самостоятельное планирование своей жизни не обязательно ведет за собой самостоятельную реализацию задуманных планов. И только 28% респондентов самостоятельны в построении жизненных планов и считают, что планировать достижение целей жизни они могут только сами.

Итак, можно сказать, что дети-сироты в большинстве своем плохо осознают действия необходимые, для осуществления задуманных планов,не самостоятельны в постановке целей жизни и в их достижении, не уверены в своих силах достичь поставленных целей, ожидают помощи извне.

Анализ данных, полученных в результате проведения методики «Линия жизни», дал возможность обнаружить следующие факты.

68% детей-сирот при конструировании линии своей жизни выделили события, не имеющие жизненно важной ценности. В основном, это яркие, эмоционально насыщенные, надолго запоминающиеся своими последствиями, но не оказывающие существенного влияния на реализацию глобальных жизненных целей события прошлого и настоящего, например: «Объелась конфетами», «Хорошо повеселился с другом». И только 16% респондентов отметили значимые, масштабные события, которые должны произойти в будущем.

Временная перспектива большинства испытуемых очень коротка. Линия жизни у большинства заканчивается 2014 годом –54% респондентов. 28% ограничили свою временную перспективу 2015 годом, 10% – указывали границы от 2017 до 2025 года, 6% –2030 до 2050 года, и только 2% – от 2060 до 2090. Жизненная перспектива детей-сирот выглядит неуправляемой и опасной (часто она включает такие события жизни как «опасности», «болезни/смерть»).

На основе корреляционного анализа выявлена и раскрыта специфика связи между особенностями временной перспективы детей-сирот и уровнем их социальной адаптированности. Так, были установлены следующие связи.

1. Умеренная положительная корреляция социальной адаптированности детей-сирот с продолжительностью временной перспективы ($r=0,35$; $p<0,05$) показывает, что дети-сироты осознанно относящиеся ко времени своей жизни:имеющие долгосрочные цели, строящие планы жизни (продолжительную временную перспективу)имеют более высокие показатели социальной адаптации.

2. Установлена положительная корреляция между социальной адаптацией детей-сирот и активностью в реализации жизненных планов ($r=0,61$; $p<0,05$). У детей-сирот, которыххарактеризуетактивное стремление к своим целям и активная реализация построенных в соответствии с этими целями планов жизни выше социальная адаптация.

3. Установлена умеренная положительная корреляция между социальной адаптированностью детей-сирот и осознанностью действий, направленных на достижение и реализацию планов ($r=0,33$; $p<0,05$). Так удетей-сирот, для которых характернабольшая осознанность своих действий, направленных на достижение и реализацию планов выше социальная адаптация.

5. Выявлена положительная корреляция между ответственностью за достижение жизненных целей, реализацию жизненных планов и социальной адаптацией($r=0,29$; $p<0,05$). Более социально адаптированные дети-сироты, самостоятельно определяющие цели своей жизни, считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять. Напротив, пассивные в определении своих жизненных целей дети-сиротыне видят связи между своими действиями и значимыми для нихсобытиями жизни, полагают, что большинство событий и поступков являются результатом случая или действий других людей, такая позиция затрудняет их социальную адаптацию.

Таким образом, можно заключить, что цель данного исследования, которая состояла в изучении связи особенностей жизненной перспективы детей-сирот с социальной адаптацией,была достигнута, гипотеза была подтверждена. Социальная адаптация детей-сирот связана со следующими особенностямиих жизненной перспективы: масштабность жизненных целей;количество сфер жизнедеятельности, затронутых при постановке целей и построении планов жизни; самостоятельность в определении жизненных целей; самостоятельность в реализации жизненных планов; осознанность действий, направленных на достижение целей и реализацию жизненных планов; активность и ответственность в реализации жизненных планов; инициативность в постановке жизненных целей; намеченный уровень мобилизации усилий, необходимых для достижения поставленных жизненных целей; количество событий, отмеченных испытуемым на линии жизни; длительность жизненной перспективы.

Социальная адаптация предполагает осознанную и самостоятельную организацию времени своей жизни. Результанты эмпирического исследования позволили выявить противоречия между социальным заказом на социально адаптированного выпускника со сформированной жизненной перспективой, умеющего самостоятельно организовать свою жизнь, прогнозировать свое будущее, ставить соответствующие прогнозам перспективные цели в жизни, строить реалистичные планы будущего и реализовывать поставленныецели и планы и ограниченностью жизненной перспективы сферами жизни характерными для детского дома, ограниченным индивидуальным опытом ее построения и совершенствования у детей-сирот.

Результаты предпринятого исследования позволяют дать некоторые рекомендации на основе полученных данных и выводов. Выбор целей жизни и постановка жизненных планов – это действительно важные шаги к организации самостоятельной жизни. Воспитатели и педагоги работающие с детьми-сиротами вместе с решением ряда других психологических вопросов могли бы заниматься проведением тренингов организации времени своей жизни, что позволило бы продвинуться в решении одной из важнейших задач подготовки детей-сирот к самостоятельной жизни. Решение этой задачи невозможно без выбора тех внутренних психических средств, которые помогут детям-сиротам достичь желаемого результата своего жизнестроительства. Такими психологическими средствами могут стать осознанные жизненные цели и планы; четко выстроенная жизненная перспектива.

Полученные результаты подчеркивают необходимость психологической работы по формированию жизненной перспективы детей-сирот и свидетельствуют о перспективности дальнейших исследований самостоятельной организации времени жизни детьми-сиротами.

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Уколова Е.М.
г. Москва
eukolova@hse.ru

Бесконечные и зачастую безрезультатные попытки усовершенствования современного образования, не учитывающие духовно-этическую сторону жизни человека, говорят о том, что философско-педагогические воззрения авторов-экзистенциалистов о приоритетности развития нравственной сферы отнюдь не потеряли своей значимости. В мире идет напряженный поиск новых путей и ценностных ориентиров развития образования. Выработка перспективных концепций развития образования, которые призваны обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества, немыслима вне философско-педагогических концепций общечеловеческого содержания.

Педагогика, ориентированная на развитие духовно-нравственной культуры, должна в максимальной степени отвечать духовным требованиям времени, быть в состоянии дать ответы на вопросы о смысложизненных константах человеческого бытия. Духовность человека предполагает осознанием им подлинного смысла своей жизни, понимание им своего места, роли и предназначения в мире (Лукацкий М.А., 2008).

Размышления о человеке, о смысле и ценности его жизни, являлись и являются ключевыми для философской антропологической мысли. Экзистенциальная философия не дает каких-либо окончательных ответов, а высвечивает трудности современной ситуации. В то же время, по нашему мнению, выдвигаемый ею проект «экзистенциальной педагогики», или педагогической антропологии, значим для прояснения экзистенциальных сфер существования человека, его различных пластов, где используются различные методы воспитания и образования.

Выход из захватившего мир процесса дегуманизации философы-экзистенциалисты М. Бубер и О.Ф. Больнов видели в разработке вопросов этики, осмыслении назначения человека, построении образования, обращенного к нравственным проблемам. И этот поиск философами выхода из кризисного состояния общества, человека и культуры не только интересен, но и может быть плодотворен для решения значимых проблем современности.

Основной принцип педагогики М. Бубера – диалог между двумя личностями, между «Я» и «Ты». Истинный диалог связан с «включающим восприятием»: каждый собеседник как бы «вбирает» мироощущение другого и включает его в свое сознание. Это, в свою очередь, позволяет обоим видеть предмет с точки зрения оппонента. «Включающее восприятие» характерно для истинного диалога, встречи «Я и Ты».

Во взаимоотношениях Педагога и Ученика, с одной стороны, должна присутствовать диалогическая глубина, однако, с другой стороны, для этого типа отношений невозможна подлинная взаимность. «Включающее восприятие» характеризует лишь одну сторону – Педагога, который должен отдавать себе отчет в том, что каждое его слово, каждый поступок оказывают влияние на Ученика. Это обязывает его к постоянной рефлексии. Педагог должен словно бы «слышать» и «видеть» себя глазами Ученика.

Педагог должен присутствовать также и с другой стороны. Не допуская ни малейшего расслабления собственной душевной деятельности, он обязан присутствовать в душе конкретного Ученика, уникальной личности и своего партнера по диалогу, погруженного вместе с ним в ситуацию «учения» и воспитательного становления, которые образуют две грани единого процесса.

В этом процессе Педагог и Ученик участвуют в равной мере, но с разных сторон. «Включающее восприятие», которое характеризует педагогический праксис по М. Буберу, остается односторонним. Ученик не в состоянии воспринять Педагога во всей полноте его человеческого содержания, его сознание не оживляет личности Педагога во всем богатстве ее индивидуальных человеческих оттенков. Педагог отдает себе отчет в том, что творится в душе Ученика, тогда как последний не способен постигнуть духовный мир Учителя. В тот момент, когда «включающее восприятие» станет взаимным, окончится пора ученичества и оно перерастет в дружбу.

М. Бубер считал обучающую функцию только как передачу знаний совершенно недостаточной. Она не может служить базисом для нормального педагогического процесса, даже если Педагог в совершенстве владеет материалом и завораживает учеников его блестящей подачей.

По мнению М. Бубера, роль Педагога несравнимо шире, чем функция «технолога обучения», к которой ее часто сводят. Безусловно, упорядоченное знание – важнейший элемент, однако педагогический процесс никак не исчерпывается этим элементом. Не случайно идеал взаимоотношений между Педагогом и Учеником М. Бубер видел в отношениях мастера и подмастерья, вернее, Мастера и Ученика. Подмастерье живет в доме наставника. Вместе с ремеслом он усваивает нравы и обычаи учителя и вообще все, что делает мастера мастером, постигает «тайну жизни», по выражению М. Бубера. От мастера к ученику передается не просто сумма знаний и навыков. Передается сама традиция мастерства, звеньями которой оба являются.

Взаимоотношения Педагога и Ученика должны быть свободными. По мнению М. Бубера, без свободы немыслима подлинная человеческая близость. Свободу М. Бубер понимал двояко: как внешнюю, т.е. свободу от принуждения, и внутреннюю – свободу выбора. Свобода суть условие педагогического процесса, а не его содержание. Здесь взгляды М. Бубера входят в противоречие с традиционной педагогической мыслью, которая считает свободу важнейшим содержанием педагогического процесса.

Переоценка свободы, отношение к ней не как к естественному состоянию человека, а как к величайшей ценности, которой следует обучать, проистекает, по мнению М. Бубера, из общего кризиса западной системы ценностей, из утраты доверия к ее источнику. Сам М. Бубер не видел в свободе самоцели. По мнению М. Бубера, обретение внутренней свободы не требовало освобождения от внешних авторитетов. Педагог по отношению к Ученику, так же как и мастер по отношению к подмастерью, стоит ступенькой выше на лестнице духовной иерархии. Из этого проистекает его власть и авторитет.

Тем не менее, власть свою Педагогу следует умерять, насколько это возможно: до «поднятого пальца» или «удивленного взора». М. Бубер критикует традиционную педагогику за диктат Педагога, но современная пугает его пренебрежением к авторитету и вседозволенностью. В конце концов, М. Бубер избрал золотую середину: Педагог наделен властью, но употребляет ее с максимальной сдержанностью и умеренностью.

Цель воспитания, по мнению М. Бубера, определяется духом эпохи, и самой педагогике решающее слово в этом не принадлежит. Мы живем в эпоху, когда прежние идолы сброшены с пьедесталов, а новым еще не пришла пора ставить памятник. Сохранение человеческого облика – такова, согласно М. Буберу, задача образования и воспитания, – по крайней мере, в кризисные эпохи. Сохранение человеческого облика для М. Бубера означает, прежде всего, следование «путями Господними». В работе, посвященной диалогическому принципу, М. Бубер выражает уверенность, что отношения «Я и Ты» между человеком и его ближним способны перерасти в такие же отношения между человеком и его Творцом. И потому всякий раз, когда между двумя людьми возникает взаимопонимание и близость, когда завязывается диалог «Я и Ты», человечество совершает шаг к Богу. Безусловно, между ситуацией, в которую погружен диалог двух людей, и ситуацией диалога человека с Богом есть разница. Однако главное, по мнению М. Бубера, состоит именно в сходстве, а не в различии. Диалогическая связь с Богом не является, по М. Буберу, уделом избранных, благодаря проницаемости человека, его открытости взору и зову Всевышнего, а также благодаря Божественному милосердию, осеняющему человека, который устремляет сердце к Богу.

Есть две точки опоры, позволяющие перекинуть мостик от современного образования к учению М. Бубера. Задачей воспитательного процесса, по М. Буберу, является автономия личности и стремление к творческой самореализации. Эти цели разделяют основные течения современной педагогики. Педагог обязан вырвать Ученика из «огнедышащей пасти» коллективизма. К сожалению, способность мыслить самостоятельно не дается сама собой. Ее необходимо прививать. Учитель должен бороться с предрассудками, с идеологическими штампами и стереотипами массового сознания. Его задача состоит в том, чтобы научить Ученика существовать без идеологических подпорок, обходиться в сфере мысли и чувства без костылей массового сознания.

Гедонистический прагматизм, распространившийся на Западе, превращает общество морали и труда в общество потребления и вседозволенности. М. Бубер считал это опасной болезнью нашего века. Погоня за наслаждениями оглушает души и закрывает мир, в который больше не может проникать духовность. Спасение М. Бубер видел в возвращении человека к своим метафизическим корням. Но для того, чтобы двигаться против течения, необходимо обладать духовной независимостью. Там, где царствует зло, человек обязан быть нонконформистом. Творческая реализация личности в отсутствие духовной самостоятельности также невозможна. М. Бубер вкладывает в понятие «автономия» именно духовную самостоятельность личности, а не этическую «самодостаточность» индивида, освобожденного от внешних запретов.

Педагогика наших дней отдает точным наукам и технологическим дисциплинам предпочтение перед общественными и гуманитарными предметами. Все большее число преподавателей склонно видеть себя «технологами образования». Они входят в класс во всеоружии современных дидактических средств, компьютеров, видео, будто их главная задача в том, чтобы с максимальной эффективностью применить технические средства. Соответственно, и в Учениках превыше всего ценится сообразительность и сноровка в обращении с техническими средствами.

Педагогу, который отважится пойти за М. Бубером, придется прежде всего всмотреться в свои взаимоотношения с учениками. Эти отношения должны приобрести тонкость и чуткость, отличающие близких людей, которые хорошо понимают и чувствуют друг друга. Добиться этого нелегко. Однако Педагог, сумевший этого добиться, не пожалеет. Он с радостью удостоверится, что стал лучше преподавать. Но это еще не все: учитель ощутит, что вырос по-человечески, сделался чище и добрей, чем был раньше. И такие понятия М. Бубера, как «включающее восприятие», диалог «Я и Ты» Педагога и Ученика, прочно войдут в лексикон теоретиков и практиков образования.

Согласно немецкому философу-экзистенциалисту О.Ф. Больнову, главная цель образования состоит в усвоении духовного опыта предыдущих поколений. Что является определяющим в этом опыте? Философ даёт ясный ответ: *Человечность*. Человек – потерянное существо, если у него отсутствует представление об истинной человечности. Что такое человечность? Сначала слово человечность обозначало сущностное определение человека (не животное). Нечеловек – это дикарь, варвар, природа. Позже – тот, кто постоянно думает о зле и мести. Понятие «человечность» сузило своё значение и стало обозначать определённый способ отношений к другому человеку. Притом нравственные слабости и пороки оказались выведенными из природы человека и аккумулировались в слове «нечеловек». Человечность стала синонимом прогресса культуры. Однако вскоре возникли сомнения по поводу того, растёт ли с развитием внешней культуры внутренняя человечность, и критика культуры увидела как раз в естественном природном человеке более чистую форму человечности.

В «Письме о гуманизме» М. Хайдеггер задал вопрос: «Что является самым человечным в человеке?» Речь идёт о сущности человека с точки зрения исторически понятого гуманизма, который берёт своё начало от античной пайдейи и потому есть всегда «обучающий гуманизм». Согласно этому гуманизму, самым человечным в человеке является Разум (ratio), который делает для него возможным познание и деятельность. Почему же этот ответ не является достаточным?

О.Ф. Больнов предостерегает от отождествления понятия «человечность» с каким-либо определённым образом человека прошлого времени. Особенно это касается понятия «гуманизм». Он говорит о различии понятий гуманности и гуманизма. Под гуманностью он понимает человечность в общем вневременном смысле, под гуманизмом – особое выражение этого образа человека в определённую историческую эпоху. Истинная человечность не привязана к определённому облику человека, она возможна в каждом.

Угроза человечности в настоящее время заключается, по О.Ф. Больнову, в трёх моментах.

Первый связан с переоценкой внешнего успеха. Работа без отдыха и досуга, когда в жертву ей приносится и сам человек и его близкие, не способствует развитию человечности. *Второй* момент связан с внутренним сопротивлением тем силам, которые стремятся растворить человека в массе. Опасность эта не нова. Масса, которая по необходимости бесчеловечна и бездушна, всегда существовала. Человечность может развиться только в свободно в себе самом покоящемся человеке. Для этого человеку необходимо защищённое пространство, в которое он может возвращаться из общественности, публичности и прийти в себя. Сюда относится прежде всего защита дома в самом широком смысле этого слова, дом как «жизненное пространство».

Позднее в книге «Человек и пространство» О.Ф. Больнов пишет: «Человеческое жилище не позволяет растворить себя в рациональности современного технического мира. В нём остаются в значительной мере нерастворимые остатки архаической жизни, которые остаются непонятными в рамках рационального целеполагающего мышления. Дом человека и сегодня священное место» (Bollnow O.F., 1963). Пространственное окружение того, что человек включает в понимание «мой дом», куда он направляется, чтобы собраться с силами, очень важно для его душевного здоровья. Защита внутреннего пространства, интимной сферы человека является вторым требованием, которое необходимо для защиты и восстановления человечности.

Но самое сильное разрушение человечности лежит в обесценивании человека до простого объекта. Предпосылкой к этому является, по мнению философа, технико-организаторское мышление как таковое. Тот, кто видит в природе только материал, подчиненный господству человека, тот и человека рассматривает согласно своим прагматическим целям и задачам. То,

что человека рассматривают как средство для достижения своих целей, не ново. В том или ином виде так делает каждый в своём наивном эгоизме. В большом масштабе так делает начальник по отношению к подчинённому. Уважать достоинство человека в человеке – это *третье* и самое главное требование, которое в смысле человечности стоит перед каждым из нас. Простая человечность, по мнению О.Ф. Больнова, может светиться в самом простом, так называемом «необразованном», человеке и может быть доступной образованному только в той степени, в какой он научится быть простым.

В условиях нарастания кризиса гуманистической культуры, размывания ценностей Любви и Добра, наступления постмодернистского видения реальности, обесценивающего проблему поисков ценностных оснований человеческого бытия, педагогические поиски экзистенциальной антропологии приобретают особую значимость. Их внимательное и заинтересованное прочтение представляет собой актуальную задачу, так как дает шанс понять, как сегодня образование, не оставаясь в русле традиций и не ограничиваясь передачей знаний, может развивать способность человека принимать независимые аутентичные решения, находить уникальные личностные смыслы и проживать в конкретных условиях свой неповторимый жизненный путь.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СО-БЫТИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Чепелева Л.М.
г. Краснодар
lada-chep@mail.ru

Анализ профессиональных потребностей в специалистах по профилактике и коррекции девиантного поведения в системе образования, правоохранительных органах и органах социальной защиты населения показывает острую потребность в совершенствовании подготовки специалистов в области проблем девиантного поведения. Об этом свидетельствует и открытие новой специальности высшего профессионального образования в 2011 году «Психология и педагогика девиантного поведения». Правда, ее введение в систему ВПО при отсутствии профессии «девиантолог» и отсутствия разработанных профессиональных стандартов по этому направлению, на наш взгляд, не решает проблему подготовки кадров в данной области, а лишь является первым шагом к ее решению. Тем не менее, и социальным работникам, и социальным педагогам, и инспекторам по делам несовершеннолетних, и медицинским работникам, сталкивающимся с проблемами девиантного поведения, приходится их решать. Следовательно, при организации обучения вузе по любому из перечисленных направлений или специальностей остро встает вопрос о профессиональной готовности к работе с этим сложным контингентом.

Согласно словарю С.И. Ожегова, готовность к какой-либо деятельности означает согласие выполнять эту деятельность, а также состояние субъекта, при котором деятельность может быть выполнена эффективно. Понятие «готовность» определяется как сложный комплекс проявлений личности, без которого невозможно успешное выполнение любой деятельности. В психологии в поисках определения этого понятия можно выделить два направления: функциональный и личностный.

Первое направление связано с именами Е.С. Кузьмина, Н.Д. Левитова, В.Н. Мясищева и др, которые рассматривают готовность в связи с психическими функциями, формирование которых считают необходимым условием для обеспечения результативности профессиональной деятельности. Сторонники данного подхода, рассматривая готовность как особое психическое состояние, основной упор в своих работах делали на положение о готовности как «фоне», на котором происходят психические процессы. В рамках этого направления существует подход к рассмотрению готовности во взаимосвязи с установкой к деятельности (Д.Н. Узнадзе). Д.Н. Узнадзе определял готовность как такой существенный признак установки, который обнаруживается во всех случаях поведенческой активности субъекта. Подобного взгляда придерживался и В.Н. Мясищев, который рассматривал зависимость готовности человека к деятельности от уровня его активно-положительного отношения к ней.

Во втором направлении широко распространённым становится понимание готовности как устойчивой характеристики личности (М.И. Дьяченко, И.А. Зимняя, Л.А. Кандыбович, В.А. Крутецкий, В.А. Сластёнин и др.). Готовность трактуется ими как синтез свойств личности, определяющих её пригодность к деятельности.

Особое место в рассматриваемой проблематике занимает концепция «готовности» Ю.М. Забродина, которая, по утверждению ее сторонников, позволяет наметить пути разрешения трехстороннего противостояния концепций развития, формирования и адаптации, поскольку концепция готовности не исключает, а предполагает и развитие субъекта, и его адаптацию. Она «как бы интегрирует ряд феноменологических планов в профессиональном становлении и развитии субъекта». Категория «готовность» рассматривается на трех уровнях: общая категория личностной психологической, профессиональной и частной профессиональной готовности.

Процесс профессионального становления и развития человека в свете «генерализованного понятия личностной готовности» предполагает:

– создание функциональной основы психической регуляции деятельности;

– расширение взглядов и знаний на мир профессий, мир трудовой деятельности, формирование ценности и значимости труда в обществе, "личных" ценностей, склонностей, способностей, ориентации и требований профессии и т.п.;

– формирование личного опыта и "присвоение" ценностей культуры;

– интеграцию ценностно-мотивационной, операциональной и функциональной (эмоциональной) готовности в едином субъекте.

В структуре же профессиональной готовности вычленяются такие частные формы, как:

– операционная (создание и развитие психологической системы регуляции профессиональной деятельности, затрагивающее профессиональные способности и систему ПВК) служит основным практическим критерием для решения вопросов о профессиональной пригодности или непригодности человека, а через оценку потенциональных возможностей субъекта и для прогноза развития – определения профессиональной судьбы;

– мотивационная (развитие на базе усвоенных общечеловеческих и собственных личностных ценностей и предпочтений системы профессиональных интересов и склонностей) становится реальной базой для определения профессиональной направленности (ее вектора, силы, выраженности) и детерминирует результат решения о предпочтении одного работника другому;

– функциональная (генерализованное состояние человека как общее его настроение, на фоне которого развиваются состояния ожидания, намерения, эмоциональные реакции) является психологическим аргументом в пользу всех процедур оперативного экспресс-контроля профессионала перед выполнением ответственных заданий.

Анализ процессов профессионального становления с позиций дуального подхода предполагает изучение субъекта в двух системах, определяющих его профессиональное становление и развитие:

– системе естественных законов его движения, в которых изучается субъект как развивающийся индивид;

– системе его социальных связей и социальных институтов, в которой он выступает как становящаяся социально обусловленная личность – профессиональный работник. (Забродин Ю.М.,1997).

Понятие «готовность» определяется сочетанием факторов, отражающих его различные составляющие. Например, М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович трактуют готовность как интегративное качество личности, включающее знания, умения, навыки, настрой на конкретные действия. В структуре психолого-педагогической готовности к различным видам деятельности они выделяют следующие элементы:

– осознание потребностей, целей и задач;

– осмысливание и оценка условий, в которых будут протекать действия;

– определение на основе опыта более вероятных способов решения задачи;

– прогнозирование интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых процессов;

– оценка соотношения всех возможностей;

– мобилизация сил в соответствии с условиями и задачами.

В нашем исследовании, учитывая специфику деятельности по профилактике и коррекции девиантного поведения, мы рассматриваем профессиональный аспект готовности и исходим из того, что профессиональная готовность – это не только запас профессиональных знаний, но также черты личности, которые обеспечивают успешность выполнения профессиональных функций: убеждения, общие и специальные способности, интересы, профессиональная память, мышление, воображение, внимание, работоспособность, эмпатийность, то есть отношение к явлениям, событиям, профессиональным обязанностям с точки зрения профессиональной готовности и требований норм и требований избранной профессии. С этой точки зрения особый интерес представляет работа А.Б. Серых, в которой рассматривается профессиональная готовность учителя к взаимодействию с виктивными учащимися как сложное и личностное образование, включающее профессионально-значимые личностные качества, мотивационно-ценностное отношение к детям-жертвам неблагоприятных условий социализации, психологическую установку на адекватное восприятие их, практические умения организации взаимодействия и общения.

Структура профессиональной готовности педагога применительно к виктивным детям выполнена автором в контексте научной школы В.А. Сластёнина и составляет определённые характерологические качества личности учителя, его умения, обеспечивающие успешность его взаимодействия с этой категорией детей. Она включает в себя мотивационный, содержательно-деятельностный, интеллектуальный, коммуникативно-технологический, результативно-действенный, оценочно-прогностический компоненты. (Серых А.Б., 2001). Следуя концепции модернизации российского образования, можно утверждать, что готовность к профессиональной деятельности по работе с девиантными подростками, предполагает знание специалистом специфики профессиональной деятельности, сформированность гуманистических установок, устойчивых позитивных качеств личности.

Анализ литературы по данной проблеме показал, что правильно организованная работа с людьми отклоняющегося поведения предполагает ориентацию на личность, индивидуальность, раскрытие сущностных сил ребенка, оказание ему комплексной социально-психолого-педагогической помощи в решении личностных проблем и, самое главное, в осознание себя субъектом собственной жизни. Специализирующийся на работе с данным контингентом должен уметь выявлять достоинства личности, «проблемное поле» человека, прогнозировать и проектировать возможные варианты его развития, влиять на мотивационно–потребностную сферу, чтобы вызывать желание к самосовершенствованию, самовоспитанию, приводить в действие внутренний регулятивный механизм.

Рассматривая профессиональное образование студента в вузе как важный многоаспектный и многовекторный процесс, определяющий целый спектр направлений личностного и профессионального развития субъекта, период онтогенетического развития человека, некий этап его жизненного сценария, промежуточный между стадиями оптации и началом собственной профессиональной деятельности (Бедерханова В.П., Чепелева Л.М.), нам представилось интересным и необходимым выявить представления самих студентов, обучающихся по специальностям «Социальная работа», «Психология», «Социальная педагогика», о необходимых профессионально важных качествах специалистов, работающих с девиантными детьми, им было предложено перечислить эти качества, проранжировав их по степени важности.

В общей сложности студентами было выделено 64 профессионально-личностных качества специалиста, необходимых в работе с детьми девиантного поведения.

Четыре качества, такие как терпимость, доброжелательность, коммуникабельность и профессиональная компетентность были названы абсолютным большинством всех трех специальностей. Причем, при ранжировании именно эти качества отмечены как особо важные. В целом по обследуемой выборке более 20% респондентов назвали и отметили их как наиболее важные такие качества как терпимость, доброжелательность, профессиональная компетентность, коммуникабельность, умение найти индивидуальный подход к ребенку, терпеливость, любовь к детям, умение слушать и эмпатия.

Так же нами были опрошены потенциальные работодатели в данной области: руководители всех муниципальных отделов по делам несовершеннолетних Краснодарского края и директора социально-реабилитационных центров. Наиболее значимыми качествами, по их мнению, являются: толерантность, доброжелательность, ответственность, тактичность, эмпатийность, коммуникабельность, оптимистичность, порядочность и организаторские способности и стрессоустойчивость. Причем, абсолютное большинство респондентов на первое место поставили толерантность. На вопрос: «Какие ПВК наименее всего сформированы у выпускников вузов, поступающих к ним на работу», 72% опрошенных на первое место поставили стрессоустойчивость. (Чепелева Л.М., Корнеев Д.В., 2011).

Работая руководителем специальности «социальная работа» в Кубанском государственном университете, мы заметили, что интерес к проблемам девиантности очень велик у студентов младших курсов на уровне теоретического изучения. Уже к третьему курсу, при попытке непосредственной практической работы с данной категорией людей у многих студентов возникает неприязнь, боязнь трудностей, и они ищут другую область социальной работы для исследовательской и практической деятельности.

В работах З.И. Рябикиной неоднократно подчеркивается, что при понимании личности, как субъекта, создающего реальность своего бытия, важно увидеть и понять проблемы, возникающие в связи с тем, что в процессе объективации своего замысла личность всегда сталкивается с *сопротивлением бытия других людей* (бытие всегда есть со-бытие), воплощающих иные смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий (Рябикина З.И., 2005, 2011). Определенным образом организованные пространства бытия другого человека могут также быть и *поддерживающим ресурсом* для личности, в том числе, и в процессе формирования его готовности к работе с девиантными подростками. Образовательная среда вуза выступает локальной средой и рассматривается как составная часть фундаментальной проблемы модернизации российского образования, пространством организации деятельности студента по овладению профессией во всем многообразии его отношений с окружающим миром.

Возникает проблема организации образовательного пространства вуза и создания такой среды, которые бы способствовали формированию определённых качеств личности студентов, определяющих их готовность к работе с девиантными подростками. Важным компонентом содержания образования является особое устройство учебного процесса, особый стиль отношений, особые ценности, которые закреплены в соорганизации взаимодействия, в писанных и неписанных правилах жизни вузовского сообщества. Чрезвычайно важно как организован в вузе уклад жизни профессорско-преподавательского состава, студентов и всех остальных служб. Какими чертами он отличается. Кем разрабатываются, принимаются, как изменяются и взаимодополняются нормы и правила вузовской жизни, насколько действуют выбранные демократическим путем органы вузовского сообщества. Насколько в вузе обеспечивается для каждого студента возможность выбора не только учебного курса, но и специализации или факультатива.

Было выявлено, что важным фактором, оказывающим влияние на процесс формирования готовности студентов к профессиональной деятельности по профилактике и коррекции девиантного поведения, выступает *направленность развития образовательной среды вуза*, а именно такие её характеристики, как открытость и динамичность (наличие активного взаимодействия с различными общественными объединениями, социальными организациями, обеспечивающими дополнительные возможности для учебы, наличие условий для свободной коммуникации в группе, на факультете между преподавателями и студентами), в противовес закрытости и статичности (отсутствие свободной и независимой коммуникации внутри среды, условий для создания активной внешней сети социального взаимодействия).

Была обнаружена существенная связь между типом образовательной среды и степенью активности участия студентов в общественной жизни. Данные свидетельствуют о том, что закрытая и статичная среда в основном формирует пассивные и условно пассивные поведенческие установки на участие в общественной жизни, а открытая и динамичная – активные и условно активные.

Наши исследования дают основания утверждать, что специально организованное образовательное пространство вуза, в частности, факультета как педагогической подсистемы, позволяет расширить многообразие педагогически управляемых процессов, направленных на развитие готовности студентов к работе по профилактике и коррекции девиантного поведения.

5. ПРОБЛЕМЫ СО-БЫТИЙНОСТИ В ПРОФЕССОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ

САМОАКТУАЛИАЗЦИЯ И САМООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ В ПРОФЕССИЯХ АРТОНОМИЧЕСКОГО ТИПА

Биличенко Е.Н.
г. Краснодар
bilichka@mail.ru

В наши дни изучение различных аспектов проблемы самореализации личности женщины является неотъемлемой частью большого числа отечественных и зарубежных психологических исследований.

В конце 1980-х гг. А.В. Петровским и В.А. Петровским в теоретическом подходе к пониманию личности, получившем название «концепции персонализации», выдвинуто предположение о наличии у индивида стремления «привнести свое Я в сознание, чувства и волю других людей…» (Петровский В.А., 1987).

Опираясь на основные положения этой теории, акцентируя внимание на созидающей роли личности и сознания, процессе опредмечивания и распредмечивания форм и продуктов культуры, Д.А. Леонтьев определяет сущность самоактуализации как «самореализацию человека через процесс опредмечивания его сущностных сил» (Леонтьев Д.А., 2002). Д.А. Леонтьев считает, что этот процесс «опредмечивания» может принимать форму созидания объектов материальной и духовной культуры (культурализация) или полагания себя в форме личностных вкладов в других людях (персонализация). Причем, как отмечает Д.А. Леонтьев, возможно соотнести эти две особые формы самоактуализации с полом личности, когда культурализация – это способ реализации сущностных сил мужчины, а персонализация – женщины.

В контексте популярной в отечественной психологии типологии профессий, самоактуализация личности в профессиональной деятельности происходит через «воплощение себя», отождествление и манипулирование с определенным предметом труда. Здесь выделяют пять типов профессий: «человек-человек», «человек-природа», «человек-машина», «человек – знак», «человек – художественный образ» (Климов Е.А., 2004).

Соотнесение данной профессиональной типологии с формами самоактуализации, несколько упрощенно, но достаточно обоснованно показывает, что артономические профессии (человек-художественный образ) можно рассматривать как пространства для культурализации-личности.

В контексте гендерных исследований отмечается, что традиционные модели воспитания и реализации личности, навязывают женщинам скорее способ персонализации – реализации себя «в других». Однако, каким образом тогда идет самоактуализация женщин, выбирающих «мужскую» модель?Насколько такая модель самоактуализации удовлетворяет современную женщину – профессионала и как она согласуется с традиционными представлениями о роли и вкладе женщины в общественную жизнь? Как постоянная включенность в создание материальных продуктов поддерживает различные аспекты самоотношения женщины? На эти вопросы мы стремились ответить в нашем исследовании, которые было направлено на выявление особенностей самоактуализациии самоотношенияженщин артономическихспециальностей на разных этапах обучения профессии в вузе.

Исследование проводилось на базе Кубанского государственного университета. Опрошено 55девушек – студентки артономических специальностей (факультет архитектуры и дизайна: 25 человек на 1 курсе, 30 человек на 4 курсе.Методики: САТ (модифицированный вариант опросника личностных ориентаций Э. Шострома); методика исследования самоотношения С.Р. Пантелеева.

Получены следующие результаты.

1. Анализ результатов самоактуализационного теста показал, что среди респондентокнет ярко выраженных самоактуализирующихся личностей.

Однако полученные значения по всем 14 шкалам лежат в обрасти средних и выше средних значений, то естьценности и черты самоактуализирующейся личности у девушек присутствуют.

Общие черты самоактуализации девушек. Онисспособны жить «настоящим», ощущают свою жизнь как целостную. Но такое мироощущение не всегда им присуще, так как они могут обращать существенное внимание только на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее), дискретно воспринимать свой жизненный путь.

Всех респонденток отличает средне выраженное стремление к независимости в отстаивании своих ценностей и поведении, то есть они ориентированы на групповые нормы, конформны, могут быть не гибкими в общении, не чувствительны к своим потребностям, ограничивают спонтанность в выражении чувств, предъявляют к себе высокие требования. Респондентки склоны воспринимать природу человекакак положительную и целостную, но свое раздражениеи агрессивность подавляют. Испытывают трудности в установлении субъект-субъектных отношений с людьми. Творческая направленность и потребность в познании нового выражены на среднем уровне.

Полученные данные по САТ позволяют заключить, что опрашиваемых девушек нельзя определить как самоактуализирующихся личностей, но ценности самоактуализации представлены в их сознании.

Можно говорит о сходных для всех курсов личностных особенностях, способных вызвать проблемы: незрелость и несамостоятельность личности (ориентация на поддержку), определенный консерватизм или следование традиции, специфическое отношение к контактам и сотрудничеству, подавление эмоциональной сферы (гнева).

2. Результаты по методике исследования самоотношения С.Р. Пантелеева показали, что для респонденток 1 и 4 курса характерны следующие особенности образа Я: избирательность по отношению к себе, способность преодолевать одни защитные механизмы при актуализации других,они легко контролируют себя в привычных ситуациях, но в новых и проблемных ситуациях склонны подчиняться средовым воздействиям, в связи с нарастанием тревоги и беспокойства, усилением недооценки своих способностей, что проявляется в обвинении себя за те или иные поступки в сочетании с выражением гнева и досады в адрес окружающих. При этом отношение респонденток к себе в целом отношение положительное, изменить в себеони стремятся только некоторые личностные черты при сохранении остальных. Однако к окончанию обучения наблюдаются и некоторые изменения в отношении к себе.

Студентки 1-го курса в привычных для них ситуациях спокойны и работоспособны,уверены в себе, ориентированы на успех начинаний, одинаковы в критических нарастают тревога и беспокойство. Они избирательно воспринимают отношение окружающих к себе, считают, что нравятся другим только за какие-то определенные личностные черты, тогда как другие могут вызывать у окружающих раздражение, соответственно и искажено отношение к себе, склонны не все достоинства свои хвалить и не все недостатки порицать.

К 4-му курсу у респонденток доминирует мотив успеха, препятствия на пути к успеху принимаются как преодолимые, проблемы затрагивают неглубоко, переживаются недолго, студентки воспринимают себя принадлежащими группе, чувствуют свою значимость для других, ценность себя в группе, легко устанавливают деловые и личные отношения, высоко оценивают свой духовный потенциал, богатство своего внутреннего мира, высоко ценят свою индивидуальность и собственную неповторимость, уверены в себе, принимают все свои проявления, неудачи и конфликтные ситуации с окружающими не дают им повод думать о себе как о плохом человеке.

Т.о. мы видим, что уверенность в себе, принятие себя, осознание своего места в профессиональной среде «выращивается» к окончанию обучения.

3. Корреляционный анализ между самооценкой и самоактуализацией показал, что в процессе обучения изменяется характер связей между самоактуализацией исамоотношением

Для студенток 1 курса характерны следующие связисамоактуализации и самоотношения: самоуважение,отношение к себе как к уверенному,самостоятельному,волевому и надежному человеку,который знает, что ему есть за что себя уважать, напрямую связаны с такими характе-

ристиками самоактуализирующейся личности как восприятие природы человека в целом как положительной и выраженностью творческой направленности личности.

Потребность в установлении глубоких и тесных эмоциально-насыщенных контактов с людьми (к субъект-субъектному общению) понижает желание что-то в себе менять, но напрямую связана с наличием внутренних конфликтов,сомнений,несогласия с собой, выраженностью тенденции к самокопанию и рефлексии. Т.е. чем острее стоит вопрос о близких эмоциональных отношениях, тем сильнее респондентки «копаются в себе», но при этом ничего не меняют в своем поведении.

Для студенток 4–го курса характерны следующие особенности. Такие аспекты самоактуализации, как целостное представление о своем жизненном пути, понимание причинностей и связей происходящего с прошлом, настоящим и будущим, а также ценности, свойственные самоактуализирующейся личности, способность ценить свои достоинства и уважать себя за них понижают переживание внутренних конфликтов,сомнений, несогласий с собой, тенденцию к самокопанию и рефлексии,выражение отрицательных эмоций в адрес своего «Я». Они способны принимать свое раздражение, гнев и агрессивность как естественное проявление человеческой природы за счет внутренней честности,открытости человека с самим собой,на достаточно развитой рефлексии и глубокого понимания себя. При этом респондентки критичны по отношению к себе, во взаимоотношениях с людьми доминирует ориентация на собственное видение ситуации.

Таким образом, выявлено, что студентки артономических специальностей к концу обучения более уверены в себе, они в большей степени ориентируются на себя в достижении поставленных целей, осознают, какое место занимают в профессиональном сообществе и в неформальных отношениях.

Кроме того, на разных этапах обучения по-разному выстроены связи между самоактуализацией и самоотношением.

На начальном этапе обучение самоотношение связано с такими аспектами самоактуализации, как понимание себя, природы человека и межличностных отношений, творчеством.

К окончанию обучения самоотношение связано со следующими параметрами самоактуализации – компетентность во времени, принятие агрессии, ценностные ориентации самоактуализирующейся личности, самопринятие.

Т.е. при прочих равных условиях выявлены следующие особенности. На начальном этапе обучения студентки хорошо работают и взаимодействуют с окружающими в привычной обстановке, но теряются в проблемной или кризисной ситуации, что сказывается на самооценке и способности выстраивать профессиональные и неформальные межличностные отношения, самоотношение для них связано с такими параметрами самоактуализация, как творчество и с понимание природы человека и отношений. К концу обучения студентки уверены в себе, кризисные и проблемные ситуации переносят легко и переживают недолго, образно говоря, знают чего стоят и как получить желаемое. Самоотношение для них связано с такими параметрами самоактуализациикак восприятие целостности своей жизни, самоотношением и принятие себя.

То есть повышение профессиональных компетенций в артономическихпрофессиях «тренирует» и развивает уверенность в своих компетенциях. Однако открытым остается вопрос о том, какова модель самоактуализации у женщин, получающих профессию, самоактуализация в которой идет по «мужскому» пути, связанному с созданием материальной и духовной культуры?

С помощью каких внутренних механизмов женщина регулирует свои обозначенные обществом права на «персонализацию» – как вклад в других, когда как профессионал она идет по пути «культурализации» – создания материальных и духовных объектов?

Данное исследование позволяет сформулировать новую исследовательскую проблему: выявленные закономерности показывают, что «шаблон» самоактуализирующейся личности – это мужская модель самоактуализации и необходимы более чувствительные модели и процедуры диагностики особенностей самоактуализации для женщин.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ МЕНЕДЖЕРА И УРОВНЯ ДОВЕРИЯ К НЕМУ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Вартанянц С.Г.
г. Краснодар
Hansom@mail.ru

Высокие темпы развития социально-экономической сферы общества предъявляют повышенные требования к профессиональной деятельности менеджера, так как сегодня существенно возрастает значимость социальных последствий от принимаемых им управленческих решений. Это обуславливает необходимость совершенствования стратегии, тактики управления и перехода к реализации современной концепции менеджмента, предполагающей использование качественных факторов экономического роста. Соответственно расширился спектр проблем, в котором особую актуальность приобретает исследование социально-психологических аспектов руководства трудовыми коллективами.

Трудовой коллектив – относительно устойчивая социальная группа, выступающая одной из подсистем социального сообщества, члены которой связаны общей работой в организации, признанием совместно выработанных практик, социальных реакций и коммуникаций, идентификацией собственного группового членства. Складывающийся современный трудовой коллектив – это «корпоративный трудовой локус» непосредственно осуществляющий производственную деятельность, создающую материальные блага и услуги под руководством менеджерских структур.

Выбор менеджером оптимальных форм общения с подчиненными и методов воздействия на них должен основываться на знании особенностей восприятия людьми друг друга и подчиненными – своих руководителей, в частности.

При этом важным является то, как индивидуально-психологические характеристики руководителя воспринимаются большинством членов коллектива и какие эталоны преобладают в формировании к нему отношения. Сформированная коллективом общая оценка может усиливать эффективность управленческих воздействий, либо тормозить их вследствиевыработанного в перцептивном опыте эталона отношения коллектива к менеджеру. Этими предпосылками обусловлено возрастание роли восприятия и понимания менеджера подчиненными.

Таким образом, проблема доверия трудового коллектива к личности менеджера становится сегодня одной из актуальных в социальной и личностной психологии.

Анализ англоязычных психологических исследований последних лет, выполненных в рамках социальной психологии управления (Дж. Аллен, П. Эке, К. Паркс и Л. Халберт и др.), показал, что фундаментом во взаимоотношениях людей в трудовом коллективе выступает феномен доверия, который влияет на эффективность труда в организациях. В настоящее время проблема роли доверия во взаимодействии людей в организациях за рубежом активно изучается в прикладных, в частности, маркетинговых исследованиях.

В отечественной науке доверие изначально рассматривалось в качестве одной из этических категорий. Долгое время (70-е – 80-е гг. XX в.) изучение феномена доверия в психологии присутствовало в контексте других психологических проблем, таких как авторитетность, внушение, совместная деятельность, феномены внутригруппового и межгруппового взаимодействия и др.Доверие и недоверие в аспекте суггестивности (внушения) при социально-психологическом взаимодействии людей в процессе общения изучали Б.Ф. Поршнев и В. Вичев. Доверие в качестве феномена внутригрупповых отношений исследовалось в работе Л.Э. Комаровой. А.И. Донцов рассматривает взаимное доверие сторон как условие эффективной стратегии корпоративного поведения.

В 90-е гг. XX века появляются работы Т.П. Скрипкиной (Скрипкина Т.П., 1990), посвященные социально-психологическому анализу собственно феномена доверия. Автор определяетдоверие к миру как феномен, сущность которого состоит в специфическом отношении субъекта к различным объектам или фрагментам мира, заключающимся в переживании актуальной значимости и безопасности этих объектов или фрагментов мира для человека.Доверие – это

отношение «авансом», предполагает ценностное отношение к личности другого, основанное на позитивном прогнозировании будущих поступков другого.

В целом авторами исследований, выполненных в рамках данного направления, было показано, что чувство доверия является фундаментом или базой во взаимоотношениях людей и, в конечном счете – эффективности работы в организациях. В силу указанных выше обстоятельств изучение социально-психологической сущности доверия, а особенно роли доверия во взаимодействии людей в организациях заслуживает более пристального внимания исследователей.

Особую актуальность в сложившихся социально-экономических условиях приобретает изучение личностных факторов доверия к другому человеку в коллективе, особенно – на примере личности менеджера, для которого доверие в коллективе выступает одним из условий эффективности трудовой деятельности.

Исходя из вышеизложенной ситуации, была поставлена цель эмпирического исследования: выявить наличие и характер взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями личности менеджера и уровнем доверия к нему в трудовом коллективе.

В исследовании принимали участие менеджеры среднего звена и служащие администрации Краснодарского края. В отобранной для исследования группе менеджеров изучались индивидуально-психологические особенности личности с помощью многофакторного личностного опросника Р. Кеттела. В группах служащих изучался уровень доверия к менеджерам с помощью психометрической методики «Лестница» В.Г. Щур. Далее выявлялись наличие и характер взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями личности менеджера и уровнем доверия к нему служащих.

В результате проведенного корреляционного анализа выявлена значимая положительная взаимосвязь между показателями менеджеров по факторам C ($p \leq 0,05$), G ($p \leq 0,01$), Q3 ($p \leq 0,05$), N ($p \leq 0,01$), Q2 ($p \leq 0,01$) опросника Р. Кеттелла и показателями доверия к ним в трудовом коллективе по методике «Лестница» В.Г. Щур. Также выявлена значимая отрицательная взаимосвязь между показателями менеджеров по факторам L ($p \leq 0,01$) , I ($p \leq 0,01$) и показателями доверия к ним служащих. Факторы C, G, I, Q3 отражают эмоционально-волевые особенности личности, факторы L, N, Q2 – коммуникативные свойства и особенности межличностного взаимодействия.

Чем менеджеры более эмоционально устойчивы, трезво оценивают действительность, обязательны, сознательны, настойчивы; чем более для них характерен самоконтроль поведения, точность выполнения социальных и профессиональных требований; чем более они независимы, полагаются на себя, реалистичны, не терпят бессмысленности и чем менее они чувствительны, тем выше уровень доверия к ним в трудовом коллективе. И соответственно, чем менеджеры менее эмоционально устойчивы, легче расстраиваются, чем ониболее чувствительны, зависимы, недостаточно самостоятельны; чем менее у них развит самоконтроль поведения, чем более они избегают правил, внутренне менее дисциплинированы,тем ниже уровень доверия к ним в трудовом коллективе.

Чем менеджеры более дипломатичны и расчётливы в подходе к событиям и людям, независимы в суждениях, предпочитают собственные решения;более уживчивы, адаптивны, умеренно подозрительны, имеют собственное мнение, не поддаются обману, тем выше уровень доверия к ним в трудовом коллективе. И соответственно, чем менеджеры более прямые, бесхитростные; зависимы в суждениях от группы; более недоверчивы, осмотрительны в действиях, мало заботятся о других людях, тем ниже уровень доверия к ним служащих.

Полученные в исследования данные могут использоваться психологами в организациях при осуществлении профессионального отбора менеджеров, способных на высоком уровне осуществлять профессиональную деятельность; при создании развивающих программ, направленных наформирование у менеджера рефлексивного отражения восприятия подчиненными его качеств; для осуществления профилактики и разрешения конфликтов, связанных с нарушением межличностных и деловых отношений в трудовом коллективе.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ ЗАНЯТОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД[1]

Демин А.Н.
г. Краснодар
demin@manag.kubsu.ru

В проблематике со-бытия выделим макропсихологический аспект, содержание которого обусловлено синхронностью восприятия, переживания, побуждения, действия людей, образующих большие общности. Такая синхронная активность разнообразна по длительности протекания, рефлексивности, ценностной консолидации, формам проявления. С одной стороны, это может быть краткосрочная объединяющая эйфория по поводу спортивной победы национальной сборной, с другой стороны – долгий тяжёлый труд нации в войне, с третьей – переживание культурной травмы или преодоление природной (социальной, техногенной) катастрофы и т.д. Синхронная активность в больших общностях разворачивается не только вокруг переломных или просто ярких событий, она обусловливается также растянутыми во времени историко-временными факторами, действующими в «наши дни», т.е. широким биокультурным контекстом развития человека (Балтес П., 1994).

Разнообразные события на фоне «наших дней» образуют современность с её символами, общественными движениями и повседневными практиками. В психологии предпринимаются попытки восхождения от современности к психологической структуре и особенностям личности – в отечественной психологии этот вектор часто соотносится с формулой «личность прежде всего – современница определённой эпохи» (Ананьев Б.Г., 2000), т.е. личность рассматривается как вбирающая в себя политические, экономические, культурные, технические преобразования в обществе. Накоплено немало фактов, иллюстрирующих данную формулу. Реже обращаются к обратному: как личность и группы людей формируют упомянутые преобразования?

Оставляя в стороне случаи с историческими личностями, обратим внимание на возможность синхронизации «способов жизни» и выработку на этой основе некоторых биографических стандартов, которые могут оказывать влияние на социальные институты общества. В качестве основы для примеров будем использовать сферу занятости (совокупность процессов вовлечения человека в хозяйственную жизнь общества). Соответственно речь пойдёт о биографических стандартах занятости – некоторых типичных для людей переживаниях, предпочтениях, оценка, формах поведения в сфере занятости, которые одновременно складываются и закрепляются у современников, являются результатом их сходной активности и явного/неявного сравнения и согласования.

У каждой эпохи и возрастной группы свой набор биографических стандартов занятости. В новейшей истории России одним из них стала лёгкая реализуемость притязаний молодёжи на высшее образование. Специальный анализ показывает, что на протяжении всего постсоветского периода наблюдалась конвергенция образовательных притязаний выпускников школ и доступности высшего образования (отношение численности студентов, принятых в вузы, к численности учащихся, получивших аттестат о среднем общем образовании в соответствующем году). В рамках этой конвергенции притязания школьников выступили ведущим, провоцирующим началом, они подтягивали к себе объективные показатели высшего образования (Дёмин А.Н., 2011). Следствием лёгкой реализуемости притязаний на высшее образование стали изменения в сфере трудовой занятости (наблюдается неуклонный рост доли лиц с высшим образованием в экономике), что, в свою очередь, уже привело к изменению социальных ожиданий на рынке труда.

Другой новый биографический стандарт занятости – массовые элитарные профессиональные ориентации, освобождённые от социально-экономических ограничений. Они поддерживают фиксируемый на протяжении двух десятилетий массовый интерес молодёжи к узкому кругу профессий, которые чётко ассоциируются с доходом (юрист, экономист, менеджер и т.п.), и стабильно высокий интерес к относительно редким или новым для общественного сознания видам деятельности (дизайнер, модельер, архитектор, психолог и др.). Главное здесь да-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-06-00734а)

же не то, кем ты будешь работать, но сама возможность приобщиться к элитарным (дающим переживание своей значимости) видам деятельности. Подобные ориентации являются идентификационным основанием для большого числа молодых людей и оказывают мощное воздействие на содержание высшего образования.

Ещё один новый биографический стандарт занятости – достаточно высокие ориентации молодёжи на карьерную мобильность (признание возможности перемещения между профессиями, организациями, видами труда и формами занятости). При этом ориентация на такой сегмент мобильности, как готовность к освоению новой профессии,незначительна и уменьшается на протяжении всего постсоветского периода. Парадоксальный, на первый взгляд, факт отражает более общие тенденции. Во-первых, это размывание профессиональной идентичности людей (BriscoeJ., HallD., 2009); во-вторых, это тенденция депрофессионализации занятости, когда более значимой является работа как таковая (т.е. занятость вообще), а не профессия. Следствием данных тенденций становятся новые критерии поиска работа инормы взаимоотношений между работниками и работодателями.

Перечисленные биографические стандарты занятости хорошо согласуются между собой, отражают психологический обликтекущего исторического времени и, по мере своей институциализации, задают общие для сверстников механизмы регуляции карьеры и жизненного пути, которые существенно отличаются от механизмов советского периода.

СУБЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ

Зайнулина Ю.И.
г. Уфа
zainulina_ui@list.ru

Стремительное изменение в эпоху «глобальных перемен» содержания и характера труда педагога не позволяет сегодня объяснять многие проблемы современного образования, пользуясь привычными категориями. Образовательная ситуация, возникающая, согласно определению В.И.Слободчикова, в точке пересечения образовательного процесса, педагогической деятельности и труда обучающихся, представляет собой систему «разносубъектных» действий. Следовательно, категория деятельности, через которую традиционно описываются в педагогике функции педагога, качество образования, общение, поведение, – немногое проясняет в отношениях, возникающих в конкретной образовательной ситуации.

Анализ современных исследований и практика образования позволяют говорить об актуальности изучения категории со-бытие – объединение людей на основе общих ценностей и смыслов: нравственных, профессиональных, мировоззренческих, религиозных и т. п. Событие, говорит М. Хайдеггер, дает нам возможность «сбыться в собственном существе», «быть самим собой». И продолжает: быть человеку самим собой – не просто его бытие-в-мире (das-Sein-Welt), но, главным образом, есть бытие-с-другими (Mit-Sein). Итак, в событии сбывается бытие-с-другими, со-бытие человека с человеком.

В образовательном процессе участвуют учителя со своими личными и семейными проблемами, включенные в уникальные со-бытийные общности, наполненные определенными смыслами и ценностями. Особого внимания заслуживают сельские учителя, поскольку малочисленность школ и отсутствие соревновательной профессиональной среды чаще могут приводить к застою в педагогическом труде.

Сказанное не относится ко всем без исключения учителям, работающим на селе. Наверняка, многие из них являются талантливыми и творческими профессионалами, любящими свое дело.

Проблема заключается в том, что люди одного возраста, живя и работая в одной местности, в одном и том же коллективе относятся к разным со-бытийным общностям, обусловленным разными ценностями и мотивами, вероятно, и разной личной ситуацией. Значимость для личности различных аспектов социального взаимодействия, система значимых (ценностных)

отношений человека с миром будет характеризовать субъективный аспект социализации личности.

В нашем исследовании поставлена задача описать субъективные аспекты социализации личности сельских учителей как систему значимых социально-ролевых отношений личности, которая может являться фактором, способствующем или препятствующем профессиональному совершенствованию.

В исследовании участвовало 75 учителей из сел Республики Башкортостан.

Анализ социально-ролевых отношений, в которые включен учитель, проводился методом свободного извлечения из памяти «всех, кто приходит в голову» по методике «Я и другие» И. А. Николаевой. Как доказано исследованиями социальной перцепции, частота появления в сознании, «доступность» сознанию отражает значимость данного социального отношения для человека. Каждый респондент записал по 50 «других людей, пришедших на память». Эти списки и были проанализированы нами как субъективные «срезы» социальной ситуации, характеризующие текущий этап социализации личности.

Для анализа содержания значимых социально-ролевых отношений нами были выделены категории социальных ролей, которые встречались в сознании испытуемых. Всего выделено 11 категорий: Родственники, друзья, соседи, знакомые, коллеги, ученики, свои учителя, однокурсники, сказочные персонажи, литературные герои, «звезды» (известные политики, спортсмены, исторические личности и пр.)

В анализе субъективной представленности социально-ролевых отношений учитывалось 2 показателя. 1) Частота появления людей, имеющих определенную социальную роль, в сознании (доступность социальных отношений сознанию). 2) Преобладающая эмоциональная оценка отношений, связанных с каждой социальной ролью.

Статистический анализ данных проводился методом k-средних Мак-Куина. Использованный тип связи – евклидово расстояние. В результате анализа вся выборка разбита на три кластера – три различных группы. В первый кластер вошли 11 чел, во второй – 2 чел., и в третий – 62 чел.

Первый кластер характеризуется следующими социально-ролевыми отношениями:

Наиболее часто вспоминаются знакомые, родственники и друзья. Отличительным признаком этой группы является то, что в каждой социально-ролевой категории преобладают те, кто «ниже меня». Даже в воспоминаниях о своих учителях преобладают те, кто «ниже». Исключения составляют родственники и киногерои.

Именно в этой группе значимыми являются ученики, которые также оцениваются, в основном, негативно. В среднем, учителя этой группы припоминают 4-5 «отрицательных» учащихся. Тогда как представители самого многочисленного 3-го кластера вспоминают, в среднем, одного «отрицательного» ученика. Следует отметить, что каждый второй учитель 1-го кластера, все-таки припоминает одного «положительного» ребенка, а из учителей 3-го кластера это делает только каждый десятый.

В сознании учителей 1-го кластер актуализируются и негативные отношения с коллегами (k=1,7). Т.е. в среднем каждый расценивает 1-2 коллег «ниже». В третьем кластере негативные отношения с коллегами гораздо меньше значимы, либо негативных отношений нет (центр тяжести k=0,5).

Учителя 3-го кластера по составу ролевых отношений резко отличаются составом припоминаемых персонажей. Во-первых, основу отношений составляют родственники. Каждый, припоминает в среднем 14 родственников. «Звезды» – атрибут семейного отдыха и телевидения имеют частоту 3,7. Все остальные категории имеют сравнительно невысокую частоту припоминаний – от одного до трех представителей основных социально-ролевых категорий в среднем упоминают учителя этой группы. Три категории имеют центры тяжести менее единицы. Еще одна важная характеристика отношений данной группы – их позитивная полярность. Негативные оценки других встречаются, в среднем, от 2,2 случаев и реже.

Как видим, первый кластер рисует систему отношений «критичного и строгого учителя», а третий кластер – отношения «счастливой и благодушной жены и матери». Позитивная «центрация» на семье в целом характеризует большинство учителей из третьего кластера.

Итак, нами выделены две типичных группы сельских учителей с разными системами социально-ролевых отношений, составляющих субъективный аспект социализации личности. Очевидна разная значимость для этих групп семьи и профессии, разный эмоциональный фон. Все это является фактором отношения к профессиональной деятельности, профессиональному окружению, а также, несомненно, оказывает влияние на качество педагогического труда в целом на селе.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ НИЗКОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ВЫБОРОМ ПРОФЕССИИ

Макаревская Ю.Э., Нерсесян Э.А.
г. Сочи
yuliya-sochi@mail.ru

Введение новых информационных технологий, компьютеризация труда и жизни человека повлекли за собой изменение традиционных представлений о профессиональных деятельностях, поставленных задачах перед людьми, обучающимися конкретной профессии и о профессионализме.

В данной статье представлены результаты изучения моделей профессионального пути у респондентов с различной степенью удовлетворенности выбором профессии.

Мы исходим из того, что системообразующим компонентом структуры, ответственным за профессиогенез личности, является общая модель профессии и собственного профессионального пути.

Проблема профессионального становления личности непосредственно связана с вопросами освоения профессиональной деятельности, с вопросами развития и реализации личности на различных этапах ее профессионального пути.

В современной психологической литературе процесс профессионального становления понимается как целостный феномен, который включает в себя компоненты как объективного (престижность профессии, ее социальная конкурентоспособность, уровень безработицы и т. д.), так и субъективного характера (отношение личности к профессии, к себе как профессионалу, выраженность профессиональных способностей, профессиональные идеалы, переживание успехов и неудач в профессиональной деятельности).

Необходимо рассматривать профессиональное становление как процесс, длящийся всю жизнь, а на жизненном пути каждому человеку не раз приходится сталкиваться с необходимость выбора. Множество факторов влияет на этот выбор, но при этом решающим остается факт выбора самой личностью той или иной профессии.

Неудивительно, что выбор профессии – один из важнейших выборов в жизни вообще. Это начальный этап длительного процесса профессионального самоопределения. Каждый человек нуждается в признании окружающих и хочет, чтобы его оценили, ищет одобрения, любви и независимости. Один из способов достичь этого – выбрать профессию, которая удовлетворяла бы эти потребности и приносила бы эмоциональное удовлетворение. Такое отождествление с профессией позволяет человеку найти себя, способствует самореализации и самовыражению.

В целом можно сказать, что удовлетворенность профессией – это интегративный показатель, который отражает отношение субъекта к избранной профессии.

Удовлетворенность выбранной профессией как оценочно-эмоциональное отношение работников к профессии, к условиям и результатам профессиональной деятельности, обеспечивает эффективность не только обучения выбранной специальности, но и дальнейшей работы по ней.

Факт существования различных истолкований удовлетворенности выбором профессии, которые порой противоречат, а чаще дополняют друг друга, является свидетельством как сложности проблемы, так и ее неполной разработанности.

В данном исследовании изучались модели профессионального пути личности с различной удовлетворенностью выбором профессии.

Общая концепция эмпирического исследования базировалась на методе моделирования. Предполагалось, что моделирование (а именно, метод символического моделирования) позволит выявить некоторые семантические и метафорические различия в моделях профессионального пути у респондентов с различным уровнем удовлетворенности выбором профессии.

Именно с учетом принципов и основных положений Символического Моделирования составлялась комплексная диагностическая карта, для выполнения задачи собственно символического моделирования профессионального пути и выявления уровня удовлетворенности выбором профессии.

Первоначально стояла следующая эмпирическая задача: организовать рабочее пространство диагностической карты таким образом, чтобы максимально полно извлечь нужную информацию, а также, с позиций рефлексивного анализа, чтобы работа вызывала у участников интерес и вовлеченность в процесс. Здесь было важно убеждение респондента в том, что при заполнении карты никаких ограничений и неправильных ответов, а в центре всех заданий стоит он сам, с его планами на будущее и профессиональными взглядами.

В итоге первый этап карты представлял собой по форме неоконченные предложения, например:

– «Профессиональный путь – это…»;

– «Если бы я встретил свой профессиональный путь, он был бы похож на…».

На следующем этапе в карту была включена методика «Карта будущего». Участнику предлагалось нарисовать карту своего будущего, обозначив цели как пункты местности, в которых хотелось бы остаться. Также необходимо было обозначить на ней промежуточные большие и маленькие цели на пути к ним. Необходимо придумать и написать названия для пунктов, к которым стремится сам респондент в своей личной и профессиональной жизни. При составлении карты предлагалось учитывать ряд вопросов, например:

– Как Вы будете добираться до своих целей: самым коротким или обходным путем?

– Какие препятствия Вам предстоит преодолеть? и др.

Когда карта нарисована, перед респондентами ставились вопросы, составленные с учетом метода Символического метода, которые относятся к работе, проделанной на предыдущем этапе. Теперь испытуемым нужно было более внимательно рассмотреть свою карту и дать ответы по следующим пунктам:

– На что похожи Ваши важнейшие цели?

– Где они находятся на составленной карте?

– Если представить связь между этими целями, что она Вам напоминает?

– Чем видятся Вам возможные опасности на данном пути, какой у них образ?

– С помощью чего/кого Вы будете их преодолевать?

– Какие чувства вызывает у Вас эта картина?

Следующий шаг по диагностической карте – это опросник на выявление уровня удовлетворенности выбранной профессией. Он представляет собой 18 утверждений, каждое из которых предлагается оценить на степень соответствия респонденту по 10-балльной шкале, где 0 – не согласен совершенно…10 – полностью согласен.

Исходя из количества набранных баллов по результатам прохождения предложенного опросника, было выявлено три ранее заявленных уровня удовлетворенности выбранной профессией. Именно на основании показателя уровня удовлетворенности выбранной профессией были объединены между собой символические модели, составленные респондентами, и рассматривались присущие им различия.

Далее по диагностической карте следовал переход к этапу, на котором мы использовали «Методику цветовых метафор» И.Л. Соломина. Данная методика представляет собой экспресс-вариант психосемантической диагностики отношений к различным занятиям, людям и событиям, основанный на обозначении ряда понятий с помощью стандартного набора цветовых стимулов. Наряду с другими психосемантическими методами, методика цветовых метафор позволяет выявлять потребности и мотивы человека, содержание его представлений и переживаний, измерять как осознанные, так и неосознаваемые отношения, определять побуждения к конкретным видам деятельности.

В отличие от традиционных психологических тестов и анкет, позволяющих получить ответы на вопросы: как человек ведет себя в разных ситуациях, что он говорит о себе и других людях, методика цветовых метафор дает возможность узнать, что человек думает и чувствует, то есть, ориентирована на выявление содержания и структуры сознания и бессознательного.

Методика представляет собой модифицированный вариант цветового теста отношений А.М. Эткинда и характеризуется рядом характеристик. Во-первых, в методике цветовых метафор обозначение различных понятий одним цветом является косвенным показателем их субъективного сходства. Во-вторых, данная методика не опирается на стандартный психологический смысл цветов. В-третьих, методика цветовых метафор может использоваться не только для выявления отношений к различным людям, но и для определения мотивов различных видов деятельности. Наконец, обследование по методике цветовых метафор может проводиться как в индивидуальной, так и в групповой форме с помощью специальных бланков.

В нашем случае использовалась групповая форма проведения данной методики. Цветные карточки выставлялись перед участниками под определенными номерами, а каждому отдельному человеку давался бланк, предназначенный для заполнения и заключающий в себе понятия, которые нужно было проассоциировать с предложенными цветами.

Давалась следующая инструкция: «Перед вами находятся цветные карточки, каждая из которых обозначена определенным номером. Перед вами бланк, в котором имеется список понятий, относящихся к профессиональной области вашей жизни. Обозначьте каждое понятие из этого списка определенным цветом. Для этого вам необходимо в столбике «№ цвета» справа от каждого понятия записать номер того цвета, который, по вашему мнению, лучше всего подходит для обозначения данного понятия».

После проделанной работы дается еще одна инструкция: «А теперь в нижней строчке таблицы запишите, пожалуйста, номер самого приятного для вас цвета, цвета, который сейчас вам больше всего нравится. В клетке правее номера самого приятного цвета запишите номер следующего по степени привлекательности цвета и т.д. То есть, в нижней строчке у вас должны быть записаны номера цветов, упорядоченных по степени привлекательности от самого приятного до самого неприятного».

Таким образом, в состав диагностической карты нами были включены такие методики как «Методика цветовых метафор» Соломина, «Карта будущего», Опросник на выявление уровня удовлетворенности выбранной профессией, а также ряд вопросов, сформулированных на основе принципов метода Символического Моделирования.

Выборку нашего исследования составили 84 человека. Все они являлись студентами различных специальностей Сочинского государственного университета. Средний возраст испытуемых по выборке составил 20 лет.

В ходе диагностики были получены 26 эмпирических показателя, из которых:

– 22 понятия, относящиеся к профессиональной сфере человека: «безопасность», «стабильность», «престижность», «социальная конкурентоспособность», «материальное благополучие», «общение», «доверие», «радость», «личная независимость», «признание окружающими», «карьера», «какой я сейчас в профессии», «творчество», «знания», «раздражение», «выполнение долга», «профессиональный идеал», «труд», «информация», «каким я хочу быть в своей профессии в будущем», «препятствия», «успех»;

– 3 категории: «базовые потребности», «источники стресса», «вытесненные переживания», которые в разной степени наполняются вышеназванными понятиями;

– уровни удовлетворенности испытуемых выбором профессии в трех градациях: низкий, средний и высокий.

При обработке и анализе результатов фиксировались следующие факты:

– уровень удовлетворенности выбором профессии;

– проявленность либо отсутствие трех заявленных категорий внутри каждой группы уровней удовлетворенности;

– наполненность категорий теми или иными из 22-х понятий ввиду каждого из уровней удовлетворенности;

– метафорический ландшафт профессионального пути у респондентов с различными уровнями удовлетворенности выбранной профессией.

Для составления символических моделей профессионального пути был проведен анализ значимости наполнения каждой из трех рассматриваемых нами категорий (базовые потребности, источники стресса, вытесненные переживания) 22-мя понятиями внутри низкого и высокого уровней удовлетворенности выбором профессии. Это позволило составить целостную картину моделей профессионального пути респондентов с низким и высоким уровнями удовлетворенности выбранной профессией.

Из составленных моделей видно, что между ними существуют как некоторые общие моменты, так и различия. Универсальными метафорами-символами, наполняющими модели профессионального пути личности как с при высоком, так и при низком уровне удовлетворенности выбором профессией, являются: «я хочу быть в своей профессии в будущем», препятствия, дорога, семья, самостоятельность (в преодолении трудностей).

Компоненты профессионального пути	Модель пути с низкой удовлетворенностью выбранной профессией	Модель пути с высокой удовлетворенностью выбранной профессией
Базовые потребности	безопасности, радость, творчество, «я хочу быть в своей профессии в будущем», успех	доверие, независимость, карьера, «я сейчас в профессии», долг, профессиональный идеал, «я хочу быть в своей профессии в будущем»
Источники стресса	признание, карьера	отсутствуют
Вытесненные переживания	материальное благополучие, «я сейчас в профессии», труд, препятствия	препятствия
Профессиональный путь	это рост/ развитие, дорога/путь	это лестница; уверенный в себе человек
Цель:	точка/мишень	семья, карьера, реализация себя
Связь между целями	прерывистые ломаные линии, тропы, пустота	лестница, дорога, цепочка
Опасности	неуверенность; страхи, фобии; лень, некомпетентность	завистники и конкуренты; все преодолимо, ведь трудности небольшие
Преодоление трудностей	самостоятельно, свои силы	самостоятельно; близкие люди, семья; знания
Источник сил	семья; очаг; желание; совершенство	семья; творчество; река, озеро

Особенности модели профессионального пути личности при низкой удовлетворенности выбором профессии проявляются в том, что практически в каждой из выявленных компонент моделей выделяются специфические метафоры-символы. Пересечения есть только по категориям «базовые потребности», «преодоление трудностей» и «источник сил», но и эти категории наполнены также специфическими для каждого уровня удовлетворенности символами.

Начиная с базовых потребностей, видно, что при низкой удовлетворенности выбранной профессией личность нуждается в успехе, безопасности, радости и творчестве. Видимо затруднения в реализации этих потребностей формируют при низкой удовлетворенности выбором профессии и специфические источники стресса, такие как признание и карьера. Далее (по мо-

дели) вытесняются переживания, относящиеся к материальному благополучию, настоящему пребыванию в профессии, самому труду.

Символы профессионального пути (рост/развитие, дорого/путь) и цели (точка/мишень) в модели респондентов с низким уровнем удовлетворенности выбранной профессией можно охарактеризовать, на наш взгляд, как слишком общие и неопределенные. Связь между целями нестабильная (прерывистые ломаные линии, тропы, пустота), опасности профессионального пути расположены во внутреннем плане личности (неуверенность; страхи, фобии; лень; некомпетентность).

В преодолении трудностей профессионального пути специфика модели респондентов с низкой удовлетворенностью выбором профессии показывает ориентацию личности только на свои силы. А источник сил обозначается в модели как неопределенный потребностный фон (желание) и столь же неопределенный символ совершенство, означающий на наш взгляд тоже некую интенцию неизвестно к чему.

Таким образом, в результате проведенного исследования удалось не только составить символические модели профессионального пути личности, но и выявить их особенности относительно групп респондентов с высоким и низким уровнями удовлетворенности выбранной профессией.

В свою очередь, полученные в ходе работы данные могут послужить основой для дальнейших исследований, так как в процессе изучения метафорического ландшафта профессионального пути личности (на студенческой выборке) были замечены многие интересные особенности, взаимосвязь и обусловливание которых лишь предстоит изучить более подробно.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Макаренко Ю.Б.
г. Новороссийск
juliamak@hotbox.ru

Студенчество – это не просто период формирования профессионально-важных знаний, навыков, умений и качеств. Это важный этап личностного развития человека – период понимания возможности самореализации в выбранной профессии, период превращения в субъекта профессиональной деятельности. К сожалению, путь этот не прост, и многие выпускники вузов ощущают острую неудовлетворенность сделанным профессиональным выбором. Вопрос нахождения конкретных способов помощи юношам и девушкам в профессиональном самоопределении определил направление нашего научного интереса.

Самоопределение в профессиональной сфере – процесс долговременный и помощь в данном вопросе должна осуществляться в виде пролонгированной психологической поддержки, предполагающей поиск внутренних ресурсов развития личности, опору на ее собственные возможности и создание на этой основе психологических условий для более эффективного профессионального самоопределения. Встает вопрос о том, какие личностные ресурсы могут быть задействованы в данной ситуации. Понимание самоопределяющейся личности как рефлексирующего субъекта, осознающего и осмысливающего свой жизненный путь и свою роль в выстраивании этого пути (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.С. Абульханова-Славская, Н.Н. Толстых) позволяет в качестве внутреннего ресурса профессионального самоопределения рассматривать способность личности к биографической рефлексии своего жизненного пути.

Изучая проблемы профессионального выбора и профессионального развития, зарубежные исследователи не раз обращались к вопросам взаимосвязи этих феноменов с личной историей человека (Manaster G.J., Perryman T.B., 1974; Hafner J.L., Fakouri M.E., 1984,1986; Elliot D., Amerikaner M., Swank P., 1987; Malach-Pines A., Yafe-Yanai O., 2001). Выполненные в ключе индивидуальной психологии А.Адлера данные исследования установили связь профессионального выбора, отражающего индивидуальный стиль личности, с содержанием ранних воспоминаний: наличием в них других людей, особенностей обстановки, эмоциональным фоном и другими деталями. Выявленные связи носят двусторонний характер: имеет место и личностная

обусловленность автобиографической памяти и экзистенциальная значимость индивидуального опыта личности.

Экзистенциальной функции автобиографической памяти личности уделяется все большее внимание в современной науке (Conway M.A., 2005; Шлыкова Ю.Б., 2006; Нуркова В.В.,2009; Сапогова Е.Е, 2010 и др.). Область проявления экзистенциальной функции автобиографической памяти широка и открыта для исследования. Интересным и перспективным является вопрос проявления биографической рефлексии личности как ресурса ее самоопределения в профессии, который способствует осмыслению собственной роли в построении жизненного пути, объективации событий прошлого с целью выявления особенностей формирования профессиональных интересов, определению причин кризисов профессионального самоопределения, построению непротиворечивой профессиональной транспективы и др.

Изучение этой области функционирования автобиографической памяти логично начать с рассмотрения взаимосвязи особенностей автобиографических воспоминаний личности и особенностей протекания процесса ее профессионального самоопределения. Такая задача была поставлена при исследовании особенностей биографической ретроспективной рефлексии курсантов ведомственного вуза МВД РФ как субъектов профессионального самоопределения. В исследовании приняли участие курсанты в возрасте от 16 до 22 лет, обучающиеся по специальностям «Психология» (83 чел.) и «Юриспруденция» (88 чел.). Выборка равномерно распределена по факторам пола, курса, получаемой специальности.

Теоретический анализ проблемы профессионального самоопределения личности позволил выделить ряд показателей успешности. К основным из них относятся: удовлетворенность выбранной профессией, состояние сформированности профессиональной идентичности, выстраивание временной перспективы (наличие профессиональных планов). Удовлетворенность выбранной профессией отражает отношение субъекта к своему выбору и является интегральным показателем профессионального самоопределения. Этот показатель был выбран нами как критерий для выделения контрастных групп (удовлетворенных профессиональным выбором и не удовлетворенных профессиональным выбором). Также проводился корреляционный анализ особенностей профессионального самоопределения и ретроспективного анализа жизненного пути, в который включались данные всех испытуемых выборки.

В рамках нашего исследования помимо традиционно изучающихся содержательных и аффективных аспектов автобиографических воспоминаний отдельное внимание было уделено субъектным характеристикам автобиографической памяти: оценке респондентами собственной роли в произошедших жизненных событиях, принятию прошлого опыта, выделению событий, связанных с процессами самоопределения и самоактуализации личности.

Несколько слов о методах исследования. Отношение респондентов к выбранной профессии определялось с помощью анкеты, направленной на выявление уровня удовлетворенности выбором профессии и степени определенности в этом выборе, и модифицированного варианта цветового теста отношений. Таким образом, были получены вербальные и невербальные оценки субъективного состояния удовлетворенности профессиональным выбором. Статус профессиональной идентичности выявлялся с помощью модифицированного для нашей возрастной группы опросника «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (А.А. Азбель). Представления о будущем изучались с помощью контент-анализа сочинения «Мой рабочий день через пять лет». Для выявления особенностей содержания автобиографической памяти курсантов использовался диагностический комплекс, включающий в себя:

а) методику «Линия жизни», на основании которой формировался список наиболее важных событий прошлого;

б) элементы каузометрического опроса: датировка указанных событий, ранжирование событий по значимости, определение эмоциональной оценки событий, обозначение сфер принадлежности событий;

в) оценку событий с позиции субъектности: для каждого события предлагалось определить, событие произошло благодаря стараниям респондента, вопреки его усилиям, либо само по себе;

г) оценку степени принятия выделенных событий; оценку степени влияния каждого события на самоопределение респондентов в профессии;

д) обозначение вида и сферы принадлежности событий.

При формировании групп испытуемых с полярными уровнями удовлетворенности профессиональным выбором учитывались и вербальные и проективные оценки. В первую группу курсантов вошли 33 человека (19,3% выборки) – 17 курсантов-психологов и 16 курсантов-юристов, – это испытуемые, имеющие высокий уровень удовлетворенности профессиональным выбором. Наименее удовлетворенные профессиональным выбором респонденты составили вторую группу. В нее вошли 36 курсантов (21%) – 16 курсантов-психологов и 20 курсантов-юристов с низкими показателями удовлетворенности профессиональным выбором.

Проведенный статистический анализ различий между группами позволил обозначить первую группу как «успешно самоопределяющихся» и вторую группу как «проблемно самоопределяющихся», так как среди удовлетворенных профессиональным выбором курсантов значимо выше выраженность сформированной профессиональной идентичности ($p < 0,001$); среди второй группы значимо выше выраженность неопределенного статуса профессиональной идентичности ($p < 0,001$). Имеются различия и в отношении профессиональной перспективы: в первой группе значимо выше выражены желание и готовность работать по получаемой специальности, реалистичность сформированных представлений о будущей профессиональной деятельности в ($p < 0,01$);

Выделены различия групп в биографической ретроспективной рефлексии жизненного пути. Успешно самоопределяющиеся курсанты демонстрируют большую сопричастность по отношению к жизни.

В их группе чаще выделяются события, относимые к внутренней жизни ($p < 0,05$), реже обозначаются события, по отношению к которым была занята пассивная позиция ($p < 0,01$), реже отмечается желание переписать историю своей жизни ($p<0,05$). У группы «проблемно самоопределяющихся» наблюдается определенная бесстрастность к выделенным событиям, они значимо чаще выделяют в картине прошлого события, которые оценивают как нейтральные ($p<0,05$).

Результаты корреляционного анализа, выполненные на всей выборке, позволяют подробнее рассмотреть выявленные особенности взаимосвязи автобиографических воспоминаний и показателей профессионального самоопределения курсантов.

Чем выше удовлетворенность выбранной профессией, тем больше выделяется внутренних событий в личной истории ($r= 0,24$; $p < 0,01$), выше преобладание приятных воспоминаний ($r = 0,21$; $p < 0,01$), выше принятие событий прошлого ($r = 0,17$; $p < 0,05$), больше событий, которые связаны с профессиональным самоопределением ($r = 0,23$; $p < 0,01$).

Чем ярче выражен неопределенный статус профессиональной идентичности, тем меньше выделено позитивных событий ($r = –0,17$; $p < 0,05$), меньше событий-изменений во внутреннем мире ($r = –0,16$; $p < 0,05$), меньше событий, связанных с профессиональным самоопределением ($r = –0,16$; $p < 0,05$), больше событий, которые хотелось бы отменить ($r = 0,18$; $p < 0,05$). При навязанной идентичности реже встречаются события-изменения в поведении ($r = –0,1955$; $p < 0,05$), также больше событий хочется отменить ($r = 0,23$; $p < 0,01$), Статус моратория профессиональной идентичности значимо коррелирует с количеством нейтральных событий ($r = 0,18$; $p < 0,05$), количеством событий досуговой сферы ($r = 0,161$; $p < 0,05$) и внутренней жизни ($r = 0,21$; $p < 0,01$), имеет обратную корреляцию с событиями общественной сферы ($r = –0,20$; $p < 0,01$). Сформированная идентичность демонстрирует связь с количеством позитивных ($r = 0,17$; $p < 0,05$) и принимаемых событий ($r = –0,22$; $p < 0,01$).

Таким образом, успешность профессионального самоопределения связана с такими психобиографическими показателями как позитивная оценка и принятие событий прошлого, прописывание истории внутренних изменений и профессионального самоопределения.

Контент-анализ событий, обозначенных респондентами как связанные с профессиональным самоопределением, показал, что выделить типичные события профессионального самоопределения невозможно. Диапазон событийных групп широк и включает в себя достижения в учебной, спортивной и иных видах деятельности, нормативные события жизненного цикла

(первый класс, окончание школы и т.д.), события личностного развития (изменился взгляд на мир, установление жизненных принципов), выбор профессии (беседа с отцом о будущей профессии, пересмотрела свой выбор), отношения с противоположным полом, друзьями, с учителями, преподавателями и тренерами, неприятные события-разочарования в людях и потери близких, яркие детские воспоминания, сложности при поступлении в вуз, проблемы со здоровьем, события школьной и университетской жизни (каникулы, первый отпуск, присяга, курс молодого бойца и т.д.) и др.

Наиболее часто с профессиональным самоопределением связывается событие «поступление в вуз», причем в группе «проблемно самоопределяющихся» курсантов встречаются негативные эмоциональные оценки этого события. Далее по степени встречаемости идут события университетской жизни и события жизненного цикла, в основном это события начала и окончания школы. Интересно, что в группе «успешно самоопределяющихся» курсантов шире диапазон событийных групп, связанных с профессиональным выбором. Гораздо чаще они вспоминают позитивные события, связанные с отношениями со значимыми другими: с друзьями, противоположным полом, преподавателями. Курсанты, имеющие трудности в профессиональном самоопределении, чаще связывают с профессиональным самоопределением события из одной-двух жизненных сфер, представляющие собой нормативные жизненные события.

Мы обратили внимание на то, что в общем количестве событий, связанных с профессиональным самоопределением, количество конкретных воспоминаний о том, как делался профессиональный выбор – ничтожно мало (встречается у 2% респондентов). Это еще раз подтверждает тот факт, что выбор профессии – не одномоментный, а длительный процесс.

Также не было выявлено событий, связанных с деятельностью профориентационных центров. Здесь может быть две причины, первая – такого жизненного опыта в принципе не было, вторая – опыт взаимодействия с работниками профориентационных служб не обрел статус личностно-значимого и не был переведен в ранг автобиографических событий. Учитывая современное положение профориентационных служб, первая причина нам кажется более реальной.

Выявленные особенности взаимосвязи автобиографических воспоминаний с показателями профессионального самоопределения курсантов подтверждают, что биографический опыт личности может выступать ресурсом профессионального самоопределения, однако от самой личности зависит, как она использует этот ресурс. Образно говоря, автобиографическая память – это галерея, где картинами выступают наши жизненные события. У человека всегда есть выбор, на какие картины смотреть, а какие оставить без внимания, у какой картины задержаться, проникнуться ею, рассмотреть детали, а в какой зал галереи вообще не заходить.

Перспективой применения полученных данных может стать организация психологического сопровождения профессионального самоопределения курсантов на разных этапах обучения с общей целью развития конструктивной биографической рефлексии личности. Рефлексируя и осмысляя свое бытие, субъект и будет самоопределяться. Формы сопровождения – автобиографические тренинги, автобиографические упражнения в индивидуальной консультационной работе, использование автобиографического материала при преподавании социально-гуманитарных дисциплин и др. Основные задачи всех этих возможных мероприятий сопровождения заключаются в формировании способности курсанта к биографической рефлексии, позволяющей использовать свою автобиографическую память как ресурс для активизации профессионального самоопределения, реконструкции вереницы жизненных событий и отношения к ним в сторону их эффективности для профессионального самоопределения.

СУБЪЕКТНЫЕ СВОЙСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ

Некрасов С.Д.
г. Краснодар
n.s.d@kubsu.ru

Психолого-педагогическая компетентность преподавателя высшей школы является динамичным новообразованием, развивающимся в процессе обучения студентов. Возникают во-

просы о закономерностях обретения преподавателем вуза способности обучать студентов, о его личностных особенностях, об осознании им успешности собственной педагогической деятельности и др.

Можно полагать, что важным фактором успешности обучения студентов является наличие базовой психолого-педагогической подготовки преподавателя. Вместе с тем, в ряде ведомственных вузов преподавание профессиональных дисциплин осуществляется, как правило, преподавателями специалистами в конкретной области деятельности, мало связанной с психологией и педагогикой. Не являются исключением в этом плане преподаватели медицинских вузов.

Кто становится преподавателем медицинского вуза? Как правило, им может стать:

– компетентный врач, но мало компетентный в дидактике и психологии;

– выпускник вуза, обучающийся в аспирантуре, осваивающий азы педагогической деятельности в процессе практических занятий;

– квалифицированный педагог, но слабо компетентный в медицине;

– компетентный врач, имеющий врожденную предрасположенность к педагогической деятельности.

В процессе образовательной деятельности, начинающий преподаватель медицинского вуза обретает опыт обучения студентов, повышает свою квалификацию на различных курсах, проводит исследования, как правило, в медицинской сфере, защищает диссертации, получает научные звания, что является фактором успешности обучения студентов.

Кто он преподаватель медицинского вуза? Каковы его свойства как субъекта образовательной деятельности? Каковы особенности его самосознания, осознания своей психолого-педагогической компетентности?

Поиск ответов на эти вопросы целесообразно начать с построения психологического портрета преподавателей медицинского университета как субъекта образовательной деятельности. Для построения портрета были использованы результаты исследования, в котором приняли участие 259 преподавателей медицинских вузов, в том числе 66% женщин, 34% мужчин. Средний возраст 49,3 года.

Методики, используемые для построения портрета: самооценка преподавателем своей компетентности; общая интеллектуальная осведомленность; тест «Кто Я»; неструктурированное интервью о необходимости повышения психолого-педагогической компетентности.

Как показывают исследования, большинство преподавателей медицинского вуза составляют компетентные врачи, из них 79,9% имеют диплом врача (врач лечебник, педиатр, стоматолог и др.), то есть преподаватели, не имеющие базовой психолого-педагогической подготовки, а 18,5% имеют педагогическое образование (химия, биология, физика, филология и др.). Таким образом, профессиональные учебные дисциплины преподают в медицинском вузе квалифицированные врачи, которые обретают психолого-педагогическую компетентность, как правило, в процессе обучения студентов.

С помощью интервью выявлено, что основной интерес у преподавателей медуниверситета как субъектов профессиональной подготовки студентов вызвали вопросы, связанные с совершенствованием своего педагогического уровня, с современными подходами к оценке результатов обучения студентов, с использованием в процессе обучения информационных технологий, таксономии целей обучения, оперативного анализа образовательных ситуаций и прогнозирования их развития, перехода на федеральные государственные стандарты нового поколения, разработки учебно-методических комплексов по преподаваемым учебным дисциплинам в соответствии с компетентностным подходом к обучению студентов и др.

Исследование проводилось во время курсов повышения квалификации по психолого-педагогическим проблемам, отмечены высокие проценты посещаемости теоретических занятий на курсах (71,8% слушателей), практических занятий (83,0%). Во время выполнения практических заданий преподаватели медицинских вузов проявляли активность в разработке тестовых заданий для оценки текущей и сессионной аттестации студентов, применения методов анализа проблемных образовательных ситуаций (уровень активности более 90% слушателей). Показатели посещаемости и активности преподавателей медицинских вузов свидетельствуют, скорее

всего, об осознании необходимости обретения компетентности в текстологии, в методологии анализа и прогнозирования специфики обретения студентами профессиональной компетентности.

С помощью интервью выявлено, что 72,6% преподавателей мотивированы на повышение психолого-педагогической компетентности, но повышение квалификации считают возможным и оптимальным без отрыва от основной деятельности, лучше всего вечером после занятии со студентами. Вместе с тем, 37,4% преподавателей повышение квалификации на курсах считают только необходимым атрибутом конкурса на подтверждение должности преподавателя, доцента или профессора, а повышение квалификации происходит путем самообразования. На основании этого, в выборочной совокупности были выделены респонденты, не имеющие базового психолого-педагогического образования, и разбиты на две группы:

– преподаватели, скептически относящиеся возможностям курсов повышения квалификации, осознающие необходимость самообразования для повышения психолого-педагогической компетентности (Группа А);

– преподаватели, осознающие возможность повышения психолого-педагогической компетентности на курсах повышения квалификации как важного фактора профессионального развития (Группа Б).

Приблизительно одинаковыми для двух групп оказались следующие показатели: нормальный уровень интеллектуальной осведомленности (перечень выдающихся ученых и показатели общей эрудиции), нормальные значения осознания себя как профессионала, личностной идентичности, низкие значения неудовлетворенности бытия, высокий уровень социальной активности, низкий уровень демонстративности, низкий уровень самостоятельности. Хотя женщин в группе А (67,7%) больше, чем в группе Б (58,8%), однако, различие это статистически не значимое. Таким образом, выделенные субъектные свойства являются общими содержания психологического портрета преподавателей медицинских вузов.

Исследование выявило специфические особенности преподавателей групп А и Б.

Статистически значимо выше ($p < 0,05$) процент преподавателей группы А (64,7%), чем процент преподавателей группы Б (47,1%), которые оценили свои профессиональные способности выше, чем свои исследовательские способности. То есть, в группе А многие преподаватели осознают себя больше преподавателем чем ученым, а в группе Б таких преподавателей меньше половины, остальные осознают себя в раной мере как ученым, так преподавателем. Причем процент преподавателей группы Б (8,2%), осознающих себя боль ученым чем преподавателем, выше чем в группе А (5,9%).

Статистически значимо выше ($p < 0,03$) показатели семейной идентичности у преподавателей группы А (34,9), чем у преподавателей группы Б (25,4). Таким образом, для многих преподавателей группы А семейные отношения и ценности также значимы как и профессиональные. А у многих преподавателей группы Б профессиональные ценности более важны, чем семейные.

Статистически значимо выше ($p < 0,08$) показатели социальной ответсвенности у преподавателей группы А (97,0), чем у преподавателей группы Б (91,7). Таким образом, многих преподавателей группы А отличает от преподавателей группы Б повышенный уровень социальной ответсвенности бытия.

Специфические особенности преподавателей групп А и Б позволяют дополнить психологический портрет преподавателей медицинских вузов.

Можно полагать, что составленный психологический портрет преподавателей медицинских вузов как субъектов бытия поможет разработчикам программ повышения квалификации преподавателей не только медицинских вузов, а также преподавателей, не имеющих базовой психолого-педагогической подготовки как преподавателя. В наши планы входят исследования проблем обретения психолого-педагогической компетентности преподавателями вузов.

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕГОВОРНОГО ОПЫТА НА ПОВЕДЕНИЕ, ПОНИМАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ЖЕНЩИН В ПЕРЕГОВОРАХ[1]

Танасов Г.Г.
г. Краснодар
Lyoha@econ.kubsu.ru

Переговоры – вид общения и такой вариант со-бытия, в котором личности не безразлично, кто является ее оппонентом. Статусные различия в переговорах могут включать любые различия между оппонентами, поскольку эти различия оказывают определенное влияние на воспринимаемый участниками переговоров статус друг друга. Уровень образования, профессиональной компетенции, внешние физические данные, пол, манера поведения и т.д.

Особый вид статусной позиции личности связан с ее полом, *гендерным статусом.* Переговоры с оппонентом своего или противоположного пола являются для личности различающимися по сложности («критичности») и (возможно!) по желательности. Мужчинам и женщинам свойственно, вступая в межполовые отношения, демонстрировать ключевые признаки поведения представителей своего пола (Д.В. Воронцов, 2009; Е.П.Ильин, 2007). Существует значительное количество исследований рассматривающих гендерный фактор в переговорах (D. J. Brass, 1985; J. Miller, J. R Lincoln, J. Olson, 1981; L. Kray, L.Babcock, 2006; L. J. Kray, L. Thompson, 2005). На основании полученных экспериментальных результатов среди современных ученых распространено мнение о преобладании в социуме маскулинной концепции переговоров – индивидуалистической, соревновательной, транзакционной. И менее принятой феминной концепции как более коллективисткой, ориентированной на совместные действия и межличностные отношения. Отсюда, по их мнению, исследования гендерного фактора в переговорах сузились до фактического изучения отклонения женского поведения от мужских стандартов. (B. Gray, 1994; D. Kolb, L. L Putnam, 1997; К. Гиллиган, 1992; А. Грейг, М. Киммель, Д. Ланг, 2006; Н.А. Шилина, 2005).

Однако, искусственность такого разграничения умений и способностей подтверждается не только логическими заключениями, но и экспериментальными исследованиями, направленными на изменения в представлении испытуемых о связи гендерных стереотипов и эффективности в переговорах. Они показали, что возможно превратить маскулинные преимущества в недостатки для переговоров и, соответственно, феминные черты в преимущества (L.J. Kray, A.D. Galinsky, L. Thompson, 2002). В частности, в исследования проведенных Babcock и Laschever была обнаружена значительная разница по гендерному признаку между студентами по склонности вступать в переговоры, но такая разница не обнаружилась при сравнении эффективности в переговорах. (L. Babcock, S.Laschever, 2003). Другие исследования переговоров вообще не находили существенной разницы по гендерному признаку ни в склонности респондентов к ведению переговоров ни в эффективности ведения переговоров (P.G. O'Shea, D.F. Bush, 2002; D. L. Seidel, J. T. Polzer, K. J. Stewart, 2000).

Нашей задачей было выявить динамику изменений в отношении к процессу переговоров, связанную с накоплением переговорного опыта, у женщин, для которых переговоры являются неотъемлемой частью профессиональных обязанностей.

В проведенном нами исследования на выборке опытных переговорщиков (молодые женщины (возраст от 22 до 27 лет), зрелые женщины (возраст от 33 до 44 лет), использовалась авторская двух-фокусная анкета, направленная на выявление различий субъектной активности в зависимости от пола оппонента.

Проведенный сравнительный анализ эмпирических материалов позволил получить обобщенную информацию об особенностях понимания, переживаний, поведения респондентов женщин различного возраста (различный по продолжительности опыт участия в переговорах). Направленная селекция эмпирического материала, позволяющая сгруппировать данные по женской группе респондентов (59 человек), создала основания для создания обобщенного

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук (МК-1380.2011.6)

портрета женщины, как субъекта активности (понимание, переживание, поведение) в процессе переговоров.

Исследование показало, что женщины реже, чем мужчины, участвуют в деловых переговорах ($p<0,01$), но, при этом, чаще ведут переговоры с оппонентами своего пола ($p<0,05$). Подобное проявление направленной активности можно квалифицировать, как проявление женщинами неявной корпоративности в деловых отношениях по гендерному признаку (гендерно обусловленное деловое сообщество). Это подтверждается также и тем, что женщины чаще являются инициаторами в переговорных ситуациях с оппонентами своего пола и уступают инициативу мужчинам в ситуациях, когда в переговорах оппонентом является мужчина ($p<0,01$).

При этом женщинам свойственно более высоко оценивать *эффективность, действенность* переговоров в тех случаях, когда оппонентом в переговорной ситуации является мужчина ($p<0,1$).

Сравнение причин (мотивов), чаще всего обусловливающих особенности поведения в переговорах, показало, что, если мужчины в 73% случаев находятся под влиянием своего стремления утвердить чувство превосходства, а также стремления к победе любой ценой и азарта (на аналогичные регуляторы у женщин приходится только 47% случаев), то женское поведение чаще обусловлено: чувством неловкости из-за того, что отсутствует необходимое понимание предмета обсуждение; стремлением избавиться от дискомфорта; чувством вины из-за того, что приходится настаивать и пр. (52% случаев у женщин и только 26% у мужчин приходится на долю этих регуляторов). Таким образом, женщины в большей степени склонны переживать ситуацию переговоров, как дискомфортную, сопровождаемую зачастую неприятными переживаниями.

В исследовании выявлены различия между женщинами, различающимися продолжительностью опыта участия в деловых переговорах. Эти различия касаются самопонимания и понимания оппонента, поведения, переживаний, сопровождающих переговорный процесс, оценки переговоров, как вида деловой активности.

Молодые женщины проявляют дифференцированность в понимании роли, в которой в процессе переговорных отношений с ними проявляет себя оппонент: преобладает указание на роль с позитивным знаком в переговорах с оппонентом-мужчиной и отрицательное обозначение роли в переговорах с оппонентом-женщиной. Дифференцированность понимания проявляется и в том, в какой роли, по мнению молодых женщин, воспримает их оппонент: превалируют положительные самоидентификации в том случае, когда оппонентом выступает мужчина и появляется больше отрицательных суждений в случае, когда оппонентом является женщина.

Молодые женщины оказались в наименьшей степени склонными к перспективной рефлексии (проигрывание, продумывание, планирование процесса переговоров на всех этапах, во всех возможных вариантах до их начала). У них не только больше отрицательных эмоций в связи с предстоящими переговорами, но и по количеству высказываний преобладают те, которые не связаны с деловой настроенностью на переговоры, скорее проявляют желание отстраниться, избежать.

В ситуации неудачно складывающихся переговоров у молодых женщин возникают переживания, которые скорее разрушительны для последующих действий (нервничаю, расстроена, подавлена и пр.). Молодые женщины выглядят наиболее критически настроенными в оценке конструктивности переговоров, как вида деловой коммуникации и своей активности в этом виде делового общения.

Характеристики активности молодой женщины, как субъекта переговоров (свойственные ей особенности понимания, переживаний, поведения) различаются в зависимости от того, с оппонентом какого пола она взаимодействует.

Из 22-х оцениваемых позиций 18 оценочно дифференцируются молодыми женщинами в зависимости от пола оппонента.

В 15-ти случаях ответы дифференцированы по количественным показателям (в других случаях это качественные отличия).

В 8-и из них показатели, характеризующие активность молодой женщины в переговорах с оппонентом-мужчиной или характеризующие самого мужчину-оппонента выше аналогичных показателей активности в переговорах с оппонентом-женщиной.

И в 7-и случаях более высокий показатель связан с активностью в переговорах с оппонентом-женщиной.

Таким образом, для молодых женщин пол оппонента – важный признак, выступающий регулятором их активности в переговорном процессе. При этом, очевидных предпочтений, обусловливающих резкий перевес в том, какой оппонент – женщина или мужчина – значимее, комфортнее и пр. не обнаружено.

Например, молодые женщины чаще проявляют инициативу, организуя переговоры с оппонентом-женщиной, перед переговорами с мужчиной их переживания более «отрицательны», но, при этом, более удобным оппонентом называют мужчину.

С возрастанием опыта участия в деловых переговорах женщины демонстрируют возрастание инициативы в переговорных ситуациях ($p<0,05$). Зрелым женщинам в большей степени свойственно заниматься перспективной рефлексией, направленным продумыванием ситуации предстоящих переговоров. С возрастанием профессионализма в области деловой коммуникации у женщин претерпевает заметные изменения рефлексируемая структура причин неприятных переговоров. Возрастают проблемы, связанные с характеристиками оппонента, ослабляются проблемы, связанные с предметом переговоров и с собственными эмоциями. Это можно связать с возросшей профессиональной компетентностью (отсюда уменьшение проблем в связи с предметом переговоров), с привычностью переговоров (в связи с чем снижается эмоциональная вовлеченность) и, одновременно, с увеличивающейся с возрастом избирательностью и нетерпимостью в общении (поэтому проблемы с оппонентами). У зрелых женщин возрастает позитивность в оценке переговоров, они выше оценивают их удачность. В переживаниях, которые испытывают зрелые женщины, когда понимают, что необходимо проведение переговоров (в отличие от молодых женщин), преобладают характеристики, свидетельствующие о деловой направленности: озабоченность (52%), уверенность в себе (14%), ответственность (10%), сосредоточенность (10%) и пр. В целом снижается отрицательная эмоциональность в отношении к переговорам, как виду деловой коммуникации и возрастает деловой аспект переживаний, обусловливающий последующее конструктивное поведение.

При анализе различий в активности зрелых женщин в зависимости от пола оппонента выявились заметные изменения (в сравнении с молодыми женщинами).

Из 22-х оцениваемых позиций 20 оценочно дифференцируются в зависимости от пола оппонента (это на одну позицию больше, чем у молодых женщин).

В 16-ти случаях ответы дифференцированы по количественным показателям и в 14-и из них (у молодой женщины только 8) показатели, характеризующие активность зрелой женщины в переговорах с оппонентом-мужчиной или характеризующие самого мужчину-оппонента выше аналогичных показателей активности в переговорах с оппонентом-женщиной. Таким образом, для зрелых женщин пол оппонента – не только важный признак, выступающий регулятором их активности (понимание, переживания, поведение) в переговорном процессе, но, при этом, очевидны предпочтения, ориентирующие женщину на переговоры с оппонентом-мужчиной.

Подводя итог, выделим следующие ключевые отличия зрелых женщин от молодых:

1. С обретением переговорного опыта у женщин произошли заметные изменения:

– зрелые женщины находят меньше обоюдной выгоды в переговорах с оппонентом-женщиной, чем с оппонентом-мужчиной (в оценках молодых женщин наблюдалась обратная ситуация);

– оценка удачности переговоров также изменилась в пользу переговоров с оппонентами-мужчинами;

– изменились по знаку эмоциональные состояния в преддверии переговоров: зафиксирована более негативная настроенность на женщину-оппонента.

Таким образом, мужчина заметно добрал «плюсов», как возможный оппонент.

2. Зрелых женщин отличает ясная дифференциация причин (связанных с определенными личностными особенностями), объясняющих, почему удобен оппонент-мужчина и чем удобна оппонент-женщина.

3. В целом формируется картина б*о*льшей напряженности и взаимного недовольства, когда в переговорах принимают участие женщины.

4. В целом более негативная и неконструктивная эмоциональная реакция на неудачные переговоры в случае переговоров с мужчинами выглядит менее однозначной.

5. Из анализа уже сформулированных выводов следует, что зрелых женщин отличает от молодых отсутствие противоречий в представлениях об оппоненте-мужчине и оппоненте-женщине. Молодые женщины характеризовали переговоры с оппонентом-женщиной как более обоюдовыгодные и более удачные. При этом, более удобным оппонентом они называли мужчину.

И по некоторым другим вопросам характеристики опонентов (в зависимости от пола) у молодых женщин иногда выглядели рассогласованно. Произошедшие в рефлексии переговоров изменения позволяют заключить: фактически все аспекты процесса переговоров с опоонентом-мужчиной оцениваются зрелыми женщинами как более выигрышные. Роль оппонента-мужчины предстает по всем аспектам оценивания более позитивной и конструктивной, чем роль оппонента-женщины. Более того, конструктивность поведения самой женщины возрастает, когда ее оппонентом является мужчина.

Таким образом, можно утверждать, что для зрелых женщин пол оппонента – важный признак, выступающий регулятором их активности (понимание, переживания, поведение) в переговорном процессе. При этом, очевидны предпочтения, ориентирующие женщину на переговоры с оппонентом-мужчиной.

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ (ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ) ЭТАЛОНА ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА

Тхагалижокова Л.В.
г. Краснодар
Lubavk777@mail.ru

Актуальность исследования эталонов и стереотипов подчеркивали многие отечественные исследователи: А.А. Бодалев, Б.А. Еремеев, А.С. Золотнякова, И.С. Кон, А.А. Кроник, В.Н. Куницина, В.Н. Панферов, В.П. Трусов, Ю.А. Шерковин, П.Н. Шихерев и другие. О необходимости специального изучения субъективных категорий и эталонов писали также зарубежные авторы: А.Г. Харсторф, С.А. Ричардсон и С.М. Дорнбуш, Р. Таджеури.

В исследованиях по данной тематике были рассмотрены: структура социально-психологических эталонов, категоризация эталонных представлений, компоненты эталонов, их функции. Однако, несмотря на широкую изученность данной темы, вопрос относительно характеристик, входящих в тот или иной эталон, описывающих его, остается открытым.

Как же может быть определен эталон личности профессионала? В соответствии с исследованиями З.И. Рябикиной, мы рассматриваем понятие «эталон личности профессионала» как «меру, принятую в качестве образца», конечный «продукт», задающий направление саморазвития личности, как некий целостный образ человека, предстающий в гармоничном синтезе как внешних экспрессивных, связанных с поведением, так и внутренних психологических характеристик (Рябикина З.И., 1983).

Определение характерных черт (описательных характеристик) эталона личности профессионала является важной задачей для выяснения специфики внутриличностного конфликта молодых специалистов ввиду того, что расхождение между чертами, присущими эталону и реальному субъекту может стать причиной внутриличностного конфликта на раннем этапе профессионализации (Зеер Э.Ф., 2003; Рябикина З.И., 1995). Определив черты и их выраженность эталона личности профессионала, сформированного в сознании одного (или группы) молодых специалистов, мы можем диагностировать наличие и выраженность этих черт у данного субъекта в реальности, находить рассогласования.

Мы также можем использовать описательные характеристики эталона личности профессионала для формирования объектов оценки при использовании психосемантических методов, в частности метода психосемантического дифференциала. При использовании этого метода в числе объектов должны быть представлены обобщенные образцы-типажи (стереотипы и эталоны), которые, как показано в ряде исследований (Бодалев А.А., 1982; Бондаренко О.Р., 1986), играют существенную роль в процессе социальной перцепции как «мерки» для сравнения.

Цель данной статьи – сформировать основные критерии (описательные характеристики) эталона личности профессионала.

Чтобы определить состав описательных характеристик присущих эталону личности профессионала обратимся к исследованию Г.Н. Кудрука, посвященному проблеме определения образа профессионала в русской культуре на материале отечественных Интернет-источников (Кудрук Г.Н., 2007).

Глобальная электронная сеть является на сегодняшний день самым востребованным средством обмена информацией и передачи данных. Информация, доступная в сети Интернет, постоянно обновляется, отражая все изменения, происходящие в мировом сообществе и в сознании людей. Данные, полученные в результате подобного лингвистического исследования, дают нам достаточно описательных характеристик эталона личности профессионала, актуальных в настоящий период времени.

Данные относительно образа профессионала, полученные в ходе исследования, являются, возможно, отражением неких стереотипов, сложившихся в сознании людей. Мы используем их на основании того, что «стереотип… может выступать в функции актуализирующейся в сознании «мерки» со всеми вытекающими следствиями и в этом случае является частным видом эталона» (Рябикина З.И., 1983, с. 29).

Следует отметить, что профессиональные стереотипы касаются не только представлений о конкретной профессиональной деятельности, а в большей степени отражают обобщенный образ типичного профессионала (Белоусова В.В., 2010), т.е. характеристики эталона личности профессионала включают в себя частные, обусловленные характером самой профессиональной деятельности (ее видом) признаки и более общие, характерные для представителей различных профессий.

Г.Н. Кудрук в результате выборки из 37 Интернет-доменов, отмеченных как наиболее посещаемые в рейтинге основных российских поисковых систем, получил 96 маркеров образа профессионала. Полученные характеристики исследователь разделил на группы признаков: деловые и личностные качества профессионала, учет профессионалом внешних условий деятельности, учет профессионалом материальной стороны деятельности, формальные признаки образа профессионала.

Группа «деловые качества профессионала» включает 46 признаков. Мы систематизировали характеристики по сходному содержанию с целью выделить краткий список, включающий более емкие характеристики.

Было выделено 7 характеристик, которые не относятся к определенным признакам, выявленным Г.Н. Кудруком, носят общий характер и являются необходимыми нам признаками эталона личности профессионала в отношении деловых качеств.

Группа «личностные качества профессионала включает 26 признаков. Работая с ними по уже приведенному алгоритму, получили 8 описательных обобщенных характеристик личностных качеств эталона профессионала.

Из группы «учет профессионалом внешних условий деятельности», включающей 9 признаков, было сконструировано 4 обобщенные описательные характеристики исследуемого эталона.

Группа «учет профессионалом материальной стороны деятельности» включает 8 признаков, из которых была выделена одна описательная характеристика эталона личности профессионала.

Проанализировав группу «учет и обеспечение формальной стороны деятельности», из 7 признаков выделили 3 описательные характеристики.

На следующем этапе исследования были собраны все характеристики, выделенные нами из 5 групп признаков, и, исключая повторения, получен список описательных характеристик эталона личности профессионала:

1. Профессионала отличает высокое качество работы и ответственное отношение к ее результатам.

2. Профессионал трудолюбив и нацелен на результат.

3. Профессионал соответствует установленным в обществе деловым и этическим нормам.

4. Профессионала отличает необходимый для него уровень квалификации и наличие опыта.

5. Профессионал имеет способность к организации и планированию трудового процесса.

6. Профессионал имеет способность к инновациям в соответствии с требованиями изменяющейся деловой среды.

7. Профессионал обладает хорошими коммуникативными способностями и эмоциональной устойчивостью.

8. Профессионал является носителем имиджа профессии.

9. Профессионала отличает достаточный для него уровень заработка

Практическая ценность исследования описательных характеристик эталона личности профессионала, сформированного в сознании молодого специалиста, связана с возможными организующими и реорганизующими воздействиями на механизм становления и функционирования эталонов в сознании с целью предотвращения и конструктивного преодоления внутриличностных конфликтов на раннем этапе профессионализации. Таким образом, используя описательные характеристики эталона личности профессионала, мы можем способствовать положительной динамике профессионального развития индивида.

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ И МЕХАНИЗМОВ СО-БЫТИЙНОСТИ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ И КОМАНДАХ

Флоровский С.Ю.
г. Краснодар
florowsky@mail.ru

Профессиональная активность менеджеров все в большей мере перемещается из пространства отношений «руководитель-сотрудник» в существенно иную систему социально-психологических координат – «руководитель-руководитель». В современных сколь-либо крупных организациях круг ближайшего общения управленцев высшего и среднего ранга составляют не столько сотрудники возглавляемых ими подразделений, сколько другие руководители. Именно в непосредственном взаимодействии между собой – по горизонтали, вертикали и «диагонали» – управленцам приходится решать широкий спектр вопросов связанных с выработкой и принятием совместных решений, планированием, поиском и распределением ресурсов, разграничением «полей деятельности» и «сфер влияния», анализом ситуаций, обменом информацией, разработкой стратегий организационного развития, регуляцией социально-психологического климата и взаимоотношений в организации.

Интегратором этих менеджерских интеракций выступает *совместная управленческая деятельность (СоУД)*, понимаемая нами как вид совместной деятельности, предполагающий осуществление несколькими руководителями в процессе непосредственного или опосредствованного общения системы управленческих функций, связанных с регуляцией межгруппового взаимодействия возглавляемых ими структурных подразделений и/или организационных подсистем (Флоровский С.Ю., 1996, 2000, 2005).

СоУД руководителей высшего и среднего статусно-должностных рангов является интегральным социально-психологическим феноменом организационной жизнедеятельности, выполняя роль «связующего звена» между всеми тремя основными уровнями функционирования и развития организации – межличностным, межгрупповым и общеорганизационным. СоУД индуцирует возникновение и поддержание постоянных двусторонних связей между вышеназван-

ными уровнями организационной активности. Решения, принимаемые руководителями в совместной деятельности, возникающие в процессе межличностного взаимодействия отношения между ними и тому подобные интерперсональные феномены закономерно проецируются на сферу межгруппового взаимодействия и межгрупповых отношений в организации. Содержание и динамика взаимодействия и отношения социально-профессиональных групп в организации, – в свою очередь, – становится предметом СоУД и межличностного общения руководителей ведущих уровней управленческой иерархии.

Одной из важнейших функций СоУД на общеорганизационном уровне является нормативно-генеративная (нормообразующая). Модели поведения, демонстрируемые руководителями высшего и среднего статусно-должностных рангов при взаимодействии друг с другом, активно «иррадиируют» на более низкие уровни организационной иерархии, воспроизводясь в процессах общения и совместной деятельности менеджеров первичного звена и рядовых сотрудников. Таким образом, осуществляемая ведущими руководителями СоУД является одним из важнейших факторов складывающейся в организации *культуры*, и прежде всего – *управленческой культуры*. Последняя обычно понимается как система доминирующих в «аппарате управления» организации ценностей, представлений, мнений, норм, задающая «картину мира» управленческого коллектива (команды) и определяющая тем самым своеобразные «рамки» (frames) и «направляющие» (vectors) в соответствии с которыми выстраиваются повседневные деятельность и общение руководителей (Аксеновская Л.Н., 2009; Карпов А.В. и др., 2002; Липатов С.А., 1997; Новиков В.В. и др., 2009; Alvesson M., 2002; Constantine L.L., 1989; Gallagher R.S., 2003; Schein E.H., 1990). Тем не менее, в значительной части своего содержания культура управленческого сообщества организации может быть понята в качестве «побочного продукта» повседневного (обыденного) управленческого взаимодействия. Названные же выше культурные «рамки» и «направляющие» представляют собой результат трансситуационной генерализации механизмов психологической регуляции управленческих интеракций на локально-событийном уровне реализации этих интеракций

Участие во взаимодействии с другими членами менеджерского сообщества организации несет для каждого руководителя широкую и разнообразную «функциональную нагрузку», интегрируемую *особой ролевой позицией менеджера – «партнер по совместной управленческой деятельности (СоУД)»*. Можно выделить как минимум три аспекта субъектной активности реализующего эту ролевую позицию руководителя: 1) предметный, 2) коммуникативный и 3) личностный (интраперсональный).

В первом случае речь идет о *предметно-прагматической функции* деловых интеракций в системе связей «руководитель–руководитель»: включение во взаимодействие с другими управленцами дает менеджеру возможность решения управленческих проблем, требующих сопряжения деятельности нескольких структурных подразделений и/или организационных подсистем. Можно выделить и *предметно-эвристическую функцию*, связанную с постановкой взаимодействующими руководителями перспективных управленческих задач, продуцированием новых ориентиров и направлений организационного развития.

В *коммуникативном* аспекте участие в повседневном менеджерском взаимодействии представляет собой действенное средство интеграции отдельного руководителя в систему разнопорядковых и разноуровневых организационно-управленческих связей и отношений на ведущих уровнях статусно-должностной иерархии, его включение в специфическую социальную группу – «управленческий коллектив», «управленческую команду», «управленческое сообщество организации» и т.п.

«Принятие» в качестве партнера по СоУД со стороны других управленцев, оценка ими конкретного менеджера как «приемлемого/неприемлемого», «желаемого/избегаемого», «хорошего/плохого» и т.д. партнера по взаимодействию и члена управленческой команды является важной составляющей общей эффективности профессиональной деятельности руководителя. Более того, уровень и качество такого функционально-ролевого принятия-отвержения может рассматриваться как самостоятельная результативная характеристика эффективности управленческой деятельности (Флоровский С.Ю., 2000).

Степень включенности руководителя в систему организационно-управленческих связей и отношений, объединяющих управленцев высшего и среднего ранга, определяет возможности реализации его интеллектуальных, профессиональных и личностных потенциалов (Fiedler F.E., 1967; Leavitt H.J., Bahrami H., 1998; Yykl G.A., 1981), продуктивного решения проблем взаимодействия возглавляемого подразделения с другими группами в организации (Likert R., 1967; Leavitt H.J., Bahrami H., 1998), успешного профессионального становления и служебного роста (Молл Е.Г., 1998; Толстая А.Н., 1991; Kotter J.P., 1988; Schein E.H., 1990), сохранения работоспособности и здоровья (Weick K., 1979; Yykl G.A., 1981); иначе говоря, – интегральную эффективность работы руководителя в долговременном аспекте.

На *интраперсональном* уровне на первый план выходит проблема выявления определенных личностных характеристик руководителей, содействующих или препятствующих осуществлению ими успешного взаимодействия друг с другом, большей или меньшей перестройки системы интеллектуальных, коммуникативных, эмоционально-волевых качеств в связи с освоением и реализацией роли партнера по СоУД. При этом закономерно возникает вопрос о «психологической цене», которую приходится платить за достижение личностно и прагматически приемлемых отношений с партнерами по повседневным интеракциям в менеджерском сообществе, имеющем нередко примитивную или деформированную (криминализированную, корыстную, манипулятивную и т.д.) управленческую культуру.

В то же время, интегрируясь в управленческое сообщество организации и проводя в нём значительную часть своей профессиональной жизни, каждый управленец не просто «вписывается» в существующие отношения «руководитель–руководитель», но и сам оказывает большее или меньшее влияние как на эти отношения, так и на реализующих их индивидуальных и групповых субъектов.

В ряде случаев это влияние бывает достаточно явным и хорошо рефлексируемым как самим руководителем, так и другими людьми. Этот вариант имеет место в случае более или менее сознательного и рационального формирования руководителем своего окружения (Калин И.В., 1996; Синягин Ю.В., 1996; Kotter J.P., 1988).

Однако гораздо чаще подобное влияние носит более завуалированный характер, выражаясь, в частности, в поддержке-неподдержке руководителями определенных личностно детерминированных форм организационного поведения и, соответственно, субъектов этого поведения – своих коллег по управленческой деятельности (Аксеновская Л.Н., 1997, 2009; Толочек В.А., 1992, 1995; Флоровский С.Ю., 1996, 2000, 2005; Graen G.B., Uhl-Bien M., 1995). В итоге функционально-ролевая и интерперсональная приемлемость отдельных руководителей возрастает: они начинают квалифицироваться менеджерским сообществом организации как «продуктивные» и «легкие» партнеры по совместной управленческой деятельности. Приемлемость же других руководителей может, напротив, существенно снижаться вследствие появления у них репутации «трудных» и «непродуктивных» партнеров по управленческим интеракциям.

В зависимости от действия множества факторов (идеология организации, особенности формальной структуры, доминирующая технология работы и др.) результирующее влияние управленческого коллектива на личность может носить как позитивный, так и негативный характер.

В первом случае руководитель, осваивая и реализуя свои ролевые обязанности в качестве субъекта СоУД, психологически «вырастает», прогрессирует, поднимаясь на более высокий уровень личностного функционирования, во втором же – регрессирует, «уплощается», деформируется. Существует возможность и обратного влияния – формирование управленческой культуры организации как проекции личности её руководителей, занимающих позиции на уровне топ– и мидл-менеджмента. Механизм этих взаимосвязей может быть представлен следующим образом: культура организации ↔ управленческое взаимодействие ↔ функционально-ролевые ожидания участников ↔ поддержка/неподдержка участниками взаимодействия определенных личностно-обусловленных паттернов поведения партнеров.

Как правило, личностно-обусловленные причины принятия-отвержения конкретных руководителей в качестве партнеров по СоУД практически не рефлексируются менеджерским

сообществом организации. В то же время, эти личностные механизмы регуляции управленческого взаимодействия репрезентируют не только «устоявшиеся» характеристики организационной культуры, но и тенденции организационно-культурного тренда, находящиеся в стадии формирования.

Психологическая природа личностных оснований принятия-непринятия руководителями друг друга в качестве партнеров по повседневным управленческим интеракциям существенно варьирует от организации к организации (а также на различных этапах жизненного цикла одной и той же компании). Это обусловлено высокой сензитивностью личностных механизмов регуляции СоУД к организационно-культурному и ситуационно-деятельностному контексту её реализации. Данное обстоятельство создает реальные предпосылки конструирования методик и технологий социально-психологической оценки, мониторинга и прогнозирования организационного развития. Также гибкость личностно-регулятивных механизмов СоУД открывает возможность целенаправленного коррекционно-оптимизирующего влияния как на сознание руководителей, так и на культуру организации в целом – через поддержку-неподдержку управленческим сообществом определенных личностных оснований построения общения и взаимодействия менеджеров высшего и среднего ранга.

МОДУСЫ БЫТИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АУТЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Фоменко Г.Ю., Литвинова О.Ю.
г. Краснодар
fomgal27@mail.ru, oylitvinova@yandex.ru

Смысл жизни, по мнению Э. Фромма, состоит в стремлении с наибольшей полнотой реализовать себя. Таким образом, для человека его собственная жизнь может представлять особую проблему – отношение к своей жизни, как к произвольному процессу, либо как к творческому. Характер бытия служит критерием «конструктивной гармонии» личности и среды, поскольку определенным образом организованная среда, становясь для человека обстоятельствами его жизни, может, как препятствовать, так и благоприятствовать человеку в его стремлении стать зрелой личностью, реализовать свои потенциалы, наполнить бытие смыслом (Рябикина З.И., 2002). Осмысливая жизнь через переживание, человек обретает смысл своего существования, который соответствует его потребностям и ценностям, позволяя качественно выполнять служебные обязанности, и полноценно функционировать в условиях профессиональной деятельности.

Нахождение личностного смысла в событиях среды, в фактах собственной биографии, в личностных качествах делает бытие, по мнению З.И. Рябикиной, аутентичным (Рябикина З.И., 1995). Это позволяет личности стать смысловым центром, конечной причиной и объяснением последовательности и смены жизненных циклов (Логинова Н.А., 1978). Реализуя истинный смысл в деятельности, человек, по мнению А. Лэнгле, ощущает экзистенциальную исполненность (Лэнгле А., 2008).

Феноменологическое описание того, как человек переживает мотивированность к действию разнообразно. При истинном смысле действие и переживание ощущаются как ценность, при кажущемся – человек чувствует, что его как будто что-то принуждает к действию, и он при этом не может пережить ценностные основания конкретной ситуации («ничего хорошего») (Лэнгле А., 2008). В этом случае отсутствует продвижение по пути развития, которое в итоге венчается состоянием «плодотворности» (Э. Фромм), «самоактуализации» (А. Маслоу), «идентичности» (Э. Эриксон).

В современных условиях появился массовый слой профессионалов, не отвечающих социальному назначению своей профессии. «Человек может вполне качественно и эффективно работать… и в то же время быть глубоко несчастным функционером, занимающим не свое место в жизни, остановившейся личностью с расщепленным сознанием «для работы» и «для себя». В этом случае, по мнению З.И. Рябикиной, отсутствует продвижение по пути развития – неаутентичное бытие – воспроизводство и трансляция в среду формально освоенных социальных

предписаний, связанных с отсутствием содержательной связи между способами поведения и смыслами личности (Рябикина З.И., 1995).

Следовательно, проблема аутентичного бытия на первый план выдвигает содержание ценностно-смысловой структуры личности, понятие смысла жизни, который не может быть «взят» из среды, а должен быть пережит (Рябикина З.И., 2002). По мнению С.Л. Рубинштейна, только та жизнь является подлинной, которая осуществляется и строится самим субъектом (Рубинштейн С.Л., 2000). Способ существования, по мнению автора, определяется особенностями субъекта, и специфика человеческого способа существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения другими (условиями, обстоятельствами), т.е. готовностью «действовать» или «страдать».

Социально-экономическая реальность ставит большинство людей на грань физического выживания. В связи с этим становится актуальным вопрос о предпочитаемом личностью способе существования и личностной ресурсности, обеспечивающей не простое выживание в этих условиях, а полноценное аутентичное бытие. Условия жизнедеятельности требуют от человека активизации его собственно субъектных качеств.

Существуют сферы профессиональной деятельности, где эти проблемы приобретают особую актуальность. Это, прежде всего, относится к сотрудникам силовых структур, для которых экстремальность является нормой социального существования, ставя перед необходимостью повышать свой творческий, энергетический, профессиональный потенциал, т.е. занимать активную позицию. Все это позволяет рассматривать проблему функционирования личности в экстремальных условиях жизнедеятельности более широко, не ограничиваясь узкими рамками и привязанностью к психотравмирующим воздействиям (Фоменко Г.Ю., 2006).

Таким образом, экстремальные условия деятельности обнажают, обостряют внутренние противоречия человека и заставляют обращаться к вопросу о том, насколько ему стоит вкладывать свои силы и жизненные потенциалы в совершенствование своего труда в плане осмысления и решения следующей дилеммы. Первый вариант: ограничиться социально-приемлемым выполнением профессиональных функций, т.е. избрать адаптивный способ существования (неаутентичное бытие), или же второй вариант, стать подлинным субъектом своего выбора и предпочесть рефлексивный, продуктивный модус бытия (аутентичное бытие).

Г.Ю. Фоменко применительно к функционированию личности и ее профессионализации в экстремальных условиях вводит понятийный конструкт «предельный модус бытия», противопоставляя его «экстремальному модусу бытия» и означает им совершаемый личностью выбор действенной позиции (в противовес страдательной) и ее способность вследствие сделанного выбора в полной мере реализовать себя как истинного субъекта бытия. Основными критериями различия экстремального и предельного модусов бытия является субъектная позиция личности (активность, ответственность, «преобразовательность», проведение своей линии в жизни (предельный)/пассивность, безответственность, адаптивность, «невыделенность из окружающего мира» (экстремальный) и особенности экзистенциального самоопределения (осмысление себя в экзистенциальных дихотомиях/поглощённость наличными условиями существования) в сочетании с определённой конфигурацией ценностно-смысловой сферы, аффективно-потребностной и образа мира (Фоменко Г.Ю., 2006).

Нами была предпринята попытка проанализировать особенности психологической готовности военнослужащих, степень сформированности которой определяется спецификой субъектной позиции личности и её экзистенциального самоопределения (конституирующими элементами модуса бытия личности) в экстремальных условиях служебной деятельности. Все испытуемые были условно разделены на две группы. В первую группу вошли военнослужащие для которых служба в армии является сознательным, добровольным выбором (солдаты контрактной службы, летчики, сотрудники МЧС). Во вторую – те, чей выборявляется внешней необходимостью (солдаты срочной службы).

Анализ результатов исследования показал, что высокий уровень развития субъектной позиции, характерен для представителей первой группы. Инициатива, самостоятельность, творческое начало в деятельности, интернальность, активность – таково подтверждение устойчивой субъектной позиции данных сотрудников. Подавляющее большинство опрошенных респонден-

тов воспринимают условия служебной деятельности как наиболее благоприятные для личностного роста («аутентичное бытие» по З.И. Рябикиной, «ощущение экзистенциальной исполненности» по А. Лэнгле, «предельный модус бытия» по Г.Ю. Фоменко).

Для представителей второй группы характерен низкий уровень развития субъектной позиции. Из общего числа опрошенных респондентов лишь 27% рассматривает службу в армии, как хороший жизненный урок, который способствовал формированию патриотизма и нового мировоззрения. Дальнейшее продолжение службы в армии, заключение контракта после окончания своего срока службы планируют только 9% «срочников».

На основании анализа мотивационных предпочтений военнослужащих было выделено четыре вида установок на профессиональную деятельность:

– профессиональная деятельность, как возможность удовлетворения своих субъективных целей (интенций), включает следующие мотивационные предпочтения: желание получить военный билет, материальная заинтересованность;

– профессиональная деятельность, как следование объективному содержанию деятельности (деятельность ради самой деятельности), включает следующие мотивационные предпочтения: возможность приобретения военной выучки и хорошей физической формы, помощь людям, защита Отечества;

– профессиональная деятельность, как возможность извлечения максимальной для себя выгоды, включает следующие мотивационные предпочтения: стремление к личному успеху, поиск новых ощущений, практическая целесообразность;

– выбор профессиональной деятельности на основе неопределённости, с пренебрежением к собственным потребностям и интересам, включает следующие мотивационные установки: несформированность мотивации, выбор работы по совету родных и близких, случайное стечение обстоятельств.

Выделенная специфика мотивационной направленности может предрасполагать к предпочтению различных модусов бытия, которые были обозначены нами как: интенционально-зависимый; интенционально-независимый; утилитарный; аморфный. На основе теоретического анализа и проведённых исследований был сделан вывод, что высокому уровню психологической готовности соответствует интенционально-независимый модус бытия; низкому уровню психологической готовности – интенционально-зависимый, утилитарный и аморфный модусы бытия.

Таким образом, предпочитаемый человеком модус бытия рассматривается как результирующая процесса экзистенциального самоопределения и субъективного позиционирования личности (экзистенциальной исполненности по А. Лэнгле). Центральным моментом здесь является самововлеченность, придающая направленность, цель, основу, смысл, “побочными продуктами” которой являются счастье, успех, самореализация и пр. Определение модуса бытия позволить обнаружить проблемные моменты и определить направления психологической поддержки сотрудника в каждом конкретном случае:

– неготовность быть субъектом (неразвитость ценностно-смысловой сферы) – как следствие – переживание и восприятие службы как бессмысленной, преобладает потребность в выходе из этих условий;

– невозможность удовлетворения основных потребностей личности (поведенческая неготовность быть субъектом), что проявляется в неопределенности, неуверенности и тревоги;

– несформированность профессиональной идентичности (аффективно-мотивационная неготовность быть субъектом) наблюдается недостаточная идентификация себя со статусом военнослужащего;

– отсутствие инструментальной оснащенности (некомпетентность), в результате – отсутствие психологической подготовленности (концепция бытия личности в экстремальных условиях Г.Ю. Фоменко).

Следовательно, анализируя предпочитаемый модус бытия можно выйти на потенциал субъектности и установить, в какой мере личность является субъектом профессиональной деятельности. Позиционирование личности как субъекта аутентичного бытия в экстремальных ус-

ловиях деятельности позволяет переживать полноту бытия, способствуя преодолению ограниченности личностной ресурсности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТРУДА В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ясько Б.А.
г. Краснодар
shabela@yandex.ru

Достижения современной научной мысли, мощный технический прогресс неуклонно ведут к постоянному совершенствованию медицинской практики, внедрению в нее все новых методов исследования, диагностики и лечения. Следствием этих объективных процессов становится высокий уровень дифференцирования сфер, предметов врачебной деятельности. Современное отечественное здравоохранение предусматривает 6 сфер медицинского труда, требующих наличия у его субъекта высшего профессионального образования, и более 60 предметов профессиональной врачебной деятельности (врачебных специализаций). Тем не менее, каковой бы ни была сложность медицинской деятельности, центральное место в ней занимает субъект – врач. Именно с позиций субъекта в исследовании И. Харди рассматриваются «рамки лечебной деятельности» (Харди И., 1981). Автор – опытный, разносторонне образованный врач, считает, что их составляют четыре этапа работы специалиста с больным (пациентом).

Первый этап – это *премедицинская стадия*. Здесь еще не участвует врач, болезнь только «подкрадывается» к человеку и он нередко не предполагает о ее существовании. Актуализировать роль профилактической деятельности врача означает активно «включить» его во взаимодействие с пациентом с целью предупреждения заболеваний или их раннего выявления.

Второй – *амбулаторный этап*. Врач проводит обследования пациента, ставит диагноз и определяет целесообразные условия лечения (на дому или стационарно). Если лечение на дому (амбулаторно) не продуктивно, следует третий, *стационарный этап*, за которым обязательно наступает четвертая стадия – *стадия лечения после пребывания в стационаре.* С точки зрения последовательности решаемых *профессиональных задач* И. Харди дифференцирует крупные единицы действий врача: выслушивание жалоб больного; обследование и постановка диагноза; предложения относительно лечения; процесс лечения (там же, с.33-34).

Рассматривая психологическую специфику трудовой деятельности в области оказания медицинских услуг необходимо понимать, что определяющее значение имеет ее субъект-субъектное содержание. Это значит, что, будучи субъектом профессиональной деятельности, медицинский работник (врач, медицинская сестра, фельдшер) вступает во взаимодействие с другим человеком (пациентом), который тоже является субъектом, т.е. *носителем психического* (Стрелков Ю.К., 2001). Образ этих отношений выполняет чрезвычайно важную роль в совокупности психических регуляторов медицинского труда. Покажем это на примере деятельности врача-клинициста.

Известно, что психические регуляторы труда – это образы нашего сознания, имеющие три основных вида: 1) образ субъекта труда; 2) образ объекта труда; 3) образ субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений (Климов Е.А., 2003).

Образ субъекта врачебной деятельности проходит сложный путь становления: от иллюзорно-восторженных, эмоционально положительно наполненных представлений юноши в период выбора профессии – до рационально содержательных понятий о том, какую профессиональную миссию выполняет врач и какие обязательства (профессиональные и личностные), соответствующие ей, принимает на себя. Например, в одной из публикаций мы отмечали в качестве примера динамики образа субъекта изменения эмоционального отношения к профессии от положительной к отрицательной модальности только по одному параметру: порогу брезгливости. Дело в том, что брезгливость – это перцептивное качество, имеющее индивидуально обусловленный порог. Повышенная индивидуальная брезгливость подчас не учитывается молодым человеком на этапе выбора профессии врача. В его «допрофессиональном» самосознании преобладают эмоционально позитивные образы врача – спасающего и исцеляющего, дающего жизнь; человека в белом халате, в ореоле восторженного почитания пациентами и проч. Реаль-

ная клиническая практика, в которую погружаются студенты с первых учебных кураций, вносит весьма существенные коррективы в эмоциональную и когнитивную составляющие образа субъекта деятельности. В частности, высокий порог брезгливости иногда становится основанием для смены вектора профессионального становления. Некоторые студенты оставляют медицинский вуз, другие же избирают неклинические виды специализаций.

Аналогичным образом меняется в процессе профессионализации образ *объекта труда*. От преимущественно эмоционально оцениваемого (объект врачебного труда – пациент, «страдающий», «нуждающийся в оказании помощи» и проч.) он трансформируется в рационально структурируемый. Опытный врач хорошо понимает психологию своих пациентов, знает, какие особенности их поведения следует учитывать в разных клинических ситуациях. В исследовании, проведенном на группе клиницистов, имеющих стаж различной продолжительности, мы установили, что с годами у врача снижается интегральный показатель эмоционального интеллекта за счет выраженного снижения уровня эмпатии. Очевидно, что накопление профессионального опыта значительно сказывается на образе объекта труда. От сочувствующего и сопереживающего врач, как субъект деятельности, с ростом профессионализма становится рационально оценивающим и принимающим всю меру ответственности на себя за клинический процесс. В одном из интервью опытный врач-реаниматолог так пояснил нам сниженный уровень эмпатии у коллег – мастеров врачебного труда: «Эмоциональное сопереживание пациенту в тяжелые минуты клинического кризиса блокирует рациональное оценивание ситуации, когда секунды даются врачу для принятия жизненно важного решения» (Ясько Б.А., 2005). Так претерпевает изменения не только *образ объекта* врачебного труда, но и *образ субъектно-объектных отношений*.

Важно отметить, что, как любая система отношений, субъктно-объектные отношения в диаде «врач-больной» имеют двустороннюю сущность. Они определяются не только образом пациента в профессиональном сознании врача, но и образом врача в восприятии пациента. В этой связи сегодня возрастает внимание к изучению феномена *комплайнса*, как существенного предиктора психической регуляции взаимодействия врача и пациента. Комплайнс (англ. *compliance* – подчинение, согласие) рассматривается как доверие пациента врачу, готовность следовать его советам, подверженность врачебной аргументации, уверенность в ее верности и необходимости соблюдения всех предписаний врача.

В одном из эмпирических исследований мы рассмотрели динамику комплайнса у онкологических больных (Ясько Б.А, Покуль Л.В., Шехова А.Н., 2010). В частности, было установлено, что важным аспектом высокого уровня комплайнса является личностная расположенность пациента к врачу, обладающему уверенным поведением, личным обаянием, умением убедить, приветливостью, преданностью делу. Низкий уровень комплайнса связан с доверием врачу только зрелого возраста, с желанием видеть в лечащем враче не только личное обаяние, приветливость, преданность делу, но и сочувствие, бескорыстие, всегда хорошее настроение, при не значимости качеств, являющихся профессионально важными (уверенное поведение, умение убедить). Характерно, что для пациентов с низким уровнем комплайнса свойственны необязательность строго следования предписаниям врача, отсутствие уверенности в том, что это единственно верный путь к выздоровлению; стремление найти альтернативные методы лечения (советы знакомых, друзей, рецепты из СМИ и проч.). Важным результатом проведенного исследования является установление феномена динамики комплайнса у онкологических больных на разных стадиях этого недуга.

Более всего обнаруживают потребность в профессиональной поддержке лечащего врача женщины, постовариэктомический синдром которых отягощен онкологическим диагнозом и продолжительной лучевой и полихимиотерапией (третья стадия заболевания). Пожалуй, единственным фактором, снижающим уровень комплайнса в этой среде больных, является склонность считать, что для успешной борьбы с болезнью надо самому все о ней знать. Но при этом они не позволяют себе нарушать предписанный режим, строго следуют срокам повторных посещений врача. Они чувствуют себя намного увереннее, когда рядом лечащий врач.

Менее всего выражен комплайнс у пациенток, имеющих онкологическую патологию первой стадии выраженности. Многие из них отмечают значимость преимущественно внешней

стороны отношений с лечащим врачом («У врача должно быть всегда хорошее настроение»; «Врач должен быть приветливым и обладать личным обаянием» и проч.). Нередко проявляется сомнение в правильности поставленного диагноза, что можно рассматривать как проявление действия интраперсональной защиты по типу вытеснения (Вассерман Л.И. и др., 1999). Отрицательно влияет на формирование комплайнса у пациентов этой группы недобросовестность в выполнении врачебных предписаний, использование для лечения советов знакомых и друзей, рецептов из СМИ, стремление самостоятельно искать пути выздоровления; личностная расположенность и доверие врачу зрелого возраста.

Эти аспекты психологии отношений с пациентом акцентирует внимание врача на необходимости чутко реагировать на изменения образа субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

Однако необходимо выделять другую сторону субъект-субъектных отношений в сфере медицинского труда: профессиональные межличностные отношения в коллективе. Одним из факторов, обусловливающих психологические аспекты профессионального поведения врача и сопровождающих его переживаний, является организационная власть, в частности преобладающий стиль управления лечебным учреждением.

В 2010 году на кафедре общественного здоровья и здравоохранения ФПК Кубанского государственного медицинского университета было проведено эмпирическое исследование «Врач-руководитель как субъект власти и менеджмента» (Ясько Б.А., Казарин Б.В., 2010). Совокупную выборку составили руководители учреждений здравоохранения г. Краснодара и Краснодарского края, всего 86 человек, имеющие стаж управленческой деятельности более 5 лет (в среднем по выборке стаж составил 7,8 лет). Группа испытуемых в соответствии с задачами исследования была разделена на две подгруппы: в первую вошли представители топ-менеджмента (главные врачи и заместители главных врачей по лечебной работе, всего 32 чел.). Вторую группу составили «линейные» менеджеры – заведующие отделениями, всего 54 человека. По полу выборка репрезентативна профессиональной популяции: 40,7% (35 чел.) – респонденты мужского пола, 59,3% (51 чел.) – женского пола. Применены двухфакторная модель лидерского поведения Р. Блейка и Дж. Моутона («Управленческая решетка»), а также концепция эмоционального интеллекта Н. Холла и разработанная им диагностическая методика.

Установлено, что для топ-менеджмента лечебных учреждений типичен управленческий стиль «*Авторитет – подчинение*» (позиция 8.3. в «Управленческой решетке»), а в работе заведующих отделениями преобладает стиль группы «*Команда*» (позиция 8.6.).

Содержательно полученные диагностические данные можно интерпретировать следующим образом. Руководители лечебных учреждений первого уровня при решении управленческих задач ориентированы, в первую очередь, на требования, обусловленные высокой ответственностью за конечный результат деятельности организации. Руководители линейного уровня рассматривают важным условием достижения позитивных результатов деятельности не только строгое исполнение профессиональных задач («повышенное внимание к делу»), но и формирование доверительных отношений с тем кругом участников лечебного процесса, который им подчинен, т.е. имеют высокие показатели и по фактору «повышенное внимание к людям» руководимого отделения.

Корреляционный анализ показал наличие взаимосвязей инвариантного и специфического характера по ряду исследуемых параметров. Установлено, что, независимо от уровня менеджмента, *повышенное внимание к делу* коррелирует в *эмоциональном интеллекте* положительно с высокой самомотивацией и способностью распознавать эмоции других людей; отрицательно – с высокими показателями эмпатии. Фактор «*Внимание к людям*» положительно взаимосвязан с эмпатией: в группе главных врачей $r = 0,42$, а в группе заведующих отделениями $r = 0,48$.

По подгруппам респондентов выделены следующие *специфические* взаимосвязи.

У представителей топ-менеджмента шкала «Управление своими эмоциями» как компонент эмоционального интеллекта положительно коррелирует с повышенным вниманием к делу в стилевой характеристике управленческой деятельности ($r = 0,38$) и отрицательно взаимосвязана с фактором «Внимание к людям» ($r = –0,34$). Шкала «Распознавание эмоций других людей» отрицательно взаимосвязана с фактором «Внимание к людям» ($r = –0,75$).

У заведующих отделениями повышенное внимание к людям взаимосвязано в эмоциональном интеллекте с эмоциональной осведомленностью (r = 0,32), самомотивацией (r = 0,28) и способностью к распознаванию эмоций других людей (r = 0,66).

В целом проведенный анализ позволил выделить психологический сегмент управленческих компетенций в организациях здравоохранения. Он имеет *инвариантную* составляющую, характеризующую совокупность способностей и профессионального стиля субъекта управленческой деятельности, обусловленную особенностями медицины как сферы труда. К инвариантам могут быть отнесены: средне-высокий интегративный эмоциональный интеллект субъекта управленческой деятельности; развитая способность к волевому регулированию собственного эмоционального состояния и эмоций других людей; выраженная ориентация на успех дела, обусловливающая высокий уровень ответственности и требовательности к персоналу.

Для управленческой деятельности главного врача, заместителя главного врача по лечебной работе специфическими, дополняющими инвариантные управленческие компетенции, являются развитая способность управлять эмоциями, взаимосвязанная с высокой требовательностью и вниманием к делу.

В работе заведующих отделениями к специфическим проявлением управленческой компетентности относятся: развитые эмпатические способности; сочетание повышенной требовательности к делу с умением организовывать работников, проявлять к ним внимание.

Исследование психологической специфики труда с позиций субъектно-деятельностного подхода позволяет выявить «мишени» развивающего воздействия. Так, для субъектов топменеджмента в организациях здравоохранения к таковым можно отнести: эмпатические способности, навыки рефлексии собственных эмоциональных состояний и переживаний, эмоциональной осведомленности; внимание к персоналу. Для субъектов линейного менеджмента: навыки саморегуляции эмоциональных состояний, способность распознавания эмоций других людей и управления ими в интересах дела.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Альперович В.Д., канд. психол. наук (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Афанасьева Н.Э. (НУГЗ, Харьков, Украина)
Баева А.П. (АГУ, Майкоп)
Бедерханова В.П., д-р пед. наук, проф. (КубГУ, Краснодар)
Биличенко Е.Н. (КубГУ, Краснодар)
Бондарев П.Б., канд. филос. наук, доцент (КубГУ, Краснодар)
Бочкарев Л.Л., д-р психол. наук, проф. (АГТУ, Астрахань)
Вартанянц С.Г. (КубГУ, Краснодар)
Верстов В.В., канд. юр. наук, доцент (КУ МВД РФ, Краснодар)
Верстова М.В., канд. психол. наук (КубГУ, Краснодар)
Голицына И.А., канд. психол. наук, доцент (филиал ВУНЦ ВВС «ВВА», Ярославль)
Горская Г.Б., д-р психол. наук, проф. (КГУФКСиТ, Краснодар)
Гришина Н.В., д-р психол. наук, проф. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
Грищенко М.В., канд. юр. наук (НУГЗ, Харьков, Украина)
Грушко Н.В., канд. психол. наук, доцент (ОГУ, Омск)
Губарева А.А. (ИЭиУМиСС, Краснодар)
Гусейнов А.Ш., канд. психол. наук, доцент (КГУФКСиТ, Краснодар)
Демин А.Н., д-р психол. наук, проф. (КубГУ, Краснодар)
Дёмина И.В., канд. филос. наук (КубГУ, Краснодар)
Зайнулина Ю.И. (Уфа)
Землянская Е.В., д-р психол. наук, проф. (ХНУВД, Харьков, Украина)
Знаков В.В. д-р психол. наук, проф. (ИП РАН, Москва)
Кавун Л.В. (НГТУ, Новосибирск)
Карпова Н.Л., д-р психол. наук, проф. (ПИ РАО, Москва)
Клементьева М.В., канд. психол. наук, доцент (Тульский ГУ, Тула)
Ковалева Н.В., канд. психол. наук, доцент (АГУ, Майкоп)
Колокольцева Т.М. (КубГУ, Краснодар)
Косивченко Е.И. (КубГУ, Краснодар)
Кочерова Н.С. (АГУ, Майкоп)
Крюкова Т.Л., д-р психол. наук, проф. (Костромской ГУ, Кострома)
Куприна О.А., канд. психол. наук, доцент (МЭСИ, Москва)
Курочкина В.Е., канд. психол. наук, доцент (ИЭиУМиСС, Краснодар)
Кустов А.И., канд. техн. наук, доцент (ВГПУ, Воронеж)
Куфтяк Е.В., д-р психол. наук, доц. (Костромской ГУ, Кострома)
Лабунская В.А., д-р психол. наук, проф. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Левченко А.В., канд. психол. наук, доцент (ИЭиУМиСС, Краснодар)
Литвиненко Т.Н. (КубГУ, Краснодар)
Литвинова О.Ю. (КубГУ, Краснодар)
Логинова Н.А., д-р психол. наук, проф. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
Лопухова О.Г., канд. психол. наук, доцент (Казанский ФУ, Казань)
Макаревская Ю.Э., канд. психол. наук, доцент (Сочинский ГУ, Сочи)
Макаренко Ю.Б. (филиал КУ МВД РФ, Новороссийск)
Мальчинский Ф.В., канд. психол. наук (филиал ВУНЦ ВВС «ВВА», Краснодар)
Машошина А.А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
Меньшикова Л.В., д-р психол. наук, проф. (НГГУ, Новосибирск)
Мерцева О.Н. (КубГУ, Краснодар)
Некрасов С.Д., канд. психол. наук, проф. (КубГУ, Краснодар)
Некрасова Е.В., д-р психол. наук, доц. (АГПА, Барнаул)

Нерсесян Э.А. (Сочинский ГУ, Сочи)
Ожигова Л.Н., д-р психол. наук, проф. (КубГУ, Краснодар)
Перелыгина Л.А., д-р биол. наук, проф. (НУГЗ, Харьков, Украина)
Приходько Ю.А., канд. психол. наук, доц. (НУГЗ, Харьков, Украина)
Прохоров А.О., д-р психол. наук, проф. (Казанский ФУ, Казань)
Разорина Л.М., канд. психол. наук (Сыктывкарский ГУ, Сыктывкар)
Рондова К.В. (КрасГМУ, Красноярск)
Рябикина З.И., д-р психол. наук, проф. (КубГУ, Краснодар)
Сапогова Е.Е. д-р психол. наук, проф. (Тульский ГУ, Тула)
Сапогова И.А. (КубГУ, Краснодар)
Светличная Н.А. (НУГЗ, Харьков, Украина)
Сельмидис Л.Ф. (АГУ, Майкоп)
Сергеева Т.С. (Педагогический колледж № 18, Москва)
Силина О.В. (Школа-гимназия «Виктория», Москва)
Скрипкина Т.П., д-р психол. наук, проф. (УРАО, Москва)
Старкова Е.В. канд. психол. наук (Сельскохозяйственный колледж, Краснодар)
Танасов Г.Г., канд. психол. наук, доцент (КубГУ, Краснодар)
Тесля С.Н., д-р филос. наук, проф. (Сочинский ГУ, Сочи)
Тучина О.Р., канд. психол. наук (КубГТУ, Краснодар)
Тхагалижокова Л.В. (КубГУ, Краснодар)
Удачина П.Ю., канд. психол. наук (КубГУ, Краснодар)
Уколова Е.М. (НИУ «Высшая школа экономики», Москва)
Улько Е.В., канд. психол. наук, доцент (КубГУ, Краснодар)
Фанталова Е.Б., канд. психол. наук, доцент (МЭСИ, Москва)
Флоровский С.Ю., канд. психол. наук, доцент (КубГУ, Краснодар)
Фоменко Г.Ю., д-р психол. наук, проф. (КубГУ, Краснодар)
Хачатурова М.Р. (МЭСИ, Москва)
Цергой Т.А., канд. психол. нак, доцент (АГУ, Майкоп)
Цопа С.А. (КубГУ, Краснодар)
Чекалина А.А., канд. психол. наук, доцент (МГПУ, Москва)
Чепелева Л.М., канд. психол. наук, доцент (КубГУ, Краснодар)
Чернобровкина С.В., канд. психол. наук, доцент (ОГУ, Омск)
Шамионов Р.М., д-р психол. наук, проф. (СаратовскийГУ, Саратов)
Шахова Е.М. (КубГУ, Краснодар)
Шебанец Е.Ю. (АГУ, Майкоп)
Шиповская В.В., канд. психол. наук, доцент (ИЭиУМиСС, Краснодар)
Шлыкова Ю.Б., канд. психол. наук, доцент (КубГУ, Краснодар)
Шуванов И.Б., канд. психол. наук, доцент (Сочинский ГУ, Сочи)
Шумский В.Б., канд. психол. наук, доцент (НИУ «Высшая школа экономики», Москва)
Ясько Б.А., д-р психол. наук, проф. (КубГУ, Краснодар)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ **5**

Бедерханова В.П. Разновозрастная со-бытийная общность: возможности и проблемы 5
Горская Г.Б. Со-бытие в конкурентной среде как фактор социализации личности 9
Гришина Н.В. Интерпретация ситуаций: от повседневности к событийности 10
Дёмина И.В. Историко-философский аспект в проблеме со-бытия личности 12
Знаков В.В. Понимание субъектом фактов, событий и ситуаций в трех реальностях человеческого бытия 14
Карпова Н.Л. Чтение как со-бытие 19
Кимберг А.Н. Событие и со-бытие: как работаем с понятиями? 21
Клементьева М.В. Рефлексия как ресурс развития личности 23
Крюкова Т.Л. Совладание с одиночеством через его когнитивную оценку 25
Лабунская В.А. Феномен оценки и удовлетворенности внешним обликом в пространстве взаимоотношений «приятель-неприятель» 27
Логинова Н.А., Бочкарев Л.Л. Индивидуальность в пространстве со-бытия 29
Лопухова О.Г. Субъектность в развитии гендерных образований личности 31
Некрасова Е.В. Ответственное саморазвитие – способ свободного творческого жизнеосуществления 33
Ожигова Л.Н., Сапогова И.А. Реализация гендерной идентичности личности в организации семейного со-бытия 34
Прохоров А.О. Образ психического состояния субъекта: теоретическая модель и эмпирические результаты 40
Разорина Л.М. Теоретико-методологические основы исследования со-бытия личности в российской психологии 42
Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к личности как основание для интерпретации ее со-бытия 46
Сапогова Е.Е. От со-бытия к я-бытию: модель уровневой структуры автобиографирования 50
Скрипкина Т.П. Концепция общества рисков и задачи социальной психологии 52
Тучина О.Р. Ценностностная структура личности и самоинтерпретация 53
Улько Е.В. Субъектность личности в контексте взаимоотношений с другими 57
Фанталова Е.Б., Куприна О.А. О значении диссоциации «ценность-доступность» в структуре личностного простанства 60
Фоменко Г.Ю. Трансформация идентичности личности в аспекте веры и религии 62
Шамионов Р.М. Со-бытие с другими как сфера социализации личности 66
Шумский В.Б. Экзистенциальная персонология «Я»: проблемы и перспективы 69

2. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СО-БЫТИЙНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ **74**

Альперович В.Д. Изменения представлений женщин о враге в связи с жизненными событиями 74
Баева А.П., Цергой Т.А. Толерантность студентов как основа их социально– психологической безопасности 76

Верстова М. В., Верстов В.В. Правовая социализация личности под воздействием СМИ .. 80
Голицына И.А. Воспитание толерантности в образовательном процессе военного учебного заведения 82
Гусейнов А.Ш. Предпосылки возникновения протеста в онтогенезе 84
Землянская Е.В., Грищенко М.В. Особенности самоактуализации руководителей ОВД среднего звена 86
Ковалева Н.В., Кочерова Н.С. Предупреждение вовлечения подростков в деятельность экстремистских группировок в со-бытийном образовательном пространстве школы 89
Мальчинский Ф.В., Некрасов С.Д. Проблемы исследований со-бытия курсантов военных вузов 92
Меньшикова Л.В., Кавун Л.В. Децентрация как психологический механизм толерантности в контексте проблемы со-бытийности 95
Некрасов С.Д. Адаптивность и агрессивность как психологические факторы безопасности со-бытия курсанта 97
Перелыгина Л.А. К проблеме психологической безопасности личности 99
Приходько Ю.А., Афанасьева Н.Э. Проблема сохранения психического здоровья как фактор психологической безопасности спасателей 101
Светличная Н.А. Особенности профессионального здоровья сотрудников МЧС 104
Старкова Е.В. Формирование толерантной позиции городской и сельской молодежи в процессе со-бытия 106
Тесля С.Н., Шуванов И.Б. Соотношение психологической модели субъектности и психологической модели безопасности социального субъекта 108
Хачатурова М.Р. Гендерный аспект поведения личности в конфликте 112

3. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СО-БЫТИЯ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СО-БЫТИЙНОСТИ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ 115

Губарева А.А., Левченко А.В. Взаимосвязь психосоматического заболевания ребёнка и отношений в его семье 115
Колокольцева Т.М., Шлыкова Ю.Б. Анализ автобиографических воспоминаний в спружеских парах 118
Косивченко Е.И. Стратегии самопредъявления и проблема приватности личности в виртуальном пространстве ее со-бытия 120
Курочкина В.Е. Индивидуально-типологические особенности жен и мужей в психологически совместимых и несовместимых супружеских парах 124
Куфтяк Е.В. Механизмы регуляции в семье в аспекте со-бытийности 127
Литвиненко Т.Н. Творческая активность личности и внутриличностная экология в со-бытии 128
Машошина А.А. Формирование творческого отношения к жизни 131
Мерцева О.Н. Феномен нарушения приватности молодой семьи 133
Силина О.В. Со-бытие как проблема формирования психологических границ у детей 2 – 10 лет 137
Удачина П.Ю. Организация времени матерью в ситуации со-бытия с маленьким ребенком 141
Шахова Е.М. Гендерные особенности воспоминаний о ситуациях успеха на разных возрастных этапах 144
Шебанец Е.Ю., Сельмидис Л.Ф.Объективные и личностные факторы субъективного благополучия женщин, имеющих детей-инвалидов с церебральным параличом 146
Шиповская В.В. Формирование копинг стратегий в сложной ситуации беременности 148

4. ПРОБЛЕМЫ СО-БЫТИЙНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 151

Бондарев П.Б. Методологический аспект инновационного проектирования социокультурной и образовательной реальности в со-бытийном пространстве взаимодействия ее субъектов 151

Грушко Н.В., Чернобровкина С.В. Взаимосвязь социально-психологической адаптации с креативностью студентов колледжей творческих и технических специальностей 153

Кустов А.И. Образовательное пространство и проблемы личности в нем..... 155

Рондова К.В. Представление о смысле жизни среди студентов КрасГМУ..... 157

Сергеева Т.С., Чекалина А.А. Гендерные особенности педагогического профессионального сообщества 159

Удачина П.Ю., Цопа С.А. Жизненная перспектива детей-сирот и их социальная адаптация 163

Уколова Е.М. Проблемы личности в образовательном пространстве: педагогические возможности экзистенциальной антропологии 166

Чепелева Л.М. Развитие профессиональной готовности будущих специалистов по профилактике и коррекции девиантного поведения в со-бытийном пространстве вуза 166

5. ПРОБЛЕМЫ СО-БЫТИЙНОСТИ В ПРОФЕССОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ.....175

Биличенко Е.Н. Самоактуалиазция и самоотношение личности женщины в профессиях артономического типа..... 175

Вартанянц С.Г. Взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей личности менеджера и уровня доверия к нему в трудовом коллективе 175

Демин А.Н. Биографические стандарты занятости в постсоветский период..... 180

Зайнулина Ю.И. Субъективные аспекты социализации личности как фактор эффективной профессиональной деятельности сельского учителя 181

Макаревская Ю.Э., Нерсесян Э.А. Символическая модель профессионального пути личности при низкой удовлетворенности выбором профессии 183

Макаренко Ю.Б. Биографические ресурсы профессионального самоопределения личности 187

Некрасов С.Д. Субъектные свойства преподавателей медицинских вузов 187

Танасов Г.Г. Влияние переговорного опыта на поведение, понимание и переживания женщин в переговорах..... 193

Тхагалижокова Л.В. Основные критерии (описательные характеристики) эталона личности профессионала 196

Флоровский С.Ю. К проблеме социально-психологических закономерностей и механизмов со-бытийности в управленческих коллективах и командах 108

Фоменко Г.Ю., Литвинова О.Ю. Модусы бытия как показатель профессиональной аутентичности личности..... 201

Ясько Б.А. Психологическая специфика труда в системе здравоохранения 204

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 208

Научное издание

ЛИЧНОСТЬ И БЫТИЕ:
ПРОБЛЕМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СО-БЫТИЙНОСТИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
Краснодар – Сочи, 27–29 сентября 2012 г.

Публикуется в авторской редакции.

Подписано в печать 11.09.2012. Формат 60x84 1/8.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 26,7. Усл. печ. л. 20,8. Тираж 500 экз. Заказ №

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.